

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходящъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 53.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-спавкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Іюля 2 дня, 1852 года.

Садовникъ, яблоко опивъ у обзьяны,
Вскричалъ: «опо мое!» — И топчасъ раскусилъ.
«Неправда, а мое! Вы сильны, шакъ и рьяны!»
Изъ яблока ему червь бѣдный возразилъ.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПОНЯТІЯ ТУРОКЪ О ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

Въ смѣси № 45-го *Молвы* напечатано: «кто бы повѣрилъ, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, что въ Константинополѣ будетъ выходить одна изъ самыхъ либеральныхъ газетъ въ Европѣ? И однако увѣряють, что *Moniteur turque* почно таковъ.»

Что безпечное и непредусмотрительное Турецкое правительствѣ позволяетъ раздувать вредныя спраси, проповѣдывать прѣвила разрушительныя, не унимаеть издапеля-головорѣза: это ни чупъ не забавно.

Радуйтесь лучше распротраненію въ Турціи истиннаго просвѣщенія, что доказываепся терпимостью вѣръ, полезными преобразованіями, уравненіемъ правъ Христіанъ съ Магомеданами, переводомъ на Турецкій языкъ книгъ полезныхъ.

А по не далѣе, какъ за десять лѣтъ предъ симъ самые Визиря ихъ, Паши, Сераскиры были закоснѣлыми невѣждами.

Вопъ каковы были ихъ понятія о Европейскихъ государствахъ:

«Нѣмецкіе язычники, иначе называемые Австрийцами. Они наши ближайше сосѣди; доставляютъ намъ сукно, спаль и спекло. Ихъ *Ильыратуръ*, по естѣ, Сулпанъ, гордипся своимъ происхожденіемъ опъ одного изъ древнѣйшихъ невѣрныхъ родовъ, и присылаептъ къ намъ своего посла, съ пѣмъ, чпобъ мы его кормили и одѣвали. Эпи *Немсе* народъ по истинѣ добрый, прубкокуривый, безвредный; мы имъ неоднократно мяли коспи, и ходили войною подъ ихъ столицу.

Русскіе невѣрные (*Московъ Глуру*) самое нечиспое и опасное племя. Они опняли у насъ Очаковъ, Крымъ и многія другія обласпи, выжали намъ мозгъ изъ коспей.

Трандавуль Глуру, (*Бранденбургъ*) называемые также *Пуруссіе*. Посоль ихъ живептъ въ Буюкъ-дерѣ; но Аллахъ вѣспъ, что онъ памъ дѣлаептъ, и зачѣмъ сюда пріѣзжаептъ. Мы не знаептъ даже, гдѣ ихъ государствѣ.

Естѣ еще на сѣверѣ два поколѣнія невѣрныхъ, именуемыя *Шиведъ* и *Данемарка*, коихъ послы часпѣ пріѣзжаютъ бипъ челомъ на порогъ Серала, но только для пого, чпобъ получаптъ опъ насъ жалованныя кафпаны. *Даньмарка* (Данія) мы не знаептъ, чпѣ за городъ.

Касапельно же *Шиведъ* (Шведовъ): по мы познакомились съ ними по случаю Короля ихъ *Карлоса*, который бѣжалъ въ Турцію отъ сабля-Московского Царя *Дели Петруна* (Петра Великаго). Иначе мы не зналибъ и о ихъ сущестпованіи.

Филеменъ Гяуру или Голландцы. Между Франками они по же, что въ нашихъ справахъ Армяне; исключительпо заняпы торговлею, и, кромѣ денегъ, ничего не понижаютъ.

Еще одно поколѣніе, называемое *Инглизъ* (Англичане): народъ самый дивный и непостижимый. Инглизы живутъ на оспрову, спрятъ прекрасные корабли, дѣлаютъ опмѣнные часы, перочинные ножки, сукно и многія другія хипроспы и шпукки, но, опносительпо къ государспвенному управленію, они споятъ ниже Тапаръ и Курдовъ. Ихъ Король не смѣетъ даже выколопипъ своего Визиря палками, ни испребипъ его рода и семейспва, ни даже описатъ на себя его имѣніа. Это сущая безладща, а не правительспво.

Кромѣ вышеупомянутыхъ земель въ *Авруль* (Европѣ), есть на югѣ при дома невѣрія: *Испаньоль* (Испанцы), *Португизъ* (Португалцы) и *Тальянъ* (Ипаліанцы). Но это племена ничпожные.

(Извлечено.)

Да не подумаютъ чипапели, будто это выдумано для шого, чтобъ пошпынатъ надъ бѣдными Оппоманами: совсѣмъ нѣтъ. Тутъ еще преувеличены ихъ географическіа свѣдѣнія.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СЧАСТЛИВАЯ ВСТРѢЧА.

Что можетъ быть восхищительнѣе вечерней картины Палермо, при шумѣ морскихъ волнъ, послѣ знойнаго лѣпняго дня, посреди пылкаго и дѣятельнаго народа, который въ тысячу крапъ оригинальнѣе и извѣстнѣе мнѣ классической касты Неаполитанскихъ Аббаповъ, придворныхъ и лазарони. Благодаря романамъ и театральнымъ предспавленіямъ, Не-

аполь слишкомъ успарѣлъ въ глазахъ моихъ: онъ потерялъ для меня цѣну; его небо и море не имѣютъ уже очарованія. Напротивъ, Сициліа имѣетъ всю прелестъ новостп; она носитъ на себя оппечапокъ Аравіи и Испаніи. Передъ вами возвышаются Срацинскія пвердыни; у оконъ домовъ и на набережныхъ вы видите Испанскіе костюмы. Всѣ это кажется Китайскими пѣнями! Какой благословенный климатъ! Воздухъ распворенъ душистыми испареніями; вдали слышны пѣсни папсуховъ, которые заключаютъ въ себя что-то дикое и вмѣстѣ нѣжное! Вы воображаете себя посреди цвѣтничковъ; куда ни обратипесь, взоръ вашъ вспрѣчаетъ обломки мрамора и оспатки храмовъ. Прибавьте къ тому спранное сближеніе протспвуположностей: бѣдность и богатспво дворянспва; прелестныхъ, подобно древнимъ Спразуянкамъ, женщпнъ, одѣтыхъ такъ почно, какъ онѣ одѣвались за сорокъ лѣтъ; полспаго монаха посреди толпы пѣвцовъ и гуляющихъ, который подноситъ вамъ черныи кресъ съ мерпвою головою, и съ улыбкою проситъ у васъ подавнія, безпрестанно поверпывая передъ вами свою урну; ппхо движущіеся по Палермской набережной (Marina) экипажи, заняпые Аббапами, которые дарятъ прохожихъ улыбками, опахпваются перьями, опрыскпваются духами, курятъ табакъ и пьютъ шербетъ. Рядомъ съ Аббапами вы увидите вельможъ, подавляемыхъ своею знатностью и помпмыхъ скукою, опживающихъ славу предковъ своихъ посреди неизвѣспности и бѣдности. Одни изъ нихъ предаются благочестію, другіе разврату, а пные искусствамъ. Я зналъ одного Палермскаго вельможу, который разорился отъ произведеній ваянія особеннаго рода; онъ заказывалъ себѣ мраморныа бупылки вышнюю въ прпдцатъ футовъ, огромныа шашки, коши уставленъ былъ обширный дворъ его черпотовъ; у него былъ полщпнель велщною съ Апланпа, изъ агата и опкса; посреди парка его возвышался шуповской жезлъ чернаго дерева въ видѣ пирамиды. Всѣ сіи спранныа запѣи спобили всего имѣніа Князю N., который умеръ въ богадѣльнѣ. Вотъ слѣспвіа праздности, соединенной съ глупостью и богатспвомъ!

Вы, владѣющіе даромъ описывать живыми красками природу, представьте намъ картину движенія на набережной Палермо, эпопѣ шумъ тамошняго народа, для котораго чувство жизни есть уже наслажденіе, эппи взаимныя привѣтспвія, мѣняемыя съ ловкостію сидящими въ экипажахъ, и звонъ колокола на крѣпости св. Ангела, раздающійся подъ сводомъ прекраснаго неба, коего темная лазурь переливается въ изумрудъ: картина самая прекрасная и обворожительная! Немногіе удивлялись ей и рѣдко она была описана. Путешествіе въ Римъ и Неаполь сдѣлалось обыкновеннымъ; одна только Сицилія еще не вошла въ моду.

Я восхищался симъ зрѣлищемъ, и чптобы лучше насладиться онымъ, я смотрѣлъ облокопясь на низкіе перилы, украшенные пиластрами Арабской архипектуры, и проспекирующіеся вдоль морскаго берега; здѣсь упомянутые продолжительною прогулкою могутъ отдохнуть на длинной и удобной мраморной скамьѣ, истертой опъ времени. Я сѣлъ на сію скамью. Въперокъ съ моря развѣвалъ мои волосы; живая картина двигалась передо мною.

Одинъ Капуцинскій монахъ съ длинною бородою сѣлъ подлѣ меня; на лицѣ его видны были слѣды спраданія; обхождение его было просто и вовсе не показывало излишняго смиренія, свойственнаго его званію. Онъ былъ лѣтъ пятидесяти и казался болѣе заслуженнымъ воиномъ. Въ его физиогноміи ничего не было Сицилійскаго. Мѣсто обыкновенной живости, въ ней изображалась холодность, твердость, самоотверженіе. Вы вѣрно встрѣчали лица, которые съ перваго взгляда внушаютъ довѣренность; не правда ли, чпто мы иногда невольно принимаемъ участіе въ челоуѣкѣ, все намъ незнакомомъ? Не красота влечетъ насъ къ нему; мы говоримъ сами себѣ: «онъ спрадалъ и на лицѣ его оспались слѣды спраданій; у него не желѣзное сердце, не каменная душа; онъ существо слабое и чувствительное; онъ выдержалъ сильную борьбу. И онъ усполялъ пропить рока; какая-то симпатія сблизжаетъ насъ; мы хопимъ собственнымъ чувствомъ измѣрить пучину его бѣдспвій. Рокъ избралъ его въ жертвы; онъ былъ предметомъ его гоненія и аплетомъ.»

Желая завести разговоръ съ своимъ соседомъ, я спросилъ у него: копорый часъ? Онъ посмотрѣлъ на меня приспально, вѣрояпно опгадавъ по произношенію моему, чпто я иноспранецъ, и отвѣчалъ мнѣ по Англійски:

«Восемь часовъ.»

Попомъ онъ вспалъ и удалился.

Я зналъ по Англійски; судя по его выговору, нельзя было обмануться, чпто онъ природный Англичанинъ. Но какъ зайти Англичанину въ Палермо? Еще спраннѣе было видѣть его въ Сициліи и въ Капуцинскомъ плащѣ. Тутъ скрывалась тайна, копорую мнѣ хотѣлось узнать. На другой день я прихожу на прежнее мѣсто, надѣясь съ нимъ встрѣпиться; въ самомъ дѣлѣ онъ былъ тамъ. Въ слѣдующіе дни та же встрѣча. Мало по малу онъ сдѣлался обходительнѣе; я говорилъ съ нимъ по Англійски; это приобрѣло мнѣ его довѣренность. Онъ видѣлъ, чпто я ищу его знакомства и спарался предупредить меня. Онъ былъ челоуѣкъ образованный и довольно зналъ свѣтъ и людей; чрезъ двѣ недѣли послѣ первой нашей встрѣчи, онъ разсказалъ мнѣ исторію своей жизни.

Ничто не можетъ быть прогательнѣе истинной скорби спрадальца, копорый въ лицѣ своемъ соединялъ спрогого судію и преспуника. Голосъ монаха былъ твердъ; на глазахъ его не видно было слезъ; но это спокойствіе дорого ему стоило. Онъ разсказалъ исторію своего несчастія, подобно храброму воину, повѣспвующему о сраженіи, въ копоромъ онъ потерялъ руку или ногу. Прежде, нежели онъ началъ свой разсказъ, я спросилъ его, съ копорого времени носятъ онъ эту одежду.

«Не судите по ней обо мнѣ. Вы меня не узнаете тогда, отвѣчалъ онъ. Я избралъ монашескую мѣспомъ спокойствія и уединенія, а эту одежду щитомъ опъ жизни и ея превратностей; я не принадлежу къ ордену св. Франциска. Здѣшніе монахи, копорыхъ сполько порицаютъ, опличаются рѣдкою терпимостью; они позволяютъ мнѣ носить одинакую съ ними одежду, веспи одинакій образъ жизни, нимало не вмѣщиваясь въ мои понятія о вѣрѣ; они любятъ меня, хопя я и протестантъ. Не удивляйтесь этому: наши философы, Французскіе и Англійскіе, не знаютъ

того, что въ монастыряхъ Испанскихъ и Испанскихъ вы найдете отличное просвѣщеніе и разсудительность. Никогда братья обители нашей не надѣдали мнѣ спорами; я веду между ими спокойную жизнь.»

На семь послѣднемъ словъ онъ остановился; онъ не смѣлъ назвать себя *счастливымъ*. На челѣ его изобразилось мрачное уныніе. Нѣсколько минулъ онъ молчалъ, опершись на руку бритою головою; потомъ началъ:

«Я родомъ изъ Графства Герфордскаго. Когда армія наша возвращалась изъ Александріи, транспортное судно, на которомъ я находился съ нѣсколькими другими Офицерами, потребовало починки, почему мы зашли въ Мессинскую гавань. Измученные безчисленными неудобствами восточнаго образа жизни, отвратительными квартирами въ Каиро и продолжительнымъ плаваніемъ, мы вступили въ лазаретъ; онъ показался намъ весьма покойнымъ и удобнымъ. Вы знаете, что такое лазаретъ? грязный дворъ, съ кладбищемъ въ срединѣ оного. Отдѣленный отъ общества, безъ всякаго сообщенія съ людьми, больной не имѣетъ здѣсь другаго утѣшенія, кромѣ надежды скорѣе изъ него выйти. Товарищи мои не скучали своимъ положеніемъ; получаемые нами Англійскіе журналы доставляли пищу ихъ любопытству и веселости. Они жили прихвѣваячи; я былъ печаленъ, не зная отъ чего. Какое-то предчувствіе тяготило меня. Въ журналѣ ничего не упоминалось о моемъ семействѣ и друзьяхъ; лѣтніки ихъ также были для меня пусты, какъ это море съ своими гладкими волнами, какъ желтыя и печальныя снѣжны, меня окружавшія. Товарищи мои спарались развеселить меня; я не зналъ, что имъ отвѣчать. Наконецъ карантинъ нашъ кончился.

«Вамъ извѣстно, безъ сомнѣнія, устройство Мессинскихъ театровъ: они походять на спойла, гдѣ каждый находитъ себѣ мѣсто, какое случится, такъ, что вы должны быть иногда отдѣлены отъ своихъ товарищей премія или четырьмя рядами слушателей. Тоже случилось со мною въ день моего выхода изъ лазарета. Всѣ ложи были заняты; мы вошли въ партеръ и принуждены были сидѣть на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Во

время антрактовъ, нѣсколько Сидѣльцевъ, сидѣвшихъ подлѣ меня, вышло вонъ, и мѣста ихъ заняты были другими Англійскими Офицерами, вошедшими вмѣстѣ съ молодымъ Англичаниномъ въ парпукулярномъ платьѣ. Они говорили очень громко, и изъ разговоровъ ихъ узналъ я, что бывший съ ними молодой человекъ только что прибылъ въ Мессину на пакетботѣ.

«Это былъ человекъ средняго роста, съ голубыми, неподвижными глазами, съ пронзательнымъ или болѣе наглымъ взоромъ: насмѣшливый образчикъ Англичанина новой школы. Эта секта, только что образовалась въ то время; въ Каиро и Александріи я не имѣлъ случая узнать еѣ: вы можете себѣ представить съ какимъ любопытствомъ я разсматривалъ и слушалъ его. Изъ словъ Офицера, къ которому онъ обращался, и съ которымъ онъ былъ, по видимому, очень коротокъ, я узналъ, что они воспитывались въ Эпонскомъ училищѣ. Шейной платокъ у новоприѣзжаго былъ такъ крѣпко заплунуть, лице его подернулось такимъ красивымъ шафраннымъ цвѣтомъ, глупый разговоръ такъ забавно пропозировалъ принужденной важности лица, что я совсѣмъ забылъ спектакль и занимался имъ однимъ.

— «Послѣ нашихъ Эпонскихъ проказъ, говорилъ онъ своему поварищу, со мною случилось много переменъ. Вы можете по пальцамъ перечислить видѣнные вами города и сраженія, въ которыхъ вы отличились: всё это прекрасно и дѣлаетъ вамъ честь; за то я могу вамъ похвастаться, сколько загонялъ я лошадей на охотѣ, и сколько несчастныхъ мужей осыпаю я меня проклятіями. Прошу не прогнѣваться, если эпитетъ списокъ покажется вамъ слишкомъ длиннымъ. Послѣдній подвигъ мой въ этомъ родѣ надѣлалъ сколько шума, что я принужденъ былъ удалиться въ Мессину и долженъ теперь видѣть эпитетъ несносный спектакль. Дѣло шло о прекрасной замужней дамѣ, которая въ кокетствѣ превзошла всѣхъ Француженокъ и Испанокъ. Разумѣется, что я не назову еѣ изъ скромности. Мы должны были веселиться очень оспорожно; но не смотря на всѣ уловки, мы были открыты. Хозяйка постоялаго двора на Батской дорогѣ, за которую мнѣ вздумалъ

лось тогда приволокнуться, обнаружила нашу преступную связь и хотѣла разгласить о ней. Это могло кончиться дурно: у дамы моей есть родственники, люди спрогис; а вы знаете, какой тяжкій шпрафъ положень у насъ за любовныя шалости. Хозяйкъ поспоялаго двора я заткнулъ ротъ золопомъ, а самъ на мѣрень пробылъ нѣсколько времени въ Мессинѣ, пока отсутствіе мое не возвратило добраго имени моей любезной.»—

«Разговоръ сей сначала не произвелъ во мнѣ никакаго впечатлѣнія.—Мнѣ бросились въ глаза только двѣ вещи: безспыдство молодого франца и развращеніе сердца его возлюбленной. Я отправился домой. Войдя въ свою квартиру, я нашелъ на столѣ пакетъ съ письмами и журналами. Я узналъ почеркъ жены моей и поспѣшилъ распечатать письмо. Мы связаны были съ моею *Маріею* нѣжнѣйшими узами: нельзя пипать живѣйшей привязанности къ любовницѣ, супругъ, сеспрѣ, какую я пипалъ къ ней. Письмо ея было оппечаткомъ непорочной души ея. Съ тѣхъ поръ, какъ *Марія* сдѣлалась моей женою, я не видѣлъ опъ ней ни малѣйшаго огорченія. Бывъ молодою дѣвцею, воспитанною въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ опъ столицъ Графствъ въ Англіи, принадлежа къ знатнѣйшей фамиліи, она соединяла въ себѣ всѣ прелести и достоинства, отличныя дѣвцамъ высокаго происхожденія.»

Капучинъ вспаль; солнце склонялось къ западу, мы направили шаги къ его обители. Онъ ввѣлъ меня въ свою келью, и когда сумракъ, постепенно сгущаясь, скрывалъ всѣ предметы, онъ продолжалъ слѣдующее:

«Жена моя упомянула въ письмѣ своемъ о повѣздѣ въ Бапъ и о скоромъ возвращеніи опшуда въ Лондонъ, по причинѣ болѣзни ея маперы. Въ сихъ прогательныхъ спрокахъ мнѣ открывалась Ангельская душа ея, и я вполне наслаждался счастіемъ, имѣя такую жену; какъ вдругъ протянувъ руку къ журналамъ, я почувствовалъ какое-то волненіе. Слово Бапъ; которое такъ часто повпорялъ молодой повѣса въ своихъ разговорахъ, находилось и въ письмѣ жены моей; это сближеніе привело меня въ невольный ужасъ. Нельзя называть эпого сомнѣніемъ, или подозрѣніемъ,

нѣтъ, это былъ какой-то неопредѣленный, печальный и далекій свѣтъ. Тоска ревности сжала мнѣ сердце, и я трепеталъ какъ листъ. Я перебиралъ въ мысляхъ всю прошедшую жизнь своей жены, ея спрогосъ въ исполненіи своихъ обязанностей, ея безхипростную и опкрытую привязанность ко мнѣ и дѣпямъ; я долженъ былъ упрекать себя въ несправедливости; но я не могъ разсѣять своего безпокойства. Мнѣ казалось, что какой-то злой духъ находился между ея добродѣтелями и моею увѣренностию, и старался затмить первыя, распростирая вокругъ меня глубокий мракъ.

«Мною овладѣло горькое и фдкое чувство, подобное угрызенію. Наконецъ я успокоился, и снова зажегши лампу, загашенную въпротъ, принялся за связку журналовъ, на которые прежде не обращалъ вниманія.

«Пробѣжавъ слегка нѣсколько политическихъ и липературныхъ статей, я принялся за смѣсь, гдѣ подъ заглавіемъ: *городскихъ и придворныхъ слуховъ*, помѣщаются безъ разбора всѣ соблазнительныя исторіи, случающіяся въ госпниныхъ и въ госпниницахъ. Я съ изумленіемъ остановился на слѣдующей статьѣ, и вы не можете себѣ представить, съ какимъ мучительнымъ безпокойствомъ переписывалъ я сіи спроки:

«Дѣпская любовь молодой и прекрасной Г-жи Ос... сдѣлалась пеперь общимъ предметомъ разговоровъ. Эта любовь заспавила еѣ разспаться вдругъ со всѣми удовольствіями г. Бапа и поспѣшила къ больной своей маперы. Говорятъ, что доброе имя дочери виспшъ также на волоскѣ, какъ и жизнь маминьки.»

«Журналъ выпалъ изъ рукъ моихъ. Моя фамилія *Оскрей*. Начальныя буквы, напечатанныя въ журналѣ, какъ-будто нарочно были подобраны, чтобы увѣрить меня, что дѣло идетъ о моей женѣ.

«Если бы грудь моя вдругъ поражена была двадцатью пулями: по спраданія мои не превышали бы настоящихъ. Эти спроки журнала придали моимъ подозрѣніямъ смертельную оправу и ужасную вѣроятность. Я не въ сплахъ описать тогдашнее мое положеніе; вре-

мя уходило; на башнѣ ближняго монастыря пробило четьре. Я взялъ машинально другой номеръ газеты и въ смѣси нахожу слѣдующее извѣстіе:

«Соблазнительные и обидные слухи на счетъ Леди О и ея фамиліи, оказались ложными и совершенно опровергнуты особами, заслуживающими полное вѣроятіе.»

«Я разсуждалъ долго о сихъ словахъ; они казались мнѣ слабымъ свидѣтельствомъ невинности оскорбленной дамы; я болѣе видѣлъ въ нихъ одну только хитрую уловку и неоспоримое доказательство поперлнной уже чести. Припомъ молодой повѣса не повторялъ ли нѣсколько разъ, что любовница его упонченная кокепка, умѣющая скрывать свои проказы, что нельзя бытъ ея притворнѣе, хитрѣе, вѣроломнѣе?—Чѣмъ болѣе предавался я мечтамъ, тѣмъ сильнѣе превожился; я чувствовалъ необыкновенную дрожь. Мучительное положеніе! Поупру я бросился въ постель и обливался слезами. То представлялъ я жену свою Ангеломъ, возбуждившимъ во мнѣ первую любовь, то ненавистнымъ чудовищемъ. Тысячи мыслей въ головѣ моей шѣсничались; я не зналъ, на которой изъ нихъ остановиться; дабы разрѣшить свои сомнѣнія, я не могъ обратиться къ тому, который словами своими лишилъ меня спокойствія. Слово *Батя*, подобно гробовому звуку, опзывалось въ моихъ ушахъ.

«Въ 11 часовъ я вышелъ изъ своей квартиры; не знаю самъ, что влекло меня къ Бендикпинскому монастырю, гдѣ жилъ мой знакомецъ, котораго я узналъ въ бытность мою прежде въ Мессинѣ. Онъ назывался отецъ *Ансельмъ*, и былъ одаренъ рѣдкою проницательностью; онъ совершенно опровергалъ собою общее, хотя смѣшное и несправедливое мнѣніе, будто монастыри служатъ убѣжищемъ невѣжества и праздности.

«Я имѣлъ къ нему большую довѣренность, и онъ, кажется, любилъ меня.

«Я открылъ ему причину своего безпокойства; не упалъ опъ него ни малѣйшей подробности, ни одного происшествія, случившагося со мною въ жизни. Выслушавъ меня спокойно, онъ сказалъ:

— «Спупайте теперь домой; но послѣ сѣсны приходите опять въ монастырь. Можете спаться, я въ состояніи буду тогда подать вамъ нѣкоторыя совѣты.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б Л А Г О Д А Т Н Ы Й М И Г Ъ .

Съ чудесной, дивною прохладой,
Съ неизглаголанной опрадой
На мигъ явилась мнѣ весна,
Но не къ землѣ она слепала:
Мнѣ ароматы навѣвала
Не наша, дальняя страна!
О, какъ я ими услаждался!
Какъ въ счастьѣ, упопалъ я въ нихъ
И слышалъ, какъ съ души смывался,—
Въ чудесный, благодатный мигъ,—
Нагаръ спраспей и мукъ земныхъ!

Ө. Глинка.

П Р О С В Ѣ Т Ъ .

Таинственныхъ судебъ звѣзная звѣзда
Мнѣ новый въ жизни пупъ внезапно озарила
И бурной юности нѣтъ болѣе слѣда.
Исчезла сладкихъ сновъ магическая сила;
Разсѣялся въ душѣ сомнѣній мракъ густой;
Разрушилось мечты моей очарованье
При осіяніи денницы золопой,
И благодатное слѣтѣло упованье
Съ небесъ—уврачевать сердечную печаль,
Которую попка безсмертія смѣнила.
Яснѣ для меня синѣющая даль
И не спрашивъ теперь унылая могла.
Тогда душа, рубежъ перелепя земной,
Какъ Фениксъ въ бытіи чистѣйшемъ возродился,
И, обновленная, ни суешой мірской,
Ни алчной клеветой уже не омрачился.
Пусть время убѣлилъ маспипой сѣдиной
Главу мою, для буръ житейскихъ обпаженну;
Пусть опытъ долгихъ лѣтъ нарушилъ мой покой,

Я сохранию въ душѣ надежду неизмѣнну,
 Единственнѣйшій залогъ другаго бытія,
 И въ грудь, опъ дальнихъ бурь и бѣдъ изнеможенну,
 Прольѣтся свѣтлая спасенія струя!

Н. Баталитъ.

Нижній-Новгородъ.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА ВЪ БАЛАКЛАВѢ.

(17-й Крымскій Советъ Мицкевича.)

Гдѣ-жъ замокъ? предо мной развалины здѣсь громада;
 Защитники твои, неблагодарный Крымъ,
 Торчатъ какъ черепы гиганшовъ; гадъ по нимъ
 Ползешь, или живешь въ нихъ люди, хуже гада.

*

Пошлемъ здѣсь гербовъ; вопъ камень — подпишъ
 зримъ,

Бышь можешь, выпязя по имя—прежде имъ
 Опъ страхъ вселялъ; а днесъ забыто — вопъ награда:
 Оно, какъ червь, листомъ обвилось винограда.

*

Здѣсь украшеня Грекъ на камнѣ высѣкалъ;
 Опсѣлъ сынъ Генуи въ Монголовъ громъ бро-
 салъ;

Здѣсь пѣлъ изъ Мекки гостъ спокойно пѣснь Намаза;

*

А нынѣ вѣтсѣ вранъ развалины надъ грядой:
 Какъ будто гибелью дохнула здѣсь зараза,
 И поднятъ чѣрный флагъ на башнѣ вѣсповой.

Юрій Познанскій.

Кіевъ. 1851.

Л И С И Ц А.

(Басня.)

Одна лисица,
 На всѣ увертки мастерица,
 Хвалила до небесъ
 Тотъ лѣсъ,
 Въ которомъ цѣлый годъ поспимась;
 Но вдругъ она перемѣнилась,
 Ругаетъ безъ пощады всѣхъ,
 И говоритъ, что жить въ лѣсу помъ — грѣхъ;
 А скоро и въ другой переселилась.

Собака у Лисы кумой была,
 И навѣспимъ еѣ пошла;
 О помъ, о сѣмъ поговорила,
 И наконецъ спросила:

Что не по нраву ей у нихъ въ лѣсу,
 И кто обидѣшь смѣлъ оппелъницу-лису?
 «Эхъ, видишь что сесприца;
 Бывало звѣри всѣ меня всѣхъ выше чпущъ,
 Такъ отвѣчала ей Лисица;
 Совѣща попросилъ, всегда ко мнѣ идущъ,
 И мнѣ, по маслица дадушъ,
 То хлѣбца, по шубѣнку,
 И даже мнѣ соорили избѣнку,
 Гдѣ я могла безбѣдно житьъ;
 А нынѣ спали всѣхъ училъ,
 И мнѣ давалъ своихъ избытковъ переспали,
 Меня же осмѣяли;

И я, чтобъ жить на счесть чужой,
 Должна была пуспиться въ лѣсъ другой,
 Гдѣ я пипаюся безбѣдно между брапій.
 О просвѣченіе! достойное прокляпій!
 Завопила Лиса.

Какъ перпяпъ сей разврапъ благія небеса?
 Какъ перпяпъ сихъ нечеспій море;
 Меня пакъ осмѣяпъ, о верхъ жестокихъ золь!
 О, горе вамъ безбожнымъ, горе!
 Одинъ оспался лишь Осель,
 Который сохранилъ межъ вами
 Упрямство древнее съ спаринными ушамц!»

*

Примѣры басни сей видаль я и межъ нами:
 Иной Дервишъ брапипъ за просвѣченъе всѣхъ;
 Но лучше замолчу, а по сочущу за грѣхъ.

М. Демидовъ.

Нижній-Новгородъ.

А Н А Г Р А М М А.

Несчастливый счастливъ мною;
 Я вѣрный пупъ къ покою.
 Возьми-жъ на оборотъ:
 Кто безъ меня — уродъ.

Въ № 52, ноявщенная шарада значить: *Carnaval.*

М О Д Е С.

Aux derniers jours de beau temps, le Bois de Boulogne était suivi, et nous avons pu y remarquer de charmantes toilettes negligées dont nous donnerons le détail.

Dans l'ensemble on trouvait beaucoup de chapeaux de paille de riz. Ces chapeaux, qui se voient en très-grand nombre, sont de la première élégance. Ceux qui sont surtout le plus recherchés ont pour ornement deux branches de marronniers et fort peu de rubans.

Une capote, demi-négligée, d'un goût parfait, était en gros-de Naples rose, doublée entièrement de crêpe blanc; aucun rouleau, aucun biais au bord de la passe. Une calotte étroite, une forme anglaise peu évasée, et de côté une touffe de nœuds de rubans disposée en deux parties. Ce ruban de gaze rose à mille raies satinées blanches, semblait glacé; de même que l'étoffe du chapeau, qui paraissait d'un blanc rosé. Cette charmante capote, dont l'ensemble frais est des plus gracieux, venait des magasins de madame Hocquet.

On rencontre des capotes de paille cousue, grossières, très-grossières, aussi grossières que possible, autant que les chapeaux de glaneuses ou de porteuses d'eau. Eh bien! quelles soient coupées d'une pure forme anglaise, doublées sous la passe de florence couleur paille, une touffe de fleurs des champs, ou une verdure, ou enfin toute autre fleur simple, posée, élevée sur le côté de la tête, et elles seront d'une élégance recherchée. Quelques personnes les portent avec un seul ruban. Mais alors rien ne décèle une fantaisie de goût; elles doivent, au contraire, avoir la fleur extrêmement fine, et un large ruban faisant un nœud simple.

Pl. No 19. Chapeau de paille de riz.—Robe de mousseline à raies grainetées.—Pelerine de blonde.

М О Д Ы.

Будонской лѣсъ былъ весьма посѣщаемъ въ послѣдніе дни хорошей погоды, и мы замѣтили тамъ прелестныя одежды за просто, которыя опишемъ подробно.

Вообще много было басовыхъ шляпокъ. Шляпки сіи, которыхъ вездѣ видно много, оплично щеголеватыхъ. Болѣе другихъ употребляютъ съ

вѣпками каштановаго дерева, и весьма мало оплично ланнныя лентами.

Полу-нарядный капоть, оплично сдѣланный изъ розоваго гроденапля, весь подложенъ былъ бѣлымъ крепомъ: по краю поля никакого руло, ни полоски. Узкая тудля, полъ на Англійскій манеръ, мало опкрыты, а съ боку кусикъ изъ лентъ, раздѣленный на двѣ часпи; ленты газовыя, розовыя съ мелкими бѣлыми апласными полосками, казались двуличневыми, какъ и матерія шляпы, которая казалась розовато-бѣлою. Эпотъ прелестный капоть, вообще чрезвычайно красивый, дѣланъ въ магазинѣ Г-жи *Носquet*.

Видны капоты сшивные соломенные, полстые, весьма полстые, сколько возможно полстые, почно какъ шляпы самыхъ просыхъ женщинъ. Но если они вырѣзаны настоящею Англійскою формою, поля подложены пафшою соломеннаго цвѣта, съ кусикомъ полевыхъ цвѣтовъ, или зелени, или какимъ другимъ просыхъ цвѣткомъ, прищипленнымъ впрямь съ боку, то всегда будунъ оплично щеголеватыхъ. Иныя дамы носятъ ихъ просто съ лентою. Но тогда ничто не означаетъ прихоти моды; они должны, напрошивъ, быть оплично сдѣланы самымъ легкимъ цвѣткомъ и просыхъ бантомъ изъ широкой ленты.

Карш. No 19. Шляпа изъ соломы риса.—Платье съ полосами.—Блондовая пелерина.

С М Ъ С Ь.

(*Выбойчатая газета.*)—Для избѣжанія непомѣрной подапи, наложенной на газетѣ, въ Лондонѣ теперь выходятъ газета, которая печатается на выбойкѣ. Законъ, подвергшій всѣ газетны подапи, говоритъ только о *Newspapers*, что значитъ въ буквальномъ переводѣ *бумаги новостей*; а законы Англійскіе имѣютъ силу только въ буквальномъ смыслѣ. Чтобы подвести сію новую газету подъ пошлпну: нуженъ новый, Парламентами утвержденный законъ. Оспроумный изобрѣтатель на сей разъ не Англичанинъ, а Нѣмецъ.

При семъ номерѣ прилагается *Оглавленіе шестой части Литер. Прибавленій къ Русск. Ививлиду.*

«Онъ ввелъ меня въ церковь и оспановясь позади главнаго алтаря, продолжалъ:

— «Сынъ мой, хопя мы разнаго исповѣданія, но преклони колѣна. Я спарець и слушпелъ алтаря, примипе увѣщанія, какія молепъ подапъ человекъ и паспырь; вы преклоняете колѣна не передомною, а передъ Богомъ, Который избавляетъ и караетъ насъ... Соединимъ наши молппы...» —

«Я былъ въ смущеніи, и исполнилъ то, что мнѣ приказывали. Послѣ нѣсколькихъ молпвъ онъ пронзесъ:

— «Подозрѣнія ваши справедливы.» —

«Тяжкій вздохъ вырвался изъ моей груди; болѣе ничего я не могъ опвѣчать.

— «Поѣзжайте въ Англію, напишите къ жентъ вашей, не давая замѣшить ей своего подозрѣнія; расположите путь вашъ чрезъ г. Батъ, гдѣ живетъ женщина, которая знаетъ всю испорцію, но скрываетъ за деньги; опъ васъ завсиппъ развязать ей языкъ, если вы предложите ей большую цѣну. Вы легко уговорите её, чтобы она скрыла до времени намѣреніе ваше, пока не подтвердится всѣ ваши подозрѣнія. Опкрывъ испину, вы поступите, какъ прилично честному человекъ: предадите виновную собственнымъ угрызеніямъ, или возвратите любовь и довѣренность вѣрной супругѣ.» —

«Въ эту мпнупу нѣсколько человекъ вошло въ церковь; мы находились въ такомъ мѣстѣ, опкуда могли все видѣть, не бывъ замѣчены.

— Это онъ! воскликнулъ я.—

«Въ самомъ дѣлѣ, вошелъ въ церковь съ своими пріятелями извѣстный молодой Англичанинъ, называвшійся *Ормондъ Мондевилъ*. Ничего не было мудрѣаго, топчасъ по пріѣздѣ въ Мессину, поспиппъ внупренность сего замѣчательнаго храма, какъ самую живописную рѣдкость сей спраны. Опецъ *Ансельмъ* примѣшивъ мое движеніе, удержалъ меня.»

— «Я гораздо спокойнѣе васъ, сказалъ онъ: предоспавьте мнѣ поговорипъ съ нимъ.»—Монахъ привѣсппвовалъ Спра *Ормонда* и обратилъ вниманіе его на прекрасную древнюю бронзовую спаную, споящую по правую спорону главнаго алтаря. Я хопѣлъ также завести разговоръ съ однимъ изъ Офицеровъ,

пуптъ бывшихъ; не помню, что говорилъ я, но увѣренъ, что онъ счелъ меня за глупца или сумасшедшаго, ибо я не въ состояннн былъ связать двухъ словъ и двухъ мыслей.

«*Ансельмъ* изъяснялся свободно и пріятно; меня не мало удивила его вѣжливость, съ какою онъ обращался съ Спромъ *Ормондоль*. Не смотря на разспроенное состояніе свое, я не могъ надивпться спранному его поведенію. Мнѣ казалось однакожъ, что онъ хочетъ испытать сего послѣдняго. Холодность его сообщила и мнѣ; я послѣдовалъ за нимъ безмолвно, и почувспвовалъ въ себѣ болѣе твердости.

«Я сообщилъ уже прежде *Ансельму* подробное описаніе жены моей, ея характера, наружности, голоса, цвѣта волосъ, очерка лица и выраженія физиогноміи. Разговоръ его съ *Ормондоль* спановился живѣе; онъ обратилъ его вниманіе на изображение мужей, оплчившихся благочестіемъ, коими украшены были свѣтны храмы; пользуясь Италіанскою вольностью, онъ дѣлалъ свои замѣчанія о характерѣ сихъ лицъ; желалъ знать мнѣніе молодаго человекъ объ относительной красотѣ ихъ и слышалъ его умозаключенія, выводимыя изъ спрогаго или задумчиваго лица каждаго. Напрасно *Ансельмъ* спарался пробудипъ чувство въ молодомъ человекѣ и расположипъ душу его къ общипельности, оживипъ въ немъ нѣжныя воспомнанія. У нашего повѣсы по временамъ вырывались признаки холоднаго и грубаго разврата, смѣшеннаго съ глупымъ шщеславіемъ. Попомъ, вовсе не чувспвуя, что опкрывъ чужеземцу жалкую внупренность души своей, онъ поблагодарилъ *Ансельма* за его добродушіе и удалился.

— «Теперь вы его узнали, сказалъ мнѣ монахъ; женщина, забывшая для него себя, не спопипъ сожалѣнія, ибо и онъ не чувспвуетъ угрызеній. Любовная проказа, которую онъ опкрывъ вамъ неумышленно, еспъ ничто иное, какъ шалость молодаго человекъ; если, къ сожалѣнію, супруга ваша виновна, вы должны навсегда забыть её.» —

«Она умретъ!» говорю я ему.

Онъ взглянулъ на меня сурово.

— «Подобное заблужденіе не заслуживаетъ вашего гнѣва и освобождаетъ васъ опъ вся-

кой привязанности. Опыжь, копорому я подвергъ сего молодого человека, уничижаешь всякое сомнѣнiе; онъ не любилъ, не любилъ и не былъ любимъ. Повѣрьте мнѣ, эти люди впали въ пресупленiе, не оскорбивъ васъ. Если подозрѣнiе ваше справедливо, то благодарите Небо, что оно освободило васъ отъ спутницы, которая обезчестила бы васъ рано или поздно.» —

«Я принялъ сiи слова *Ансельма* за предсказанiе; я не спарался разбираться ихъ. Мнѣ нуженъ былъ вожапый, и я слѣпо шелъ за нимъ.

«Но постарайся забыть *Марю*, это напрасно; могъ ли я вырвать изъ сердца первую и единственную любовь мою? Все мнѣ напоминало о ея красотѣ, простодушии, благочестии, скромности, которыхъ никакъ нельзя было согласить съ грубымъ порокомъ и поступками, приписываемыми любовнице *Сира Ормонда*. Между тѣмъ первый гнѣвъ мой утихъ; бѣшенство уступило мѣсто тихой скорби. Но какъ мучительны были послѣднiе дни пребыванiя моего въ *Мессинъ*! Что могло сравниться съ горестью, лишаешь такого утѣшенiя, такой опрады, любви, словомъ всей надежды въ здѣшней жизни!

«Черезъ два дни я сѣлъ на корабль и отправился въ Англiю; вышедъ на берегъ въ *Фальмутъ*, я пустился, нимало не медля, въ *Батъ*. Сiи-то мѣста были свидѣтелями пресупленiя невѣрной, и здѣсь-то я надѣялся совершенно въ помъ удостовериться. Я подѣвжаю къ гостиницѣ, названной *Спромъ Ормондомъ*; вхожу, дрожа всѣмъ тѣломъ. Мнѣ представилась, небольшого роста, довольно пригожая собою женщина: это хозяйка. Мнѣ подали чай. Подъ предлогомъ, будто бы я давно оставилъ Англiю и неперпѣливо желаю знать подробности, случившияся въ моемъ отечествѣ во время моего отсупствия, я велѣлъ служанкѣ попросить хозяйку откушать со мною чаю.

«Я достигъ своей цѣли, и заведъ разговоръ съ хранилищницею роковой тайны. Но слова мои были такъ несвязны, что трактирщица съ перваго взгляда не знала, что обо мнѣ думать. Я сполько занятъ былъ своимъ предметомъ, что всѣ прочiе слова мои не заклю-

чали въ себѣ никакого смысла. Я перебѣгалъ отъ одной матерiи къ другой, тщетно стараясь сказать чтонибудь путное, чтобы внушить довѣренность хозяйкѣ.

«Наконецъ видя, что она все еще сморитъ на меня съ изумленiемъ, я отвѣчалъ ей: я не въ силахъ скрыть отъ васъ моего безпокойства. Я долженъ увѣриться въ жестокихъ подозрѣнiяхъ, въ невѣрности обожасмой мною жены. Вотъ что распроиваетъ всѣ мои мысли.

«Я замѣнилъ, что трактирщица беретъ участiе въ моей горести и мучится любопытствомъ.

— Увы, подхватилъ я, самое это мѣсто еще болѣе умножаетъ мое безпокойство. Если вѣрится дурнымъ слухамъ, дошедшимъ до меня въ чужихъ краяхъ, въ самомъ г. *Батъ* началась поспыдная связь, которая приводитъ меня въ отчаянiе.—

«Въ продолженiе сего разговора я наблюдалъ трактирщицу, которая приходила часъ отъ часу въ большее замѣшательство.

— Я мало знакомъ въ здѣшнемъ городѣ, продолжалъ я равнодушно, и потому мнѣ прудно собрать почныя свѣденiя о семъ происшествiи. Мнѣ извѣстно только имя того, который нанесъ пяпю моей фамилии; его зовутъ *Ормондъ де Мондесиль*.—

«Трактирщица поблѣднѣла; я сдѣлалъ видъ, будто бы того не замѣнилъ.

— Я находился въ чужихъ краяхъ по обязанности службы; жена моя съ своею матерью расположилась провести нѣсколько времени въ *Батъ*. Отсюда начинается исторiя моего позора и несчастья: *Сиръ Ормондъ* ожидалъ ихъ въ гостиницѣ, находящейся въ самомъ городѣ, или въ окрестностяхъ....—

«Трактирщица, державшая въ рукахъ чашку съ чаемъ, въ невольномъ смущенiи, весь чай почпи пролила на столъ.—Молодая женщина, кто бы она ни была, подъ предлогомъ сильной болѣзни, попребовала особой компаньи. Въ полночь, трактирщица, привлеченная шумомъ, вошла въ сiю комнату; она заспала гнамъ *Сира Ормонда Мондесиль*: сей послѣднiй предложилъ трактирщицѣ 100 фунт. сп., и она обѣщала хранить сiе въ тайнѣ.

«Мнѣ казалось, что пражпирщица сдѣлалась очень дурно.

«Доставленные мнѣ опцемъ *Ансельмо* свѣдѣнія были такъ вѣрны; я притворился такъ искусно, будто ничего не знаю, какую важную роль играла почтенная пражпирщица въ семь приключеній; наконецъ мнѣ все было такъ извѣстно, что она не могла долѣе скрываться, и призналась, что это происшествіе случилось въ ея пражпирѣ. Я не хотѣлъ продолжать своихъ изысканій, и на другой день отправился въ Лондонъ, не открывъ ей своей фамиліи. Мнѣ оставалась еще послѣдняя, слабая надежда: можетъ быть путь скрывается ошибка, обнаруженіе коей докажетъ невинность *Маріи* и возвратитъ мнѣ счастье. Можно вообразить, съ какимъ прелепомъ вступилъ я въ свое жилище!

«*Маріа*, увидѣвъ меня, кинулась въ мои объятія со всеми признаками нѣжнѣйшей привязанности; сначала меня это пронуло; потомъ вспомнивъ о ея вѣроломствѣ, я вообразилъ, что вокругъ меня обвивается змѣя, и я чуть не опполкнулъ ея,—но скрѣпилъ сердце. Съ какою материнскою нѣжностію рассказывала она мнѣ о дѣяніяхъ нашихъ, какъ они похорошѣли, какъ умны и какъ много обѣщаютъ своими способностями! Сколько причиняло мнѣ мученій все то, что, безъ сего гибельнаго открытія, сослужило бы для меня верхъ блаженства! Каждое біеніе пульса производило во мнѣ болѣзненное ощущеніе; каждое слово уязвляло меня. Она плакала отъ радости о моемъ возвратѣ, и когда я смотрѣлъ на неѣ съ мрачнымъ видомъ, мнѣ показалось, будто въ глазахъ ея блеснуло что-то спрванное; исключая сіе, все дышало въ ней нѣжностію и непорочною. Что касается до меня, я видѣлъ во всемъ помъ одну хитрость и обманъ. Она съ торжествомъ, свойственнымъ матери, привела ко мнѣ дѣтей: взирая на неѣ, нельзя было имѣть и пѣни подозрѣнія; но она отвернулась; я старался замѣчать каждое движеніе ея; она украдкою опирала слезы, выкапавшіяся изъ глазъ ея; я почелъ это дѣйствіемъ угрызенія, которое невольнo измѣняло ей,—доказательствомъ внушеннаго волненія, причиненнаго раскаяніемъ, сроднымъ душѣ, не совсѣмъ еще испорченной.

«Не знаю, замѣтила ли жена моя принужденіе и безпокойство мое; нѣсколько минулъ прошло въ молчаніи и замѣшательствѣ; наконецъ я ободрился.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

ТИЦІАНОВА ВЕНЕРА.

Предмѣстникъ *Луціана Бонапарте*, во время пребыванія своего въ Мадридѣ, старался нарочно отличиться грубостію республиканскихъ нравовъ, оскорбляя пѣмъ гордость вельможъ; назначеніе Посланникомъ брата перваго Французскаго Консула еще болѣе впревожило Испанскую знать, которая предполагала найти въ немъ еще болѣе грубости и высокомерія. Но *Луціанъ* повелъ себя совсѣмъ иначе; онъ представлялся ко Двору не иначе, какъ въ башмакахъ, шелковыхъ чулкахъ, строго наблюдая всѣ правила этикета; придворные и Князья были обворожены его поступками; самъ Король и всѣ окружающіе его опѣчали Послу особеннымъ благорасположеніемъ и ласковостію. Впрочемъ, *Луціанъ* оказывалъ искреннюю преданность къ Испанскому Двору, ибо онъ нерѣдко предохранялъ Короля отъ Князя *Мира* и отъ ненасыннаго честолюбія своего царственнаго брата; но все сіе нимало не уменьшило довѣрія, которое Король имѣлъ къ великому другу своему *Наполеону*.

Чтобы болѣе придасть блеска своему опѣзду изъ Мадрида, *Луціанъ* за нѣсколько дней передъ пѣмъ далъ пиръ, какихъ давно не бывало въ Испаніи, ибо оный стоилъ около 400,000 франковъ. Королевская фамилія, первые чины Двора и множество другихъ знатныхъ особъ *пошли* сей пиръ своимъ присутствіемъ. Король и Принцы не упустили засвидѣтельствовать Послу пріянное изумленіе свое и высокую признапельность, не находя словъ къ выраженію своего благоволенія.

Черезъ нѣсколько дней всѣ чиновники посылства получили богатые подарки; одинъ только Посолъ былъ забытъ; это подало поводъ нѣкоторымъ, даже въ самыхъ черпogaхъ *Луціана*, распочать на счетъ его факія оспроты. Послѣ прощальной аудіенціи все было изготовлено къ опѣзду на другой день, какъ вдругъ явился къ Послу Офицеръ Королевской

гвардіи съ нѣсколькими служившими, принесшими большую, уложенную въ ящикъ, карпину, которая назначена была Испанскимъ Королемъ въ подарокъ Наполеону.

«Эпо Венера Тиціанова, сказалъ онъ, которой я неоднократно имѣлъ случай удивляться во Дворцѣ. Карпина эпа конечно спóшптъ дорого; но еѣ неудобно везти съ собою, а лучше опсправить особо въ Парижъ.»

Между пѣмъ Офицеръ приняптъ былъ очень вѣжливо, и *Луціанъ* снявъ съ груди своей дорогую булавку, подарилъ ему.

«Теперь, сказалъ онъ, надобно развернуть эпу карпину и вынуть изъ рамы; послѣднюю можно опспавить здѣсь, а первую уложитъ сверху карепы.»

Тотчасъ начали раскрывать карпину; но едва сняли обертку съ угла карпины, какъ вмѣсто прекрасной Венеры Тиціановой, опкрылся порпирепъ Короля, который, какъ извѣстно, не имѣлъ ничего красиваго. По опкрыптіи карпины, доложили Послу, что рама кругомъ осыпана брилліанпами. *Луціанъ* опмѣнилъ приказаніе, и рама также опсправлена въ Парижъ. Незвѣстно, приказалъ ли онъ уложитъ раму и карпину особо; мы знаемъ только то, что *Луціанъ* продалъ въ Парижѣ алмазовъ на чепыре милліона франковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАВНОДУШІЕ.

Меня не льспитъ ужъ больше слава!
 Мнѣ не заманчивъ звукъ ея трубы;
 Ни легкокрылая забава,
 Ни медленно грядущія судьбы
 Дряхлѣющей земли на обновленіе:
 Ни рапей спройное движеніе,
 Ни рапъ небесная—пылающихъ свѣпиль.
 Я ко всему, какъ будто спалъ бездушень:
 Живу межъ людспва одинокъ,
 И къ красопѣ я равнодушень:
 Жива-ль еще душа моя? —
 Но если предо мной незримое заблещепъ,
 Мгновенно весь перерождаюсь я:
 Душа воскресепъ и препещепъ —
 И брызжепъ изъ очей горящая спруа.

Ф. Глинка.

П Ъ С Н Я.

Волны спонупъ, вѣтеръ воепъ,
 Лишь деревья гнутсл!
 Сердце бѣепъ, сердце поепъ,
 Самп слѣзы льюпсл!

*

Другъ не видипъ, другъ не слышипъ,
 Даромъ слѣзы прачу!
 Только грудь вольнѣ дышипъ,
 Какъ по нѣмъ поплачу!

*

О мой милый, сиропспвую;
 Гдѣ ты? опзовися!
 Какъ горюю, какъ поскую,
 Приди, подивися!

*

Или скрой меня въ могилѣ
 Опъ поски глубокой!
 Гдѣ мнѣ взять орлиныхъ крылій?
 До небесъ далѣко!

*

Не святаго воздаянъя
 Я душой хотѣла-бъ,
 Но для друга, для свиданъя
 Къ небу полетѣла-бъ.

Трилуиный.

М О Р Е.

Шумяпъ валы, идупъ валы
 Одипъ другому вслѣдъ,
 И разбиваясь о скалы—
 Ихъ пѣнипся хребепъ.
 Лазурь вдали, валы вдали
 Гдѣ-гдѣ мелькнупъ сребромъ.
 И вопъ равниною легли;
 И вопъ встаюпъ бутромъ.
 Вдали туманъ, вдали пемно,
 Темнѣюпъ небеса,
 Дрошипъ поверхность, спихо дно;
 Яснѣепъ полоса;
 Вдругъ вѣпръ возспалъ, вдругъ вѣпръ погналъ
 Валы крупной горой,
 Предъ нимъ весь Понпъ запрепепалъ,
 Могучій сынъ земной.

Кипитъ волна, реветъ волна,
 Пучину роетъ въпрѣ:
 Мгновенно выброшенъ со дна
 Испуганный осепрѣ;
 Вдали плывунокъ, вдали летящъ
 Суда безъ парусовъ,
 А волны все еще кипящъ
 И рвутся изъ бреговъ.

Л. Якубовичъ.

1828. Одесса.

Ю. И. П—У.

Въ странѣ Аракса дикой, знойной,
 Орлу Россійскому покорной,
 Но сердцу Русскаго чужой—
 Судьба свела меня съ побой;
 Съ привѣтомъ дружбы неизмѣнной
 Твоя простерлась мнѣ рука—
 Соединила насъ тоска
 По нашей родинѣ безцѣнной;
 Родная намъ еще мнѣ
 Изъ-за Кавказскихъ горъ казалась;
 И на чужбинѣ въ жертву ей
 Слеза моя не разъ мѣшалась
 Аракса съ шумною волной,
 Гдѣ скалы дикою громадой
 Обстали берегъ ея крушой.
 Какъ часто тамъ мнѣ былъ опрадой
 И въпра съ сѣвера порывъ,
 Онъ разсѣвалъ мою кручину;
 Мечталъ я слышащъ въ немъ призывъ:
 Отъ матери къ спрадальцу-сыну,
 Иль дѣвы, милой мнѣ, привѣтъ....
 Еще обманчивой надеждѣ
 Мнѣ сладко вѣришь, что какъ прежде
 У ней другаго друга нѣтъ,
 Что носилъ цвѣтъ она печальной
 И ждетъ возврата моего—
 И отъ меня лишь одного
 Возмешь свой перстень обручальный.
 Но нѣтъ надеждъ, чтобъ милой взгляды,
 Воспламененный спросилъ пылкой,
 И рѣчь съ привѣтною улыбкой
 Мнѣ счастье опалили назадъ.

Родной страны за рубежами,
 Всѣ жизни испытавъ бѣды,
 Подъ чуждыми мнѣ небесами,
 Въ шапрѣ кочующей орды,
 Я кончу дни мои унылы:
 Вошь мой удѣлъ—мой близокъ часъ (*);
 Никто, друзья мои, изъ васъ
 Не посѣпитъ моей могилы.

И ты, изъ родины свяшой,
 Военной бурей занесенной
 Въ край чуждый, ты грустишь душой,
 Отъ скорби вянешь поплаенной,
 Какъ цвѣтъ страны иноплеменной
 На почвѣ сохнешь неродной!
 И для тебя здѣсь слово: радость
 Былъ звукъ бессмысленно-пустой;
 И понялъ ты креста всю пягость,
 Неспи мнѣ даннаго судьбой;
 И, какъ посланникъ Провидѣнья,
 Какъ добрый Геній примиренья,
 Печальный самъ, меня мирилъ
 И съ небомъ, и съ людьми, и съ счастьемъ:
 Прямымъ и дружескимъ учащемъ
 Ты вѣру въ нихъ мнѣ возвратилъ.

А. Гвоздевъ.

Замокъ Ахсуглапъ.

E N I G M E.

Tout à la fois mâle et femelle,
 J'habite et sur terre et sur mer;
 Je puis sans ballon et sans aile,
 Paraître, quand je veux en l'air.
 Tout ceci n'est point un mystère;
 On me connaît fort aisément,
 En voyant la jeune bergère
 Me fouler avec son amant.

Въ № 53, помѣщенная анаграмма значить: *Сонъ и ночь.*

(*) Это послѣднее стихотвореніе А. И. Гвоздева и послѣдняя о немъ вѣсть изъ-за Кавказа. Онъ вѣрно предрекъ свою участь.—Ю. П—скій.

М О Д Е С.

Les femmes portent pour sortir de leur lit, avant toute toilette, des robes de chambre qui ne doivent en rien gêner les mouvemens. Elles sont ordinairement en percale imprimée. La taille est froncée derrière sur une ceinture, mais les devans sont ceux d'un peignoir. Une pélerine en châle vient cacher la taille, elle est retenue par la ceinture d'étoffe pareille qui ferme avec des agrafes. Un col carré garnit le haut. Il est noué par deux petites brides d'étoffe. Les manches sont larges, froncées au bas par un poignet.

Les robes d'enfans se font beaucoup à larges manches courtes; mais il fait un temps si incertain, qu'on y ajoute souvent des bouts de manches longs, quelquefois pareils à la robe, quelquefois blancs; un petit poignet, large d'un bon doigt. Le mancheron doit être extrêmement bouffant, et le bout de manche un peu large.

On voit des canezous de batiste dont les garnitures, festonnées et à petits plis, semblent une étoffe rayée. Les plis sont séparés de distance en distance par des intervalles unis.

On porte peu de ruches de cou. Des cols arrondis, droits par devant.

Une des jolies imitations nouvelles sont les applications d'Angleterre. Sur un fond de tulle on fixe des fleurs de dentelle. On donne ainsi à un col, à une pélerine, la forme qui convient, sans qu'il soit nécessaire de couper, joindre des parties, de même que lorsque cette dentelle ne se faisait qu'en bandes.

М О Д Ы.

Дамы надѣваютъ, вставая съ постели, прежде всякаго одѣванья, пластроки, которые оставляютъ полную свободу всѣмъ движеніямъ; они обыкновенно бываютъ сипцевые. Лишь сзади собранъ на поясъ, и спереди какъ у пенуара (peignoir). Педеринка, сдѣланная шалью, прикрываетъ плечію; она прихвачена поясомъ изъ такой же матеріи, застегнувшись на крючки; вверху четверугольный воротничекъ завязанъ завязками изъ такой же матеріи. Рукава широкіе, внизу собраны на обшивку.

Дѣтскихъ плащевъ дѣлаютъ много съ короткими широкими рукавами. Но время шакъ непостоянно, что часно къ нимъ пришиваютъ длинные, иногда изъ такой же матеріи, иногда бѣлые, съ узенькой обшивкою въ палецъ. Рукавчики должны быть чрезвычайно пышны, и длинные рукава шакже довольно широки.

Видны баписповыя канзу, у которыхъ оборки, выметанные короткими и сложенные мелкими складочками, кажутся сдѣланными изъ полосапой матеріи. Складочки отдѣлены одна отъ другой гладкими промежутками.

Рюшей около шеи мало носятъ, а болѣе въ употребленіи округленные воротнички, спереди прямые.

Весьма красивы новыя Англійскія нашивки. На гладкой шюль нашиваютъ кружевыя цвѣты. Такимъ образомъ, воротничку, педеринкѣ даютъ форму, какую угодно, не имѣя необходимости кроить, соединяя часки, какъ, когда кружево сіе дѣлалось полосами.

С М Ъ С Ъ.

(Вспомогательныя средства импровизаторовъ.)—Вопль сужденіе одного Италіанца объ удивительной въ самомъ дѣлѣ легкости, съ какою его соотечественники сочиняютъ стихи. Прежде всего нуженъ извѣстный запасъ предметовъ, которые можно приспособить какъ къ смерти Адониса или Цесаря, шакъ и къ цѣломудренности Лукреціи или къ пираниіи Нерона.—Потомъ импровизаторъ, кромѣ пылаго воображенія, долженъ имѣть большое присутствіе духа; сверхъ того онъ можетъ заимствовать мѣста изъ классическихъ поповъ; при чемъ Виргилій и Горацій могутъ приносить ему великую пользу. Речемы въ такомъ гибкомъ и звонкомъ языкѣ, каковъ Италіанскій, почти сами собою нанизываются. При первомъ взглядѣ, кажется, пруднѣе всего импровизировать трагедію, а на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего легче этого для стихотворца, одареннаго хорошою памятыю и пылкимъ воображеніемъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 55.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Іюля 9 дня, 1832 года.

Когда у золота скупой ни встѣ, ни пьептѣ,
Не домовому-ль онъ червонцы бережеть?

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЗАКОНЪ О ВЗЯТИИ ПОДЪ СТРАЖУ, ВЪ АНГЛІИ.

Въ Гамбургѣ находился купецъ, по имени *Мейеръ*. Онъ былъ добрый человекъ, услужливый другъ, милосердивъ къ бѣднымъ, и такъ богатъ, что, не смотря на превосходныя его душевныя свойства, всѣ его любили и почитали. Въ той часѣ *Мейерова* капиталла, которая отдана была имъ въ руки разныхъ частныхъ лицъ, и извѣстна подъ названіемъ долговъ, заключалось пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ, занятыхъ у сего купца Капитаномъ одного Англійскаго корабля. Эпопъ заемъ сдѣланъ уже былъ такъ давно, что добрый *Мейеръ* началъ желать обратнаго полученія своихъ денегъ. Въ слѣдствіе сего, онъ рѣшился ѣхать въ Портсмутъ, гдѣ жилъ Капитанъ *Джонъ*, и воспользоваться пою свободою, которой, по нашему мнѣнію, не надлежало бы существовать въ странѣ свободной, а именно, свободою потребовавъ назадъ свою собственность. И вопъ почтенный нашъ купецъ былъ однажды упромъ въ Портсмутъ. Онъ вовсе не зналъ эпого города, но говорилъ хорошо по Англійски. Онъ поспѣхъ освѣдомился о Капитанѣ *Джонѣ*.

«Что эпо за корабль?» спросилъ онъ у одного человека, котораго взялъ проводивъ себя въ домъ Капитана.

— Эпопъ корабль, сударь, получилъ онъ въ опвѣпъ, называется *Рояль-Салли*, и на- няпъ въ Калькуппу; но вопъ здѣсь живепъ Капитанъ *Джонъ*, онъ самъ расскажеть вамъ всё лучше. —

Купецъ поклонился въ знакъ благодарности, и поспучался у воротъ одного дома, выпро- еннаго изъ краснаго кирпича; ворота были зелѣнаго цвѣта, молопокъ у нихъ изъ блестящей мѣди. Капитанъ опличался высокимъ ростомъ. На немъ былъ синій фракъ, съ короп- кими полами; скулы у него чрезмѣрно выдава- лись, и весь онъ носилъ на себѣ оппечатокъ пого, что вообще называютъ крупымъ и опкрытымъ прямодушемъ моряка. Капитанъ нѣсколько смупился при видѣ своего друга. Онъ попросилъ его обождапъ еще нѣсколько времени уплаты долга. Купецъ обнаружилъ неудовольствіе; уже минуло три года, съ тѣхъ поръ, какъ заняты были деньги. Капитанъ наспопательно домогался опсрочки; купецъ опказалъ въ оной; Капитанъ спалъ кричать, а купецъ разсердился и началъ грозипъ. Варугъ гнѣвъ Капитана прошель; казалось, морякъ нѣсколько времени совѣповался самъ съ собою; попомъ разсыпаясь въ извиненіяхъ, ска- залъ, что-ему легко доспаяпъ сумму, нужную для расплаты. Вмѣспъ съ тѣмъ, онъ просилъ купца пдпш спокойно домой, и далъ обѣщаніе

принесли ему деньги въ попѣ же день. Возвратясь къ себѣ, добрый *Мейеръ* велѣлъ приготовить хорошій обѣдъ. Однако время проходило, а другъ его не являлся. *Мейеръ* терпѣлъ перпѣнне, и надѣлъ уже шляпу, чтобы опять идти къ Капитану: но вопѣ вошелъ лакей, и доложилъ, что его спрашиваютъ какіе-то два господина.

— А! вопѣ и деньги мои,—сказалъ *Мейеръ* про себя. Вошли два неизвѣстные ему человека. Одинъ изъ нихъ держалъ бумагу, которую *Мейеръ* почелъ квитанціею. «Покорнѣйше благодарю, Милостивые Государя, сказалъ *Мейеръ*; я сей-часъ распишусь; покорнѣйше благодарю.»

— Распишетесь, сударь! возразилъ одинъ изъ нихъ; за чѣмъ это? поспудитесь только идти съ нами. Бумага эта предписаніе о взятіи васъ подѣ арестъ за долгъ; домъ мой чрезвычайно крѣпокъ; его посѣщаютъ молодые люди съ именемъ; цѣна, право, очень умеренная: не болѣе гинеи въ сутки; угощу васъ славнымъ виномъ.—

«Я васъ не понимаю, Милостивые Государя!» учтиво отвѣчалъ *Мейеръ*. «Мнѣ весьма хорошо и здѣсь; покорно благодарю васъ.»

— Полно-те, полно-те, сударь, сказалъ другой изъ пришедшихъ, не открывавшій еще рта; не нужно столько изъясненій; вы нашъ арестантъ. Вопѣ предписаніе о взятіи васъ подѣ арестъ за неуплату 10,000 фун. сп., должныхъ вами Капитану *Георгу Джону*.—

Купецъ оцѣпенѣлъ; однако взялъ у нихъ бумагу, и что же? онъ увидѣлъ, что слова незнакомецъ были суцная истина. Капитанъ *Георгъ Джонъ*, который долженъ былъ *Мейеру* 500 фун. сп., пребывалъ взятъ его подѣ караулъ, за то, что купецъ сей будто бы долженъ былъ ему 10,000 фун. сп.; ибо, какъ всякому извѣстно, въ Англии всякой, у кого доспанепѣ духа утвердипѣ клятвенно, что мы ему должны, можетъ посадипѣ насъ въ тюрьму. Такъ какъ *Мейеръ* былъ въ Портсмутѣ человекъ чужой, и не могъ предспавипѣ поручительства: то онъ взятъ подѣ спражу, и опведѣнъ въ тюрьму.

— Вопѣ чудный способъ расплачиваться съ своими заимодавцами!—говорилъ самъ себѣ *Мейеръ*. Купецъ нашъ любилъ бытъ въ обще-

ствѣ, и теперь, не зная, какъ сократить время, спалъ сводипѣ знакомство съ заключенными.

«За что вы въ тюрьмѣ?» спросилъ онъ у одного изъ нихъ, который казался человекомъ честнымъ, и былъ, по видимому, въ сильномъ гнѣвѣ. «За какую вину взяты вы подѣ спражу?»

— За какую вину! отвѣчалъ арестантъ; я готовился податѣ голосъ при выборахъ въ Ливерпулъ въ пользу одного кандидата, какъ вдругъ, по домогательству одного изъ друзей другаго кандидата, взятъ подѣ спражу за 2,000 фун. сп.—Прежде, нежели я буду въ состояніи предспавипѣ поручительство, выборы кончатся.—

«Что вы говорите! возразилъ честный Германскій купецъ. Какъ! не уже ли васъ арестовали только для того, чтобы вы не могли податѣ законнымъ образомъ голосъ! И это правосудіе!»

— Не правосудіе, воскликнулъ арестантъ, а законъ о взятіи подѣ спражу.—

«А вы за что лишены свободы?» спросилъ нашъ купецъ у одного бѣдняка, который до такой степени испощалъ, что могъ показаться привидѣніемъ, и безпрестанно платкомъ утиралъ глаза, опѣ слѣзъ потемнѣвшихъ.

— Одинъ спряпчій обѣщался одному изъ моихъ друзей сдѣлать ему уступку по векселю, ежели онъ найдетъ нѣсколько такихъ людей, которые бы написали оный. По несчастію, я подписался на оборотѣ сего векселя. Срокъ прошелъ, а заплаты по векселю не послѣдовало: и вопѣ, на другой день, всѣ написавшіе его, взяты подѣ караулъ; насъ было осьмеро, а по закону, спряпчій былъ въ правѣ пребаватѣ опѣ каждаго изъ насъ по гинѣ. И вопѣ, сударь, опотѣ бездѣльникъ получилъ шеспнацатѣ гиней, а мое семейство умрѣтъ съ голоду прежде, нежели выпустятѣ меня изъ тюрьмы. Естѣ, Милостивый Государь, шайка мошенниковъ, извѣстныхъ подѣ именемъ спряпчихъ-уступчиковъ, и живущихъ на счѣтъ несчастныхъ, засаженныхъ ими въ тюрьму.—

«Боже мой! не уже ли это правосудіе?» вскричалъ Нѣмецъ.

— Ахъ! нѣтъ, сударь, не правосудіе, а законъ о взятіи подъ спражу.—

«Но, возразилъ честный *Мейеръ*, обращаясь къ одному правовѣдцу, находившемуся тогда съ жертвами людей его ремесла, говоря, что въ Англии всякой почтается невиннымъ до тѣхъ поръ, пока приговоръ, обвиняющій его, не будетъ объявленъ; и, не смотря на то, я здѣсь только потому, что какой-то безчестный морякъ, который долженъ мнѣ 500 фун. ст., утвердилъ подъ присягою, будто бы я занялъ у него сумму въ двадцать разъ большую. Вотъ и заперли меня въ тюрьму повѣря одной присягѣ этого негодяя. Развѣ это называется признавать человека невиннымъ до тѣхъ поръ, пока судебный приговоръ не объявитъ пропивнаго? Не понимаю!»

— Для васъ иностранцевъ это тѣмъно; отвѣчалъ правовѣдецъ, кусая себѣ губы, но для насъ Англичанъ, это ясно. Насъ не берутъ подъ спражу только по уголовнымъ дѣламъ; если же кто вошелъ въ долги—и не платитъ: тогда дѣло совсѣмъ другое. Въ Англии законы не столь строга караютъ преступленіе, какъ бѣдность.—

«Но, Боже мой, не уже ли это правосудіе!» вскричалъ честный купецъ.

— Что за вздоръ несете вы! Кто вамъ говоритъ, что это не правосудіе; это законъ о взятіи подъ спражу;—бѣгло замѣтилъ ему адвокатъ, повернувшись на одной ножкѣ.

Мейеръ скоро былъ выпущенъ, потому что испецъ не являлся и не просилъ о заплатѣ своего долга. Вырвавшись на волю, онъ побѣжалъ къ Судья, объяснилъ ему свое дѣло, и требовалъ удовлетворенія за безчестный пощупокъ Капитана *Джона*.

— Капитанъ *Джона*? хладнокровно произнесъ Судья, нюхая табакъ; вы конечно говорите о Капитанѣ *Георгѣ Джонѣ*?—

«Точно такъ, Боже мой!» отвѣчалъ купецъ.

— Капитанъ *Георгъ Джонъ*, возразилъ Судья, отправился вчера въ Калькутту. Онъ утвердилъ подъ присягою, что вы должны ему десять тысячъ фунтовъ сперлинговъ; безъ сомнѣнія только для того, чтобъ избавиться отъ васъ до тѣхъ поръ, пока ваши преслѣдо-

ванія для него не перестанутъ быть опасными. *Георгъ Джонъ* плутъ и хипрецъ.—

«Чтобы провалился ему сквозь землю! вскричалъ *Мейеръ*. Не уже ли не оспалось для меня никакого средства получить свои деньги и удовлетвореніе за обиду?»

— Конечно оспалось; вы можете обвинить его во лжи;—отвѣчалъ Судья, понюхавъ опять табаку.

«Но къ чему послужитъ мнѣ это? возразилъ купецъ; вы говорите, что онъ ухалъ въ Калькутту, за три тысячи миль отсюда; следовательно, мнѣ нельзя никакими средствами добиться заплаты моихъ пятисотъ фунтовъ сперлинговъ!»

— Думаю, что нельзя.—

«И меня взяли подъ караулъ, вмѣсто моего должника, посадили въ тюрьму, какъ злодѣя!»

— Точно такъ, въ силу закона.—

«Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ: не уже ли это правосудіе?»

— Безъ всякаго сомнѣнія; это законъ, законъ о взятіи подъ спражу.—

При сихъ словахъ Судья ему откланялся, а *Мейеръ*, видя, что ему оспавалось только идти домой, вышелъ изъ горницы.

Съ Франц. И. *Покровскій*.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СЧАСТЛИВАЯ ВСТРѢЧА.

(*Окончаніе.*)

— Отведи те дѣшей въ ихъ комнату.—

«Ихъ отвели; я хранилъ молчаніе: при уходѣ дѣшей *Марія* не сказала имъ ни слова, не обладала ихъ; это болѣе подтверждало мое подозрѣніе. Когда мы оспались одни, я взглянулъ на нее; она была блѣдна; она смотрѣла на меня съ изумленіемъ и не говорила ни слова.

— Отвѣчайте мнѣ, сударыня, на нѣкоторые вопросы.—

«Она молчала.

— Когда вы познакомились съ Сиромъ Ормондомъ *Мондевилемъ*?—

«Отвѣта не было.

— Не во время ли поѣздки вашей изъ Лондона въ Бапъ?—

«То же молчаніе.

— Опвѣчай мнѣ, злополучная; хопя бы весь свѣтъ очернилъ тебя, я гоповъ испоргнулъ тебя опъ безславя. Опвѣчай! —

«При сихъ словахъ я вспалъ; она пакже вспала, пропянула ко мнѣ руки; варугъ раздался дикій хохопъ; мнѣ спрашно было смопрѣнь на неё; какой видъ! какой пронзительный голось! Одно воспоминаніе о помъ заставляепъ меня препепать. Попомъ она поржеспвенно посмопрѣла на меня, и замерпво грянулась на полъ. Я велѣлъ людямъ опнеспи её въ свою комнату. Сердце мое еще защищало её; я принялъ объ ней попеченіе, и какъ скоро она была приведена въ чувспво, я пошелъ къ опцу ея. Эпо былъ одинъ изъ почпенныхъ спарыхъ вельможъ Англи; чеповѣкъ пвердаго характера, непоколебимой чеспности, и обладающій необыкновенною сплою разсудка. Я пакъ былъ распроганъ, чпо при видѣ его не могъ удержаться опъ слѣзъ.

«Холодность его меня удивила. Она совершенно пропворѣчила моей чувспвительности, и казалось, упрекала меня въ помъ. Съ важнымъ и величественнымъ видомъ спросилъ онъ, чпо привело меня въ Англию; давно ли я возвратился и какъ долго пробуду въ опечествѣ. Я былъ увѣренъ, чпо онъ зналъ уже о поведеніи своей дочери, и нарочно припалъ на себя холодный видъ, чптобы избавишься опъ моихъ упрековъ. Правда, онъ всегда былъ холоденъ и важенъ, чпо неприятели приписывали его надменности и барской спѣси. Но въ моемъ распройспвѣ холодность его показала мнѣ обидною. Я вооружился смѣлостью, осушилъ слѣзы, и въ свою очередь принявъ спокойный и пвердый видъ, разсказалъ ему о своемъ приключеніи въ Мессинѣ и о случившемся въ Батъ. Я не скрылъ опъ него ни малѣйшей подробности, ни чпенія роковой спавпы въ журналъ, ни совѣповъ опца *Анселма*, ни разговора моего съ практирицицею.

«Онъ безмольно меня выслушалъ. Дочь его казалось смущенною; напропивъ того отецъ ея обнаруживалъ одно вниманіе. Онъ прошель нѣсколько разъ по своей галереѣ, погруженный въ размышленіе; часпо прикладывалъ руку ко лбу, но не изьявляя никакого внупреняго движенія ни словами, ни жеспамц.

— «Эпо невозможно;»—сказалъ онъ попомъ, сложивъ руки и оспановясь передо мною.

«Эпотъ спарикъ съ сильнымъ характеромъ, умбющій владѣтъ собою при всѣхъ обсподельспвахъ, копорый, выражая одну мысль, большую часть оныхъ скрываетъ въ душѣ. Впрочемъ онъ продолжалъ:

— «Разсказъ вашъ довольно спраненъ; посмопримъ.»—

«Слеза выкапшлась изъ глазъ его, копорую онъ поспѣшилъ оперепъ. Гореспъ сего почпеннаго мужа, эпо сугубое спраданіе гордости и любви опеческой, эпа слеза, испоргнутая у спарика, споль пвердаго и спокойнаго, попрысли меня до глубины сердца. Я вспалъ поспѣшно; все, казалось, подпверждало мои подозрѣнія.

— Я скоро уѣду отсюда, сказалъ я; до опъѣзда моего я переберусь къ моей мапери, гдѣ намѣренъ я помѣспипъ и дѣпей моихъ.—

— «Вы не напрасно здѣсь провели время, а пакъ спѣшите опъѣздомъ: впрочемъ я надѣюсь еще бытъ у васъ.»—

«Мы холодно разспались. Я рѣшился какъ можно скорѣе выхлопепать разводъ съ женою своею и ни мало не сомнѣвался въ справедливости своихъ подозрѣній. Хопя недоспавало законныхъ уликъ въ преспупленіи, но довольно нравспвенныхъ доказательспвъ: смущенія *Maria*, продолжшпельнаго молчанія опца ея, замѣшательспва и признанія практирицицы, сходспва первоначальныхъ буквъ съ моей фамилею, помѣщенныхъ въ роковой спавпѣ журнала, поѣздки въ Батъ, о копорой разсказывалъ молодой повѣса, сама жена моя писала ко мнѣ, и упоминалось въ журналѣ. Голова моя пылала; я дрожалъ, когда пришелъ къ своей мапери; ласки приведенныхъ спуда дѣпей моихъ меня не прогали. Мапъ моя узнавъ о соспояніи жены моей и моемъ спромъ опъѣздѣ, уѣхала неизвѣспно куда. Пслѣ узналъ я, чпо она была у меня; но въ первую минупу опспупспвіе ея показалось мнѣ спраннымъ. Не спрашился ли она, говориль я самъ себя, видѣтъ сына своего несчастнымъ; не упрекаетъ ли себя въ помъ; чпо не опвратила моей гореспии своими спрогими совѣсами и бдшпельнымъ надзоромъ? Увы! я былъ не правъ; я могъ забытъ, чпо пер-

вымъ движеніемъ мапери обыкновенно быва-
еть—обнявъ спраждающаго сына.

«Я лежалъ на софѣ въ безпокойномъ ожи-
даніи. Не успѣлъ я вспасть, какъ возврапи-
лась мапъ моя, и скоро попомъ доложили о
пріѣздѣ Лорда *Барндаля*, опца *Маріи*. Мапъ
моя успѣла только сказапъ слѣдующія слова:

— «Я пеперь только опъ васъ: невѣспка
моя уѣхала въ наемной карепъ, не сказапъ,
куда.»—

«Лордъ *Барндаль* былъ пакже у меня въ
домѣ; на лицѣ его написана была рѣшимоспъ и
уныніе.

— «Я довольно разсуждалъ обо всемъ, ска-
занномъ вами, говорилъ онъ; не надобно шу-
пипъ своимъ счаспіемъ и спокойспіемъ. Мо-
жепъ спапъся, пупъ скрывается ошибка. Мо-
жемъ опправимся вмѣспъ въ почповой коляскѣ
и найдемъ пракпирщицу; я увѣренъ, что она
насъ не проведепъ. Мы можемъ смягчипъ еѣ
золопомъ, но съ пѣмъ, чтообы она сдѣлала
полное признаніе. Пойдемъ-пе.»—

«Руки его сжимались судорожно. Я взялъ
свою шляпу. Мы опправились, и во всю доро-
гу не говорили ни слова. Мы еще засвѣпло ос-
пановились въ извѣспномъ пракпирѣ. Каково
же было мое изумленіе, или лучше сказапъ,
досада, когда я нашель здѣсь *Марію*? Разу-
мѣепся, что она хотѣла еще болѣе склонипъ
практирщицу на свою спорону, и самое при-
супствіе ея здѣсь, явно изблпчало ея въ
пресупленіи.

— Вы здѣсь, сударыня! сказапъ я ей; какъ
вы здѣсь очупились? Чпо привело васъ сюда?...
Кпо васъ предупредилъ о моемъ намѣреніи
сюда ѣхатъ?... Не надѣепесь ли вы....—

«Она прервала меня, позвонивъ поспѣшно
въ колокольчикъ; вошла пракпирщица. *Марія*
хотѣла говорипъ, но я остановилъ еѣ, и ска-
залъ первой:

— *Леди Оспрей* не имѣла ли въ вашемъ прак-
пирѣ ночлега въ одно время съ Сиромъ *Ор-*
мондомъ Мондевилемъ?—

«Тракпирщица поблѣднѣвъ, нѣсколько ми-
нупъ молчала.

— Вы сами мнѣ это сказапвали, подхвапипъ
я, уже ли въ помъ запрепесь?—

— «Признаюсь, сударь, я говорила это.»—

— Какъ фамилія пой дамы, опвѣчайпе.—

— «Вы наименовали еѣ.»—

— *Леди Оспрей*?—

— «Такъ почно.»—

«Дайте мнѣ сказапъ нѣсколько словъ этой
женцинѣ;»—произнесла *Марія* прерывающимся
голосомъ, прижавъ руку къ сердцу, ибо она
съ малолѣтспва всегда спрадала спльнымъ бие-
ніемъ сердца. Она вспала, едва держась на
ногахъ, и взглянувъ на пракпирщицу, спросла
еѣ:

«Я ли *Леди Оспрей*?»

«Тракпирщица молчала и нѣсколько минутъ
была въ нерѣшимоспи; попомъ опвѣчала:

— «Нѣпъ, сударыня.»—

— Вы не проведете меня сею хипростпю,
Марія; это бесполезная уловка. Сколько вы
запипили сей женцинѣ? Сиръ *Ормондъ Мон-*
девилъ подарилъ ей 100 гней.—

«*Марія* смопрѣла на меня. При имени *Ор-*
монда, пракпирщица запрепепала, и я обра-
пиплся къ Лорду *Барндалю*.

— Думаепе ли вы, спросилъ я его, что мож-
но какою бы по. нибыло плапою заспапипъ
эпу женцину говорипъ правду?—

— «Конечно, нѣпъ;»—опвѣчалъ опецъ.

«Твердоспъ его испощилась.

— «*Марія*, сказапъ онъ, я воспипалъ и лю-
билъ тебѣ! Возможно ли? Опвѣчай мнѣ, ппы
предалась этому челоѣку?»—

«Вы не увѣрены въ помъ? сказапа *Марія*.
Я хочу, чтообы всѣ мы опправились въ Бапъ.
Исполните мою просьбу; эпа женципа долж-
на ѣхатъ съ нами. Вы, мой родипель; я нахо-
жусь подъ вашею защппою.»

«Слова сіи спѣлили ей большаго усплія.

— «Исполнимъ просьбу ея, сказапъ Лордъ
Барндаль, мы рѣшимъ послѣ.»—

«Сначала пракпирщица не хотѣла съ нами
ѣхатъ, но *Марія* приняла повелпительный тонъ,
копорый удивилъ меня:

«Ты должна съ нами ѣхатъ!»

«Внезапная перемѣна, произшедшая въ *Ма-*
рии, оскорбила мою разборчивоспъ. Я не узна-
валъ въ ней болѣе кропкой и нѣжной супру-
ги, копорой совершенно было чуждо высоко-
мѣрпе и оскорбпительный тонъ. Мы опправи-
лись.

«Лордъ *Барндаль* сидѣлъ съ дочерью въ по-
чповой коляскѣ, а я съ пракпирщицей въ

другомъ экипажѣ. Три раза мы оспанавливались, чпобы прервать сильныя обмороки *Maria*; пракпирщица была очень встревожена и не могла отвѣчать на мои вопросы.

«Когда мы оспанавливались на пупи, *Maria*, казалось, во все не занималась мною. На лицѣ ея написана была какая-то рѣшимость. По прївздѣ въ Батъ, она велѣла ѣхать поспильону прямо къ одному назначенному ею дому, въ улицѣ Пулпней. Когда мы подѣхали, *Maria* прежде всѣхъ вышла изъ коляски, поступалась, и велѣла челоуѣку попросить къ себѣ хозяйку, сдѣлавъ знакъ, чпобы мы слѣдовали за нею. Мы вошли въ госпиную вовсе незнакомаго намъ дома; и только чпю показалась хозяйка, какъ пракпирщица выступивъ впередъ и окинувъ еѣ глазами, вскричала:

— «Вопъ Леди *Оспрей!*» —

«Дама поблѣднѣла, отспушила назадъ, и казалось, узнала пракпирщицу.

— Вы обманываетесь, сказала она ей, фамилія моя Леди *Гатстонъ.* —

— «Нѣтъ, нѣтъ, вошла пракпирщица, вы сами назвали себя Леди *Оспрей* въ эту ночь, которую вы провели въ моей госпинницѣ съ Лордомъ *Мондевиллемъ*, и когда я васъ заспала вмѣстѣ! Эта молодая дама, приговорила она, указывая на *Maria*, находившуюся въ жалоспномъ положеніи во время сей развязки, въ то время также оспанавливалась у меня; она видѣла и даже кланялась вамъ упромъ, когда вы опсправились съ Лордомъ *Мондевиллемъ.*» —

— Здѣсь должна быть ошибка, подхватила Леди *Гатстонъ*; чпю вы хопите эпитимъ сказати? —

«Я подошелъ къ Леди *Гатстонъ*, прося Лорда *Барндаля* позаботиться о своей дочери.

— Сиръ *Ормондъ*, котораго я имѣлъ удовольствіе видѣть въ Мессинѣ, сказалъ я эпой дамѣ, не безъ причины выспавлялъ вашу ловкость и понкость; впрочемъ они теперь бесполезны. Возвратите, сударыня, Леди *Оспрей* ея имя и честь. —

«Она кинулась на софу и закрывая лице руками, вскричала:

— Какъ! вы его видѣли въ Мессинѣ? —

— «Оспавимъ эпую женщину;» — глухо произнесъ Лордъ *Барндаль*, который не могъ привесъ въ чувства дочь свою.

«Мы перенесли еѣ въ почтовую карету, умирающую, почпи бездыханною и не способною чувствовати радость о томъ, чпю невпнность ея совершенно прояснилась. — Чпю мнѣ оспаеется еще сказати вамъ? Два мѣсяца она палала; она проспала меня и кончила жизнь опъ аневризма въ сердцѣ, произведеннаго жестокими душевными поспрясеніями.

«Гореспный отецъ не хотѣлъ меня болѣе видѣть. Я имѣлъ несчастье пережить обоихъ дѣтей своихъ. Ничто не удерживало меня въ свѣтѣ; я поспѣшилъ въ Сицилію, въ надеждѣ найти Лорда *Мондевилля* и опмспить ему за всѣ мои несчастья: онъ опсправился въ Индію по порученію Правительства. — Благодаря опцу *Ансельму*, я нашелъ убѣжище въ сей облпели. Для меня вездѣ равно! Одна горестъ и ненавистъ занимаютъ меня. Супружество! Супружество! Имѣть жену, любить еѣ, вѣрять ей и вмѣстѣ прпепетати, думать, чпю она не опдала тебѣ сердца своего съ рукою, чпю оно принадлежитъ другому; воображати, чпю ласки и пламенные объпы ея, распочаюпся не для тебя одного; хранитъ для удовольствія другихъ сн слабая и нѣжныя созданія, которыхъ обожая, мы разрушаемъ, и которыхъ мы осыпаемъ незаслуженными нѣжностями послѣ всѣхъ несправедливыхъ оскорблений, — вопъ учасъ мужа.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БАРИНЪ ВЪ ПОМѢСТІИ.

Весна цвѣтами нарядила
Поляны, пивы и луга,
И холмики и берега
Муравкой свѣжей опушила
Въ одеждѣ Майской красопы.
Природа вся веселемъ дышетъ,
И въперокъ чупъ, чупъ колышетъ
Въ лугахъ душистые цвѣты.
По рощамъ на зарѣ румяной
Свистятъ дрозды и соловьи;
По камешкамъ журчатъ ручьи,
Съ горы ключъ капилпса опрадною;
Ивякъ раскинулъ надъ водою
Свои зеленые побѣги.
Въ часы весенней, сѣльской нѣги,
Прїехалъ баринъ молодой,
Въ усадьбу — старое Залѣсье —

Въ свое любимое помѣстье
 Въ дубовой прадѣдовскій домъ.
 Гулянье манишь яснымъ днемъ,—
 Идушь, гдѣ озимъ зеленѣешь;
 Кипящъ крестьяне вокругъ работъ,
 Тамъ кто боронитъ, пашетъ, сѣетъ;
 Овечекъ паспушокъ пасетъ;
 Рогатки на всемъ привольѣ—
 Гуляюшь, рѣзвясь—шумяшь!
 Друзья любясь говорятъ:
 Какая красота!—Раздолье!
 Вездѣ цвѣтешъ, шумишь, поѣшь:
 Мнѣ все большой оброкъ даѣшь!
 Помѣщикъ счастьемъ похвалился.
 Ахъ! посмотрика черезъ лугъ—
 Въ селенѣ домъ какъ наклонился,
 Полуоткрытъ! промолвилъ другъ.
 Идушь поляной,—разсуждаюшь.
 Зашли въ селенѣ,—спрой дѣшей,
 Спарухи, спарики вспрѣчаюшь,
 Въ домъ просящъ съ ласкою гостей,
 И управитель пойдя порою,
 Стоитъ съ открытой головою,
 Прислуживая барамъ шущъ.
 Помѣщикъ смотришь на приютъ:
 Вокругъ себя бросаешь взоры,—
 Худые видишь онъ зашворы,
 Осной подпершы столбы,
 Узорной гребешокъ съ прубы
 И крылья съ дому обвалились;
 Намѣны надъ дворомъ раскрылись,
 Въ саду разрешетился шнѣ!
 Спросилъ нахмуясь господишь:
 Давно ли такъ вы обдѣнли?
 Все кажешъ горькой нищетою!
 Попрясь Онуфричъ сѣдиной:
 Мы безъ тебя осиротѣли;
 Осьмой ужъ пропекаешъ годъ,
 Какъ поселился управитель...

Баринъ.

Вотъ что надѣлалъ мой походъ!
 Довелъ до нищеты смотришель;
 Ему вся волчина сдана,—
 Какъ измѣнилось селенье! —
 Скажи мнѣ правду спарина:
 Съ чего такое разоренье? —
 Спарикъ сквозь слѣзы заговорилъ:
 Я дѣду вашему служилъ,
 Опцу,—тебѣ душой радѣю,
 Богъ видишь! лгашъ я не умѣю,
 И самъ прикащикъ шущъ стоишь,
 Скажу передъ его глазами,

Пусть поперечитъ,—обличитъ
 Мою неправду передъ вами;
 Берешъ мукой, холстомъ, зерномъ;
 А сколько челеди при немъ:
 Прислужницъ-нянюшекъ, спарушекъ;
 Завелъ онъ спашныхъ рысаковъ,
 Большую псарню, козъ, быковъ,
 Заморскихъ птицъ, гусей, индюшекъ;
 Дворецкой, ключникъ, повара,
 Таскаюшь всячиной съ двора.

Бояринъ здѣсь—защипа съ нами!
 Бурмиспръ примолвилъ Пантелей.

Баринъ.

Небойся,—говори смѣлѣй!

Пантелей.

Что свадьба,—то спупай съ дарами,
 За нимъ недѣли двѣ ходи;
 Прогнѣваль чѣмъ—такъ худа жди!
 Ему неси на именины,
 Рѣдинки шшпья, холспины;
 На Спасовъ день и на Покровъ,
 Пяшь кринокъ меду приготошь;
 А въ Новой годъ за чешъ въ подарокъ
 Царъ двадцать дикихъ куропапокъ,—
 И каждой годъ ему къ Святой—
 Чтوبъ былъ шелѣнокъ годовой!

Что праздникъ Божій,—Воскресенье,
 Со всѣхъ споронъ, какъ рой, гостей!
 Пойдетъ пошѣха, да веселье;
 Запѣюшь правлю вокругъ полей;
 За зайцами собаки мчашся,
 Посѣвы наши попочушь, мнушь,
 Плешни и городьбы валяшся,
 А пораздоръ—такъ знашь дадушъ!

Баринъ.

Что мнѣ объ эпомѣ не писали?

Пантелей.

Да все тебя кормилецъ ждали!
 Сполялъ прикащикъ, да блѣднѣлъ;
 Въ отвѣщъ онъ не промолвилъ слова,
 И волкомъ—изъ пенешъ смотрѣлъ—
 Онъ на Онуфрича сѣдова.—
 Нахалу господишь сказалъ:
 За все тебѣ спасибо другу!—
 Дубиной волка за услугу
 Съ помѣстья въ шопъ же день прогналъ.

О. Сальпикиишъ.

Ш А Р А Д А.

Мое чудесное усройство:

Двулична я—и не имѣю лицъ;

Закрыша у мушницъ, опкрыша у дѣвицъ.

А двухъ слоговъ моихъ такое свойство,

Что каждыиъ разговоръ веду;

Однииъ зову себя, другииъ другиихъ зову,

И то, когда ушпиво обращаюсь,

А если за просто: то въ брама превращаюсь.

Швердинскій.

Въ No 54, помѣщенная загадка значить: *Mousse.*

М О Д Е С.

La température, qui n'est certainement pas celle des mois de juin ordinaires, permet encore de porter beaucoup de robes d'étoffe. Celles du matin doivent être négligées, en redingotes, croisées sur le côté, fermées avec des pates intérieures. Corsage croisé, plat devant et derrière; plat de épaules et un peu froncé dans le bas. De grandes pélerines simples ou doubles. Quelquefois on ajoute à ces doubles pélerines un petit col carré, rabattant.

Les gros-de-Naples à carreaux, que quelques journaux ont désignés comme fort élégans, sont au contraire beaucoup moins bien portés que le gros-de-Naples uni.

Une jolie capote remarquée aux Tuileries était en crêpe, rose-hortensia, doublée de gros-de-Naples; elle était, comme les chapeaux de deuil, sans le moindre liseré ni ruban satiné. Le nœud, très-simple, fait en rosette, posé sur le côté, était lui-même en crêpe; les brides en taffetas rose; dessous, une ruhe de blonde entourant le visage et le front. La femme qui portait cette capote avait une redingote de percale blanche à doubles pélerines, dont les bords, ainsi que celui de devant du peignoir, étaient brodés d'une dent couchée à crêtes festonnées; une ceinture fond blanc à mille raies vertes; une cravate verte et rose sur blanc.

De charmans et élégans rubans de ceinture, qui sont les plus de mode, en vente chez *Bardel*, sont à gros grains, bordés d'un petit filet satiné et brochés dans le fond d'un très-léger dessin, bizarre et informe; des foudres de plusieurs couleurs; un quadrille en zig-zag; des racines, etc.

Puis: trois raies; celle du milieu plus large, à gros grains, fond blanc, dessins chinés de toutes couleurs. Les deux extrémités de couleur unie moirées.

Pl. No 20. Coiffure de M. Sergent; Fleurs de M. Nattier; Robe de moire garnie de blonde.

М О Д Ы.

Погода, такая обыкновенно не бываетъ въ Юнѣ мѣсяцѣ, позволяетъ еще носить шелковыя плащя. Упренія дѣлаются просто, редингошами, пола на боку, загнута снизу застежками; лиць крестообразно, гладкой спереди и сзади, на плечахъ гладкой, а къ низу немного собранъ. Дѣлаются большія пелеринки простыя или двойныя. Иногда прибавляютъ къ симъ двойнымъ пелеринкамъ небольшой, чепвероугольной опложной воронничекъ.

Клѣпчатыя гроденапли, называемыя въ нѣкоторыхъ журналахъ весьма щеголеватыми, напрошивъ менѣе въ употребленіи, нежели гладкія.

Мы замѣтили въ Тюльери красивый креповой капотъ, цвѣта розовой горпензіи, подложенный гроденаплемъ; капотъ сей сдѣланъ былъ, какъ шраурныя шляпки, безъ апласной выпушки и апласиспыхъ лентъ. Бантъ, весьма простой, сдѣланъ репейкомъ изъ крепа, пришилленъ на боку; завязки изъ розовой шаппы; снизу блондовой рюшъ, вокругъ лица и лба. На дамѣ въ семъ капотѣ, былъ перкалевой бѣлый рединготъ, съ двойною пелеринкою; по краю пелеринокъ и перѣдъ шафрока, вышппы косыми зубцами, выметанными на подобіе пѣпушыхъ гребешковъ. Поясъ бѣлый съ мелкими зелеными полосками; галспукъ волнистый розовой съ зеленымъ по бѣлому.

У Барделя продаются прелесныя и щеголеватыя ленты для поясовъ, которыя болѣе другихъ въ употребленіи; они сдѣланы рубчиками, по краямъ узенькая апласиспая сѣпка, а въ среднѣ запканы весьма легкими, спранными неправильными узорами, громовыми спрѣлами разныхъ цвѣшовъ, клѣпкою зигъ-загомъ, корнями и проч.

Еще пояса: три полосы; средняя шире, сдѣлана рубчиками, по бѣлому грунту волнистыя узоры всякихъ цвѣшовъ, а другія двѣ объяривныя одноцвѣшныя.

Карп. No 20. Причѣска парикмахера *Сержана*; цвѣпы отъ Напье; объяривное плащье, опдѣланное блондою.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 56.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 NO.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 13 дня, 1852 года.

Всякъ только своему разсудку въ слѣдъ идетъ;

А вѣруетъ бѣдѣ не прежде, какъ придетъ.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

У Л И К А.

Въ одномъ журналѣ увѣряютъ, будто бы въ предисловіи къ историческому роману, подъ заглавіемъ: *Клятва при гробѣ Господнемъ*, сочинилъ онаго (онъ же Авторъ *Исторіи Русскаго Народа*, онъ же Издатель *Московского Телеграфа*),—«Николай Алексѣевичъ *Полевой* отказывается отъ продолженія *Исторіи Русскаго Народа* и обѣщается разо-
«сласть къ особамъ, благоволившимъ подпи-
«саться на оную, обратно деньги сполна и
«съ причисляющимися на нихъ за пять лѣтъ
«указными проценнами.»—

Мы читали и перечисывали всѣ 64 страни-
цы предисловія и, кромѣ пространныхъ по-
хвалъ Николаю Алексѣевичу *Полевого*, Николаю
же Алексѣевичу *Полеволю* воспѣваемыхъ, ни-
чего не нашли.

Покорно просимъ господъ Издателей: въ
первомъ номерѣ ихъ журнала указать намъ
страницу *Клятвы*, на которой напечатано
объщаніе *Г. Полевого* о возвратѣ subscri-
бенцамъ на *Исторію Русскаго Народа* под-
писныхъ денегъ; въ противномъ случаѣ, мы
назовѣмъ ихъ по имени, уличимъ во лжи — и
имъ будетъ стыдно.

Швердинскій.

ПУЛЯ ВЪ ЛОБЪ, ВСЕМУ КОНЕЦЪ!

Я приспавилъ уже къ груди гибельное ору-
діе и приготовился спустить курокъ; я хо-
пѣлъ заспѣрлиться.

— Заспѣрлиться? — спросятъ меня.

Да, вы сей часъ увидите, имѣлъ-ли я при-
чину рѣшиться на такую крайность; послу-
шайте. Я отъ природы... но поговоримъ
сначала о *Г. Рандю*.

Г. Рандю занималъ мѣсто главнаго сборщи-
ка подапей. Это былъ спарый холостяга,
веселаго нрава, съ свѣжимъ и румянымъ ли-
цемъ, всегда чопорный, нарядный, и, можетъ
быть, красавецъ въ свое время. Счастливымъ,
безпечный *Г. Рандю* вертѣлся въ гостинныхъ,
увивался около женщинъ и имѣлъ счастье ни-
когда не надоѣдать имъ; любилъ немного по-
смѣяться, по злословишь; впрочемъ безъ худа-
го намѣренія; имѣлъ всегда на голавъ оспро-
пу и радовался, когда она возбуждала смѣхъ;
кромѣ того лучше многихъ умѣлъ повязывать
галстукъ и носилъ въ рукѣ проточку; од-
нимъ словомъ, *Г. Рандю* былъ человекъ уди-
вительный, и весьма пріятно проводилъ хо-
дую жизнь свою.

Но воптъ однажды онъ сдѣлался мраченъ,
задумчивъ; переспалъ вертѣпья, осприпъ,
смѣяпья; разлюбилъ танцы, рѣже спалъ по-

брякивать кошелькомъ своимъ по карпочно-му сполу. Молча, забивался онъ въ тѣмный уголь комнаты, чтобы скучать на свободѣ. Всѣ замѣтили эту перемену; всѣ искали его глазами въ тѣмномъ углу. «Что съ вами случилось, Г. Рандю?» говорятъ, беспокоятся, толкуютъ, жалюютъ; сколько имѣетъ выгодъ спарый холостяга! Придумываютъ то и другое, и наконецъ рѣшаютъ, что Г. Рандю хочетъ жениться.

А почему жъ бы и не такъ? Г-ну Рандю едва исполнилось девять пятнадцатилѣтій; онъ одаренъ еще такою же свѣжестію, такою же мягкостію характера, какъ и молодой человекъ. Правда, что иногда онъ любитъ поворчать, что онъ немного капризенъ; но это можно извинить, и при томъ, кто-жъ безъ слабости? Можетъ быть, что въ излишней точности его наряда, въ излишнемъ стараніи повязывать галстукъ, и въ припворно-небрежныхъ приемахъ, нашлась бы нѣкоторая спрасъ подражать молодымъ людямъ, что показалось бы смѣшно въ его лѣта; можетъ быть, что это здоровый видъ.... Но что нужды? У Г. Рандю пятьдесятъ тысячъ ливровъ дохода, мѣсто, которое приноситъ ему почти столько же: право, Г. Рандю можетъ осчастливить всякую женщину. По крайней мѣрѣ, такъ думали многія мапушки, поглядывая на своихъ дочекъ, когда заходила рѣчь о замужствѣ.

Г. Рандю въ самомъ дѣлѣ желалъ жениться. Есть люди, одаренные удивительною способностію отгадывать въ другихъ такое намѣреніе. Онъ долго обдумывалъ это предметъ; холостая жизнь начинала надоедать ему; онъ видѣлъ съ безпокойствомъ, что скоро спукнетъ ему пятьдесятъ лѣтъ, и какъ человекъ предусмотрительный, хотѣлъ обезпечить свое положеніе на будущее время. Впрочемъ, ему казалось, что онъ довольно наслаждался жизнію, и въ женитьбѣ искалъ онъ всего болѣе спокойствія. Получивъ съ лѣтами склонность къ сидячей жизни, онъ не находитъ пособій въ умѣ своемъ, для того, чтобы сдѣлать еѣ себѣ сносною. Вызжать ему было очень трудно, а оспаваясь дома, онъ скучалъ до безумія, и чувствовалъ ужасную пустоту; пустоту, нераздѣльную съ эпохою

пой перемены въ жизни холостяка, когда онъ начинаетъ скучать удовольствіями молодости, и постепенно впадаетъ въ совершенную безчувственность. Ему недоставало кого-то, съ кѣмъ-бы онъ могъ по вечерамъ играть въ шпекетъ, не покидая своихъ креселъ и не нуждаясь въ пріятель, часто несносномъ; кого-бы, цѣлуя въ лобъ, могъ онъ называть душенькою; кто-бы его ласкалъ, нѣжилъ, лелѣлъ. Вотъ почему, если вы того не знали, хотѣлъ жениться Г. Рандю.

Но выбрать жену дѣло не легкое, а Г. Рандю желалъ найти еѣ со всѣми совершенствами. Правда, что онъ имѣлъ на это право, и что съ пятидесятью тысячами ливровъ дохода позволительно, по крайней мѣрѣ, искать жену по своему вкусу. Онъ полагалъ однакожъ предѣлы своей разборчивости, и если-бъ только удалось ему найти жену, которая была бы хороша собою, могла оплчаться между другими женщинами своимъ умомъ и пріятностями, имѣла дарованія; если-бъ онъ могъ быть увѣреннымъ найти въ ней ту доброту сердца, которая составила-бы ихъ взаимное счастье: то онъ мало заботился бы объ остальномъ, и не претовалъ опъ нея ни богатства, ни знаиности, довольствуясь собственно ею. Какъ видите, Г. Рандю былъ не слишкомъ взыскателенъ, и однакоже еще ни въ одной женщинѣ не нашелъ онъ всѣхъ желаемыхъ качествъ. Одна была хороша собою, но небольшого ума; другая оспроумна, но въпрена; словомъ, во всѣхъ онъ находилъ какой нибудь недоспапокъ, и не смотря на стараніе матерей выказать хорошую сторону въ дочеряхъ своихъ, онъ всегда открывалъ дурную. Старые холостяки очень привязчивы.

Выбирайте, выбирайте, Г. Рандю, изъ всѣхъ красавиць, которыхъ природа создала конечно для главнаго сборщика подазей; спарайтеся найти себѣ между ними жену совершенную и будьте съ нею счастливы. Я, право, никогда не пожелаю себѣ вашего счастья, никогда не позавидую данному вамъ судьбою праву выбирать изъ всѣхъ, тогда какъ многіе несчастливцы бываютъ отвержены даже одною, ими любимую. Оставьте только мнѣ мою Юлію, не думайте о ней, не считайте еѣ

достойною раздѣлять съ вами богатство, и будьте счастливы, Г. Рандю.

Я создалъ себѣ идеалъ женщины прекрасной, съ черными глазами, съ стройнымъ станомъ, съ живыми и нѣжными взорами, съ томною улыбкою; женщины простой, чистосердечной, безъ всякаго порока. Но я не думалъ, что такая красота могла существовать внѣ предѣловъ моего воображенія; я не надѣялся найтти дѣйствительно душу, подобную воображаемой мною. О Юлія! въ тебѣ нашелъ я мой идеалъ; ты даже превзошла его своими божественными прелестями!

Въ первый разъ, я увидѣлъ её на балѣ. Начиная играть музыка. Рѣшившись не танцовать, я усѣлся было въ углу залы, чтобы отдохнуть отъ бальнаго шума и насладиться весьма живописнымъ видомъ сей подвижной каршины, но ко мнѣ подошла хозяйка дома, съ просьбою сѣсть вмѣсто недостающей пары. Хотя я и не люблю этой роли, сколько же затруднительной для кавалера, какъ упоминательной для дамы, всегда воображающей въ такомъ случаѣ, что выборъ ея сдѣланъ по принужденію, однакожь всталъ, ища глазами особы, къ которой бы могъ обратиться съ запоздалымъ приглашеніемъ. На противной споронѣ залы, я замѣтилъ двухъ молодыхъ женщинъ, сидящихъ на скамьѣ и какъ-бы забытыхъ веселою толпою танцующихъ. Тайно упрекая себя въ судьбѣ пошлой, у которой я шелъ опьянеть собесѣдницу, я подошелъ къ нимъ и машинально обратился къ первой, представившейся глазамъ моимъ. Она колебалась съ минутой, и бросила на свою сосѣдку взоръ, въ которомъ изображались и опасеніе и огорченіе её, и непертерпѣніе воспользоваться представившимся случаемъ. Наконецъ, удовольствіе одержало верхъ; сбросивъ съ шеи легкую ткань, её обвивавшую, она подала мнѣ руку. Началась танцы. Всѣ женщины, въ блестящихъ нарядахъ, алмазахъ и цвѣтахъ, казались, занимались только тѣмъ, чтобы понравиться. Мужчины, ослѣпленные ихъ прелестями, наслаждались бесѣдою съ ними. Между тѣмъ, я думалъ о молодой женщинѣ, которая спалась одна на скамьѣ. Тщетно хотѣлъ я казаться внимательнымъ, тщетно спарался прислушиваться къ веселымъ словамъ моей

хорошенькой дамы. Мысли мои невольно обращались къ пустой скамьѣ. Наконецъ, я не могъ болѣе владѣть собою, и подъ опасеніемъ превратиться въ соляной столбъ, хотѣлъ непременно вѣдѣть незнакомку, такъ меня занимающую. Я оглянулся; она всё еще сидѣла на прежнемъ мѣстѣ, опершись головою на руку. Взоръ ея, немного задумчивый, слѣдовалъ за движеніемъ веселой толпы, въ которомъ она не участвовала. На ней было простое бѣлое платье; волосы ея были убраны лентами, и всё показывало въ ней скромную молодую дѣвушку.

Не знаю отъ чего, но этакъ взоръ, этакъ печальный видъ, это бѣлое платье, это простой нарядъ, а всего болѣе это одиночество, въ которомъ она мнѣ явилась, сдѣлали на меня глубокое впечатлѣніе. Я отдалъ бы всё на свѣтъ за то, чтобы она могла участвовать въ танцахъ, а особливо за то, чтобы она танцевала со мною, О! какъ долго показался мнѣ этакъ конгрдансъ. Я былъ въ восхищеніи, когда онъ кончился; но вдругъ подошелъ къ ней какой-то молодой человекъ, и съ живостию о чемъ-то заговорилъ съ нею. Она улыбалась, и я тотчасъ понялъ, что она дала ему слово танцовать съ нимъ. Это меня раздосадовало; взявъ шляпу, я уже собирался уйти, какъ снова заиграла музыка. Я равнодушно смотрѣлъ на молодыхъ людей, спановившихся по мѣстамъ, на веселыхъ и смѣющихся дамъ ихъ. Бѣлое платье всё еще оставалось; это была она. Я тотчасъ же подбѣгаю къ ней, и она принимаетъ мое приглашеніе.

Я не зналъ, вѣрится ли мнѣ своему счастью. Она первая прервала молчаніе и сказала мнѣ, почему она отказала молодому человеку, прежде меня её ангажировавшему.

«Какъ! вы меня поняли?» вскричалъ я.

— Конечно; я знала, что вы идете ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы ангажировать меня, и дала себѣ слово танцовать съ вами. —

«Какой Ангелъ!» подумалъ я.

— Чѣмъ болѣе я на васъ смотрю, тѣмъ болѣе нахожу въ васъ сходства съ моимъ двоюроднымъ братомъ *Лизиньи*. То же лице, тотъ же взглядъ! Мой братъ былъ такъ любезенъ! Я его очень любила, особливо, когда

онъ бывалъ въ своемъ прекрасномъ Кирасирскомъ мундирѣ, въ блестящей каскѣ, въ большихъ ботфортахъ со шпорами. Можетъ быть, вы также военный?—

«Нѣтъ, сударыня, опивчалъ я со вздохомъ, котораго какъ будто говорилъ: для чего я не военный!»

— Тѣмъ лучше; я терпѣть не могу военныхъ, съ тѣхъ поръ, какъ они убили моего бѣднаго брата.—

«Вашъ братецъ былъ убитъ?»

— Да, на дуэли.—

Въ это время конспрансъ кончился; я опвелъ свою даму на прежнее мѣсто; она сказала мнѣ свое имя, и разговоръ нашъ прервался, потому что по системѣ нашего общества, дѣвица, продолжившая на минуточку послѣ танцевъ разговоръ съ молодымъ мужчиною, котораго видѣтъ въ первый разъ, обратила бы на себя всеобщее вниманіе.

Съ этой минутой, я не думалъ ни о чемъ, кромѣ Юліи; не находилъ никакого удовольствія тамъ, гдѣ не могъ ея встрѣпить. У неѣ самой вырвалось нѣсколько словъ, которые, какъ кажется, ничего не значатъ, но которыми любовникъ умѣетъ придавать столько смысла, и которые дали мнѣ знать, что я люблю не напрасно. На балахъ, она всегда предпочитала танцевать со мною; если я бралъ ея руку и жалъ оную съ большимъ чувствомъ, нежели бы должно, она не отнимала еѣ; если она пробѣгала по фортепiano своими легкими пальчиками: то взоръ еѣ, оживленный выраженіемъ музыки, искалъ встрѣпиться съ моимъ, какъ будто бы я одинъ былъ ея слушателемъ. Однимъ словомъ, мы любили другъ друга.

Мать ея, своимъ молчаніемъ и внимательностію ко мнѣ, казалось, одобряла наши взаимныя чувства. Въ домѣ ихъ не давалось ни одного обѣда, ни одного бала, на который бы я не былъ приглашенъ. Въ прогулкахъ я всегда пользовался правомъ вести подъ руку мать, и несли шаль дочери. Со мною обходились какъ съ другомъ, и въ этомъ качествѣ сообщали мнѣ всякую добрую вѣсть, всякое несчастіе, случившееся въ семействѣ, въ увѣренности, что я приму въ оныхъ искреннее участіе. Такимъ образомъ, я считалъ

себя счастливѣйшимъ человекомъ въ свѣтѣ, живучи близъ обожаемой мною женщины, наслаждаясь настоящимъ и имѣя огромный запасъ надеждъ на будущее.

Такъ прошелъ цѣлый годъ.

Однажды, мнѣ подали письмо отъ Юліи матери; она звала меня къ себѣ на вечеръ. Пріѣхавъ, я нашелъ у неѣ гораздо болѣе гостей, нежели ожидалъ. Сія послѣдніе смѣялись, разговаривали, толпились около карточныхъ столовъ. Когда я подошелъ къ хозяйкѣ дома, она почти не обратила на меня вниманія. Это меня не удивило; какъ я сказалъ уже, я былъ другъ дома и со мной обходились безъ церемоній. Я хотѣлъ подойти къ Юліи, но увидѣлъ Г. Рандю, который облокотясь на ея стулъ, велъ съ нею оживленный разговоръ. Это меня нѣсколько встревожило; но я зналъ Г. Рандю, и зналъ, что онъ обращался съ женщинами, и женщины обращались съ нимъ за-просто. Однакожъ, я замѣнилъ во всѣхъ домашнихъ особенную къ нему внимательность; они улыбались словамъ его, и изъявляли ему видъ одобренія, который былъ, казалось, слѣдствіемъ условія. Онъ попросилъ Юлію пропѣть романсъ и она пропѣла. Никогда ея голосъ не былъ такъ чистъ, такъ пріятенъ; никогда, думалъ я, она не пѣла такъ хорошо для меня!—«Не потанцовать ли намъ? вскричалъ Г. Рандю, и тотчасъ составилъ кадрили. Юлію окружила толпа молодыхъ людей, оспоривавшихъ другъ у друга честь танцовать съ нею; но она уже дала слово. Въ этотъ разъ, однакоже, не я получилъ ея, не мой взоръ былъ встрѣченъ и понятъ ея взорами. Я перенесся мыслями въ тотъ вечеръ, когда она была такъ проста и одинока, и такъ прекрасна для меня. Теперь, когда всѣ распочали ей похвалы, она не помнила вѣроятно того, кто тогда одинъ о ней думалъ. Скоро я увидѣлъ, что съ ней танцуетъ Г. Рандю; это взбѣсило меня. Всѣ объясняется, сказалъ я самъ себѣ; для него спараются выказавъ эти прелести, эти дарованія. О! для чего я не богачъ? для чего у меня нѣтъ поже ста тысячъ дохода? Черезъ минуточку доложилъ Г. Рандю, что пріѣхала его карета: Юлія улыбнулась. Всѣ потеряно, подумалъ я, она никогда меня не любила.

Тысяча печальныхъ мыслей волновали умъ мой. Я думалъ о томъ счастьи, которое я почтпалъ столь прочнымъ, и которое такъ скоро разрушилось; думалъ о несправедливости судьбы, о *Юлии*, которой я не зналъ хорошо до сихъ поръ, *Юлии*, теперь столь легкомысленной и тщеславной! Я приводилъ себя на память предположенія, обольщавшія меня сначала; надежды на спокойную и безвѣстную жизнь; мечпанія о счастливой будущности, для осуществленія которыхъ довольно было бы одного *Юлианна* слова. Теперь всё это было уничтожено, разрушено; всѣ предположенія опровергнуты, всё счастье потеряно, всѣ надежды испреблены. Наконецъ, я рѣшился вооружиться равнодушіемъ и позабыть *Юлію* навсегда, такъ, навсегда.

Одно ея слово испребило мою рѣшимость. Такъ, немного нужно, чтобъ измѣнить человѣческое сердце. Она уснула и съла подлѣ меня. Она сказала мнѣ, что вечеръ показался ей слишкомъ долгимъ; прелестно упрекнула меня въ томъ, что я больше о ней не думаю, что я принудилъ её дважды танцовать съ *Г. Рандю*. Она проронила даже нѣсколько насмѣшливыхъ словъ о главномъ сборщикѣ подапей. Я былъ въ восхищеніи. Въ словахъ ея была какая-то прелесть, въ голосъ какая-то прелесть, совершенно разсѣявшая мои опасенія. Я даже спалъ обвиняя себя за то, что такъ впревожился, и вышелъ опъ нихъ гораздо болѣе счастливый, нежели былъ когда нибудь.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГЕГБАРТЪ И СІЕНА.

(*Скандинавское преданіе.*)

На языкѣ любви, послѣ выраженія: *жить въѣсть*, есть самое пріятное и употребительное: *умереть въѣсть*. Это первая клятва молодыхъ любовниковъ. Мысль о взаимномъ соединеніи столь неразлучна съ любовью, что если она не можетъ быть осуществлена въ здѣшней жизни: то воображеніе любовниковъ переноситъ её за предѣлы гроба.

Гегбартъ былъ тайно соединенъ брачными узами съ прелестною *Сіеною*, дочерью *Сигары*; *Сигаръ* былъ непримиримъ: ибо двое сыновей его погибли опъ руки *Гегбарта*, коему навсегда запрещенъ былъ входъ въ его чертоги; но *Гегбартъ* рѣшился проникнуть въ жилище прекрасной *Сіены*. Онъ переоделся въ женское платье и, выдавъ себя за одну изъ находящихся при дворѣ Шведскаго Короля *Гакона* Амазонокъ, посланную съ порученіемъ къ Королю *Сигару*, прокрался во Дворецъ его. Когда наступила ночь, онъ отправился на половину *Сіены*, гдѣ служанки омыли ноги его. Онъ съ удивленіемъ спрашивали мнимую Амазонку, опъ чего ноги у ней въ волосахъ и грубыя руки?—Мудрено ли, отвѣчала она, когда я должна безпрестанно рыскаю по польсамъ, по по пескамъ около моря? Когда должна дѣйствовать мечемъ, тогда какъ руки ваши управляютъ только веревенемъ.

Сіена узнала своего супруга; она старалась поддерживать его, говоря: «что руки, привышія носить оружіе, не могутъ быть нѣжны; что Амазонки Короля *Гакона* обязаны занимать не женскимъ рукодѣльемъ и прислугою, но выѣзжать на поле битвы съ копьемъ и бердышемъ.» *Сіена*, будпо бы желая почтпть Шведскую посланницу, предложила ей раздѣлишь съ нею постель.

«Другъ мой, сказалъ *Гегбартъ*, если опецъ швой узнаетъ и погубитъ меня! Сохранишь ли ты и по смерти ко мнѣ любовь?»

Сіена отвѣчала:

—Клянусь тебѣ, что я умру вмѣстѣ съ тобою. Безъ тебя нѣтъ любви; я добровольно предамся на смерть. Могу ли оставить того, кого избрало мое сердце, и кто былъ первою моею любовію!—

Слова сіи возвышали счастье *Гегбарта*: но прислужницы измѣнили его тайнѣ; потчасъ являются *Сигаровы* пѣлохранищели; *Гегбартъ* защищается какъ левъ; онъ многихъ изъ нихъ убиваетъ у дверей *Сіены*; наконецъ, должно было успушнть силъ, и его опводатъ въ народное собраніе. Смерть была его приговоромъ. Поспавили висѣлицу.

Гегбартъ находился подъ висѣлицей. Онъ попросилъ пить. «Пусть онъ утолитъ жажду изъ эшаго рога, грозно произнесла Королева;

эпопъ напишокъ будетъ для него горекъ. — Пей, гордый *Гегбартъ*, примолвила она, въ послѣдній разъ успа пвои прикоснулся къ краямъ рога; эпо будетъ для тебя смерпнымъ пишемъ; ты низвергнешься въ адъ и пѣло пвое расперзано будетъ хищными спицами.»

Молодой человекъ твердою рукою принялъ пише.

«Видишь ли, Королева, что рука моя не прещепеть; эта рука поразила двухъ сыновей пвоихъ. Я отхожу въ царство мерпвыхъ насладившись меспию. Сыновья пвои возвѣстятъ о моемъ приходѣ. Злополучная и бездѣпная мапъ, я сожалею о тебѣ; каждая минута, каждый часъ, и самая смерть моя будутъ напоминать тебѣ о пвоей потерѣ!»

Сказавъ сии слова, онъ бросилъ опъ себя рогъ съ пишемъ.

Между пѣмъ *Сiena* спрашивала у окружавшихъ её женщинъ, желаютъ ли онъ раздѣлять съ нею учаспъ; онъ отвѣчалъ, что готовъ на всё, удобное ихъ повелительницѣ. Тогда она, проливая слезы, сказала имъ, что она не переживетъ смерти того, кто раздѣлялъ съ нею брачное ложе. Попомъ она велѣла одной женщинѣ взойти на башню, не подаспъ ли какого знака *Гегбартъ*, о чемъ топчасъ извѣспилъ её. Въ то же время она приказала наносить сухихъ прущевъ въ свои комнаты, и свипъ покрывала въ видѣ пепель. Пепли сии прикрѣплены были къ брусьямъ, съ пѣмъ, чтобы по первому знаку спашъ на скамьи, вложивъ головы въ пеплю, оптолкнувъ скамьи и кончивъ всѣмъ жизнь вмѣспилъ съ принцессою. Для разбѣянн ужаса смерти *Сiena* приказала своимъ женщинамъ выпить нѣсколькo вина.

«Спражи, сказалъ *Гегбартъ*, повѣспте мой военный плащъ на эпо дерево. Пусть въперъ развѣваетъ его: эпо облегчитъ мнѣ сходъ въ могилу.»

Спражи исполнили просьбу *Гегбарта*. Женщина, споявшая на подзорной башнѣ, увидомила о семъ *Сиену*.

— Милыя подруги, вскричала *Сiena*, эпо знакъ, котораго я ожидала;—мгновенно въ комнатахъ ея запылалъ огонь и всѣ женщины вмѣспилъ съ принцессою повѣспились.

Гегбартъ увидѣлъ пожаръ во Дворцѣ на половинѣ *Сиены*, коей комнаты сполькo были ему знакомы.

«Вѣрная моя подруга! вскричалъ онъ. Спѣши спражи! въшайне меня! пусть пѣло мое также сдѣлается игрою въпра, какъ эпопъ плащъ! *Сiena*! прѣптно умирайтъ съ тобою! эпопъ пламень мнѣ поняпненъ: онъ соединяетъ насъ. Ты сдержала свою кляпву; ты слѣдуешь за мною и въ ту жизнь; кто теперь разлучитъ насъ?»

Казнь совершилась; *Гегбартъ* погпбъ, но память его и *Сиены* сохранилась. На мѣспѣ, гдѣ повѣшенъ *Гегбартъ*, понынѣ находится селеніе, которое носитъ его имя.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Л А В А Н І Е

НА КОРАБЛѢ: ИМПЕРАТРИЦА МАРІА.

(Отрывокъ изъ письма.)

Марія съ якоря снялась,
Разверзла челюсти Перуна,
Громыкнула и понеслась
По влажной области Нептуна;
Прощай Турецкая земля!
Прощайне Русскія могилы...
Спою на юпѣ корабля
Облокошяся на перилы,
И къ Варнѣ усспремивъ глаза.
Она скрывается... сокрылась...
Невольно грудь моя спѣснилась
И въ море канула слеза.
О милый братъ! о другъ мой пѣпной,
За чѣмъ оставилъ ты меня?
Покойся въ сѣни безмятежной,
Прости до радостнаго дня!...
Брожу на палубѣ прострпанной,
Подъ пѣпью воздушныхъ парусовъ;
Громады скрипитъ безпереспанной,
И въпра вой и плескъ валовъ
Мою задумчивость пипаюптъ;
Уже Балканы исчезаюптъ,
Уже не видно береговъ;

Сокрылась Турція изъ вида;
 Одинъ эфирный неба сводъ
 Сливаеця съ краями водъ,
 Какъ свѣлозарная хламида.

Шумипь попутный Аквилонъ
 И мчипся грозная Марія—
 Надъ нею свѣшлый небосклонъ—
 Подъ нею волны голубья;
 Матросы праздные лежатъ
 Подъ пѣнью мачшы величавой;
 Иные пѣнемъ и забавой
 Свои досуги золопятъ;
 Мортей лепаетъ по каютамъ,
 И тихо всё на кораблѣ,—
 Лишь у компаса передъ юпомъ
 Не дремлетъ спража на руль;

Но шкваль порывистый нагрязнулъ;
 На вахтѣ рупоръ заревѣлъ,
 И всякой съ палубы воспрянулъ
 И на грохъ-мачшу полешѣлъ.
 И вопъ, съ искусствомъ непоняпнымъ
 Бѣгутъ по лѣстницамъ канашнымъ;
 Одни взвилисъ подъ небеса,
 Другіе бросилисъ на рен,
 И обвиваюпся какъ змѣи,
 Перебирая паруса.

Одни на Марсовой площадкѣ,
 Трудяпся, дѣйспвуюпъ въ порядкѣ;
 Другіе бодро поднялисъ
 Къ вершинѣ мачшы колоссальной,
 Откуда видѣнъ берегъ дальней,
 И тамъ работою занялисъ.

Но рупоръ снова раздаеця;
 Призывный свиспъ на вахтѣ льетсѣ,
 И всё, съ канапа на канапъ,
 Опяпъ на палубу лепяпъ.

Какое смѣлое проворспво!
 Какое быспрое покорспво!
 Но, между шѣмъ, вокругъ меня
 И шумъ и крикъ и спуюпня;
 Одни ворочаюпъ кормило,
 Другіе двигаюпъ вѣсприво,
 И поуждаюпъ силу рукъ
 Обычнымъ крикомъ: *Ван-ту—вдругъ!*

И вопъ, Марія лавируешъ,
 И вопъ, утихли голоса;
 Лишь море Черное бушуешъ,
 Да въшеръ шреплешъ паруса.

Опяпъ всё тихо;—опускаюсъ
 Къ второму ярусу, и шупъ
 Его обширноспью пѣняюсъ
 И успроеніемъ каюпъ.
 Какая свѣжая прохлада
 Сквозипъ изъ оконъ боевыхъ!
 Иду—и вдругъ въ очахъ моихъ
 Священный Образъ и лампада,
 Кадило, ризы и алпаръ,
 Передъ которыми Русскій Царъ
 Верховному Царю молилсѣ,
 Когда при грохотѣ громовъ,
 Среди буншующихъ валовъ
 Подобно Кесарю носилсѣ.

Въ каюпъ-кампанію вхожу—
 Какое свѣшрое проспранспво!
 Какое чистое убранспво,
 Какой порядокъ нахожу!—
 Тупъ просвѣщенная бесѣда:
 Нешпунъ и Марсъ и Аполлонъ,
 Во ожиданіи обѣда
 Играюпъ въ виспъ или въ боспюнъ;
 Изъ трубокъ дымъ опрадный вѣшпся,
 И по каюпъ раздаеця
 Сопушницы гитары звонъ.

Иду отсюда въ прешій ярусъ:
 Иное зрѣлище совсѣмъ...
 Кто плопничипъ, кто чинипъ парусъ,
 Кто конопашипъ—и межъ шѣмъ
 Овецъ плачевное бляенье,
 Воловъ пропяжное мычанье,
 И разногласный говоръ шпщъ
 Среди рѣшешчашыхъ темницъ.

Опуспимсѣ въ эшажъ чепвѣрпый;
 Опяпъ разпшельный конспраспъ:
 Молчанье, мракъ и воздухъ спѣрпый,
 Канапы, порохъ и балласпъ;
 Нѣшъ шпщи жадному вниманью,
 Спѣшу на верхъ въ каюпъ-кампанью.

Василій Домитовичъ.

С H A R A D E.

Quand l'appétit m'aiguillonne et me presse,
De mon premier je fais mon déjeuner.
Lorsque durant l'hiver tombe une neige épaisse,
Je me réchauffe auprès de mon dernier,
Et le soir à mon tout j'aime à me récréer.

Въ No 55, помѣщенная шарада значить: *Вы-я.*

M O D E S.

Les chapeaux d'étoffe, qui devaient attendre l'automne, ne sont pas déplacés maintenant. On en voit de différens genres; ils sont négligés.

Les formes de calottes se font très-étroites du haut, cela donne infiniment plus de grâce à la tête que les formes rondes, qui sont lourdes.

Toujours la fleur posée droite; plus du tout de fleur tombante.

Les bonnets habillés ont les garnitures beaucoup moins hautes que précédemment. Entre deux rangs de blonde, trois fleurs à égales distances, la tige peu longue; en tout la garniture ne s'élève, autour du visage, qu'environ de la hauteur d'une main.

On fait des bonnets du matin descendant un peu sur les joues, mais pas jusqu'au menton; ils sont garnis de quatre rangs de dentelle à très-petits tuyaux. Sur le haut de la forme, qui est simple comme les béguins d'enfant, est une double rosette de ruban, dont deux bouts forment les brides nouant sous la gorge.

Une jolie forme de pélerine, plus légère qu'une pélerine double, plus riche que les simples ordinaires, est ronde et grande. Autour est une broderie, au bord une petite dentelle à tuyaux. Cette même disposition est répétée au-dessus. Une autre rangée de broderie, et plus bas une dentelle froncée à tuyaux. Le col est semblable.

Les canezous de tulle ont souvent sur les bords des garnitures une broderie découpée en dents au lieu de petits tulles rapportés.

Une jolie couleur de gants est écorce de bergamote. Elle se rapproche de l'aventurine, mais d'un jaune plus rougeâtre.

Beaucoup de femmes attachent leurs ceintures, de côté sous le bras, avec des épingles, pas même des coques plates, de manière qu'on ne voit nullement où sont renfermés les bouts du ruban.

M O Д Ы.

Шляпки изъ матерій, которыя по настоящему должны были показаться только осенью, и теперь ксташи, сообразны съ погодою. Онѣ видны всякаго рода; ихъ носятъ за-просто.

Тюльи дѣлають къ верху чрезвычайно узки; онѣ гораздо ловчѣе на головѣ, нежели круглыя, которыя тяжелы.

Цвѣтны все прищипливають впрямь; висящихъ цвѣтновъ совсѣмъ не видать.

У нарядныхъ чепчиковъ оборки дѣлають не такъ широки, какъ прежде. Между двухъ рядовъ блонды прикальвають при цвѣткѣ въ ровномъ разстоянн; стебли не слишкомъ длинны; вообще опдѣлка около лица не шире руки.

Упреннѣе чепчики дѣлають спуская немного на щеки, но не до подбородка; ихъ обшивають въ чепыре ряда кружевомъ, сложеннымъ мѣлкими трубочками. На верху кройки, которая сдѣлана просто, какъ дѣтскія шапочки, прищиплень двойной репеекъ изъ леншъ, опъ котораго два конца завязываются подъ горло.

Мы видѣли пелеринку красивой формы; она круглая, большая, несравненно легче двойной и наряднѣе простой обыкновенной пелеринки; вокругъ шипье, а къ краю прищипто узенькое кружево, сложенное трубочками. Точно также сдѣлано въ другой разъ повыше; рядъ шипья, а пониже кружево, сложенное трубочками. Воронникъ такой же.

Тюлевья канзу часто обшивають вышитыми оборками, вырѣзанными зубцами, вѣспо узенькаго шюля съ узоромъ.

Для перчатокъ красивыѣ цвѣтшъ бергамота; онѣ похожъ на *aventurine*, но немного красноватѣе.

Многя дамы зашпиливають пояса на боку подъ рукою, даже безъ гладкихъ пепель, такъ, что совсѣмъ не видно, гдѣ спряпаны концы пояса.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 57.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Іюля 16 дня, 1852 года.

Чтобъ кришки людей. сколь можно, избѣжать,
Большому ихъ числу должны мы подражать.
Безмѣрность намъ вредитъ какъ та, такъ и другая;
И умный человекъ, приличность соблюдая
Въ парадахъ и во всемъ, обязанъ безъ зашты,
Съ разборомъ слѣдовать обычаю людей.

Дуинскъ-Борковский.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПОПРАВКА НИЧЕГО НЕЗНАЧУЩЕЙ ОПЕЧАТКИ.

Но Свѣтъ... Жестокихъ осужденій
Не измѣнятся онъ своихъ.

Пушкинъ.

На заглавномъ листѣ на сихъ дняхъ полученнаго, здѣсь романа, изданнаго на педивенш Московскаго книгопродавца В. В. *Логина*, оказалась неважная опечатка. На немъ напечатано: *Шемякинъ* судъ, историческій романъ, сочиненный Павломъ Пепровичемъ *Свиньинъ*.

А надлежало бы добавитъ: и *Николаемъ Михайловичемъ Карамзинъ*.

Въ романъ, котораго выдаютъ намъ за произршеніе Павла Пепровича, мы нашли проспранныя выписки изъ Николая Михайловича.

Развѣ потому Издапель романа *Свинина* присвоилъ ему собою или полторы сихъ выписокъ, что П. П. *Свининъ*, заимствуя кое-что изъ Исторіи Государства Россійскаго, поправляя слогъ *Карамзина*; на пр: гдѣ у него написано *прѣхаль*, *утхаль*, тамъ *Свинь-*

инъ спавитъ: *прибыль*, *отбыль*; гдѣ *Карамзинъ* написалъ *уваженіе*, *уважаю*, тамъ *Свининъ* спавитъ: *погтеніе*, *погитаю*.

Намъ кажется однакожъ, что во всякомъ случаѣ надлежало бы упомянуть, что нѣкоторыя, весьма немногія (страницъ 100—все-го на все!) мѣста взяты Павломъ Пепровичемъ изъ Исторіи Государства Россійскаго.

За поправки же не только нельзя укорять, но напротивъ, Россія обязана благодаритъ Г. *Свинина*. Благопріятель его, Г. *Полевой*, какъ $2 \times 2 = 4$ доказалъ, что языкъ *Карамзина* устарѣлъ, что онъ не годится для нашего времени.—«Не потому, говоритъ онъ: чтобы въ немъ находились ошибки прошивъ Грамматикки, Синтаксиса, Логикки; но потому, что *Карамзинъ* былъ дѣйствительный Спавскій Совѣтникъ, а не липераторъ.

Еслибъ знаменитый Сочинитель Исторіи Государства Россійскаго былъ еще живъ: то онъ лично поблагодарилъ бы Сочинителя романа: *Шемякинъ* судъ, за такое попеченіе о его славѣ.

Шевурдинскій.

ПУЛЯ ВЪ ЛОБЪ, ВСЕМУ КОНЕЦЪ!

(*Окончаніе.*)

По утру, на другой день, вошелъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ пріятелей.

— И такъ! сказалъ онъ, она выходитъ за мужъ!—

«Кто, она?» спросилъ я съ живостию.

— Она, *Юлія*. —

«*Юлія!*»

— Она выходитъ за Г. *Раццо*. Развѣ ты небылъ вчера на вечерѣ, который они для него давали? У нихъ напередъ всё было слажено. Сегодня подписываютъ условіе. —

«Это ложь, вскричалъ я, грубая клевета! Никогда *Юлія* не пойдетъ за Г. *Раццо*; я въ этою увѣренъ.»

— Бѣдный! ты никогда не зналъ женщинъ. —

«Развѣ ты утверждаешь, что они смѣются надо всѣмъ, что есть священнаго въ мірѣ, что у нихъ хитрость и притворныя сердца, что они дѣлаютъ игрушку изъ привязанности, изъ склонности; развѣ ты утверждаешь это?»

— Нѣтъ, я этого не говорю. Они ни хитры, ни притворны, но въ жизни есть искушеніе, противъ котораго ни ты, ни я, никто не можетъ успокоить въ нынѣшнее время: это бракъ. —

«Не ужь-ли ты думаешь, что *Юлія* никогда меня не любила?»

— Напротивъ, я думаю, что она любила тебя такъ, какъ только можетъ любить женщина, то есть всею силою души своей. Но когда я увидѣлъ, что ты связываешь судьбу свою съ этимъ чувствомъ, то пожалѣлъ о тебѣ. Я зналъ, что для того, чтобы разрушить всѣ твои прекрасныя надежды, довольно было малѣйшаго обстоятельства. Повѣрь мнѣ, что искашь въ любви чего-то иного, нежели любовь, и требовать отъ женщины болѣе, нежели она можетъ дать, болѣе нежели сердца, есть ничто другое, какъ глупость. —

«И ты хочешь, чтобы я спокойно и равнодушно видѣлъ во власти другаго *Юлію*, которая столько обѣщала мнѣ и допускала шпатель къ себѣ спрассть, безъ сомнѣнія ей извѣстную? Нѣтъ, это невозможно.»

— Я знаю, любезный другъ, что спрассть ослѣпляетъ людей. Когда я говорилъ тебѣ, что ты спремись къ своей гибели, ты не повѣрилъ мнѣ тогда, *Эристъ*. —

«Такъ ты говоришь, что она выходитъ за мужъ?»

— Да, теперь это ужь не тайна. —

«Опять повпорию тебѣ, что ты ошибаешься. Если бы ты слышалъ, съ какою пѣжностію она разговаривала со мной вчера вечеромъ! Какъ былъ просъ ея голосъ, какъ онокровенно улыбалась она на мои вопросы! Ты не спалъ бы обвинять её въ измѣнѣ. Впрочемъ, я самъ всё знаю, и если она дѣйствительно меня обманывала, то я отъ неё хочу это услышать.»

Я въ самомъ дѣлѣ вышелъ изъ дома. Голова моя была совершенно разспирена. Я самъ не зналъ, чего хотѣлъ, что намѣревался сдѣлать, и мнѣ было-бы очень трудно объяснить причину моего выхода. Однакожь, я явился къ Г-жѣ Р. но мнѣ сказали, что она и дочь ея уѣхали въ деревню. Онѣ отправились вмѣстѣ въ экипажъ Г-на *Раццо*.

Возвратясь домой, я нашелъ у себя слѣдующую записку отъ Г-жи Р.:

«Вы знаете, Милосливый Государь и любезнѣйшій другъ, что я всегда искала единственно счастья моей дочери. Эта причина должна была особенно руководствоваться мною въ дѣлѣ, самомъ важномъ для нея: выборъ мужа. Г. *Раццо* просилъ у меня руки ея; дѣло шло объ ея будущности; я подумала и почла должнымъ принять его предложеніе. Знаю, что нѣкоторымъ людямъ бракъ сей покажется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несоразмѣрнымъ; знаю, что многіе будутъ оуждаться меня. Но я твердо увѣрена, что мало людей въ свѣтѣ, которые бы могли сдѣлать дочь мою болѣе счастливою. Припомъ же, вы знаете, что мы не богаты. Мечты молодости проходились съ лѣтами, ничего по себѣ не оставяя, и тогда-то мы начинаемъ жалѣть, что повинувались внушенію спрассти, которой не одни бываемъ жертвою. Вы очень хорошо меня знаете, Милосливый Государь, для того, чтобы оцѣнить справедливость причинъ, побудившихъ меня къ сему выбору. Пишите къ намъ; мы осправляемся въ деревню; намъ пріятно бу-

день имѣть объ васъ извѣстія. Будьте увѣренны, что мы всегда сохранимъ къ вамъ нѣжнѣйшую дружбу.»

Жаль, сказала я. Не желая быть свидѣтелемъ сего брака, я подъ предлогомъ нездоровья, на другой же день отправился путешествовать, и возвратился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, нашелъ уже *Юлію* за мужемъ.

Пріѣхавши, я, слѣдуя свѣтскому обыкновению, долженъ бы былъ къ ней явиться, но я не сдѣлалъ того, а напропивъ избѣгалъ всѣхъ случаевъ съ нею встрѣчаться. Я не хотѣлъ, чтобы между нами существовали какія нибудь отношенія, и не оправдывая того, что казалось неумѣльнымъ и неприличнымъ въ моемъ поведеніи, рѣшился не видать ея.

Однакожь, въ одинъ вечеръ, не будучи къ тому приготовленъ, я былъ приведенъ въ большое замѣшательство. Это случилось у Г-жи Г. жены богатаго негоціанта. Доложили о пріѣздѣ Г-жи *Раццо*. Не могу опредѣлить вамъ впечатлѣнія, сдѣланнаго на меня сими извѣстіемъ; но если бы кто нибудь тогда приспально посмотрѣлъ на меня, то замѣтилъ бы на лицѣ моемъ большую перемену, происшедшую отъ изумленія и смущенія. Я не могъ однако же освободиться отъ нѣкотораго чувства удивленія. Какъ она была прекрасна! формы ея выражались подъ одеждою съ большею нѣгою и прелестью, и яснѣе обрисовывали стройный станъ ея. Въ ея осанкѣ и пріемахъ было болѣе небрежности и равнодушія, нежели когда я зналъ ея дѣвицею, а черты ея ни сколько не потерявъ нѣжности, сдѣлались болѣе важными. Когда она вошла, воцарилось молчаніе, за которымъ послѣдовала шопотъ удивленія. Каждый говорилъ: какъ она прелестна! Г. *Раццо* велъ ея подъ руку. Это меня раздосадовало; это казалось мнѣ неприличнымъ; я никакъ не могъ убѣдись себя, что это очень естественно.

Я слышалъ отъ всѣхъ похвалы красотѣ ея, и со стыдомъ признаюсь, что похвалы сіи раздирали мое сердце. Я не могъ выносить того, что всякому позволялось оспаривать у меня единственное оставшееся мнѣ право удивляться ей, или лучше сказать, я не могъ привыкнуть къ той мысли, что будучи такъ прекрасна, она принадлежитъ другому. Я бы

отдалъ всё на свѣтъ, чтобы кто нибудь сказалъ мнѣ, что она не хороша, не умна и не любезна; я желалъ бы самъ въ этомъ увѣрившись, и между тѣмъ невольно увлекался мнѣніемъ другихъ.

Она меня замѣтила, и конечно по недоброму движению, подошла ко мнѣ. Я не зналъ, что дѣлать, что говорить; но одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ всегда вершится на языкѣ комплиментъ, вывелъ меня изъ замѣшательства, обратившись къ ней съ вопросомъ. Мнѣ однако же было на него досадно. Я желалъ видѣть, какъ бы мы выпутались изъ этого затрудненія. Когда онъ ушелъ, она наклонилась ко мнѣ и сказала тѣмъ голосомъ, которому умѣла придавать такую пріятность: «*Эрнестъ*, вы сердитесь?» Я собирался отвѣчать ей, но къ ней подошли знакомые, и она успѣла только мнѣ промолвить: «пріѣзжайте ко мнѣ завтра, я многое имѣю сказать вамъ.»

На другой день я дѣйствительно къ ней отправился. Приблизившись къ воротамъ ея дома, я былъ въ такомъ волненіи, что принужденъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы немного оправиться. Я никогда не могъ объяснить себѣ дѣтской робости, овладѣвшей мною въ ту минуту, когда я готовился увидѣться съ женщиною, съ которою такъ долго былъ въ короткихъ отношеніяхъ. Не знаю, съ какимъ вопросомъ обратился я къ привратнику, но онъ вывелъ меня изъ разсѣянности отвѣтомъ: не горитъ ли барыни я спрашиваю? Я улыбнулся своей ошибкѣ, и стараясь по возможности заглядѣть оную, спросилъ Г-жу *Раццо*. Меня пропустили. Внутреннее убранство дома показывало богатство владѣльца, вездѣ блистали бронза, мраморъ; въ передней было множество слугъ. Я удивлялся особенно порядку и чистотѣ, господствовавшимъ въ домѣ; всё было вычищено, выметено, вымыто, наложено. Но за то, какое мученіе! не знаете куда плюнуть, боитесь сплунуть, чтобы не замарать мрамора, не запощать ковра. Едва вы успѣли войти, какъ уже слуга идетъ за вами, чтобы заглядѣть поврежденія, сдѣланныя вашими шагами, вашею рукою, даже вашимъ дыханіемъ!

Во внутреннихъ покояхъ я былъ ослѣпленъ роскошью шелковыхъ обоевъ, богатой драпировки мебели, опдѣланной золотомъ и разспавленной въ строгой симетрии. О Юлія! я не могъ дать тебѣ всего этого, но въ замѣну далъ бы тебѣ сердце, которое бы понимало тебя; посвятилъ бы тебѣ все мои мысли, всю жизнь мою. По крайней мѣрѣ, ты была бы не одна среди этой пылгостной роскоши. Ты могла бы пожалѣть о нѣкоторыхъ удобствѣхъ жизни; но развѣ наши надежды и предположенія не замѣнилибъ намъ сей жалкой сущестственности? Для счастья нашего такъ немного было нужно. . . .

— Барыня въ своей комнатѣ; сказалъ мнѣ слуга, которъй велъ меня.—Въ своей комнатѣ? Я начиналъ находить что-то странное въ этомъ свиданіи. Да, конечно это было свиданіе. Юлія любила меня, и весьма естественнo было полагать, что она и теперь еще меня любитъ. Она одна, говорила я самъ себѣ, она думаетъ обо мнѣ, ждетъ меня. . . . При входѣ, я слышалъ шумъ; причиною онаго было то, что Г. Рандю обнявъ одною рукою жену свою, ходилъ съ нею по комнатѣ. Увидѣвъ это, я едва не ушелъ назадъ. Это совершенно прервало нишь моихъ идей. Какъ прѣдсти именно для того, чпобъ быль свидѣтелемъ супружеской нѣжнoсти. Такъ-то Юлія обо мнѣ думала!

Разговоръ нашъ былъ весьма холоденъ, и мудрено-ли? насъ было трое и въ томъ числѣ одинъ мужъ. Однакожъ, Г. Рандю былъ очень любезенъ, и рассуждалъ весьма умно; я со вниманіемъ его слушалъ. По временамъ, онъ смотрѣлъ на свою супругу глазами, исполненными живописи, а я долженъ былъ равнодушно переносить это. Никогда еще я не игралъ столь жалкой роли. Да и могъ ли я быть покойнымъ, когда меня сухо называли: сударь, а другаго ласкали нѣжными именами: мой другъ, мой милый; когда я съ почтеніемъ долженъ былъ произносить: сударыня, а другой смѣлъ осквернять имя Юліи? Я былъ въ бѣшенствѣ; я какъ будто нарочно за тѣмъ пришелъ, чпобъ увѣриться, что Г. Рандю любитъ жену свою. Будучи, какъ вы можете судить, въ ужасномъ замѣшательствѣ, я подошелъ къ камину и принялся разсматривать прибитые

подлѣ стѣнные часы. Случайно, я примѣтилъ, что за часами заперта какая-то бумажка, свернутая въ видѣ записочки, и не знаю отъ чего, но мнѣ пришло въ голову, что она съ намѣреніемъ положена тамъ. Подспрекаемый любопытствомъ, я вынулъ её съ оснорожностью, никому не давъ знать замѣшанія. (Право, я краснѣю, когда вспомню объ этомъ). Я взглянулъ на адресъ и, о счастье! увидѣлъ свое имя, имя Эрнеста, написанное ея рукою. Удивляюсь, какъ я не измѣнилъ себѣ въ эту минуту, до такой степени я былъ занятъ своею находкою. Съ ловкостью Спартапца, всунулъ я её въ карманъ, и возвращаясь на прежнее мѣсто, былъ уже такъ доволенъ, что всею душою любилъ Г. Рандю; отъ чистаго сердца хотѣлъ пожать ему руку, обнять его.

Я вышелъ веселый, счастливый; сердце мое было полно отъ удовольствія. Я дѣлалъ разные предположенія, и думалъ, что теперь мнѣ всё позволено. Ахъ! сколько заключается въ письмѣ любимой женщины, особенно когда получаешь его въ первый разъ, когда въ каждой буквѣ видишь намѣреніе, въ каждомъ словѣ ощущеніе; когда представляешь себѣ трепетаніе руки ея, стыдливый румянецъ, покрывающій ея щеки въ ту минуту, какъ она начертываетъ это слово: Эрнестъ. Такое письмо есть прямое сокровище. Что до меня касается, то я не промѣнялъ бы своего на царство. Я вынималъ его изъ кармана, клалъ снова, вынималъ опять, прижималъ къ груди, сто разъ перечитывалъ адресъ, чпобы увѣриться, что я не обманулъ, что на немъ дѣйствительно написано имя Эрнеста. Наконецъ, я хотѣлъ сломать печать, но остановился; я подумалъ, что свободнѣе могу сдѣлать это въ своей комнатѣ, и дѣйствительно заперся въ ней; но мнѣ было такъ слишкомъ тѣсно; мнѣ казалось, что впечатлѣнія мои не могутъ развиться такъ съ полною живописью. Наконецъ, я принялъ рѣшительное намѣреніе, и вышелъ изъ города, отправился въ поле, гдѣ воздухъ свободнѣе, мысль вольнѣе и менѣе разсѣяна. Выбравъ самое уединенное мѣсто, въ тѣни небольшой сосновой рощи, я сѣлъ и взялъ въ руки письмо Юліи. Я какъ будто спрашилъ того удовольствія, которое оно

принесеть мнѣ, и чтобы нѣсколько пригото-
виться къ оному, приподнял сложенные листы
письма, и старался разобрать какое ни-
будь слово, по которому бы могъ догадаться
и объ остальномъ. Мнѣ удалось различить
только первое слово; это было по мѣстоиме-
ніе, которымъ такъ дорожатъ влюбленные.
Такъ, я твоя, ты принадлежащая мнѣ, вскри-
чала я, и въ восторгѣ взломала печать.

Начинаю читать: «мой мужъ, Милостивый
Государь,.....» Это было приглашеніе къ
обѣду: вообразите!

Черезъ годъ послѣ того, какъ я былъ такъ
жестокко одураченъ, Г. *Раидю* скончался отъ
апоплексическаго удара. *Юлія* была искренно
огорчена; она никуда не выѣзжала и не хотѣ-
ла никого принимать. *Юлія* любила своего му-
жа. Но какъ всякой горестии бываетъ конецъ,
по прошествіи прехъ мѣсяцевъ, она нача-
ла осушать свои слезы, и позволяла утѣшать
себя. Я иногда посѣщала её. Однажды, она
говорила мнѣ со слезами о кротости своего
мужа, о добротѣ его въ отношеніи къ ней.
Онъ предупреждалъ каждое мое желаніе, гово-
рила она; готовъ былъ жертвовать всемъ
своимъ богатствомъ для каждой моей прихоти.

«И такъ, вы были счастливы, сударыня?»

— Я такъ думала прежде, но я ошибалась.
Сначала, я видѣла въ замужествѣ только пи-
ры, балы, наряды. Довольная наспоившимъ, я
успремилась въ эту жизнь, которой не пони-
мала и которая не имѣла для меня будущаго,
потому что въ осьмнадцать лѣтъ не боялся
его. Позднѣе, я увидѣла свою ошибку и по-
чувствовала, что мнѣ чего-то недоспаетъ.
Я думала особенно о тѣхъ счастливыхъ ми-
нутахъ, которыя я проводила у мапушки,
вмѣстѣ съ вами, *Эрнестъ*; о той простой
жизни, которая готовилась для меня, если
бы... О! я обманула васъ, *Эрнестъ*; я васъ
любила, не смотря на все, мною сдѣланное,
для того, чтобы заславить васъ въ этомъ
сомнѣваться; я васъ обманула... —

Я взялъ ея руку, и съ жаромъ цѣловалъ её;
мы оба не говорили ни слова.

— *Эрнестъ*, сказала она наконецъ, только
съ вами могла я быть счастлива. —

И я мечтала о томъ счастьи, которымъ
мы опнынѣ могли наслаждаться.

Я еще продолжала мечтать, какъ мнѣ по-
дали объявленіе о бракосочетаніи вдовы Г-на
Раидю съ Г. *Сен-Викторомъ*, Перомъ Фран-
ціи, Генераль-Лейтенантомъ Королевской ар-
міи, и проч., и проч.

Этого недоспавало еще къ моему несчастію.
Теперь судите, не правъ ли я былъ, когда хо-
тѣлъ лишиться себя жизни?

Пер. *Ив. Глбовъ*.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗЕРКАЛО.

(*Разсказъ Г-жи Оберне.*)

Четыре мѣсяца не видался съ пою, кото-
рая въ теченіи года составляла мое счастье
и мою надежду; душа пламенная и страстная,
сердце пѣжное и преданное; о, сколь блаженны
дни, проведенные съ нею! Я мечтала подлѣ
неё, и это лучезарное, восхищительное ми-
нувшее могло еще быть нашимъ будущимъ.
Если она еще любитъ меня, думалъ я, по
она будетъ счастлива сегодня, увидѣвъ меня,
увидѣвъ, что я занятъ ею.—А я! я былъ уже
счастливъ, ощущая бѣненіе моего сердца.

Время шло для меня медленно, дорога по-
казалась мнѣ упоминательною. Мнѣ чудилось,
что никогда еще не наступалъ для меня сча-
стливѣйшій день, никогда еще душа не насла-
ждалась привлекательнѣйшею надеждою. Чего
же ожидала она? —

Приближаюсь къ дому, сопровождаемый ка-
кимъ-то безопечнымъ, прилпнымъ чув-
ствомъ; я думалъ, что не перенесу избыт-
ка моей радости!—Душа, преисполненная бла-
женства, питаетъ одну надежду, и для неё
предчувствіе не имѣетъ ничего мрачнаго.

Усмаприваю издали окна, въ которыхъ она
можетъ появиться; они украшены цвѣтами,
подаренными ей мною въ день именинъ ея.
Она конечно сама за ними ухаживала; она не
позабыла своего обещанія сохранишь ихъ до
слѣдующихъ именинъ.

Если-бъ она появилась здѣсь, сказалъ я самъ себѣ, я бы удовольствовался однимъ на неѣ воззрѣніемъ. Бѣдный другъ мой, ревность наблюдаетъ за побою, не спану превозмъшъ своего покоя!—Я уже удалялся.

Но вопъ она. Увидѣвъ меня, она пакъ обрадовалась! щеки ея покрылись споль живымъ румянцемъ!—Нѣтъ, я не могъ уйпи!—Увидѣть еѣ еще разъ, испросишь у ней одинъ день, одну минупу, чпобъ проспннхся съ нею, потомъ предашь жизнь ея холодной и мерпвящей учаспи, оставишь еѣ, пакъ сказашъ, въ забыпъ, въ которое она была ввергнута исполненіемъ пятгоспнаго долга.

Я позвонилъ, и чрезъ нѣсколько минупъ находился въ комнапъ, въ которой ождалъ *Амелію*.

Послѣ чепырехъ-мѣсячнаго отсуспствіа, находипсь я тамъ, гдѣ все наполнено магическими воспомнаніями, и сохранишь спокойствіе духа, эпо не свойспвенно двадцатипшестиплѣтнему сердцу, любившему со всею силою. Я тихо говорилъ съ вещамп, находипшимся въ комнапъ, съ карпинами, съ часами, которыхъ звонъ споль часпо огорчалъ меня, возвѣщая часы разлуки. Но тогда, сколь блаженнымъ почипалъ я себя!

Амелія вышла въ сопровожденіи своего мужа. Мы помѣнялись дружескимъ привѣтспвіемъ; ибо я и *Эрнестъ* обращаемся другъ съ другомъ по пріятельски.

Онъ опошелъ. Я оспался одинъ подлѣ *Амеліи*. Минупа, слѣдующая за спѣсненнымъ положеніемъ, восхищительна, тогда, когда одинъ взглядъ обнаруживаешъ всю душу, тогда, когда одно слово, сказанное отъ сердца, наполняешъ всю пуспоту, произведенную разлукою.

Амелія слѣла въ креслахъ; съ судорожнымъ движеніемъ ощипывала она въпку спрени.

Иногда приподымала она потпхоньку голову и смотрѣла на меня съ выраженіемъ поидѣтской радости, которая споль сильно влечетъ къ ней. Мы ничего не говорили. *Эрнестъ* споялъ у окна; онъ чипалъ.

Я спалъ подлѣ неѣ, облокотился на спинку дивана, позабывъ о неприличности нашего

молчанія и наслаждаясь емъ взоромъ, котораго я пакъ ждалъ.

«Вы измѣнились;» сказалъ я наконецъ.

— Я была больна;— отвѣчала она слабымъ голосомъ.

«Женскія прихоти, возразилъ *Эрнестъ* пропически, перешедъ на другое мѣсто; у *Амеліи* разспроены нервы, и я мало о томъ сожалѣю; ненавижу, когда груспяпъ безъ причины.»—

Амелія потупила взоръ; потомъ обрапила его на меня. Я пакже взоромъ поблагодарилъ еѣ. Мы поняли другъ друга.

Мужъ ея ходилъ по комнапъ, обращаясь къ намъ время отъ времени съ вопросами, на которые отвѣчатъ *Амелія* предоспавила мнѣ. Мнѣ въ первый разъ предспавилось, чпо она должна бытъ несчастлива, и сердце мое обллось кровію.

Эрнестъ говорилъ съ нею съ грубымъ выраженіемъ, которое вооружило меня противъ него; и чѣмъ болѣ находилъ я себя предъ нимъ виновнымъ, тѣмъ сильнѣе ощущалъ потребность увеличивапъ его вину, дабы извинаясь себя предъ самимъ собою.

Опустивъ руку въ карманъ моего жплета, я мялъ бумажку, на коей было начертано нѣсколько спрокъ, для испрошенія у *Амеліи* минупы, которая бы принадлежала намъ, въ которую могъ бы я сказать ей хопя одно слово любви, дапъ почувспвовать ея юному сердцу, чпо не вся жизнь препполнена поткою и сожалѣніями.

Время текло; наступала пора распашья, и прелестная будущность завпрешнаго дня исчезала для меня безъ надежды. Горящая рука моя спльно сжимала бумажку. Я препеналъ, чпобъ голосъ мой не обнаружилъ моего смияпенія. Но *Эрнестъ* оспановился у кампна, держа въ рукахъ журналъ, которій, по видимому, онъ чипалъ со вниманіемъ.

«Завпра, сказалъ я тихо *Амеліи*, приближаясь къ ней, завпра вы будете здоровы, не правда ли?»

Вмѣсто отвѣта она покраснѣла; глаза ея, омоченные слезами, оспановились на мнѣ съ выраженіемъ болѣзненной нерѣшимости; она

спаралась понять меня, я желалъ и спрашил-ся сего. Взоръ ея выражалъ всё: она благо-дарила меня о состраданіи.

Я слаба, сказала она съ умоляющимъ взгля-домъ, который глубоко пронулъ меня. — Я спрашлся.

Если вы меня любите, то не просите ме-ня ни о чемъ, сказала она понизивъ голосъ.

О! сіи слова разрушили нерѣшимость, про-изнесенную съ безпокойствомъ. Въ такихъ выраженіяхъ просить у меня жертвы! Про-спирая ко мнѣ объяснѣя, требовать, чтобъ я удалился!

Я позабылся! вмѣсто отвѣта я схватилъ ускользнувшую изъ руки моей записочку и подалъ её *Анеліи*.

Въ эту минуту она пронзительно вскрик-нула. Мужъ ея одною рукою сильно сжалъ ея руку, а другою вырвалъ несчастную бу-мажку.

Зеркало, предъ которымъ стоялъ *Эрнестъ*, отражало всё наши движенія.

Онъ видѣлъ меня.

Пер. М. Михайловъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПОРУЧИКУ КНЯЗЮ ГОЛИЦЫНУ.

Выздоровливай скорѣе,
Милый Князь! краса бесѣдъ,
И явись на бапареѣ
Для веселья и побѣдъ;
Вопъ наступилъ часъ превоги,
Заблещаетъ Русскій мечъ,
Загремятъ единороги
И посыллется карпечь.
Ты ли съ саблею подъяпой
Не прискачешь въ поле къ намъ,
То карпечью, то гранатой
Не шарахнешь по врагамъ?
Ты-ль безъ пренепа и страха
На буншующаго Ляха
Какъ орелъ не полетишь
И, подъ вечеръ, послѣ драки,
Наши дынные биваки.

Какъ звѣзда не озаришь?
Выздоровливай скорѣе,
Милый Князь! краса бесѣдъ,
И явись на бапареѣ
Для веселья и побѣдъ.

Забудешь ли о Баромелъ,
Когда въ кровопролитномъ дѣлѣ
Ты былъ врагами окруженъ,
Когда мяпежный эскадронъ
Подобно шумному Борею
Къ тебѣ влещеть на бапарею!
Ты не смущился передъ нимъ;
Но межъ Драгуномъ и Гусаромъ,
Лепалъ наѣзникомъ лихимъ,
И отражалъ ударъ ударомъ.

Нынѣ вновь себя гопповъ
На кровавое сраженъе;
Покажи Полякамъ мщенъе
И къ Опеческву любовь.
Выздоровливай скорѣе,
Милый Князь! краса бесѣдъ,
И явись на бапареѣ
Для веселья и побѣдъ!

В. Д.

10-го Маія 1851 года.

Лагерь при с. Ме,
въ Царепнѣ Польскомъ.

М У К А.

(Изъ стихотвореній Риллеллики Фаустингъ.)

Куда ни обращаю вѣжди,
Повсюду сынъ единородный мой,
Дилія погибшее мое передо мной;
Но полтъ ли въ немъ привѣтъ, съ которымъ прежде
Смотрѣлъ онъ на меня? Нынѣ, вижу я, какъ онъ
Лежитъ и мучится; его я слышу спонъ,
И не могу помочь. Онъ меркнувшее око
Мнѣ въ душу усремилъ глубоко...
Воспоминаніе! преспанъ повѣспивовашъ,
За язвой язву раскрывашъ!
О! слейшесь муки всѣ, и будъше мысль едина,
Что рано и навѣкъ утирапила я сына.

Пер. И. Покровскій.

Ш А Р А Д А.

Безъ *перваго* ничто не выдешъ изъ земли,
Ни изъ воды,
Ни изъ бѣды.

Второй слогъ въ розахъ щеголяешъ;
Любимецъ розы соловей

Въ его лѣсахъ цвѣтущихъ распѣваетъ,
И съ розой шепчется ручей.

А третій естъ богатый и убогий:

Онъ въ плѣнѣ беретъ кнѣзя, сельдей;

Не ускользнетъ ни слонъ, ни заяцъ быспрогоний,
Хоть былъ бы въ семеро быспрѣй.

А всѣ—прозакки, поэмы, журналисты:

Ихъ числѣть былъ слогъ и руки чисты;
О книгахъ судъ ихъ былъ прямой;
Не торговали ввѣкъ душой.

Однѣ—теперь уже во мракѣ гроба;

Другой... но, ахъ, они въ могилѣ оба!

Швердинскій.

Въ No 56, помѣщенная шарада значить: *Théâtre.*

M O D E S.

C'est à la Porte-Saint-Martin, quand on y joue la *Tour de Nesle*, que l'on trouve réunies en plus grand nombre des femmes en demi-toilettes, en *négligé du soir*; c'est là que nous avons recueilli quelques jolies toilettes dont voici l'ensemble:

Deux jeunes personnes, habillées de robes de mousseline blanche, montantes, froncées, garnies de ruches de dentelle, avaient des chapeaux de paille de riz, de forme anglaise; sur le devant, un peu haut, un bouquet de réséda. Des ceintures chinées, à bords en rouge-cerise; des écharpes de crêpe cerise.

Un joli chapeau de crêpe blanc avait sous la passe une cornette de blonde à deux rangs; ce chapeau était porté avec une robe de jaconas blanc, brodé de bouquets semés; une écharpe de mousseline de Thibet, fond gris très-pâle, à semis de cachemire.

Quelques journaux ont annoncé des variétés dans la forme des manches. Nous pouvons affirmer que rien de nouveau ne se fait chez les principales couturières, parce que les femmes élégantes ne veulent rien de nouveau. Il ne suffit pas de voir une femme mise avec une sorte de recherche, pour croire qu'elle donne ou reçoive la mode dans le monde *fashionable*.

Les robes restent sans le moindre changement; beaucoup de pélerines pareilles ou blanches.

Avec des robes d'étoffe, et surtout en deuil, une jolie recherche de soins, qui sied parfaitement à la main, est une petite manchette, si cela peut porter ce nom. C'est une bande de batiste très-fine, haute de deux doigts avec un ourlet plat; elle est bâtie en dedans de la manche et relevée en dehors, boutonnée par deux petits boutons de laiton et fil. Quelquefois on la borde d'une petite Valenciennne, aussi basse qu'elle se puisse trouver.

М О Д Ы.

Дамъ въ полу-нарядахъ или въ вечернихъ *neglige* всего болѣе вспрѣчашь въ предмѣстїи Сень-Мартень (Saint-Martin), когда представляющъ памъ *la Tour de Nesle*; памъ замѣтили мы нѣсколько красивыхъ нарядовъ, которые здѣсь опишемъ.

Двѣ молодыя особы были въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ, съ высокими собранными лифами, обшитыми вверху кружевнымъ рюшемъ, въ басовыхъ шляпкахъ Англійской формы; спереди, къ верху тульи, букетъ резеды. Пояса волнистые, съ алыми каѣмками; шарфы алаго цвѣта.

Подъ красной бѣлой креповой шляпкой былъ чепчикъ съ блондою въ два ряда; платье бѣлое жаконетовое, вышитое разбросанными букетами; шарфъ изъ Тибетской кисеи; по свѣтло-сѣрому грунту Турецкіе узоры.

Въ нѣкоторыхъ журналахъ говорили о перемѣнѣ въ формѣ рукавовъ. Мы можемъ утвердить напрошивъ, что ничего не дѣлается новаго у первыхъ нашихъ швей, потому что щеголихи не хопятъ ничего новаго. Недоспабочно видѣть щеголевато одѣвшую даму, чтообъ подумать, что она моды выдаетъ или перенимаетъ въ *Модноль Салтъ*. Платья оспаются безъ всякой перемѣны; пелеринокъ дѣлають много изъ такой же матерїи какъ платье, или бѣлыя.

Съ платьями изъ матерїй, особливо праурными, весьма щеголевато и очень украшають руки нѣбольшія манжетки, если можно ихъ пакъ назвать; это полоски, шириною въ два пальца, изъ весьма тонкаго батиста, съ плоскимъ рубцемъ; онѣ подшиты снизу рукавовъ и заворочены на верхъ, застегнуты двумя маленькими пуговками, изъ каркасу съ нипками; иногда обшивають ихъ самыми узенькими кружевами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 58.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-справкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Іюля 20 дня, 1852 года.

Обманчивъ и снова надежды,
Что слава? шопоть ли чпеца?
Гопень-ль низкаго невѣжды,
Иль восхищеніе глупца?

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРЕДОСТЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Текущій, до половины, за половину пропек-шій 1832 годъ—быль несчастливѣе всѣхъ сво-ихъ девяти брагъевъ на альманахи.

Уже давно Публка начала терять довѣ-ренность къ сему крошечному роду книжи-чекъ, изъ котораго барышники сдѣлали новую вѣтвь промышленности.

Злополучные сборники *Сигова, Аладына, Максимовича, Аранова, Новикова, Зейделя* были единогласно ошканы, освистаны, обру-ганы во всѣхъ журналахъ. И дѣльно!

Альманахъ Анектоповъ упонуть въ грязи, которою закидали его чшапелш и журнали-сты.—Въ нынѣшнемъ году онъ уже не пока-зывался.

Опъ чего же объ *Элизюль*, альманахъ, со-чиненномъ (такъ сказано въ заглавіи) *П. Іов-скимъ*, упомянуто во многихъ періодическихъ изданіяхъ слегка, а въ другихъ, какъ на при-мѣръ: въ *Русскомъ Инвалидѣ* и *Литератур-ныхъ Прибавленіяхъ* къ оному совсѣмъ ниче-го не сказано?

Развѣ онъ лучше *Колеты, Цинтіи, Зилцер-лы, Радуги?* Напропивъ, сіи послѣдніе забавнѣе.

Опасаясь, чтобъ *Г. Іовскій* и на будущій годъ не предпринялъ ояпть изданіе *Элизюма*, мы спѣшимъ загладишь вину Редактора *Р. И.* и Издапеля *Л. П.* передъ Публлкою и предо-сперечь её опъ чпенія сего календарика.

Онъ плохъ, очень плохъ, весьма плохъ.

Онъ скученъ, очень скученъ, весьма скученъ.

Сочинитель и Издапеля онаго оплачаепся бездарностью и безвкусіемъ.

Шевурдинскій.

ПЕРСИДСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ПРАВИЛА, МЫСЛИ, СУЖДЕНІЯ.

1.

Хотябъ ты имѣлъ въ рукѣ силу шигра и крѣ-пость слона, но когда увидишь сраженіе, мо-жешь еще побѣжать такъ, что въ порошокъ изобьѣшь свои пяпы.

2.

Я поднялъ на улицѣ кошелѣкъ съ деньгами; надлежало бы возвратишь его хозяину; но видно такъ было написано на доскахъ предо-предѣленія, чтобы ему потерять деньги, а мнѣ найши ихъ.

3.

Кпо захочеть выкупить меня изъ неволи? мой сынъ? онъ будетъ радъ завладѣть моимъ имѣніемъ; жена? она тотчасъ същещъ себя другаго мужа.

4.

Поэты живутъ тѣмъ, что выманяютъ у другихъ: это народъ вѣщій.

5.

Всѣ Кадіи (Судьи) богатые люди: они продаютъ совѣсть и правосудіе.

6.

Сынъ мой, всё на свѣтѣ въ рукахъ Алаха (Божіихъ). Если Алахъ создалъ лошака бѣлымъ: то можетъ ли погонщикъ сдѣлать его чѣрнымъ? Невозможно пропитьсь судьбѣ. Кури табакъ, упоай въ сладкой праздности и благодари Алаха.

7.

Умѣй воспользоваться каждою минутою удовольствія: ибо, кпо знаетъ слѣдствіе всякаго дѣла?

8.

Скорѣе лошакъ дастъ вырвать у себя зорпа ключѣкъ зелёной правы, которую списнулъ зубами, чѣмъ знапный сановникъ возвратитъ тебѣ свои деньги, въ руки къ нему попавшіяся. На всё это есть предопредѣленіе.

9.

Ты обиженъ? Худо! Еслибъ, по крайней мѣрѣ, были у тебѣ сильные покровители: то, въ облегченіе своего горя, могъ бы выхлопашать для обидчика хопя сонню палочныхъ ударовъ по пяткамъ; но въ пивоемъ бѣдспвенномъ соспоянціи, безъ друзей, безъ родни, безъ знакомыхъ, ты не имѣешь права надѣяться на это удовольствіе, а подвергаешься опасности поперяты въ судъ и оспальныя деньги.

10.

Тотъ худо знаетъ людей, кпо мыслишь, что нужны свѣдѣнія и паланпы для успѣха въ свѣтѣ. Смѣлоспъ, наглоспъ—вопъ всё, что для эпаго нужно.

11.

Кпо дошелъ до того, что никогда не краснѣеть: тотъ можетъ смѣло пускаться на великія предпріятія.

12.

Противно благоразумію и совѣтамъ мудрецовъ принимаетъ лекарство, не бывъ убѣждену въ его пользѣ, и пускается въ неизвѣстный путь безъ каравана.

13.

Искусство хорошаго красная-сказочника состоить въ томъ, чтобъ изъ простаго, коропенькаго приключенія сочинить длинную, забавную и прогательную повѣсть и пѣшпть ею зъвакъ, по крайней мѣрѣ, два часа сряду.

14.

Юношу надобно учить упощенной вѣливости, гиперболическимъ привѣспствіямъ, льсппть особамъ высшаго званія, пѣшпть ежедневнымъ моливамъ, ловко ѣздитъ верхомъ, владѣть копьемъ и спрѣлять на скаку изъ ружья.

15.

Въ лекарствахъ Франкскихъ врачей должны дѣйствовать нечистая сила, чернокнижіе, духи, враждебныя правовѣрію. Невѣрный Докторъ есть только ихъ орудіе: ибо невозможно, чтобъ поноситель нашей вѣры, называющій нашего Пророка плупомъ, человекъ, который насмѣхается надъ предопредѣленіемъ, употреблялъ чеспныя средства въ отношеніи къ Мусульманамъ.

16.

Франкистанцы (Европейцы) народъ глушій, необразованный; брѣютъ себя бороду, и опрацаютъ волосы на головѣ; пьютъ кофе съ молокомъ; сидятъ на какихъ-то пресполахъ; пловъ ѣдятъ ложками, а мясо желѣзными граблями, и пишутъ, вопреки природѣ, опъ лѣвой руки къ правой.

17.

Франки (Европейцы) вообще, иногда Французы въ особености) самыя грязнѣйшія и неопряпнѣйшія пварп Алаха (Божіи) на землѣ: ничего не считають поганымъ; ѣдятъ свиней, зайцевъ, черепахъ; попрошашъ человѣческіе трупы и, послѣ еспественныхъ нуждъ, не совершають никакихъ умовеній, даже не моютъ рукъ пескомъ.

18.

Нѣтъ сомнѣній, что хитрые Франки вводятъ въ Персію прививаніе коровьей оспы изъ видовъ полиппическихъ. Иначе, какъ растолковать это безкорыстіе, съ коимъ ихъ врачи посѣщаютъ больныхъ, раздають лекарства безденежно?

19.

Франки изъ корыстолюбія продають все свое сукно Мусульманамъ, а себѣ шьютъ платье изъ обрѣзковъ и лоскуповъ — узкое, пѣсное, короткое, смѣшное.

20.

Франки принимаютъ у себя гостей, въ пропивность всемъ правиламъ вѣжливости и благоприличія, съ открытою головою и въ сапогахъ, а не въ колпакѣ и не босикомъ, какъ будто голова ихъ сей часъ вышла изъ банн, а ноги возвратились изъ дорогъ.

21.

Намъ Мусульманамъ какая нужда до ядовитыхъ лекарствъ Франкскихъ врачей, до ихъ дьявольскихъ наводженій и ухищреній? Какъ дѣлали наши отцы, такъ будемъ дѣлать и мы; чѣмъ они исцѣлялись, тѣмъ и мы будемъ здоровы.

22.

Въ томъ нѣтъ сомнѣній, что опъ сопворенія міра до нынѣ, Иранъ славился умомъ своихъ жипелей, мудростью и великолѣпиемъ своихъ Государей. Опъ *Кеюлерса*, перваго повелителя рода человѣческаго, до благополучно нынѣ царствующаго Шаха, Иранъ представляетъ безпрерывный рядъ такихъ властелиновъ, какихъ ни одно государство показатъ у себя не можетъ. Индія имѣла своихъ Падишаховъ, Аравія Халифовъ, Туркестанъ Хановъ, Китай Фагуровъ, Турція имѣетъ и теперь своихъ Хункеровъ, или Кровопроливцевъ; но что касается до Франковъ, кои, Аллахъ вѣдаетъ откуда, прѣзжаютъ въ Персію продаватъ и покупатъ товары и приносятъ Шаху дань подаркамъ: то, что у нихъ за Шахи? Они, бѣдняжечки, невѣрные, имѣють какихъ-то Кралей, коихъ имена даже не доходятъ до слуха правовѣрныхъ Мусульманъ.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЕДИНОКЪ НА ЛЬДУ.

(1 Января 1610 г.)

Вечеру 31 Декабря 1609 года Король (*Генрихъ IV*) слишкомъ рано распустилъ собраніе, бывшее при Дворѣ, и опослалъ людей своихъ спать. Нѣсколько мѣсяцевъ уже довольно часто случалось это въ Луврѣ, когда не было приема у Королевы. По данному Королемъ знаку, въ нѣсколько минутъ шумъ и голоса умолкли въ цѣломъ Дворцѣ; вскорѣ ничего не слышно было, кромѣ нѣсколькихъ робкихъ шаговъ по издающему унылый звукъ помосту; въ галереяхъ на площадкахъ мѣспницъ догорающія лампы изливали черное, дымное пламя; такимъ образомъ спарый Луврѣ, гдѣ изрѣдка только свѣпились блѣдые огоньки, снаружи казался упомненнымъ любимелемъ пировъ, косо полузакрытые глаза и одышка, послѣ пресыщенія, призываютъ крѣпкій сонъ.

Въ этотъ вечеръ Король вышелъ опъ Королевы въ 10 часовъ. Взявъ за просто подъ руку сопровождавшаго его кавалера, онъ удалился въ свой кабинетъ. Тутъ *Генрихъ* посадилъ любимца своего передъ камномъ, ибо на дворѣ была сильная спужа; послѣ сего онъ вынулъ изъ спарой портфели лоскутъ исписанной съ одной стороны бумаги, сълъ въ кресла, испустилъ тяжкій вздохъ, и оставался нѣсколько минутъ въ угрюмомъ молчаніи, потомъ вспалъ и подошелъ къ окну.

Небо покрывалось сѣрыми туманами, ибо съ вечера шелъ снѣгъ; но не смотря на то, сквозь завѣсу оныхъ, при сильномъ холодѣ, проглядывали звѣзды. Луна, плавая надъ городомъ, озаряла окрестность блѣднымъ сіяніемъ. Ликъ ея, подернутый легкими туманами, казалось, покрывался кровавыми пятнами. При всемъ томъ, зданія снѣжись, какъ бы при обыкновенномъ свѣтѣ луны. Но для воспаленнаго и мрачнаго воображенія въ эту минуто рисовались чудныя картины въ воздухѣ, и Король долго стоялъ у окна, погруженный въ угрюмую задумчивость.

« Не правда ли, сказалъ онъ, опершись вдругъ на плечо *Элмануэля*, эта блѣдная лу-

на кажется смоприть на меня сквозь кровавыя слезы? Три дни тому назадъ, бывъ вечеромъ въ арсеналь, я признавался Г-ну *Сюлли*, что она также смопрѣла на меня. . . Не представляется ли сей куполь нашего предка Св. Людовика какъ бы обширнымъ свинцовымъ гробомъ? А эти столбики и башенки будпо злые духи, которые силятся сорвать крышу съ сего гроба, чтобы положить въ него новую жертву смерти?»

— Повѣрьте, Государь, это однѣ грезы, одна игра воображенія, которой я часто предаюсь. . . Не слышите ли, Ваше В—о, подъ симъ окномъ кто-то говоритъ?—

Они приложили ухо и услышали слѣдующій тихій разговоръ:

« Это вы, Г. *д'Англаръ*? »

— Да, моя милая. Всѣ готово, лошади ожидаютъ насъ близъ Нельской гостинницы; не бойтесь ничего, сойдемъ внизъ. —

Эммануэль оспорожно отворилъ окно; къ спѣху кто-то приспавилъ лѣспницу.

« Ба! сказалъ Король, посмотримъ для забавы, чтобы разсѣять свои мрачныя мысли. Еще будетъ время схватить на дорогѣ Виконпа *д'Англара* и прелестную бѣглянку. Клянусь, это пригожій и пылкій молодой человекъ, и вѣрно умѣетъ любить!»

— Впрочемъ, Государь, дама или дѣвица говорила изъ оконъ близъ комнатъ Королевы?—

« Не думаю, чтобы это была дѣвица; Г-ну *д'Англаръ* не сподило бы ничего получить ея руку.»

Говоря такимъ образомъ, они перестали смопрѣть изъ окна, и незнакомка успѣла сойти внизъ. Вдругъ дошли до слуха Короля и *Эммануэля* два слова, произнесенныя въ испугѣ любовниками:

« Графъ! »

— Перейдемъ черезъ рѣку! —

Послѣ сего послышался тихій разговоръ, попомъ раздался шумъ шаговъ, и наконецъ опять все упихло.

« Ахъ! вскричалъ Король, это Графиня *Крансе*, жена одного изъ офицеровъ моей Гвардіи. Они перерѣжуются. Надобно предупредить это, поспѣшимъ, мой другъ.»

Эммануэль проворно вскочилъ на окно, и не подумавъ, что до земли болѣе 20 футовъ,

ни о помѣ, что онъ легко могъ разбить себѣ голову, бросилъ внизъ и побѣжалъ къ рѣкѣ; онъ расчелъ, что рѣка за четыре дни предъ тѣмъ покрылась льдомъ, и что Графъ *Крансе*, преслѣдовавшій съ обнаженною шпагою бѣглецовъ, не успѣетъ догнать ихъ прежде его, пускась съ противоположной стороны Лувра, гдѣ онъ стоялъ въ караулѣ.

Они встрѣпились посреди Сены, нѣсколько лѣтъ опъ того мѣста, гдѣ теперь находилась улица *des Petits-Augustins*. Спранное, разипельное зрѣлище предспавлялъ эпомъ ночной поединокъ на рѣкѣ, покрытой льдомъ и бѣлою пеленою свѣга, которая спановилась еще блѣднѣе опъ свѣта луны; но явленія сей драмы споль быспро смѣняли одна другую и развязка была такъ внезапна, что зрители опой показалаь она пляжкимъ сномъ, адскою фантасмагоріей, опъ коей при пробужденіи ихъ ничего не оспалось, кромѣ смупнаго воспоминанія.

Г. *д'Англаръ* несъ лежащую въ обморокѣ Графиню на рукахъ; не смотря на обыкновенную крѣпость мускуловъ и чрезвычайныя усилія, которыхъ требовало его положеніе, онъ не могъ ускользнуть опъ Графа, и былъ настигнутъ имъ по срединѣ рѣки. Онъ поспѣшно положилъ на ледъ несчастную свою даму, всё еще пораженную обморокомъ, выхватилъ шпагу и приготовился къ оборонѣ: ибо для него не оспалось другаго средства; ему надлежало биться на смерть и не щадить жизни мужа, чтобы спасти жену.

Графъ обращенъ былъ пыломъ къ Лувру. Голова Графини, протертой на льду подлѣ своего любезнаго, находилась почти подъ ногами соперниковъ; они того не замѣчали, и едва не наступали на прелестную голову полумериввой красавицы, угрожая раздробить оную при каждомъ наносимомъ другъ другу ударѣ. *д'Англаръ* не смѣлъ взглянуть подъ ноги, или опспустить въ спорону, опасаясь опкрыть себя. Въ самомъ дѣлѣ ему нужно было имѣть чрезвычайное хладнокровіе и быть заняту сильною спрастію, чтобы не предасться опчаянню и не лишитъ себя и любезную свою жизни.

Раненый прежде въ шею, онъ занялъ опять свою позицію, тогда какъ Графъ опводилъ

шпагу, и самъ нанесъ ему легкую рану въ плечо.

Въ это время прибѣгаетъ къ нимъ *Элмануэль*, за которымъ по пятамъ слѣдовалъ другой свидѣтель: ибо Король, не споль безразсудный, какъ его любимецъ, но не менѣе важный, поспѣшно спустился изъ окна.

— Именемъ Короля, вскричалъ молодой человекъ, схвативъ лѣвую руку Графа и шаца его къ себѣ, вложивъ шпагу въ ножны! —

«Ради Бога! проворчалъ Графъ опчаяннѣмъ голосомъ, пустьъ Король не приближается сюда, я пылаю жаждою крови и хочу упоить еѣ!»

Пока подходилъ Король, они успѣли нанести другъ другу рѣшительные удары, и Графъ палъ, пронзенный въ сердце; но это было только началомъ ужасной, неслыханной сцены, случившейся въ виду Короля! Оба соперника во время поединка, сильно ударяя ногами въ ледъ, опбили довольно широкую, но слишкомъ тонкую льдину, служившую ложемъ Графинѣ. . . Въ ту же минуту льдина, успавшая плясать, погрузилась въ воду и несчастная исчезла въ кипящей безднѣ прежде, нежели успѣлъ схватить еѣ *д'Англаръ*, который, будучи истощенъ опъ потери крови, едва держался на ногахъ опираясь на шпагу; онъ одинъ только могъ помочь упопающей: ибо льдина перевернулась на его сторону, какъ бы для того, чтобы въ послѣдній разъ показать ему пѣло любезной и расперзать его сею карпшиною.

Элмануэль кинулся въ воду, но Король вытащивъ его, вскричалъ:

«Несчастный! ты не можешь ей, это невозможно; скорѣе погибнешь самъ и меня увлечешь въ гибель.»

— Молодой человекъ, сказалъ Графъ умирающимъ голосомъ, ты ничего не можешь спасти ей, кромѣ жизни; для благородной дамы смерть предпочтительнѣе безчестія! —

Это были послѣднія его слова. Онъ упалъ на ледъ и испустилъ духъ, истекши кровію.

«Добрый и вѣрный мой подданный!» вскричалъ Король.

Онъ поднялъ голову Графа и три раза поцѣловалъ его, хопя лице его обрызгано было кровію; попомъ онъ вспалъ почти внѣ себя, перескочилъ на другую сторону полыньи, которая покрыта была водою, и схвативъ за руку *д'Англаря*, который за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ упавъ на колѣна, опирался на шпагу:

«Откройте глаза и успокойтесь: побѣда ваша!»

При звукѣ Королевскаго голоса, *д'Англаръ* вскочилъ подобно прупу, приведенному въ движеніе гальанизмомъ.

«Опдайте мнѣ вашу шпагу, благородный человекъ, продолжалъ *Генрихъ IV*, вы нарушили долгъ службы!»

— Мою шпагу, подхватилъ *Виконтъ* съ твердоспїю; я опъ васъ, Государь, получилъ еѣ, вопъ она! —

Король подаль знакъ *Люсинжу* и нѣсколькимъ воинамъ, подоспѣвшимъ туда, чтобы взять его.

— Мой прупъ! вскричалъ *Англаръ*, за нею, хопя бы въ адъ!!! —

Воины не успѣли схватить его: онъ нырнулъ подъ лѣдъ и исчезъ.

— Что я вижу? вскричалъ *Элмануэль*, пораженный ужасомъ и удивленіемъ: какая прекрасная душа заключалась въ этомъ тѣлѣ? —

«Воины, сказалъ Король, опнесите опсюда остатки Графа и поспѣшите на Нельскую башню, не всплывутъ ли тѣла несчастныхъ упопленниковъ?»

Спражи повиновались. *Генрихъ* взялъ подъ руку молодого *Люсинжа* и пошелъ опять въ Лувръ.

Но, занятый размышленіями, онъ шелъ очень медленно, забывъ холодъ и не думая о томъ, что бѣдный *Элмануэль* весь измокъ, оледенѣлъ и не смѣлъ сказать объ этомъ Монарху.

«Мой истинный другъ, сказалъ *Генрихъ* съ живѣйшею горестію, и такъ опотъ шестъ сотъ десятиый годъ омылся благородною кровію. . . Чѣмъ-по онъ кончился! . . . Впрочемъ, не забудь этаго ужаснаго и неслыханнаго урока и помни, что нарушеніе 8-й заповѣди есть вмѣ-

спѣ грабежъ, измѣна и убійство, памѣ эпо легкомысленно забываемъ. Если случится намъ говорить о женщинахъ, то помни для собственнаго предостереженія: женщина спраспная снабжена крыльями, а щеславная одними когтями.

РАЗНЫЯ МЫСЛИ.

Изъ Болинброка.

Если невѣжда узнаетъ въ себѣ хопя одну добродѣтель: то думаетъ, что имѣетъ ихъ сто; а имѣя тысячу недоспапковъ—не замѣчаетъ ни одного.

*

Нравспвенность *жить жить*, пакже какъ логика *говорить*; одна способспвуетъ намъ управлять *мыслями* души, а другая ея *желаніями*.

*

Гордый не одобряетъ ничего, опасаясь пѣмъ унизить себя; легкомысленный одобряетъ всё, чтобы только избавить себя отъ труда разспапривать то, что ему предлагають.

*

Испина въ наше время преслѣдуется припворспвомъ и скрытноспію; никто не имѣетъ довольно искренности, чтобы говорить чиспосердечно, ни довольно пвердоспи, чтобы быть справедливымъ.

*

Самая лучшая философія еспъ умѣнье жить, п. е. соображаться со временемъ, съ лицами и обстояптельспвами; эпаго пребуетъ разсудокъ.

*

Возвышенность сердца производитъ побѣдителей спраспи, возвышенность души—великодушныхъ, возвышенность въ благоразуміи—великихъ полиппковъ, возвышенность разума образуетъ пѣхъ необыкновенныхъ геніевъ, кои рождаются для наспавленія человѣческаго рода; возвышенность въ вѣрности пворитъ пѣхъ истинныхъ друзей, которые такъ рѣдки въ общеспвѣ; возвышенность въ честности образуетъ безкорыспные сердца, непреодолимо пропвивающіяся искушеніямъ, спрогя въ соблюденіи испины и постоянныя въ намѣреніяхъ.

*

Еспъ умы, для коихъ непременно нужны занятіе и пища; ибо они не могутъ спаваться праздными и готовы лучше покушаться на предположенія самыя ложныя, мысли безрасудныя и намѣренія несбыточныя, нежели ни о чемъ не думать. Они забавляются бредными другияхъ, когда не могутъ выдумать чего нибудь для своей забавы.

*

Когда не въ состояніи бывають избрѣтать новыя мысли: то находятъ способы давать новыя формы мыслямъ спарымъ, и чтобы сдѣлаться авторомъ, за какую-бъ то нибыло цѣну,—начинають перемѣною словъ, а кончатъ измѣненіемъ чувспвованій.

*

Заблужденіе находить послѣдователей болѣе, нежели истина. Тайное щеславіе заспаляетъ иногда нѣкоторыхъ одобряетъ то, чего не одобряетъ ихъ разумъ.

Съ Англійскаго.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХИ

Одной дапль, подарившей мнѣ твореніе Жанъ-Жаки Руссо.

Кому изъ васъ, и чѣмъ, и какъ—
 Излишь мое благодаренье?—
 О восхищительный Жанъ-Жакъ!
 О несравненное твореніе!
 Блаженъ, кто черпалъ изъ него
 Елей—для сердца своего!—
 Я пожираю эти спроки,
 Гдѣ чувства дышатъ и горятъ;
 Гдѣ добродѣтель и пороки
 Такъ остроумно говорятъ;
 Гдѣ авторъ, щедрый на уроки,
 Такъ пѣженъ, милъ, випсievать,
 И (правду молвивъ) заблуждался;
 Но я читалъ и наслаждался,
 Читая вновь и каждый разъ
 Благодарю его и васъ!—

В. Д.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ: *ДЕРЕВНЯ.*

Во всемъ я родину люблю,
И обезьянства не терплю.
Несносна мнѣ чужая мода,
Дурачься—только самъ собой,
А не по прихоти чужой.
Мила мнѣ грубая природа,
Какъ волку—дикая свобода.
Люблю я встрѣчу съ мужичкомъ!
Съ гайшаномъ пестрая рубушка,
Топоръ за краснымъ кушакомъ,
Брада курчавая клубкомъ,
И рукъ небрежная размашка:
Всѣ какъ-то просипо, мило въ нёмъ!
Пускай Французы суешятся,
А онъ идетъ себѣ пишкомъ;
За то при встрѣчѣ съ Русачкомъ
И черти-некрести крестятся!
Какъ будто чуютъ Божій громъ.—
Онъ прослылъ варваромъ, нахаломъ,
За то не колемъ онъ книжаломъ,
Лишь иногда, какъ подь хмѣлкомъ:
Благословляемъ кулакомъ.
За что-жъ его винить такъ спрого?
Онъ рѣдко веселъ, рѣдко пьянъ.
У насъ воды и хлѣба много,
Но дорогъ Бахусовъ спаканъ.

*

Быть Русачковъ не слишкомъ чинень,
За то онъ проситъ, за то невинень.
Французъ задѣнешъ васъ ногой,
И сколько словъ! пуспыхъ поклоновъ!
Такъ надоестъ... что Боже мой!
Мусьё, я человекъ простой,
Толкни еще меня ногой,
Но право душно отъ пардоновъ!—
А православный нашъ идетъ,
И на прохожихъ въ усъ не дуешъ;
Онъ ухо лѣвое зажметъ,
Онъ по мосту мосту поешъ.
И вкось и впрямъ локтями суешъ.
Густа толпа? проломить пупъ!
А если пискнешъ кто нибудь—
Онъ молвитъ: «барская упроба!»
Вѣдь я не выломилъ ребра!»

*

Въ немъ много вѣры и добра.
Опчизнѣ преданъ онъ до гроба.
Онъ съ высшимъ взглядомъ незнакомъ,
И сердцемъ проситъ, и здравъ умомъ.
Живетъ онъ въ хижинѣ убогой;

Его кушакъ, попоръ, кашпанъ,
Ему къ лицу—когда онъ пьянъ.
Пока въ Россіи лѣсу много,
Пуспъ пешиметры Русачки,
На зло расчешливаго Сея,
Душистой липы не жалѣя
Плешупъ: *Дельтадцетерилки.* (*)

*

Но что сказать о васъ, лебѣдки?
Вы—длинноносые красопки!
Какъ миль кумачный сарафанъ!
Какъ безкорсетный спроеъ спанъ!
Подъ дымкой сребрегой мороза
Альетъ и пылаетъ роза!
Она душиста какъ шербетъ,
Сладка—какъ липовой нашъ медъ;
Какъ подь рѣсницей черной, длинной,
Заспѣчивъ взоръ ихъ голубиной!
При встрѣчѣ съ сельскою красой—
Какъ Донкишотъ склоня колѣно—
Я никогда мечтой презрѣнной
Не посрамлялъ любви свяпой.
Спыдливой дѣвы образъ кропкій
Святыня для моей души!

*

Но вы, сполгчныя красопки
Въ одной госпоини хороши.
Не спорю я, вы смѣлы, ловки,
Но, лицемѣрныя плутовки!
Два-при часа у васъ провешъ
Я иногда почту за чеспъ;
Попомъ... попомъ съ поклономъ низкимъ
Оспавлю васъ—и былъ шаковъ!
Кружась подь бальный скрыпъ смычковъ,
Дыханьемъ дѣвы жаркимъ, близкимъ,
Взволнованъ прежде я бывалъ—
И, ручку пухленькую жалъ,
И... счастливъ былъ въ сію минупу!
Но послѣ? снова пошъ же хладъ;
Дыханью, пальчикамъ не радъ,
Спѣшилъ я къ мирному приюпу,
Бездушныхъ куколъ забывалъ,
И, скуку чаемъ запивалъ.

Трилутий.

(*) Лапти, плетеные въ 12 мыкъ. Узоръ ихъ гораздо мѣльче, и деревенскіе *гологовы* (щеголи) носятъ ихъ по праздникамъ.

L O G O G R I P H E.

Je suis, avec six pieds, en France un nom de ville;
 Sur cinq, j'offre celui d'un animal utile,
 Qui ne peut exister qu'au milieu des frimats,
 Et qu'on n'a jamais vû dans nos heureux climats.

Въ No 57, помѣщенная шарада значить: *Из-май-ловъ.*

M O D E S.

La première représentation de la *Tentation* a ramené du monde à l'Opéra. Les femmes y étaient généralement élégantes, quoique toujours assez simples.

Robes. — Les robes blanches en majorité; organdi ou mousseline rayée. Des corsages décolletés avec des tours de gorge en tulle ou dentelle à tuyaux, dont les rangs étagés tombent en s'étendant beaucoup sur l'épaule.

Coiffures. — Avec une coiffure un peu recherchée, on porte des manches courtes, des gants longs.

Les coiffures en cheveux sont toujours peu élevées; elles étaient pour la plupart en couronne, avec une natte tournée, au milieu de laquelle était un nœud de ruban. Les couleurs le plus remarquées sont rose vif, cerise ou bleu-ciel; les autres perdent à la lumière. On pose sur le côté, sortant de la natte, un nœud de ruban, auquel tient une fleur.

Une des coiffures grecques qui avaient le plus de goût est une couronne ronde très-basse. Il en sortait une touffe de boucles. Les bandeaux, plats sur le front et les tempes, tournaient ensuite comme une corde lâche. Une chaîne plate d'or émaillé entourait la tête comme un bandeau antique, en se perdant sous la natte.

Accessoires. — On revoyait aussi les ceintures en sautoir de Mlle Latour. Des pointes devant et derrière, et sur les épaules des nœuds tombans.

Dans les manches d'étoffe ou d'organdi blanc, beaucoup de nœuds à trois longs pans.

Les écharpes en gaze étaient de couleur tout unie; point de dessins brochés.

Toutes les femmes, dès qu'elles ne sont pas en négligé, portent des bouquets et des éventails de peau peinte, à montures de bambou.

Pl. No 21. Bonnet de blonde de fil.—Porte-Gravure.

M O Д Ы.

Первое представлѣніе *la Tentation* привлекло опять въ Оперу множество зрителей. Дамы были вообще щеголевато одѣты, хотя, какъ обыкновенно, довольно просто.

Платья.—Платья по большой части были бѣлыя, изъ органди или полосатой кисеи; лифы открытые, съ борочками изъ тюля или кружева; оборки постепенно одна другой ниже, весьма спущены на плеча.

Прически.—Если прическа немного оплгчше, то надѣвають короткіе рукава, и длинныя перчатки.

Волосы все продолжаютъ причесывашь довольно низко; болѣе всего было сдѣланныхъ вѣнокъ, изъ обернутой косы, въ срединѣ которой бантъ изъ лешпъ. Замѣчательнѣе другихъ цвѣта: ярко розовый, алый или небесно-голубой; другіе перяють при огнѣ. Съ боку прищипливаютъ бантъ изъ лешпъ, выпущенный изъ косы, къ которому прикрѣпленъ цвѣшокъ.

Одна изъ красивѣйшихъ Греческихъ причесокъ, какую мы видѣли, весьма низкій, круглый вѣнокъ, изъ средины возвышался кушпикъ локоновъ. Повязки, гладкія по лбу и на вискахъ, завернуты были пошомъ какъ слабая веревка.—Плоская цѣпъ изъ золота съ эмалью окружала голову, какъ древняя повязка, и скрывалась подъ косу.

Принадлежности.—Видны были также опять крестообразныя пояса Г-жи Лапуръ. Мыски сзади и спереди, а на плечахъ висящіе банты.

На короткихъ рукавахъ изъ матеріи или бѣлаго органди, много бантовъ съ прѣмя длинными лопастями.

Газовыя шарфы были одноцвѣтные гладкіе, безъ зашканныхъ узоровъ.

Все дамы, когда онѣ не за-просто, носятъ букепы и вѣтра изъ рисованной кожи, съ обдѣлкою изъ натуральной прости.

Карш. No 21. Чепецъ изъ вилпныхъ блондъ.—Ящикъ для гравюръ.

П о п р а в к а.

Въ No 55-мъ Литераш. Приб. къ Рускому Инвалду на страи. 435, въ 1-мъ столбцъ стрк. 29, ошибкою напечатано: не правосудіе, а слѣдуетъ читать: правосудіе.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 59.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 23 дня, 1832 года.

По мнѣ палачны пѣ негодны,
Въ которыхъ пользы нѣтъ;
Хоть иногда и имъ дивится Свѣтъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПЕРСИДСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ,
ПРАВИЛА, МЫСЛИ, СУЖДЕНІЯ.

(Продолженіе.)

23.

Кромѣ Англичанъ и Французовъ, о ко-
прыхъ коё-что слышно, всѣ прочія Франк-
скія поколѣнія вѣдаютъ грязь въ совершенномъ
забвеніи.

24.

Что касается до Русскихъ: по слава Ал-
лаху, въ сравненіи съ нами, они менѣе, неже-
ли—*ничто*. Если Персіанинъ хорошенько раз-
махнется: по можетъ закинуть свою шапку
за сто фарсаховъ (500 верспъ) по-пу споро-
ну гробницы опца всѣхъ Русскихъ.

25.

Русскіе—дрянь! У нихъ была Царица, на-
дѣвавшая солнце вмѣсто шапки (сіяющая сла-
вою); она покорила много земель и положила
основаніе мудраго законодательства; но что
это значить въ сравненіи съ нашимъ, напри-
мѣръ, *Джемиси-домъ* или *Рустаномъ*, ко-
прый умертвилъ лютаго дракона? Красноголо-
вые (такъ называютъ себя Персіане) были и

будутъ первымъ народомъ въ мѣрѣ, и если-бъ
Русскій вздумалъ сдѣлаться дракономъ: по
Персіанинъ сядетъ на него верхомъ и про-
скачетъ по всей земной поверхности.

26.

Опъ чего одни Мусульмане, по сихъ поръ,
умѣли покорить женщинъ подъ свою власть,
принудить ихъ къ повиненію и обезпечить
себя на счётъ ихъ вѣрности? Опъ того,
что они любимцы Аллаха, цѣнятъ народовъ.

27.

Женщина у Европейцевъ есть слово безъ
значенія: ибо женщины не составляютъ памъ
собственности.

28.

Что можетъ пропить судьбы мудрость
человѣческая? Врачи умѣютъ исцѣлять бо-
лѣзни; но перемѣнитъ того, что написано
на доскахъ предопредѣленія, они не власп-
ны.

29.

Знапные Персидскіе вельможи съ явнымъ
соблазномъ и обильно подчиваютъ себя виномъ,
опверженною влагою, а Пророка *Магоммеда*,
съ несомнѣнною его книгою, счипаютъ ме-
нѣе собаки.

30.

Русскіе должны передъ войсками Шаха покорно снять шапку настоящей жизни, и положить её подъ мышку будущей.

31.

Что значатъ для насъ Персіанъ Русскіе? Прахъ! ничто! меньше, нежели ничто! Правда, они опияли у насъ Грузію; но всё они для Персидскаго Шаха по же, что блоха въ рубахѣ; она иногда укусила человѣка, но верно, если человѣкъ захочетъ: по поймаешь и раздавишь её.

32.

Главноуправляющій по части благочинія получаетъ жалованья 12 п. рублей, а по мѣспу своему долженъ проживать въ десятеро больше: откуда онъ беретъ эти деньги? Онъ доспаетъ ихъ умомъ, смѣлкою. Шахъ прикажетъ выколошить по пятамъ какого нибудь Хана и взыскавъ съ него пеню: несчастный, для спасенія своихъ ногъ и оспальнаго имѣнія, долженъ подарить его порядочною суммою.

33.

Главноуправляющій по части благочинія получа отъ Шаха, утѣхи міра, повелѣніе выколошить глаза какому нибудь Царевичу, Визирю или Намѣспнику, смотря по цѣнѣ взятокъ, данныхъ ему преступникомъ, слѣпятъ его перочиннымъ ножичкомъ, или шупымъ клижаломъ.

34.

Хочия Шахъ велитъ выщипать волосы правому, а всё-таки для бривы оспаётся борода, на которой росли они.

35.

Мы (Персіане) блескомъ побѣдоноснаго оружія ослѣпимъ глаза жителей Москвы.

36.

Армяне—собаки, Россіяне—то же собаки. Когда эти невѣрные сойдутся вмѣстѣ: тогда и самъ чёртъ не разорвётъ ихъ дружбы.

37.

Русскій ничего не значить. Куда ему успѣль пропить нашихъ? Одинъ Персіанинъ съ копьемъ въ рукѣ переколпѣтъ десять этихъ жалкихъ безбородыхъ тварей.

38.

Касательно Казаковъ: они сущая дрянь. Непріятно только, что они вдругъ появляются тамъ, гдѣ ихъ не ждутъ, и рука у нихъ не дрогнетъ заколотъ Мусульманина; если-бъ пикъ ихъ были полочье, а по безобразно длинны, какъ шесты, которыми прасолы гоняютъ воловъ.

39.

Казачьи лошади—коровы, въ сравненіи съ нашими лихими конями. Слава Аллаху, нашъ каждый конь сподѣетъ прицать, сорокъ, пятьдесятъ червонцевъ—и можетъ ускакать изъ виду прежде, нежели Казакъ разшевелитъ свою скопину.

40.

Казакъ—почные обезьяны верхомъ на медвѣдяхъ.

41.

Нашъ повелитель, Шахъ, убиваетъ людей не иначе, какъ десятками тысячъ. Такъ должно быть: развѣ онъ хуже *Рустема* и *Афрасиба*? По милости Пророка, наши Цари Царей такіе кровопроливцы, людорѣзы, львоѣды, какихъ нигдѣ не бывало; впрочемъ, такъ должно быть, чтобъ содержать свой народъ.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДѢВА ГОРОДА ЛОДИ.

(Повѣсть *Адальберта Фоль-Тале*.)

Въ путешествіи моемъ по Швейцаріи и Верхней Италіи, перешедъ благополучно чрезъ Симплонъ и миновавъ живописную долину Домодоссольскую, я наконецъ прибылъ въ Навару. Тутъ нашелъ я письма отъ бабки, который звалъ меня въ Піаченцу. — До сихъ поръ не понимаю, что побудило меня ѣхать на Миланъ, а не на Павію: ибо сія послѣдняя дорога гораздо ближе. Случаемъ нельзя назвать такой спранный выборъ, но въ эту минуту не могу придумать другаго приличнаго слова. Я ужъ бывалъ въ Миланъ, слѣдственно, не любопытство влекло меня къ сему великолѣпному городу.

Я могъ бы въ попъ же день весьма удобно доѣхать до Пиаченцы; но близъ самаго Лоди изломался мой лёгенькій экипажъ подъ тяжестью моей скромной поклажи и ея незначительнаго хозяина, а хозяинъ сей, за исключеніемъ испуга, невредимый лежалъ подлѣ шоссе въ канавѣ. О дальнѣйшей вѣдѣ, по крайней мѣрѣ въ этотъ день, нельзя было и думать.

Между тѣмъ, какъ художественная Италія изобилуетъ художествами, она бѣдна ремеслами: починка моей коляски шла плохо, и я побрелъ городомъ къ мосту на Аддѣ, не чувствуя, что нѣсколько лѣтъ спустя, сей самый мостъ сдѣлается триумфальными вратами для *Атиллы* нашего вѣка.

У мостовыхъ перилъ сидѣлъ съдой спарець въ лёгенькой шапочкѣ, правымъ локтемъ опершись на колѣно, ладонью подпирая щеку, а въ правой рукѣ держа удочку, которою спокойно ловилъ рыбу себѣ на ужинъ. — Видя, что кто нибудь удилъ рыбу, и нѣтъ другаго дѣла, берѣтъ охота позвать на ловлю. Такъ и я. Старикъ, казалось, былъ мастеръ своего дѣла: ибо поминутно на крючкѣ его шрепсала рыбка, которую онъ преспокойно опхвзываетъ и клалъ къ прочимъ въ пѣспрый платокъ.

Рыба, которая барахлается въ смертоносной для нея спихи, можетъ — особенно въ липературномъ мѣрѣ — дать поводъ къ разнымъ глубокомысленнымъ разсужденіямъ; мнѣ она только представила случай завязать разговоръ съ старикомъ. Я узналъ, что онъ называется *Жибелло*, что онъ гражданинъ города Лоди, владѣлецъ маленькой виллы, управленіе коею позволяетъ ему по нѣсколькx часовъ въ день посвящать любимому занятію. — Теперь пришла моя очередь разсказывать. Когда я объявилъ ему цѣль моего путешествія: онъ допронулся до шапки; когда я назвалъ ему моего опца: онъ снялъ её; когда же узналъ объ изломанномъ моемъ экипажѣ: онъ вспалъ съ сими словами: «Милоспивый Государь! нашу госпинницею вы будете довольны; во времена оны, въ пѣ времена золотыя, когда Миланъ еще былъ мѣспопребываніемъ Двора, да, тогда процвѣтала нашъ городокъ! Теперь у насъ оспанавливаются путешественники только по неволѣ. Знаете ли что?

Будьте моимъ госпемъ. У меня вамъ будетъ лучше, нежели въ балаганѣ, который называютъ госпинницею! — Предложеніе старика было такъ искренно, что я принялъ его безъ опговорки, и приказалъ перенести къ нему мои вещи.

При самомъ входѣ уже въ домъ *Жибелло*, семейство его сдѣлало на меня пріятное впечатлѣніе. Жена его привѣтствовала меня съ неприхворнымъ радушіемъ, шестнадцатилѣтняя дочь, цвѣтущая красотой, искренно пожала мнѣ руку, какъ будто ей знакомы были обычаи моего отечества. По знаку опца она вышла изъ комнаты, но вскоре возвратилась съ виномъ и прохладительными плодами. Сей радужный пріемъ изумилъ меня тѣмъ болѣе, что я по собственнымъ опытамъ нигдѣ не находилъ въ Италіи ни госпепрѣимства, ни привѣта.

Госпиная спараго *Жибелло* украшена была многими картинами, изображавшими по большей части предметы изъ Священнаго Писанія. Въ особенності обрашала на себя мое вниманіе одна старинная, хорошо сохраненная картина, которая висѣла надъ каминомъ въ выгодномъ освѣщеніи. Я постараюсь описать её подробнѣе.

Картина сія была шириною около трехъ футовъ, вышиною два фута съ половиною, Она изображала спрану дикую, гористую, заросшую густымъ лѣсомъ и, казалось, нѣсколько мнѣ знакомую. На переднемъ планѣ лежалъ блѣдный юноша, благородной, привлекательной наружности, въ рыцарской одеждѣ среднихъ вѣковъ. Глаза его были сомкнуты; изъ раны на груди спрулась кровь по плащю; лѣвая рука повисла какъ мертвая, правая судорожно держала переломленный, обагренный кровію мечъ. — Подлѣ него на колѣняхъ спяла дѣвушка Ангельской красоты, силлась оспановить кровь своимъ шелковымъ платкомъ, который дополъ служилъ покровомъ прелестнѣйшимъ дѣвственнымъ персямъ. Я никогда не видалъ прекраснѣйшаго и вмѣстѣ выразительнѣйшаго лица. Живописецъ съ разспельною испиною умѣлъ изобразить чувство, которое въ эту минуту должно было обуревать дѣвушку. Чѣмъ долѣ всмапривался я въ прелестное лице, тѣмъ виднѣе спановился

каждый опшённокъ того чувства, которымъ сіе милое существо казалось одушевленнымъ. Спрахъ и состраданіе, мужественная важность и женская кропость, смущеніе и стыдливость, даже опблескъ психа возникающей любви — всё, всё можно было прочитывать въ кропкихъ черпахъ сей Ангельской головки. Живописецъ, одаренный необыкновенно пылкимъ воображеніемъ, писалъ съ натуры, иначе не могло быть: ибо эта разительная картина выше всякаго воображенія художника. — Нарядъ дѣвушки былъ національный крестьянскій, но щегольской; на головѣ просная соломенная шляпка; стройный спанъ былъ запрянутъ въ алый корсетецъ; короткое платьице показывало маленькую ножку; ея колѣнопреклоненное положеніе дышало дѣвственною стыдливостью; на поясѣ у ней висѣли пустыя ножны кинжала, а самая спаль лежала у ногъ молодого Рыцаря. Какая спранность! Дѣвушка съ кинжаломъ! Подлѣ нея стоялъ лошакъ, навьюченный двумя корзинами, съ опущенными поводами: онъ боязливо и почпи дико посмапривалъ на убитаго рыцарскаго коня. — Между дѣвушкою и Рыцаремъ лежала большая, космапая собака, и ласково лизала повисшую руку раненаго. Сквозь чащу лѣса пробивался всадникъ съ загорѣлымъ опъ солнца лицомъ, на которомъ написанъ былъ смертельный ужасъ. Даль памяла въ глубинѣ сей удивительной картины. Внизу стояло имя: *Фаустина*.

Фаустина? воскликнулъ я съ живоспью, и бросилъ вопрошающій взоръ на дочь *Жибелло*, которую, какъ я слышалъ, называли симъ именемъ.

— Нѣтъ, не эта *Фаустина*, возразилъ съ улыбкою старецъ: сохрани Господи! — Эта картина, кажется, вамъ нравится? — примолвилъ онъ.

«Нравится?» воскликнулъ я: «только нравится? эпаго мало! она сильно меня поразила. Это болѣе, чѣмъ дѣла художественнаго воображенія, болѣе, нежели идеальное созданіе; это жизнь, живая, истинная жизнь.»

— Точно такъ! — сказалъ *Жибелло*.

Любопытство мое достигло высочайшей степени; я не могъ оторваться опъ дивной картины. Углубленный въ созерцанія, я принималъ въ душу черпы колѣнопреклоненнаго

Ангела, негодуя на заходящее солнце за то, что оно облекало въ темному очаровательный образъ. Очерки начали сливаться, перепутываться, наступили совершенные сумерки, а я всё еще съ поджатыми руками стоялъ передъ картиною, какъ бы ожидая, что *Фаустина* выступитъ изъ вѣпхой рамы, что она подойдетъ ко мнѣ и воскликнетъ: помоги мнѣ оживить юношу! — Невольно опспушилъ я шагъ.

— Не угодно ли прогуляться въ саду и подышать вечернимъ воздухомъ? сказала *Жибелло*, и схватилъ мою руку: *Фаустина* между тѣмъ накроетъ на споль. — Машинально пошелъ я за нимъ, оглядываясь на картину. Въ самыхъ дверяхъ еще свѣпили вслѣдъ мнѣ глаза *Фаустины*, какъ двѣ яркія звѣздочки.

Вышедъ изъ комнаты, я немедленно спросилъ *Жибелло*, извѣстна ли ему исторія сей картины и лицъ, на ней изображенныхъ? — Опчасти, по крайней мѣрѣ главное, — опвѣчалъ онъ: а чего, можетъ быть, недостапетъ, я могу дополнить изъ древней рукописи, которая вмѣстѣ съ картиною досталась мнѣ по наслѣдству. Поперпите немножко: послѣ ужина я расскажу вамъ исторію *Фаустины*. —

Не будучи разстроены, я сдѣлался молчаливъ. Тысячи неясныхъ образовъ роились предъ моими духовными очами. Я вспомнилъ, что проѣзжалъ черезъ деревню, которая называется ла Фаустина и находится между Лоди и Казаль-Пусперленго на дорогѣ въ Пиаченцу; неужели она имѣетъ связь съ этой картиною? Сверхъ того, казалось, слышалъ я про часовню того же имени и про старинное преданіе, въ которомъ упоминается о Лоди; но никакъ не могъ согласить сіи темныя воспоминанія; и такъ, я принужденъ былъ опложить свое любопытство до обѣщаннаго часа. Эпопъ часть плянулся для меня до безконечности.

— Для васъ я прикажу зажечь еще двѣ свѣчи, сказалъ *Жибелло* съ добродушною улыбкою, когда мы опужинали: ибо я ужъ вижу, что вы сядете противъ картины и будете её внимательно размапривать, когда я начну свой рассказъ. — Онъ проникъ мои сокровеннѣйшія мысли.

Фаустина подала свѣчи и хотѣла удалиться, но *Жибелло* велѣлъ ей остаться.—«Развѣ ты боишься этой повѣсти?» спросилъ онъ дочь, смотря на неё испытующимъ взоромъ. Она опустила глаза, вздохнула, и взявъ рукодѣлье, безмолвно сѣла въ глубинѣ комнаты. Я удивился; но въ эту минуту у меня не было досуга подумать о смыслѣ сего вопроса.

Жибелло рассказывалъ слишкомъ расплывчато и подробно. Довольно будетъ, если передамъ главное содержаніе его рассказа, такъ какъ оно впечатлѣлось въ моей памяти въ тѣ незабвенные для меня вечера.

«Неподалеку отъ Лоди—времени не могъ *Жибелло* опредѣлить съ точностію — въ одной деревенькѣ, по имени Корнегиано, жилъ трудолюбивый поселянинъ доходами съ полей своихъ и торговлею, которую производилъ съ городами Лоди и Боргетто. У него была одна только дочь, именемъ *Фаустина*; жену и сына онъ давно схоронилъ. — Красота *Фаустины* скоро сдѣлалась предметомъ удивленія по всей окрестности, и со всѣхъ сторонъ спекались старъ и младъ, чѣмбы посморгнуть на дво-дѣвушку, на царлицу знаменитѣйшихъ красавицъ Италіи. Поелику весьма немногіе знали ея имя, то просто называли её дѣвушкою изъ Лоди; и кто не видалъ этой дѣвушки, тотъ слылъ чудачкомъ въ полномъ смыслѣ сего слова. — Еще болѣе, нежели красотою, *Фаустина* отличалась высокою, скромною любезностію, и—что при ея не весьма рачительномъ воспитаніи было всего удивительнѣе — какимъ-то благородствомъ, которое удерживало многочисленныхъ ея обожателей въ предѣлахъ почтенія. Но ни одинъ изъ нихъ не могъ не чувствовать очарованія ея близости: ибо истинно прекрасная женщина не оставитъ безъ всякаго впечатлѣнія ни одного мужскаго сердца, хотя бы и самаго холоднаго. Сама природа такъ устроила, утвердивъ могущество красоты, и поставивъ её выше всякаго званія, выше всякаго богатства и достоинства. Посему-то и женщина, истинно прекрасная, увѣренная въ своей побѣдѣ, дѣйствуетъ въ собственномъ недоступномъ кругѣ; посему-то истинная женская красота всегда сопряжена съ достоинствомъ

и величіемъ, хотя бы она родилась въ рубищѣ.

«Отецъ *Фаустины* и его маленькая торговля получили отъ того большую выгоду, и вскорѣ спалъ онъ почивая дочь свою за ниспосланный Богомъ даръ, который приносило счастье его дому. За что ни принималась *Фаустина*, всё ей удавалось; посему-то отецъ давалъ ей во всемъ полную волю, считая хорошимъ всё, что сдѣлаетъ *Фаустина*.

«Характеръ этой дѣвушки выходилъ изъ круга обыкновенности. Кто видалъ, какъ *Фаустина*, вѣдуци въ Боргетто, управляла лошакомъ, навьюченнымъ садовыми плодами, тотъ вѣрно думалъ, что она родилась для сего занятія. Она не чуждалась даже самой тяжелой работы въ родительскомъ домѣ; тутъ она всею душою была трудолюбивая, дѣятельная хозяйка. Вечеромъ, кончивъ всѣ хозяйственныя дѣла, она вслухъ читала отцу или Священное Писаніе, или отечественную исторію, и нерѣдко до глубокой ночи, когда спарецъ давно ужъ сладкимъ сномъ покоился. Эта самая исторія Италіи болѣе всего её привлекала, и ярче пылалъ багрянецъ ея ланитъ, когда она читала о знаменитыхъ герояхъ ея отечества, о благородныхъ Этрускахъ. Оплакивая паденіе отечества, она мысленно негодовала на изнѣженность вѣка, на продажную готовность, съ какою испорченные потомки оныхъ героевъ предавали руки свои позорнымъ оковамъ пирановъ.— Знакомство съ героями древняго міра возвышаетъ человѣческій характеръ, и ни одного благороднаго сердца—даже женскаго—не оставляетъ безъ впечатлѣнія; и сердце *Фаустины* приняло отъ того какой-то особенный, мужественный характеръ. Природа не вообще возвысила её надъ обыкновенными женщинами, не вообще наградила столь очаровательною красотою, столь превосходными качествами души; нужно было только раздуть сію пылющую божественную искру. Пошлое, обыкновенное было не для *Фаустины*. Съ Христіанскимъ смиреніемъ и безмолвною покорностію исполняла она свои домашнія обязанности; но внутреннее чувство отражалось ей, какъ въ зеркалѣ, высшее назначеніе. Она была Ангеломъ-хранителемъ всѣхъ несчастныхъ въ окрестности; помогала совѣ-

помъ и дѣломъ всякому спраждающему, сколько ей позволяло ея собственное ограниченное положеніе. Она вся дышала кропкою женственности; но мужественная отважность и твердый, сильный духъ возвысили её надъ слабѣйшимъ поломъ, слѣдственно и надъ его слабостями. Съ презрѣніемъ она отвергала идолопоклонство лести, съ благороднымъ негодованіемъ приманки богатыхъ и знатныхъ развратниковъ, которые спарались ослѣплять её блескомъ и золотомъ. Италіанки-мапери, желая представить дочерямъ своимъ образецъ для подражанія, говорили: «будьте добродѣтельны, какъ дѣвушка изъ Лоди!» —

«Сердце *Фаустины* было свободно. Молодые поселяне въ окрестности не умѣли цѣнить богатства ея ума и чувства; отъ искапелства знатныхъ горожанъ сама она робко удаллась, или отвѣчала имъ такъ, что въ другой разъ не приходилъ. Носилась даже молва, будто она однажды съ окровавленною головою указала дорогу одному изъ самыхъ дерзкихъ Миланскихъ развратниковъ, когда онъ вышелъ изъ предѣловъ благоприсойности. — *Фаустина* имѣла рѣдкую тѣлесную силу, чего вовсе нельзя было ожидать отъ ея нѣжныхъ формъ; но вышесказанное происшествіе съ Миланцемъ внушило ей какую-то самонадѣянность, и съ тѣхъ поръ она гораздо смѣлѣе совершала свои поѣздки въ Боргетто. При томъ же, она всегда носила при себѣ клнжалъ на серебряной цѣпочкѣ, въ красивыхъ ножнахъ изъ шагриновой кожи. Косматый пудель, сломавшій ногу, и за тѣмъ оспавленный пупественникомъ въ Корнегианѣ, бывъ вылеченъ *Фаустиного*, былъ ея всегдашній, единственный спутникъ. Будучи такъ вооружена, она во всякую пору года и дня ѣздила въ Боргетто и смѣялась надъ опасеніями ея родственниковъ, когда они предостерегали её отъ разбойниковъ, шапавшихся въ окрестностяхъ. «Съ двумя или тремя я сама управлюсь;» говорила она шутя: «одного возьмешь на себя мой вѣрный Коло, а если ихъ нахлынетъ слишкомъ много, такъ мнѣ и всѣ вы не поможете.» — Однажды молодой человекъ изъ Лоди искалъ ея руки; она потребовала доказательства его отважности; онъ не выдержалъ испытанія, и *Фаустина* никогда не удо-

спивала его взгляда. Мужество и храбрость она ставила выше всего; и когда бывало черезъ деревню проѣзжалъ Рыцарь съ своими всадниками, то перси ея подымались, и она со вздохомъ смотрѣла вслѣдъ ему.

«Такъ *Фаустина* проводила тихую, простую жизнь въ ясномъ, безмятежномъ спокойствіи до осьмнадцатаго года отъ рожденія.

«Однажды *Фаустина* ѣздила въ Боргетто. Она тамъ промышкала — и въ самые сумерки въѣхала въ лѣсъ Вилла-Новскій. Въ Боргетто наговорили ей много про разбойничью шайку, которая будто бы нѣсколько недѣль уже рыщеть по окрестностямъ, и неотступно проситъ, чтобы она оспалась ночевать въ Боргетто; но *Фаустина* отвѣчала: «Я не боюсь ихъ; я не безъ оружія, и при томъ же папичка меня ждетъ.» — Она положила на Бога и на свою неустрашимость. Но при всемъ томъ — какъ она сама въ послѣдствіи созналась — овладѣлъ ею какой-то страхъ, когда она спала подыматься по успешной тропинкѣ и передъ нею открылся мрачный нагорный лѣсъ. Она сѣла на лошака, котораго до тѣхъ поръ вела за поводъ, и въѣхала въ лѣсъ. Высокія вершины деревьевъ скрывали отъ нея лучи заходящаго солнца; суровый восточный вѣтеръ шумѣлъ въ вѣтвяхъ, воздымалъ предъ нею густыми столбами мелкую песчаную пыль и хрящъ, и рѣзкимъ свистомъ нарушалъ мертвую тишину лѣса. Въѣхавъ на вершину, она своимъ маленькими ножками невольно кольнула подъ бока лошака своего, и Коло, радуясь возвращенію въ родное спойло, весело побѣжалъ рысью.

Вдругъ собака остановилась, приподняла одну лапу и залаяла. *Фаустина* вздрогнула и, припикши ухомъ, одержала лошака и поѣхала самымъ тихимъ шагомъ. Тогда въ чащѣ лѣса послышался ей глухой шумъ, подобный звуку оружія; раздался выстрѣлъ, другой... и всё утихло, какъ въ могилѣ. — Что ей дѣлать? Воропитесь ли въ Боргетто? Она покраснѣла отъ сей робкой мысли. Остановитесь и дождаетесь конца битвы? или поспѣшайте туда, гдѣ раздавались выстрѣлы? — Отважность *Фаустины* рѣшилась на послѣднее. — «И слабое оружіе въ рукѣ вѣрую-

щаго спановишся грознымъ оружіемъ, когда дѣло идееть о спасеніи челоуѣку жизни!»—Съ сими словами она, обнаживъ кинжалъ свой, съ мужеспвенною рѣшимостью пустила лошака рысью. Звонко раздавался попопъ копъпыть по упесистой пропинкѣ; она увидѣла, прямо чрезъ дорогу, скачущаго всадника, другой мчался за нимъ въ густопу лѣса. Очевидно, что ея появленіе разогнало бандиповъ.

«Тупъ поворачивается пропинка, и внезапно очутилась она на мѣстѣ убійства. Молодой челоуѣкъ въ рыцарской одеждѣ защищался съ послѣднимъ напряженіемъ силъ пропинвъ двухъ разбойниковъ. Изъ многихъ ранъ лилась кровь его и обагрила землю; подлѣ него лежалъ его убитый конь. И разбойники познакомились съ мечемъ юноши: рука его, хопя и ослабѣвшая, наносила имъ глубокія раны и кровь ихъ свидѣтельствововала объ искусствѣ его владѣть шпагою.—Внезапное появленіе Фаустины дало другой оборотъ этой сценѣ.—«Хватай, Коло!» вскричала она собакъ, и покорный повелѣнію госпожи своей, косматый песъ вонзилъ оспрые зубы въ шею одному изъ разбойниковъ, пакъ, что онъ заревѣлъ опъ болл—и переспалъ сражаться; въ попъ же мнгъ Фаустина проколола кинжаломъ уже подняпую руку другаго злодѣя. Разбойники въ ужасѣ побѣжали въ чащу лѣса, и спасенный юноша, ослабѣвъ опъ потери крови, упалъ на землю. Одна минуца замедленія, и Фаустина бы опоздала.

«Тупъ нельзя было терять времени; разбойники легко могли опомниться, и возвратиться съ удвоенною яростью, когда узнали бы, что слабая дѣвическая рука испоргла изъ рукъ ихъ добычу. Но раненому надобно было перевязать рану въ груди, изъ которой кровь лилась ручьѣмъ. У Фаустины ничего не было, кромѣ шелковаго плапка, прикрывавшаго ея дѣвспвенныя перси; минуца она боролась сама съ собою; но челоуѣколюбіе одержало верхъ надъ спыдливостью; сверхъ того и глубокий мракъ покрывалъ глаза облышаго кровію. Она спала передъ нимъ на колыни и дрожащими руками перевязала рану.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТОСКА ПО МИЛОМЪ.

Романсъ.

Арфа нѣжная,
Сладковзвучная,
Будь опрадою земной!
Жизнь мяпежная,
Злополучная,
Мнѣ назначена судьбой.

*

Съ колыбели—я,
Для нещасія,
Для поперъ однихъ жила;
Ни веселія,
Ни участія
Въ домъ чуждомъ нешла.

*

Другъ единственный
Подъ Варшавою
Паль на шпурмѣ роковомъ;
Въ пылъ воинспвенный,
Онъ за славою
Полетѣлъ—но грянулъ громъ!

*

Что-то снилося мнѣ ужасное;
Я предчувствововала; ахъ!
Закашилося
Солнце ясное...
Всѣ померкнуло въ очахъ!

*

Я безродная,
Какъ убитая,
Умерла для жизни сей;
Грусть холодная,
Въ сердцѣ скрытая,
Залегла какъ люпый змѣй!

*

Арфа нѣжная,
Сладковзвучная,
Будь опрадою земной!
Жизнь мяпежная,
Злополучная,
Мнѣ назначена судьбой.

СОКРУШЕННЫЙ КОРАБЛЬ.

(Изъ стихотворений Римлянки Фаустинь.)

О сокрушенный мой корабль! Успалый бѣгомъ,
 Ужь угнѣшался пы обливавшимся нощлегомъ;
 Ты мнилъ, что умяченъ Власпишель непогодъ,
 Что свѣтлая звезда ужасный пущь прервѣтъ;
 Вдругъ Нордъ шебя въ упесъ повергъ, и пригвожденный,
 Спонишь пы, мой корабль, въ бужущей волнѣ;
 Но пущь кипишь гроза, пущь смерть предсанапъ мнѣ,
 Иду, куда зовушь любовь и долгъ священный.

Пер. И. Покровский.

ЭПИГРАММА.

Безбожникъ Прометей проказишь очень спалъ;
 Зевесъ проказника къ Казбеку приковалъ,
 И Коршунъ сердцемъ Прометея
 Пшпался, сказываюпъ, годъ.
 Прикуйте-жь общаго пріятеля Туддея, —
 Такъ Коршунъ съ голода умрѣпъ.

Сіловъ.

Варшава.
 28 Августа 1831.

Ш А Р А Д А.

Мой *первгй* естъ глава Харипъ,
 Жемницеръ безъ него иной пріемлетъ видъ.
 Второй, цѣлишелепъ больному, нищу, сиру;
 На пастуха вдѣваешъ онъ порфиру,
 Лишаешъ почестей вельможъ;
 Онъ мчипся въ адъ и въ рай; наспроиваешъ лиру;
 Худъ, полеспъ, великъ и малъ, и гадокъ и пригожь;
 Лице безъ образа и носишь сопню рожъ.
 А всё, не далеко опъ Крыма городъ Русскій:
 Въ нѣмъ крѣпоспъ, верьчь, рѣка и виноградъ
 Французскій.

Швердицскій.

Въ No 58, помѣщенный логогрифъ значитъ: *Rennes, renne.*

M O D E S.

Chapeaux. — Beaucoup de chapeaux de paille de riz. Un bouquet de petites fleurs mêlées, est de meilleur goût qu'une grosse fleur. L'un ou l'autre doit être posé sur le devant de la forme, un peu élevé.

Nattier vient de terminer des branches de pêcher qui sont tout ce qu'on peut imaginer de frais et d'élégant. Ces rameaux garnis de délicates fleurs d'un rose si doux et si pur, le feuillage élancé et délicat. Rien n'est plus joli qu'un de ces bouquets sur une capote de crêpe rose. On les place aussi avec grand succès sur de la paille de riz ou du crêpe blanc; mais elles gagnent à être sur du rose.

Sur un chapeau de paille d'Italie, une touffe de lilas de Perse avec une branche de lilas blanc, est fort bien.

Chaussures. — Les bottines en gros-de-Naples noir ou puce sont beaucoup portées. On en voit dont le dessus est orné de broderie de la même nuance.

— Pour les bas de fil d'Écosse à jour, les petits dessins paraissent être préférés aux grands.

Les souliers en nuances de fantaisie sont peu recherchés.

M O Д Ы.

Шляпки. — Букетъ изъ разныхъ мелкихъ цвѣтовъ несравненно щеголеватѣе, нежели одинъ большой цвѣпокъ. И топъ и другой прикальваются посреднѣ пулыи, немного къ верху.

У Намъ показались вновь сдѣланныя вѣтки персикового дерева; ничего нельзя вообразить себѣ легче и щеголеватѣе сего. Эти прупики, убранные легкими цвѣтами, весьма нѣжнаго и чистаго розоваго цвѣта, съ тонкой и легкой зеленью прелестны. Ничего нѣтъ красивѣе сихъ букетовъ на розовыхъ креповыхъ капотахъ. Они также очень приличны къ бѣлымъ креповымъ капотамъ и басповымъ; но на розовомъ лучше.

На Италіанской соломенной шляпкѣ весьма красиво кусникъ изъ Персидской сирени, съ вѣшкою бѣлой сирени.

Обувь. — Сапожки черные или пcosовые гроденалевые въ большомъ употребленіи. Видны сапожки, у которыхъ верьхъ вышипъ подъ цвѣтъ матеріи. Чулки изъ Шотландскихъ шпнокъ предпочтпаюпся съ мелкими узорами.

Бапмаки изъ необыкновенныхъ цвѣтовъ мало въ употребленіи.

No 59^e N^o Sum. N^oud. k^o P. U.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 60.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30; съ доплаткою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Іюля 27 дня, 1832 года.

Блаженъ, кто про себя шалъ
Души высокія созданья,
И опъ людей, какъ опъ могиль,
Не ждалъ за чувство воздаянья!

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВЕСЁЛОЕ СЛОВЦО.

(Истинное происшествіе.)

Однажды я проводилъ вечеръ въ кругу весѣлыхъ знакомыхъ и поварищей. Между ними находился *Трудниковъ*, высокій ростомъ, приятный наружностью мужчина, человекъ смилкомъ сорока лѣтъ; большой весельчакъ.

«*Тресковский* васъ переросъ,» сказалъ я ему.

— Посмотримъ! — отвѣчалъ *Трудниковъ*, — и началъ мѣряться ростомъ съ *Тресковскимъ*. Всѣ собраніе рѣшило, что они оба одинакаго роста. Тогда *Трудниковъ*, оборотясь къ *Тресковскому*, спросилъ у него: «который вамъ годъ?»

— Двадцатый; — отвѣчалъ поэтъ.

«И такъ, продолжалъ *Трудниковъ*, года черезъ при или чепыре меня можно будетъ на васъ повѣсить.» Общій хохотъ раздался вмѣстѣ аплодисменна.

Николай Карлофъ.

ПЕРСИДСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ПРАВИЛА, МЫСЛИ, СУЖДЕНІЯ.

(Продолженіе.)

42.

Ложь, сказанная съ добрымъ намѣреніемъ, спасительнѣе истины, посягающей раздоры.

43.

Хороша правда, когда она полезна, но и ложь не худа, ежели кспани.

44.

Ахъ, свѣтъ, свѣтъ! побоя погъ лишь можетъ прельщаться, кто себя не знаетъ: пы состоишь изъ горечи, яда и измѣны.

45.

Сего дня воинъ на сѣдлѣ, завтра сѣдло на немъ.

46.

Кто не вѣрится въ *Магомеда* и намѣспника его *Алія*, погъ собака, гяуръ, невѣрный, достоинъ поруганія и смерти.

47.

Всѣ народы пойдуть въ адъ, исключая насъ, благочестивыхъ Персіанъ.

48.

Омаръ, похипившій престоль Пророка, обреченъ вѣчному проклятію: ему мѣсто на

днѣ ада. Христіане и Жиды не чисты: имъ также горѣтъ въ аду; Гевровъ, поклонниковъ огня, враговъ *Магоммеда*: въ жерло ада; Турокъ, за вѣру въ *Омара-окаяннаго*, а пуще за то, что умывая руки, льютъ воду опъ пальцевъ къ локтю, а не на оборотъ, какъ—вѣроятно—дѣлалъ самъ Пророкъ *Магоммедъ*, украшеніе обоихъ міровъ, обладатель духовъ и челоуѣковъ.

49.

Для каждаго правовѣрнаго Мусульманина построены въ раю великолѣпный дворецъ, въ каждомъ дворцѣ семдесятъ отдѣленій, въ каждомъ отдѣленіи семдесятъ теремовъ, въ каждомъ терему семдесятъ кроватей, на каждой кровати по семидесяти чернобровыхъ, прелестныхъ дѣвъ, или Гурій.

50.

Магоммедъ—да благословитъ его Аллахъ и да привѣтствуетъ онъ его—повелѣлъ: да соблюдаютъ правовѣрные другъ другу, да руководствуютъ зрячій слѣпаго, да упѣшаютъ счастливыи гонимаго судьбою.

51.

Аллахъ (Богъ) великъ, милосливъ, милосердъ, вездѣсущъ, зрящъ, слышащъ, дающъ, живопворящъ! Онъ одинъ, безъ тѣла, безъ воздуха, безъ жены; онъ направляетъ кого хочеть по прямому пути. Послѣдній Пророкъ его вздиль на крылатой кобылѣ въ пятое небо за Алкораномъ, книгою книгъ.

52.

Всѣ называющіе себя дервишами, и послѣдователи *Нуръ-Али-Шаха*, и ученики *Зехаби*, и придерживающіеся *Накиъ-Бенди* и, въ особенностіи, *Увейси*—ничто иное, какъ невѣрные псы, ерепки, раскольники, и всѣ достойны смертной казни.

Первые утверждаютъ, что священный постъ Рамазана, уговореніе семи членовъ и пятиричное число молитвъ не необходимы для спасенія, которое, по ихъ мнѣнію, можно заслужить чистымъ и набожнымъ сердцемъ, а не предписанными опъ ханжей движеніями рукъ, ногъ и головы.

Вторые, хотя и признаютъ Алкоранъ единственною дверью спасенія, но опровергаютъ

всѣ прочее, какъ-то: семь тысячъ двѣсти девяносто девять преданій объ изрѣченіяхъ *Магоммеда*, полкованія на бнны святыихъ мужей и двадцать тысячъ помовъ, написанныхъ богословами о значеніи слова Аллахъ, и ограничиваются произношеніемъ онаго до тѣхъ поръ, пока рты ихъ не наполнятся пѣною, какъ у бѣшеныхъ.

Третьи хотятъ казаться святыми потому, что опвратительно обезобразивъ свою наружность, предаются неистовымъ умерщвленіямъ плоти, болѣе похожимъ на шпунки фигляровъ, чѣмъ на благоговѣніе кающихся грѣшниковъ.

Наконецъ, *четвертые* домогаются увѣрять насъ, будто живутъ въ непрерывномъ сношеніи съ духами, посредствомъ умственного созерцанія и размысленій, коихъ ни они, ни другіе не понимаютъ. Приверженцы сего ученія не полагаютъ никакой разницы между чистымъ и нечистымъ, ѣдятъ и пьютъ всё, что попадетъ и даже прикосновеніе невѣрныхъ не считаютъ осквернительнымъ.

Проклятіе на ихъ бороды.—Проклятіе на бороды ихъ опщевъ, на шаравары ихъ маперей, на головы ихъ сыновъ, внуковъ и правнуковъ!

53.

Обрадовавъ милосердымъ прощеніемъ несчастнаго преслупника, Шахъ сплжасеть себѣ заслугу предъ Аллахомъ (Богомъ) большую, чѣмъ умертвивъ двадцать Русскихъ, или посадивъ на колъ опца всѣхъ Франковъ.

54.

Исторія жизни одного Персіанина есть та же, какъ и большоу части его соотечественниковъ; они сегодня богачи и пираны, завтра нищіе и жертвы. Они ходятъ по лѣстницѣ счастья вверхъ и внизъ скорѣе, чѣмъ Тегеранскіе плясуны по канату въ праздникъ Ноуроза.

55.

У Франковъ есть также особа, на манеръ—*Убъжица міра*, *Халифа* или *Шаха*: онъ, какъ глава ихъ закона, обязанъ распространять свое ученіе по всей земной поверхности. По его повелѣнію, огромные монастыри были воздвигнуты, подъ разными предлогами,

въ Персіи и населены сѣрыми, бѣлыми и коричневыми дервишами.

56.

Паписы Франгеспанскіе (Европейскіе) называютъ нашего Пророка воромъ, плутомъ. Они вѣдаютъ скверную грязь и надѣваютъ на лица Улемовъ собачьи кожи. Они проповѣдываютъ ложное ученіе, совращаютъ правотѣрныхъ Мусульманъ съ прямого пути къ небу.

57.

Шахъ не сумасшедшій; онъ вѣдаетъ, что невѣрны—соръ, щепы, которыми черпны разводятъ въ аду огонь.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДВА ГОРОДА ЛОДИ.

(Продолженіе)

«Что было дѣлать? До Корнегліаны оставалось еще при Италіанскія мили или полтора часа ходьбы, до Боргешпо было гораздо ближе; но какъ довести ей тѣла умирающаго? какъ посадить его на лошака?—Томимая безпокойствомъ, она проспирала руки къ небу, ищуще искала помощи, и снова опустилась на колѣна передъ Кавалеромъ, чтобы узнать, дышетъ ли онъ еще, между тѣмъ, какъ вѣрный Коло сострадательно лизалъ его повисшую руку. Сей-по моментъ живописецъ изобразилъ на картинѣ.

«Чуткій пестъ залаялъ, и скоро послышался конскій топотъ. Она вскочила, и приложивъ лѣвую руку къ груди, схватила правою кинжалъ, твердо рѣшась до послѣдней крайности защищать себя и жизнь молодого незнакомца. Уже на устахъ ея шевелились слова: хватай, Коло! какъ всадникъ съ восклицаніемъ: «Пресвятая Богородица! Что съ вами случилось, добрый господинъ мой?» соскочилъ съ лошади и бросился къ лишенному памяти.

«То былъ Марко, старый слуга раненаго, который за дѣлами его оспавался въ ближайшемъ городкѣ, и путь нашель его. Что по-

думалъ онъ видя его плавающаго въ крови своей, и дѣвицу вооруженную кинжаломъ? Не она ли его убійца?—Взглядъ въ открытое, Ангельское лице *Фаустины*, и ея радостное восклицаніе: «Слава тебѣ, Господи! пеперь онъ спасенъ!»—Увѣрили его въ пропивномъ.—Поскорѣе, сударыня! сказалъ онъ ей: кто бы вы ни были, помогите мнѣ посадить бѣднаго господина моего на лошадь!

«*Фаустина* совѣтовала посадить Кавалера на лошака, который привыкъ ходить тихимъ и покойнымъ шагомъ. Она сбросила корзины, поправила сѣдло и сильною рукою помогла служивелю; потомъ взяла лошака за поводъ, ласково погладила его по шеѣ, увѣщевая его спупапъ какъ можно оспорожнѣе. *Марко* шель по другую спорону, обѣими руками поддерживая раненаго.

«Часто *Фаустина* пріоспанавливала мула и освѣдомлялась о соспоянніи незнакомца: глаза его все еще были закрыты, правая рука все еще крѣпко держалась за рукоять шпаги, какъ будто и въ смерпи онъ не хотѣлъ распаться съ побѣдоноснымъ оружіемъ.

«Тихохонько спустились они въ долину, и не прежде, какъ совсѣмъ уже смерклось, прибыли въ Корнегліану.—*Фаустина*, передавъ раненаго опцу, какъ легкая серна, побѣжала въ Лоди за лекаремъ.

«*Маркизь Феррара* былъ главою сильной парціи въ Венеціи. Его знапная фамилія величалась въ *золотой книгѣ*, и безпредѣльное честполюбіе было наслѣдственнымъ доспоянніемъ оной. Ему онъ жертвовалъ всѣмъ, и насильспвенно ограждалъ ухо опъ всякаго нѣжнаго человѣческаго чувспва. Два сына, *Манфредъ* и *Альфонсъ*, были наслѣдниками его блестящаго древняго рода. Желая еще крѣпче утвердить его, онъ заключилъ союзъ съ одною изъ первыхъ фамилій Кремонскихъ. Во исполненіе одной спашьи сего союза, меньшей сынъ его *Альфонсъ* долженспивалъ въ Кремонѣ сочепаться бракомъ съ прелестною *Камиллою*, дочерью Графа *Рикверды*; спаршій же сынъ *Манфредъ* оспався подпорою опца въ Венеціи.

«Оба брапья не имѣли между собою ни тѣлснаго, ни душевнаго сходспва. Между нѣмъ,

какъ *Альфонсъ* своими большими голубыми глазами сморщилъ на всѣхъ открыто и привѣрливо, *Манфредъ* коварно и робко поуплялъ въ землю свои маленькіе, черные, какъ уголь, глаза. *Альфонсъ* былъ ростомъ высокъ и спрощенъ; мужеспвенная, величеспвенная поспущь его выказывала въ немъ испиннаго рыцаря. *Манфредъ* ходилъ и какъ бы крадучись, согнувшись, какъ будто боялся разбудить спорожно дремлющую совѣсть. Если *Альфонса* можно было уподобить орлу, смѣлымъ полетомъ парящему къ солнцу, то *Манфредъ* походилъ на рысь, копорая въ тѣмной пещерѣ подсперегаеть безпечную невинность. Тотъ былъ чуждъ малѣйшаго припрворспва, сей дышалъ кознями и происками.

«*Альфонсъ* еще не любилъ, *Манфредъ* былъ подлый сласполюбець, ханжа съ чернымъ, холоднымъ сердцемъ. Онъ домогался руки одной изъ знаменитѣйшихъ красавиць Венеціи, но былъ опвергнутъ съ презрѣніемъ. Съ тѣхъ поръ онъ ненавидѣлъ весь женскій полъ. — Спыдъ опказа хотѣлъ онъ заглушить меспью и гибелью; однимъ словомъ, онъ былъ совершенный злодѣй. —

«Между дворянами Венеціанскими, присоединившимся къ партіи Маркиза *Феррары*, находились кавалеръ *Контадо* и нѣкто *Вилано*. Первый изъ нихъ былъ прямой, честный человекъ и храбрый воинъ, другой малодушный, лукавый прощлецъ. — *Контадо* сопущспвовалъ молодому Маркизу во всѣхъ походахъ, и *Альфонсъ* называлъ его своимъ другомъ; *Вилано* былъ пварь *Манфреда* и шоварищъ распущствъ его.

«*Альфонсъ* нѣсколько времени жилъ въ Кремонѣ; но прелести прекрасной *Камиллы* не воспламенили его сердца. Онъ хопя и показывалъ къ ней большое вниманіе, попому что честполобивый опецъ его желалъ того, но только для вида. Любовь почипалъ онъ за безразсудную, недоспойную человека слабость. Чась его еще не ударилъ.

«Графъ *Рикверда* перенесъ свой Дворъ въ Миланъ; онъ пригласилъ пуда и *Альфонса*. Маркизь согласился, и нѣсколько дней спущия, дѣйспивительно его пуда опсправилъ. Неохопно ѣздилъ онъ по большимъ дорогамъ; прощпки, ведущія дремучими лѣсами или дикими

горами, были для него гораздо привлекательнѣе. Посему-то онъ и выбралъ дорогу, ведущую черезъ Пидцигенпо и лѣсъ Вилла-Новскій прямо къ Сен-Анжело. Въ Акванерѣ онъ спохватился, что забылъ свою карманную книжку, и опсправилъ за нею своего служителя назадъ въ Кремону, съ приказаніемъ, догнашь его по этой же дорогѣ.

«Въ проѣздѣ его черезъ деревеньку Прабіо, жипели предосперегали его опъ разбойниковъ. — «Тѣмъ лучше,» опвѣчалъ онъ смѣясь: «я, можетъ быть, доставлю этимъ бездѣльникамъ честпную смерть, за что они будутъ мнѣ благодарны.» — Съ сими словами онъ весело поскакалъ въ лѣсъ. Изъ предоспорожности однакожь зарядилъ рыцарь свои пщплеты.

«Въ самой чащѣ лѣса, тамъ, гдѣ дорога въ Прабіо и въ Лоди расходится врознь, онъ вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ чепырьми разбойниками: двое изъ нихъ были на коняхъ. Онъ хотѣлъ выпрѣлпшь изъ пщплетета; пщплетъ оскся, и онъ бросилъ его въ лице ближайшему бандиту. Тутъ лошадь его, пораженная пулею, упала подъ нимъ, другая пуля ударила его въ грудь. У него оспавалось еще сполько силъ, чтобы владѣть мечемъ, и ловкіе удары его опдали опъ него злодѣевъ. Но сильное кровопеченіе ослабляло его болѣе и болѣе. Глаза его опуманились, онъ упалъ безъ чувспвъ на землю. Чпó далье съ нимъ происходило, онъ не помнилъ; только смущно предспавляется ему, будто прелеспное существо, подобное Февъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, прилепѣла къ нему на помощь, но попускневше глаза его не могли ничего разобрать.

«Очнувшись, онъ увидѣлъ себя въ убогой комнапѣ; въ ногахъ его споялъ плачущій слуга. Онъ хотѣлъ приподняпсь, но не можетъ владѣть ни руками, ни ногами. — «Каково вамъ?» нѣжно спросилъ его сладоспный голосокъ надъ его изголовьемъ. Онъ поднялъ глаза — и увидѣлъ надъ собою того же самаго Ангела, котораго мечпалъ видѣть во снѣ, когда ударъ убійцъ повергли его на землю.

«*Фаустина* въ топъ вечеръ скоро возвратилась изъ Лоди съ лекаремъ: къ несчастію онъ не имѣлъ сполько искуспва и познаній, чтобы помочь опасно раненому. Со спрахомъ

Фаустина ожидала его приговора, и вскринула громко, когда лекарь объявилъ его раны неизлечимыми; смертная блѣдность и яркій румянецъ попеременно покрывали лице ея. Не отвѣчавъ невѣждѣ ни слова, она побѣжала въ конюшню, пихонько вывела лошадь спараго *Марка*, и во весь опоръ поскакала въ Миланъ.—Ни темнота ночи, ни проливной дождь не могли удержатъ её отъ сего предпріятія. Въ полночь она пріѣхала въ Миланъ; съ прудомъ опыкала въ семь обширномъ городѣ самаго искуснаго хирурга; и умоляла его о помощи. Врачъ долженъ былъ почестъ её за сумасшедшую: ибо она не могла сказать ни званія, ни имени раненаго; но лишь только объявила ему свое имя, онъ весело вскричалъ: «такъ ты дѣвушка города Лоди? Я ѣду съ тобою, куда хочешь!»—Онъ хотѣлъ посадить её къ себѣ въ карешу.—Я поѣду верхомъ, сказала она холодно и важно: эта предосторожность нужна, ибо въ темнотѣ кучеръ можетъ сбиться съ дороги.—Еще до свѣта они пріѣхали въ Корнегиану. При входѣ ея въ домъ, отецъ безмолвно пожалъ ей руку; онъ не разъ уже былъ свидѣтелемъ ея удивительной рѣшимости, когда человеческая жизнь находилась въ опасности.

«И пусть надобно было подать скорую помощь; нѣсколько часовъ еще, и она была бы бесполезна.

«Въ печеніи первыхъ дней *Фаустина* подходила къ постелѣ юнаго Рыцаря тогда только, когда онъ спалъ: ибо врачъ спрожайше запретилъ ему всякое душевное волненіе, которое при свиданіи съ *Фаустиною* было бы неизбежно. Еще она не говорила съ нимъ ни слова. Она почтала себя орудіемъ, которое Всевышнему угодно было употребить для спасенія благороднѣйшаго сына Италіи изъ рукъ презрѣнныхъ убійцъ, и благодарила за то Провидѣніе. Сколь пѣсно участіе рыцаря соединился съ ея участіемъ, объ этомъ она и во снѣ не мечтала.—Старый *Марко* не могъ испощиться въ похвалахъ душевной доброты, благородства, храбрости и рыцарской доблести своего господина, и каждое слово его глубоко заронялось въ сердце дѣвушки.

«Въ десятый день дозволили раненому видѣть и благодарить свою избавительницу.

«*Альфонсъ* взросъ между прелестными женщинами; мать его была одна изъ первыхъ красавицъ Гесперіи; онъ часто составлялъ себѣ идеалъ женской красоты, но путь очаровательная дѣйствительность превзошла всѣ прихоти пламеннѣйшаго воображенія. Онъ схватилъ объ руки *Фаустины* и долго разсматривалъ её съ безмолвнымъ изумленіемъ.—

—«Такъ вопъ дѣвица изъ Лоди, па прелестная, удивительная дѣвица, о которой всѣ языки Италіи говорятъ съ воспоргомъ, которая до Олимпа восхищаетъ ея поэповъ? И эта дѣвица моя избавительница? Я, счастливецъ, избранъ Небомъ получить изъ рукъ ея вопоричную жизнь?»—

—Господинъ рыцарь!—сказала *Фаустина* съ нѣкоторымъ негодованіемъ, краснѣя, и опдернула руку: не гнѣвипе Небо пѣмъ, что говорипе льспивые слова смиренной рабѣ Божіей. Я бѣдная, въ проспотѣ воспитанная дѣвица, и не знаю, что вамъ отвѣчатъ. Я имѣла о васъ лучшее мнѣніе, примолвила она тихо.—

—«Не сердись на меня, мой Ангелъ! воскликнулъ Рыцарь умоляющимъ голосомъ: и дай мнѣ опякъ свою руку въ залогъ, что ты со мною помрилась.»—Она подала ему руку, и *Марко*, по знаку господина, принесъ спуль.—«Садись подлѣ меня, душа моя, сказалъ Рыцарь, и расскажи мнѣ что нибудь про себя и про пвое живье-бытье.»—

—Вы услышите весьма незанимательное,—отвѣчала она, смѣясь.—Я называюсь *Фаустина*, я дѣвица, вопъ всё, что умѣю сказать про себя. Лучше вы, господинъ рыцарь, расскажите мнѣ про себя, про ваши рыцарскіе подвиги, если только здоровье вамъ то позволяепъ. Ибо, что вы храбрый воинъ, который умѣепъ владѣть мечемъ, это я очень хорошо видѣла въ топъ вечеръ, когда разбойники хотѣли васъ умертвить, и за то я полюбила васъ всѣмъ сердцемъ. Для какого нибудь изъ пѣхъ щегольски разодѣтыхъ, духами опрысканныхъ францовъ, которые вѣрно толпами рыскаютъ по улицамъ Милана и Венеціи, къ которымъ лучше прискаютъ спраусовыя

перья на берепъ, нежели тяжелый меч на бедръ, я право среди ночи не поскакала бы въ Миланъ, въ эпомъ вы можете мнѣ повѣршъ.—

— «Какая ты умница, моя милая!—возразилъ *Альфонсъ*, улыбаясь, и пожалъ ей руку: дай Богъ, чтобы я въ соспояннїи былъ достойно наградишь тебя за твое похвальное дѣло.»—

— Не ужели, господинъ рыцарь,—опвѣчала она съ досадою и вспавши: должно награждать за опасность, которой я подвергалась?—Произнеся сіи слова, она вышла изъ комнаты.

— «Оплошали вы;» замѣнилъ *Марко*: «вамъ не слѣдовало говорить такимъ тономъ съ причудницею. И я заговорилъ было съ нею о благодарности, о наградѣ; но она, назвавъ меня старымъ дуракомъ, ушла. Знаете ли, на чьей постелѣ вы лежите?—На ея постелѣ.»—Блѣдныя ланипы *Альфонса* подернулись легкимъ румянцемъ.—Старикъ продолжалъ: «она же, съ той поры, какъ вы въ эпомъ домъ, спите въ комнатѣ отца на жесткомъ шюфакѣ. Да, да, я старикъ и рыскалъ по свѣту вдоль и поперегъ, но такой дѣвушки мнѣ не случилось видѣть. Когда выздоровѣете, такъ вы чудеса про неѣ услышите.—

— Я уже и такъ довольно чуднаго о ней слышался;—опвѣчалъ *Альфонсъ*: она Ангель!—

«Вѣсть о несчастїи, постигшемъ молодаго Маркиза, скоро дошла до Графа *Рикверды*. Онъ почти каждый день посылалъ гонца въ Корнегліану, освѣдомляясь о его здоровьѣ, и неоднократно просилъ его письменно, чтобы онъ прїѣхалъ въ Миланъ, и лечился бы въ его домъ.—Мнѣ здѣсь очень хорошо, опвѣтствовалъ *Альфонсъ*: какъ же скоро выздоровлю, немедленно засвидѣтельствую Графу мое почтение.»—Такъ проходила одна недѣля за другою.

«Два такіе сердца, какъ *Альфонса* и *Фаустины*, не могли долго оспаваться одно другому чужды. Непримѣнно вкралась въ нихъ любовь. Слишкомъ поздно открыли они присупствие сего сладостнаго, упоительнаго яда, слишкомъ поздно для ихъ обоюднаго спокойствїя. Одинъ только отецъ *Фаустины* не замѣчалъ ихъ взаимной спрасши. Онъ, какъ бѣдный поселянинъ, видѣлъ въ *Альфонсѣ* толь-

ко попомка одной изъ благороднѣйшихъ фамилій Венеціи, а въ расположенїи дочери къ молодому рыцарю полагалъ видѣть только опблескъ ея радости, что она спасла ему жизнь. Къ добродѣтели своей дочери приталъ онъ слѣпую довѣренность; честный, прямодушный и набожный, онъ почиталъ всё сіе происшествїе за особенную благодать, ниспосланную ему Небомъ. Ибо, съ того времени, какъ юный рыцарь жплъ въ его домъ, хозяйство его видимо поправилось. Старый *Марко* въ излишествѣ доставляя всё нужное, лучшіе припасы привозилъ изъ Лоди, дабы какъ можно роскошнѣе сдѣлать споль; а чего не было въ Лоди, то закупалъ въ Миланъ.—Торговля его полевыми и садовыми плодами прекрасилась; *Фаустина* не возила ихъ на лошацѣ въ Боргешпо; да и могла ли она хопя на минупу покинуть дорогаго госпя до совершеннаго его выздоровленїа!

«Около сего времени одинъ знаменитый живописецъ, прѣзжая чрезъ Лоди, остановился у дома отца *Фаустины*, и просилъ позволенїа списать портретъ съ дѣвицы, о которой вся верхняя Италїя говори съ воспоргомъ. Ничто не могло быть прїятнѣе для молодаго Маркиза. Онъ самъ начерпилъ эскизъ для карпины, изображавшей его спасенїе, и мертвый холстъ ожилъ подъ пворческою кистью художника.—Дѣвспвенно краснѣя, *Фаустина* опворачивалась опъ карпины: «Я не такъ хороша собою,» говорила она шепотомъ и прижималась къ любимцу своего сердца, когда онъ, упоенный любовью, сравнивалъ неподражаемый оригиналъ съ копїею: «вы мнѣ польстили.»—Извините, Сильора!—опвѣчалъ живописецъ: я только слѣдилъ прелестную спезю, начерпанную мнѣ самою природою.—«Ты правъ, живописецъ!» вскричалъ *Альфонсъ* съ воспоргомъ: «брось свою кисть! разбей полипру! въ другой разъ не случится тебѣ писать съ такого оригинала!»—

«*Альфонсъ* подарилъ сію карпину отцу *Фаустины*, но тайно заказалъ въ маленькомъ размѣрѣ копїю съ Ангельской головки.

— «Смѣю ли оспавить у себя?» спросилъ восхищенный *Альфонсъ* *Фаустину* въ одинъ

прекрасный вечеръ, показывая ей порптретъ.
Дѣвица припала къ его сердцу.—«Я вся пвоя,
мой милый, мой единственнй *Альфонсъ!*»
шепшала она сладоспнымъ голосомъ: «ахъ, за-
чѣмъ не могу вдохнуть въ картину душу
моей любви, дабы она вѣчно казалась тебѣ
новою!»—Кто богаше меня! воскликнулъ
юноша въ упоеніи спраспти, и обнялъ пре-
леспную: самъ Дождь Венеціи въ сравненіи со
мною бѣденъ. Вѣрное изображеніе держу въ
рукѣ; небеснй оригиналъ покоипся на моемъ
сердцѣ; онъ мой, мой на вѣки! Хочешъ ли
бышь моею, *Фаустина?* примолвилъ онъ съ
пылающимъ взоромъ.—«Твоя, пвоя до гроба!»
опвѣчала оробѣвшая дѣвица дрожащимъ голо-
сомъ.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОСТОРГЪ ДУШИ МОЕЙ.

Волшебница! я внѣ себя!
Я изумленъ! я очарованъ!
Моцартъ и Веберъ и Бешговенъ,
Вдохнули пламень свой въ тебѣ!—
Въ порывѣ пворческаго духа,
Какъ умиленный Херувимъ,
Для моего земнаго слуха
Журчишь ты чѣмъ-то неземнымъ;
Я узнаю—благоговѣя,
Въ тебѣ—соперницу Орфея!
Пошоломъ сладкимъ пошекли
Окшавы Гайдена и Герца—
И опъ вещественной земли
Въ мѣръ идеальнй увлекли
Всѣ чувспва пламеннаго сердца...
Въ моей спрадалъческой груди
Давно-минушее проснулось,
И что сокрыпо—впереди...
Въ туманномъ свипкѣ развернулось;
Остановися.... пощади...
Невозвратимыя потери
Спѣснили духъ—я слезы лью...
Но Небо—отверзаешъ двери...
Надежда вѣешъ въ грудь мою;
Журчи, шайнственная Пери!

Я предаюсь забытію;—
Съ пвосою чудною музыкой
Сливается музыка сфера,
И хоръ поющій предъ Владыкой
Къ тебѣ—объяшя просперъ...
Взгляни—но переливы шпше...
Божественнй концертъ ушпхъ—
О Ангелъ, вдохновеннй свыше!
Дай умереть у ногъ пвоихъ;
Пусть очарованныя чувспва,
Какъ изъ кадила—аромапъ
Съ пвоими звуками лепяпъ
Въ предѣлы дивнаго испуспва!
О, памъ—въ обипелл святой,
Гдѣ гимнъ Еговъ раздаешся,
Пускай душа моя сольешся
Съ пвоей воспорженной душой.

В. Д.

МЩЕНІЕ.

(Изъ стихотвореній Римиллики *Фаустинъ.*)

Пипши, взывалъ мой гнѣвъ, и зависть обличая,
Откры гоншпелей пвоихъ позорнй ковъ.
Какъ браннй конь, трубы послышавъ громкй зовъ,
Копытомъ въ землю бѣешъ, бродами попрясая,
Такъ возмупился я; но мысль иная вдругъ
Дала оружье мнѣ упшпшишь гнѣвнй духъ.
Нѣпъ, я не назову, не воскрешу изъ праха
Ничпожнйхъ сипхъ именъ и недоспойнйхъ дѣлъ;
Пусть время опомшпшишь; я буду ждать безъ спраха,
Чпобъ, рано-ль, поздно-ль, имъ смилчился мой
удѣлъ.
Кто благороденъ, поппъ однимъ доволенъ мщеньемъ
Обидѣ воздавать молчаньемъ и презрѣнемъ,

Пер. И. Погровскй.

Д В Ъ П Ъ С Н И.

Прелеспна пѣснь полуденной спраны!
Она огнемъ жившпельнымъ согрѣта,
Какъ яркй день безоблачнаго лѣта;
Она сладка, какъ помнй свѣпъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ Лагуны;
Всѣ въ ней къ любви и нѣгѣ насъ манишь:
Но не звучашъ опзывно сердца спруны.
И мысль моя въ груди безмолвнй сппшишь.
Другая пѣснь! по пѣснь роднаго края,

Пропляжная, унылая, просная,
 Тоски и слезъ и горестей полна.
 Какъ много думъ возбудила вдругъ она
 Про нашу спель, про звонкія мяшели,
 Про радости и скорби юныхъ дней,
 Про пихіе напѣвы колыбели,
 Про ошчій домъ и кровныхъ и друзей.
 А. Холлковъ.

С H A R A D E.

Elle était si jeune et si belle;
 Passant, priez, priez pour elle;
 Car pour elle déjà retentit mon dernier;
 Hélas! et dans la terre, en proie à mon premier,
 Il détruira bientôt sa dépouille mortelle.
 Elle est morte au sortir d'un bal;
 (La terre de mon tout alors était couverte).
 Elle sentit du froid le souffle glacial.
 Trois jours après nous déplorions sa perte.

Въ No 59, помѣщенная шарада значить: *Херсонъ*.

M O D E S.

Voici des détails sur les toilettes de quelques femmes réunies à la campagne pour une fête de famille. Le matin, c'étaient des robes blanches simples, à manches longues, des coiffures en cheveux sans toilette. Le soir on dansa, et alors on vit un air de bal, un air de Paris.

Une jeune femme très-blonde et très-fraîche, avait dans ses cheveux une couronne de bluets hérissée de quelques épis; au bas de sa robe de tulle d'Angleterre, doublée de taffetas, était un bouquet de bluets et d'épis, attaché sur le côté par un ruban de gaze qui partait de la ceinture. Les manches étaient courtes et bouffantes. Avec cela une parure d'émail, des souliers de taffetas blanc.

Les fleurs étaient naturelles et montées d'après un des gracieux modèles de Nattier.

Quelques femmes avaient de simples robes d'organ-di avec un bouquet monté, piqué dans la coiffure.

Quelques autres, avec des grecques, plus ou moins simples, avaient une légère guirlande de bruyère ou de plantes de serres.

Avec des bouquets d'œillets, une broderie d'aillet en laine de couleur au bas de la robe, ou des camélias.

On remarquait une guirlande à la *Cérès*, en épis d'orge, à la forme élancée, aux longues barbes, se mêlant si bien aux cheveux qui les entourent. La robe était en batiste de soie brodée d'une guirlande de semblables épis, en soie plate.

M O D Ы.

Вотъ подробности о нарядахъ нѣсколькихъ дамъ, собравшихся въ деревнѣ, для семейнаго праздника. Упромъ были въ просныхъ бѣлыхъ платьяхъ, съ длинными рукавами; прически изъ волосъ безъ украшеній. Вечеромъ панцовали, и тогда имѣли видъ бальный, видъ Парижскій.

У одной молодой дамы, весьма блонкурой и съ чрезвычайно живымъ цвѣтомъ лица, была въ волосахъ гирланда изъ васильковъ съ нѣсколькими колосьями; внизу платья, изъ Англійскаго шюля, на шапѣ, былъ букетъ изъ васильковъ, съ колосьями, прихваченный съ боку газовой лентою, проплетанною опъ пояса. Рукава пышные, короткіе. Съ ашимъ эмалевый уборъ, башмаки бѣлые, шапшяные.

Цвѣшны были наспояціе и собранные по одному изъ щеголеватыхъ образцевъ Напье.

Нѣкоторыя дамы были въ просныхъ платьяхъ изъ органди, съ букетомъ въ волосахъ.

Иныя были въ Греческихъ прическахъ, болѣе или менѣе просныхъ, съ легкою гирландою изъ зелени или оранжерейныхъ распеній.

Съ букетами изъ гвоздикъ, и по низу платья вышпшы были гвоздики, или камелии.

Замѣчательна была гирланда à la *Cérès*, изъ ячменныхъ колосьевъ, поккихъ съ длинными волокнами, чрезвычайно красивая въ волосахъ. Платье было изъ шелковаго баписпа, вышпшое несученымъ шелкомъ, гирландою изъ пакихъ же колосьевъ.

П о п р а в к а.

Въ No 58-мъ Литераш. Прибавл. къ Русскому Инвалду на стран. 462, въ 1-мъ столбцѣ стрк. 1, ошибкою напечатано: памъ, а слѣдуетъ гитать: мы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 61.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 NO. съ 36-ю каршиками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Іюля 30 дня, 1852 года.

Какой порядокъ ни зашѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей:
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать намъ, гдѣ намъ захочется, спаровку.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПЛЕМЯННИЧЕКЪ И ДЯДЮШКА.

Однажды въ многочисленномъ собраніи, дядя извѣстнаго пруса М*** поссорился съ извѣстнымъ забіякою Н*** и получилъ отъ него пощѣчину. Старики, не надѣясь на самаго себя, просилъ племянника вспуниться за честь его и опмстить дерзкому Н***.

Дрожая всѣми членами, М*** подходитъ къ обидчику и обороняясь и, пріосамясь, говоритъ ему: «послушайте, Милостивый Государь! вы обидѣли моего дядю; но вамъ должно быть извѣстно, что я принимаю въ немъ живѣйшее участіе. Я желалъ бы видѣть повпorenіе вашей дерзости!»

Забіяка Н*** холоднокровно ударилъ его дядю въ другую щѣку.

М***. «Попробуйте еще разъ, осмѣльпесь!»

Н*** оппустилъ ему претью оплеуху.

М*** (*обращаясь къ дядѣ*). «Вы сами видите, что съ нимъ нечего дѣлать: онъ не совѣщется ударить васъ и двадцать разъ. Лучше опойте отъ него: онъ можетъ быть сумасшедшій. Удалимся отъ зла и сотворимъ благо!»

Съ этими словами племянничекъ схватилъ дядю подъ руку — и насильно попалъ въ другую комнату.

Н. Крыловъ.

ПЕРСИДСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ПРАВИЛА, МЫСЛИ, СУЖДЕНІЯ.

(*Окончаніе.*)

58.

У насъ въ Персіи нѣтъ обычая вѣрять своимъ друзьямъ важную сумму денегъ. Персіанинъ и самому Пророку (да благословитъ его Аллахъ)! не дастъ 1,000 червонцевъ, не взявъ напередъ съ него вѣрнаго залога.

59.

Въ баняхъ не рѣдко происходятъ чудныя вещи. Говорятъ, что черти, не успѣвши ускакать въ адъ до упренняго призыва на молитву, прячутся обыкновенно по банямъ.

60.

Чванство есть спраснь, противъ копорой ни одинъ Персіанинъ успоитъ не можетъ.

61.

Зердуитъ (*Зороастръ*) сказалъ: «супружество уподобляется плоду сикомора, который положи въ ропъ, ощущаешь сладость; но лишь только списавши покрѣче зубами: по горечь заславши тебя его выплюнушь— и при днѣ спанешь полоскашь ропъ водою.» Зердуитъ былъ великій пророкъ.

62.

Человѣкъ естественнo сморщитъ съ пайною завистью на всякое возвышеніе ближняго, исключая одно только возвышеніе его на висѣлицу.

63.

Маленькій розовой ропикъ женщины распворяется иногда шире воротъ ада; брань льется изъ него съ шумомъ и неукропимою быспропою. Ни трескъ грома, ни пушечная пальба Русскихъ не могутъ идти въ сравненіе съ громкими ругательствами бѣшеной бабы.

64.

На грѣшниковъ будетъ надѣто плаще изъ огня, тѣсное, палящее; кипяпокъ будетъ липся на ихъ головы; черва ихъ и кожи превращаются въ уголь— и они спануть вопишь подь ударами желѣзныхъ, раскаленныхъ палицъ и кнуповъ, слепенныхъ изъ молніи, хлопающихъ по тѣлу съ трескомъ, громчайшимъ всякаго грѣма.

65.

Душа сумасшедшаго находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Аллахомъ, или по крайней мѣрѣ, занята дружескою бесѣдою съ Ангеломъ *Джебраилемъ* о дневныхъ новостяхъ нѣпаго неба.

66.

Есть на свѣтѣ важнѣйшія и пріятнѣйшія занятія, чѣмъ сидѣть весь день съ длинною трубкою въ зубахъ, ѣздишь на жирной лошади и спать на розовыхъ лепсяхъ.

67.

Нужда есть всадникъ съ острыми спременими, который иногда заставляетъ безногую клячу дѣлать такіе прыжки, какихъ не сдѣлаешь лучшей конь въ свѣтѣ.

68.

Кромѣ Франсизъ, Инглизъ и Москоу есть еще многіе другіе Франкскіе народы, которые спрѣляютъ не хуже Русскихъ и дѣлаютъ споль же тонкое сукно и точно такіе же часы, какъ Англичане.

69.

Френгиспанъ, п. е. Аврупа (Европа) обширнѣе всего свѣта, и Царь тамъ не одинъ, а пропасть Султановъ, Краловъ, Герсюковъ: такъ, что и во спо лѣтъ ихъ не пересчитаешь.

70.

Въ царствѣ глухихъ и ослиный ревъ музыка.

71.

Образованные люди только въ банѣ сидятъ съ открытою головою.

72.

Перо вѣчности, обмакнутое въ чернила безпредѣльности, едва ли было бы достаточнo для описанія всѣхъ справностей невѣрныхъ Англичанъ. Одна лишь чистая, прозрачная вода вѣры Пророка въ состояніи смыть съ нихъ толстые слои оскверненія, коими покрыты тѣла ихъ и души. Англичане, принявъ Магоммеданскую вѣру, приобрѣли-бъ сугубое преимущество и въ сей и въ будущей жизни: во *первыхъ*, для душъ своихъ они приутопили бы роскошныя помѣщенія въ томъ же самомъ ярусѣ неба, гдѣ назначено обитать и кореннымъ поклонникамъ Ислама; во *вторыхъ*, съ ихъ деньгами, вѣруя въ предопредѣленіе, не заботясь о зашпрешнемъ днѣ, и безопасно упоая на милость Аллаха, могли-бъ они завести пакой несравненный *кейфъ* (праздность души и тѣла), что споль дыма сладости, клубящагося изъ калиановъ нѣднаго бездѣйствія, упирался бы верхнимъ концемъ въ самое созвѣдіе Рака.

73.

Франки полкуютъ о какихъ-то гражданскихъ добродѣтеляхъ, любви къ отечеству, попеченіи о благѣ общемъ: у насъ въ Персіи эпаго ни кто не понимаетъ. Эпо должны быть особенныя Западныя аллегоріи. Какое намъ дѣло до общаго блага? И какое у насъ опе-

чество? Шахъ умретъ сего дня, а сыновья его разнесутъ прахъ ея по всѣмъ концамъ Свѣта—и опять не будетъ Персіи.

74.

О какомъ общемъ благѣ можно помышлять въ государствѣ, гдѣ большая часть жителей съ неперыніемъ выжидаетъ новаго покорителя, надѣясь, что при немъ будетъ лучше, потому, что хуже ужъ быть не можетъ.

75.

У насъ множество бѣдныхъ; но никто, никогда не умеръ съ голоду: Алахъ-Таала создалъ ихъ Персіанами и надѣлилъ такимъ умомъ, что только любуйся да берегись! Они, бѣдняжки, суеверны, плушуютъ и до-бываютъ себя пропитаніе.

(Извлечено.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДВА ГОРОДА ЛОДИ.

(Продолженіе.)

«Альфонсъ, сколь ни былъ молодъ, ненавидѣлъ всё мечпательное, всё сумасбродно-романическое. — «Она или никто!» Это написано было въ душѣ его пламенными буквами, и съ той минуты онъ съ неуловимымъ рвеніемъ прудился надъ исполненіемъ своего единственнаго желанія, надъ достиженіемъ лучшей цѣли своей жизни. Онъ предвидѣлъ, какія исполнскія препятствія противопоставитъ ему непредѣльное честолюбіе отца, гордость древняго рода, коварная злоба брата; но чувствовалъ также себя человекомъ, вооруженнымъ желѣзною волсю и рыцарскою силою, чтобы за цѣла своей любви неуспрашимо опважиться даже на невозможное, противопоставить упорству упорство, силъ силу.— «Пусть они придутъ, бездушные противники моей любви;» воскликнулъ онъ съ сверкающимъ взоромъ: «я готовъ!»—

«Онъ хотѣлъ говорить съ отцемъ Фаустинъ, но она ему опсовѣщывала. — Не говори ему ничего про нашу любовь: онъ добръ, очень добръ; но онъ насъ не пойметъ. —

«Тѣмъ лучше!»—оптвчалъ Альфонсъ: «и такъ, мы избавимъ его отъ лишняго безпокойства.»—

Любовники занялись начертаніемъ плана для ихъ будущности. День Альфонсова отъѣзда былъ назначенъ.

«За два дня передъ тѣмъ нѣсколько богатыхъ дорожныхъ экипажей въѣхали въ Корнегиану, и остановились у маленькаго, вѣщаго домика.—«Тутъ-то, въ этой-то черной лачугѣ живетъ мой братъ, рыцарь Альфонсъ де Феррара!»—спросилъ насмѣшливо Маркизь Манфредъ.—Слухъ, что Альфонсъ хотя и спасся отъ княжолвъ убійць, но помился въ оковахъ очаровательной дѣвицы изъ Лоди, скоро дошелъ и въ Венецію. Собственно для значной фамили сей любовный плѣнъ не могъ сдѣлаться опаснымъ: такой недостойной мысли никто не давалъ мѣста; но Альфонсъ, какъ увѣряли слепники, былъ счастливъ; поводъ, доспапочный для его брата Манфреда, чтобы разрушить сіе счастье, и прежде, нежели любовники подумали объ опасности, она уже, какъ смертоносная сѣкира, пятопѣла надъ ихъ головами. Отъ ядовитаго дыханія Манфреда блекли розы и подъ его ногами ггло всё живущее.

— «Напрасно ты пустился въ такой дальній путь,» сказалъ Альфонсъ вошедшему брату: «черезъ два дни я самъ ѣду въ Миланъ, а оппуда въ Венецію, или куда папенька прикажетъ.»—Манфредъ пребовалъ, чтобы онъ немедленно поѣхалъ, но Альфонсъ оптвчалъ холодно и твердо: «Нельзя!—я обѣщаль завтра дать пиръ жителямъ Корнегианы и Лоди, и долженъ сдержать слово; при томъ же завтра день моего Ангела. Ты, какъ добрый Христианинъ, вѣрно позволишь мнѣ помолиться Богу и поблагодарить Его за мое чудесное спасеніе.»—Глаза Маркиза засверкали.—Очень хорошо!—возразилъ онъ: нельзя ли и мнѣ быть участникомъ вашихъ увеселеній; надѣюсь при этомъ случаѣ познакомиться съ славною Лодійскою красавицею.—«Конечно! сказалъ Альфонсъ: «она будетъ царницею праздника!»—А ты будешь царемъ!—Замѣтилъ Манфредъ насмѣшливо, и распрощался съ братомъ, уѣхавъ въ Миланъ. Альфонсъ пробормоталъ что-то сквозь зубы вслѣдъ за уходя-

щимъ. Онъ былъ распроенъ, и даже сердечныя ласки *Фаустины* не могли развеселить его.»

До сихъ поръ рассказывалъ *Жибелло*. Въ дополненіе къ своей повѣсти принесъ онъ обѣщанныя бумаги, которыя хранились у него въ большомъ портфелѣ съ богатыми, спаринными украшеніями. Онъ заключали въ себѣ опривки, писанныя опчаспи *Фаустиного*, опчаспи рыцаремъ *Контадо*. По причинѣ ихъ вѣхоспи и устарѣвшаго слога, я въ иныхъ мѣстахъ съ прудомъ добирался до смысла. Нѣсколько писемъ Графа *Рикверды* къ Маркизу лучше сохранились. — *Жибелло* и дочь его пошли спать, когда минула полночь; но меня заспало упрое еще пишущимъ предъ каршиною, висящею надъ каминомъ.

Разумѣется, что я опложилъ свой опѣздъ; мнѣ не за чѣмъ было порошиться въ *Пиаченцу*, и я ни за что въ свѣпѣ не оставилъ бы *Лоди*, не узнавъ конца сей исторіи. Обѣ *Фаустины* до крайности возбудили мое любопытство.

Живая *Фаустина* весь день ходила съ заплаканными глазами, но не хотѣла опвѣчать ни слова на мои распросы.

Послѣ ужина, котораго въ сей день ожидалъ я еще съ большимъ неперпвнѣемъ, возобновилась вчерашняя сцена. *Фаустина* принесла свѣчи и, молча, заняла свое мѣсто въ глубинѣ комнаты, а спарикъ опять принялся за свою повѣсть.

— Я рыдся во всѣхъ шкафахъ и сундукахъ, сказалъ онъ опуспавшись въ обптануныя юфпью кресла: опыскалъ еще нѣсколько бумагъ, которыя заключаюптъ въ себѣ продолженіе моей повѣсти. Вотъ онѣ; чипайте сами. Что мы принадлежимъ къ фамиліи *Фаустины*, вы, сударь, вѣрояпно уже замѣпили. —

«Такъ ваша *Фаустина* впорая *Лодійская* красавица?» спросилъ я нѣсколько опромепчиво.

— Боже мой! — вскрикнула позади меня *Фаустина*, и закрыла лице передникомъ.

«Поди, ложись спать, *Фаустина!*» сказалъ *Жибелло* съ кропоспью: «не обращайтесь вниманія на эту проказницу;» примолвилъ онъ:

«мы теперь останемся одни.» — *Фаустина* вышла; эта сцена на нѣсколько времени меня совершенно распроила.

«Синьоръ *Манфредъ* дѣйспвипельно прѣхалъ на праздникъ въ *Лоди*. Онъ увидѣлъ *Фаустину*, и былъ восхищенъ ея красотою. Кровь бурно взволновалась въ жилахъ сластолюбца: онъ алчнымъ взоромъ пожиралъ ея изящныя формы, ея чудныя прелести. *Фаустина* въ самомъ дѣлѣ въ эпоптъ день была удивительно хороша собою. *Альфонсъ*, руководимый благороднымъ уваженіемъ, доселѣ не предлагалъ ей ни малѣйшаго цѣннаго подарка; теперь щеславіе, видѣптъ возлюбленную во всемъ блескѣ красоты, одержало верхъ надъ всѣми сомнѣніями. Онъ тайно заказалъ въ *Миланѣ* для *Фаустины* нарядъ иочно такой, какой носятъ дѣвушки ея званія въ окрестностяхъ *Лоди*, но изъ самыхъ драгоценнѣйшихъ тканей; въ упрое праздника она нашла его подлѣ постели. Въспо обыкновенной серебряной цѣпочки лежала тупъ золотая, на которой висѣлъ золотой образъ ея Ангела. Съ безмолвною радостью развернула она богатая одежда: ибо при всѣхъ рѣдкихъ качествахъ *Фаустина* была дѣвица и знала — *Альфонсъ* увѣрялъ еѣ въ томъ пыскачкранно — что она хороша собою. Но прилично ли было приняптъ подарокъ опъ молодого человека? Не лучше ли было возвратиться? Вотъ вопросы, которые долго колебали ея душу. Наконецъ, она пошла посоветоваться съ опцемъ.

«Опецъ вывелъ еѣ изъ недоумѣнія: онъ разумилъ еѣ, сколь огорчительно будетъ для благороднаго рыцаря, если она не приметъ дружескихъ его подарковъ, и непремѣнно требовалъ, чтобы она одѣлась въ новое платье, не заботясь о зависпи подругъ, которой она конечно не избѣгнетъ.

«Въ нѣсколько минуптъ *Фаустина* переодѣлась, въ совершенную пропвнность методѣ нынѣшнихъ нашихъ модныхъ дѣвицъ, и съ опупленнымъ взоромъ вошла въ комнату рыцаря. *Альфонсъ* съ воспоргомъ заключилъ еѣ въ свои объптія. — «Благодарю тебя, моя милая, несравненная *Фаустина!*» воскликнулъ онъ съ жаромъ: «ахъ, зачѣмъ не могу я съ пріумфомъ ввезти тебя такъ въ *Венецію*, и всей

Испалин возвѣспитъ мое счастье?»—Милый рыцарь!—возразила *Фаустина*, тихо освобождаясь изъ спрассныхъ объятий могучаго воина: вы меня сдѣлаете щеславною, и еслибъ я не всѣмъ сердцемъ увѣрена была въ вашей любви, то почти опасалась бы, что и вы не чужды щеславия. — Но въ нынѣшній день не хочу васъ огорчить, и потому приняла вашъ подарокъ. Эпопть день для насъ всѣхъ есть день радости,—ахъ! а для меня спановится первымъ и горчайшимъ днемъ спрадана, — ибо въ послѣдній разъ солнце взойдетъ надъ нами *обоими влѣстъ* — кто знаетъ, когда оно опять взойдетъ надъ нами *обоими!*—Пойдемте-же, продолжала она, внезапно ободряясь: въ Лоди насъ жадутъ. Помолимся Богу, васъ охранявшему, попросимъ Его, да защититъ Онъ нашу чистую любовь, яко Его царство и сила!—«Аминь!» сказалъ рыцарь съ смиреннымъ упованіемъ.

«Со всею пышностью и блескомъ своего високаго сана, Синьоръ *Манфредъ* ждалъ прибытія брата. Дико сверкающимъ взоромъ пожиралъ онъ прелестную. Въмѣсто того, чтобы истинная непорочная красота и поржественное молебствіе въ храмъ Господнемъ произвели въ немъ благоговѣніе, онъ злобно насушилъ густыя брови, и въ черной душѣ его глухо опозвался помыслъ: обольститъ или погубитъ еѣ!—Сей злодѣйскій обѣтъ тяжело налѣгъ на свѣплую жизнь *Фаустины*, и ядовитымъ дыханіемъ попушилъ свѣплъ, доселѣ еѣ озарявшій.

«Богослуженіе кончилось; *Альфонсъ* и *Фаустина* національною простою пляскою открыли сельскій праздникъ; пѣсни заключили поржественный день. *Манфредъ* устремилъ испытующій взоръ въ открытое сердце *Альфонса*.—Эпо не волненіе спрасси! пробормоталъ онъ про себя: эпо счастливая любовь! примолвилъ онъ, скрежеща зубами.—*Фаустина* плясала не изящно, но съ какою-то невыразимою пріятностью, и у всѣхъ присутствующихъ единогласно вырвалось радостное восклицаніе: эпо прекраснѣйшая чета, надъ которою когда либо закапывалось солнце.

«*Манфредъ* опозвалъ въ спорому *Вилано*, неизмѣннаго клеветца во всѣхъ подвигахъ разврата, и въ одной изъ праздничныхъ бесѣдокъ

они составили планъ для погубленія *Фаустины*. Она должна быма неизбѣжно погибнуть, если не возобновится время чудесъ.—*Вилано* сначала дѣлалъ основательныя возраженія своему достойному наставнику и повелителю. Онъ замѣнилъ ему, что если *Альфонсъ* дѣйствительно любитъ эту дѣвицу—что впрочемъ очевидно—и намѣренъ сочепаться съ нею законнымъ бракомъ: то у него доспанетъ сполько храбрости и твердости духа, чтобы рыцарски защититъ свою возлюбленную.—«Объ эпомъ пусть позаботится Генуа, — сказалъ *Манфредъ* холодно и мрачно. Генуэзская пуля *должна* освободитъ меня отъ ненавистнаго соперника, не по — Венеціанскій кинжалъ!»—

«Бѣдный *Альфонсъ*! несчастная *Фаустина*! Чудо сполько можетъ спасти васъ: «никогда еще не грозилъ щещно *Манфредъ Феррара*.

«Трогательно было прощаніе любовниковъ. *Фаустина*, сія твердая и мужественная доселѣ дѣвушка, почти изнемогала подъ бременемъ горести.—«Не ѣзди въ Миланъ, мой милый!» умоляла она, рыдая на груди его: ни туда, гдѣ *закатывается* солнце. Оно идетъ съ тобою, и оспавляетъ спвою *Фаустину* въ могильномъ мракѣ. Лишь тамъ процвѣтетъ наше счастье, гдѣ свѣспозарное око Неба *восходитъ* изъ волнъ морскихъ!»—*Альфонсъ* понималъ смыслъ *Фаустиной* тѣмной рѣчи. Она имѣла въ Римини дальняго родственника, который былъ хозяиномъ гальота. На немъ-то основала она несбыточные мечты свои. Она хотѣла съ своимъ *Альфонсомъ* переплыть въ Сицилію, и тамъ въ тихомъ уединеніи жить для счастья любви: ибо предчувствовала, что въ Венеціи взгромоздятся препястствія, непреодолимыя и для самаго отважнаго человека.—«Не бойся, моя милая *Фаустина*!—успокоивалъ еѣ *Альфонсъ*: и въ Испалинъ взойдетъ спвое солнце! Богъ и мой рыцарскій мечъ защитятъ тебя, сполько пы оспанься мнѣ вѣрною!»—

«Прежде, нежели они разспались, *Альфонсъ* въ знакъ памяти попребовалъ кинжала, которыми *Фаустина* поранила разбойника.—«Тебѣ онъ болѣе не нуженъ,» сказалъ онъ:

«ибо *Альфонсовой* невѣстѣ неприлично ѣздить на рынокъ въ *Боргеппо*.» — Съ тѣхъ поръ онъ всегда носилъ при себѣ эпюпъ книжалъ.»

Тутъ конецъ письменнымъ извѣстіямъ. — О дальнѣйшей участи любовниковъ рассказывалъ мнѣ спарикъ, но довольно запутанно и недоспапочно. Не прежде, какъ годъ спустя, мнѣ удалось пополнить промежутки рукописными свѣдѣніями одного монаха, съ которымъ случайно познакомился я въ Венеціи.

«*Альфонсъ* отправился въ Миланъ, и представлялся Графу *Риквердъ* и его прелестной дочери *Камиллль*, тщательнo уклоняясь отъ всякаго положительнаго объясненія. Потомъ посѣщилъ онъ въ Венецію, куда призывали его нарочно — посланные за нимъ отъ отца. — Онъ назначенъ былъ начальникомъ эскадры, вооруженной противъ Генуи. Но прежде, нежели сѣлъ на Адмиральскій корабль, онъ начертилъ для любви своей планъ, столь же простой, какъ и истинно рыцарскій: онъ хотѣлъ въ войнѣ съ Генуею взойти лучезарнымъ свѣщиломъ на небо Венеціанское, въ награду за свои бранные подвиги пребовать отъ Дожа возвышенія *Фаустины* въ дворянское достоинство, и потомъ торжественно везти свою невѣсту въ Венецію, или со славою умереть за отечество. На случай преждевременной смерти, онъ щедро обезпечилъ будущность дѣвственнoй вдовы прежде, нежели вѣрился коварной спихицѣ.

«Съ другой стороны благородный, пылкій юноша, въ упоеніи любви твердо увѣренный въ блистательномъ успѣхѣ, почелъ священною обязанностію позаботиться о дальнѣйшемъ образованіи *Фаустины*. Сія мысль глубоко заронилась въ душу *Альфонса*. Сколько сладостно мечталъ онъ о торжествѣ своемъ, когда онъ — украшенный всѣми знаками и достоинствами увѣнчаннаго славою предводителя флота — везетъ свою возлюбленную въ опечеспленный городъ; когда вся Венеція поражена будетъ ея красотой, и *Фаустина* — украшенная и преимуществами умственнаго развитія — очаруетъ всѣ сердца. Ея свѣплый, проницательный умъ, ея живая, пылкая душа, въ особеннoсти тонкое чувство; были ему

порукою, что она въ скоромъ времени займется собою всѣхъ красавицъ его родины.

«Сей планъ сообщилъ онъ своему другу, рыцарю *Контадо*, и немедленно приспустилъ къ исполненію.

«На сѣверо-западной сторонѣ Комскаго озера, у источниковъ живописнаго Аджла, *Контадо* имѣлъ небольшое помѣстье, по имени *Тирано*, въ которомъ жили мать его и сестра *Бюнда*. Туда упрости онъ рыцаря опвезти *Фаустину*. — Вилла сія лежала уединенно въ горахъ; рѣдко заходилъ туда путешественникъ, хотя Миланъ и Бресція были близко. Сестра *Контадо* прекрасно играла на гитарѣ; у *Фаустины* былъ пріятный голосъ; слѣдственно, по мнѣнію *Альфонса*, для *Фаустины* сія вилла могла быть самымъ пріятнымъ убѣжищемъ.

«Отецъ *Фаустининъ*, продавъ свое помѣстье близъ Лоди, черезъ нѣсколько недѣль поѣхалъ въ *Тирано*. Семейство *Контадо* приняло *Фаустину* съ опверспыми объятіями, и обходилось съ нею ласково и съ опличнымъ уваженіемъ, какъ съ невѣстою знаменитаго рыцаря *Альфонса*.

«Успѣхи *Фаустины* въ наукахъ были удивительны. Никто не подумалъ бы, что она та самая дѣвица Лодійская, которая еще за нѣсколько мѣсяцевъ на лошацѣ ѣзжала въ *Боргеппо* на рынокъ.

«Когда *Вилано*, посланный *Манфредомъ*, прибылъ въ *Корнегіану*, чтобы погубить *Фаустину*: то никого уже не засталъ въ домикѣ ея преспаплаго родителя. Никто не зналъ, куда они переселились; и такъ, злодѣй съ пустыми руками возвратился въ Венецію. *Манфредъ* былъ взбѣшенъ: извѣстіе, что *Фаустина* отъ него ускользнула, какъ громомъ поразило несповаго развратника; но тѣмъ сильнѣе раздуло въ немъ дикое пламя сладострастія. Очевидно было, что *Альфонсъ* ее скрылъ. Но *Альфонсъ* уже крейсировалъ предъ Генуею! — Тутъ злоумышленники внезапно вспомнили о поѣздкѣ рыцаря *Контадо*, и все имъ объяснилось. Они вскорѣ добрались, что рыцарь *Контадо* былъ въ Лоди; но путь слѣдъ его пропалъ. Въ глазахъ надменнаго *Манфреда* доселѣ *Контадо* былъ слишкомъ

незначительный человекъ, чтобы обращать на него хотя малѣйшее вниманіе. Теперь онъ сдѣлался для него поважнѣе, и, къ несчастію, слишкомъ скоро удалось гнусному *Вилано* опыската безмятежное убѣжище *Фаустины*.

«Три мѣсяца спустя, *Контадо*, который служилъ въ сухопутномъ войскѣ и оспался въ Венеціи, уведомилъ своего друга, что *Фаустина* похищена, и что всѣ его старанія открыть ея мѣстопребываніе, были тщетны; что впрочемъ имѣеть онъ сильное подозрѣніе на *Альфонсова* брата, который, если не самъ её похитилъ, по крайней мѣрѣ, во всякомъ случаѣ замѣшанъ въ это злодѣйство.

«*Альфонсъ* воспылалъ яростью. Постъ свой онъ не смѣлъ оставить, не подвергаясь безславію, а сердце гигантскою силою влекло его въ Венецію. Онъ рѣшился на другое упродать Генуэзцамъ генеральное сраженіе. Любовь и мщеніе воспламенили его мужество, и лишь только первый лучъ Авроры зарумянилъ восточное небо, онъ приказалъ подать сигналъ къ атакѣ, — «*Фаустина* и мщеніе!» былъ его лозунгъ.

«Генуэзскій флотъ разбилъ и разсѣялъ, и когда опгрянулъ послѣдній громъ орудій, онъ приказалъ повернуть корабли и возвратиться въ Венецію. — Благополучно проѣхалъ онъ проливъ Сицилійскій, и въ скоромъ времени побѣдоносные вымпелы и флаги развѣвались на опечесивенной рейдѣ. Вся Венеція стеклась въ гавани. Всѣ удивлялись скорому возвращенію флота, и надменный Маркизь *Феррара* съ негодованіемъ принялъ своего сына; но шпага Генуэзскаго Адмирала, которую *Альфонсъ* положилъ къ стопамъ Дожа, внезапно обратила безмолвное удивленіе въ шумную радость, и народъ съ пріумфомъ повель побѣдителя по улицамъ Венеціи.

«Между тѣмъ *Контадо* не оставался въ бездѣйствіи. — Ему удалось открыть жилище *Фаустины*. *Вилано* ночью порою привезъ её въ Венецію. Подъ надзоромъ одной подкупленной спарухи, она помѣлась въ опдаленной виллѣ близъ засады, на дорогѣ въ Тревиго. — *Контадо* не опважился опкрыть дѣйствовать проливъ Сіапельнаго похитителя дѣвицы, и даже умолялъ своего друга, посту-

пать умѣренно и осторожно, если хочеть спасти *Фаустину*. Но *Альфонсъ* уподоблялся вырвавшемуся изъ клѣтки льву, и слышеть не хотѣлъ объ умѣренности.

«Участь *Фаустины* была досель горестна. *Манфредъ* употреблялъ всѣ средства, чтобы приобрести благорасположеніе сей дѣвушки, въ чемъ неупомимо помогалъ ему достойный его клеветникъ *Вилано*. — Когда же *Манфредъ* испошилъ всю свою хитрость, чтобы поколебать добродѣтель *Фаустины*, то порочная любовь обратилась въ злѣйшую ненависть. Однажды въ припадкѣ бѣшенства, онъ приказалъ *Вилано* погубить *Фаустину*. — «Умертвить её, что ли?» — спросилъ коварный *Вилано*. — Дѣлай съ нею, что хочешь, — былъ отвѣтъ: даю тебѣ полную власть, располагать ею и ея жизнию. —

Бѣдная *Фаустина*! Мѣра пвоихъ спраданий еще далеко не исполнилась. — Гнусный *Вилано* дерзкимъ голосомъ пребоавъ взаимной любви, и грозилъ ей смертію. Она съ презрѣніемъ опъ него опворотилась. Онъ оппорилъ угрозу; она не удостоила его опвѣтомъ. Тупъ въ дикомъ пылу спраспи обхватилъ онъ *Фаустину*; но съ силою мущины она опбросила злодѣя къ стѣнѣ, такъ, что кости въ немъ запрещали, и онъ почти безъ чувствъ грянулся на землю. «Смерть, смерть! приготовись къ смерти, Синьора!» взревѣлъ онъ въ бѣшенствѣ: «вы сего дня въ послѣдній разъ увидите закатъ солнца!»

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С О Н Е Т Ъ.

На концертъ А. П. Лебедевой.

Изъ успѣ пвоихъ — родныя звуки льются,
Плѣняя мысль, обворожая слухъ;
О! какъ сердца воспорженныя бьются,
Какимъ огнемъ воспламенился духъ!

*

Невольный кликъ и плески раздаются;
Умолкъ напѣвъ родимыхъ пѣсней вдругъ;
А опзывы — съ душой не расстаются,

И въ сердцѣ жаръ воспорга не попухъ;
О дивное, святое дарованье!...
Волшебница! пвой сладоспный концертъ
Ошозвался во глубинѣ душевной.

*

Не умолкай... продли очарованье
И свой пріумъ!... Пешпрополь весь простерпъ
У ногъ пвоихъ, нашъ Ангелъ сладкопъвной!
В. Д.

ТРУДНОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ.

(Подражаніе Арабскому.)

Всякой разъ, какъ принимался
Я себя изображать,
Мысли лучъ моей перялся,
Я не зналъ, съ чего начать.
Съ чѣмъ сравнишь себя—съ денницей?
Съ полнолицкою луной,
Ночи мирною царницей?
Иль съ блистательной звездой?
Снѣгъ и огонь—гъвои ланипы!
Вижу зпму и весну!
Чеспъ Тому, Чьей силой слипы
Здѣсь двѣ крайности въ одну!
И. Петровъ.

Ачискъ.

Ш А Р А Д А.

Начало—еспъ воскликновенье;
Средина—еспъ оприновенье;
Конецъ мой—спаршій Ноевъ сынъ.
А цѣлое мое, когда найши хопшпе,
Въ календаръ иль въ свѣщцахъ помщпте:
Оно вишь не для дамъ, а полько для мущпнъ.
Шеввердилскій.

Въ Но бо, помъщенная шарада значптъ: *Ver-glas.*

М О Д Е С.

Chapeaux.—Voici quelques modes qui ont été exécutées pour la *duchesse de Bragançe*; cette princesse est jeune et blonde.

Un chapeau de gaze *Donna Maria*, cerise. La passe est garnie d'une grande blonde. Sur la forme est un ruban de gaze bordé des deux côtés par une blonde qui retombe presque plate. Une longue plume blanche frimatée est posée sur le côté, retournant légèrement en arrière.

Un chapeau de gaze *Donna Maria* rose; sous la passe, une blonde attachée en auréole avec un nœud de côté. Sur la forme, un fichu de ruban garni de blonde, trois plumes roses. Les oreilles sont un peu échantrées.

Un chapeau de crêpe bleu, avec un nœud tombant en esprit.

Une toque de tulle lamée en or; le devant est à dents carrées posées sur le haut du tour de tête. Cinq plumes entourent le visage dans différens sens, l'une retombe en tournant.

Un bonnet de blonde, avec une petite guirlande de roses et de bruyères vertes, posée sur le front; des rubans verts.

М О Д Ы.

Шляпки.—Вопъ нѣкоторыя моды, выдуманныя для Герцогини Браганцкой. Сія молодая Принцесса бѣлокура.

Шляпка изъ газа Донна Марія, алаго цвѣта; поле обшито широкою блондою. На тульѣ газовая ленпа, обшита съ обѣихъ сторонъ блондою, которая оппадаетъ почти вгладь. Длинное бѣлое перо *frimatée* пришпилено съ боку, и отвернуто немного назадъ.

Шляпка изъ розоваго газа Донна Марія; подъ полемъ блонда пришпита сянъемъ, съ банпомъ на боку. На тульѣ косыночка изъ ленпы, обшптой блондою и три розовые пера. Поле надъ ушами немного вырзано.

Шляпка изъ голубаго крепа, съ банпомъ, на подобіе висящаго сулпащчка.

Токъ изъ волнистаго шюля съ золошомъ; спереді четверугольные зубцы положены по верху окружности головы. Пяпъ перьевъ окружають лице въ разныхъ положеніяхъ, одно висптъ изво- рачиваясь.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 62.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 NO.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Августа 3 дня, 1832 года.

Онъ добродѣтели талантъ свой посвящаетъ
И въ самыхъ вымыслахъ пріятно поучаетъ:
Спыдится быть вратомъ совмѣстниковъ своихъ;
Таланномъ лишь однимъ смиренъ дерзоспъ ихъ.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

П А Н Е Г И Р И К Ъ Н О С У.

О носъ! ты украшеніе, облагоустройство лица
человѣческаго! ты мысль, выдающійся изъ че-
ловѣка, чѣмъ можно было тобою любоваться
со многихъ сторонъ; чѣмъ смертные за-
мѣчали, что ты не вовсе общее съ ними!
Для тебя благоухаетъ воздухъ ароматами
цвѣтовъ и плодовъ; тебѣ, какъ и богамъ, ку-
рился еиміамъ! Разипельная черпа пивой воз-
вышенности!

О носъ! утѣшеніе рода человѣческаго, смѣ-
ло и благородно подасешься ты авангардомъ
въ шестипи человѣка; всѣ отважные подвиги
воина вѣнчаютъ тебя неуязвимыми лаврами,
потому, что ты впереди его, ты ближе его
къ непріятелю, ты первый можешь подверг-
нуться вражьиъ ударамъ!

Храбрый забіяка и человѣкъ, у котораго
оскорблена честь, угрожаютъ пропивнику
лишеніемъ носа: они знаютъ, что съ попе-
рею носа, теряется благородство человѣка;
что носъ есть олицетворенная честь, при-
лѣпленная къ человѣку.

О носъ! чистѣйшій нравственностию, ты
вопиешь о порокахъ того человѣка, который

тебя носишь, если сии пороки доведены до
излишества. Твои улики безмолвны, но *красно-
рѣчивы*. Твой пунцовый цвѣтъ изобличаетъ че-
ловѣка, предавагося вполне Бахусу: ты какъ
будто спыдишься слабости человѣка, нося-
щаго тебя, и вмѣстѣ съ пѣмъ, бросаясь въ
глаза каждому своимъ яркимъ цвѣтомъ, для
бѣднаго грѣшника, какъ була отверженія
отъ церкви. Но въ этомъ ли одномъ пороки
ты уличаешь смертныхъ!

О носъ! опрада близорукныхъ, ты подпора
для очковъ; ты разделяешь съ очками честь
улучшенія слабого зрѣнія.

Ты облегчаешь движенія человѣка: лепишь,
какъ спрѣла, вихрь-всадникъ, и воздухъ сви-
щепъ, разсѣкаешь объ оспріе его носа, какъ
объ оспріе сабли.

О носъ! не чрезъ тебя ли иногда бодр-
ствуютъ по ночамъ правители и вельможи,
охраняющіе покой государства, и аванпосты,
спрежушіе цѣлую армию: споспъ только под-
спрекнутъ тебя щепоткою табаку.

О носъ! безкорыспнѣйшій изъ членовъ че-
ловѣческихъ! я не могу найти словъ достой-
но прославить тебя! Чувствую вполне всю
великоспъ пвою и смиряюсь передъ тобою!

Николай Карлегофъ.

УШИ ЖЕНЫ МОЕЙ.

Прежде во Франціи нога въ тридцать дюймовъ почиталась красивою; но прекрасная ножка должна была имѣть по крайней мѣрѣ тридцать шесть дюймовъ. Это было въ модѣ между знапью. Однимъ полѣко мѣщанамъ проспиптельно было имѣть обыкновенную ногу. Дворяннѣ счелъ бы за безчестіе, если бы башмаки его не были длиннѣе аршина.

Но, къ счастью, со временемъ измѣняются и ноги. Огромныя ноги XIV столѣтія ни мало не походятъ на маленькія ножки XIX-го. Это приводитъ моего сапожника въ отчаянье. Прежде одинъ потребилель спобилъ чепверыхъ. Всѣ исказилось. Аміенскіе пастепы превратились въ куличи. Ноги 1832 года можно обхватить одной рукою.

То же можно сказать о женскомъ спанѣ; его можно обхватить руками.

Что до меня, признаюсь, мнѣ не удалось найти такой спанѣ, который бы можно было обхватить чепырьмя пальцами, и пакія ноги, которые можно было бы захватить въ одну руку. Правда, что у меня коропки пальцы.

Красота есть совершенно условная вещь.

Это правило однакожь не помѣшало мнѣ отдалить справедливостъ прекраснымъ ушамъ жены моей. Я всегда удивлялся ихъ малому размеру. Я былъ опъ ихъ безъ ума; попереялъ ашепипъ, думалъ только объ ея ушахъ, смотрѣлъ только на нихъ.

Однажды я не въ силахъ былъ удерживаться. Въ надеждѣ угодишь ей, я отвѣлъ её къ окну, и оставшись съ нею съ глазу на глазъ, въ упоеніи любви провизнесъ препенущимъ голосомъ: знаешь ли, *Земали*, у тебя прекрасныя уши!

Жена взглянула на меня съ удивленіемъ. Мнѣ казалось, что она сторѣла опъ спыда. Но это былъ гнѣвъ.

«Какъ, сударь, вы теперь только замѣтили, что у меня красивыя уши!»

— Но я говорю тебѣ. . . —

«А мои ноги, слѣпецъ!»

— У тебя прекрасныя уши, мой другъ! —

«А глаза, злодѣй!»

— Прекрасныя уши. —

«А мой ротъ, варваръ!»

— Прекрасныя уши, — пвердилъ я, въ самомъ дѣлѣ не находя въ ней ничего лучше ушей.

«А мои волосы, безчувспенный человекъ!»

Я не слышалъ ничего, повторяя одно и то же.

«Что скажешь о моихъ рукахъ, не ужели онѣ хуже, чѣмъ у другихъ?»

— Увѣрю тебя, моя милая, что нѣтъ прелестнѣйшей ушей пвоихъ въ свѣтѣ. —

«Только-то находишь пы во мнѣ хорошаго?»

— Я эпаго не говорю. —

«Ты сказалъ это.»

— Я говорилъ, что у тебя уши очень милы. —

Жена моя отворопилась съ досадою; я попытался смягчить её. — Можно ли тебѣ сердиться за то, сказалъ я, что нахожу уши твои прекрасными? —

«Это открьпие пы долженъ былъ давно сдѣлать.»

— Я и такъ сдѣлалъ его уже съ недѣлю. —

«Ты женапъ чепыре года!»

— Такъ знай же, что глаза мои на другой день послѣ свадьбы обрапились на твои уши, и съ тѣхъ поръ я не могу налюбоваться ихъ формою, ихъ. . . —

«Что такое *ихъ*?» . . . подхватила она.

— Ихъ малымъ размѣромъ, — опвѣчала я.

«Ахъ ты чудовище! вскричала жена моя. Ты говоришь, будто у меня маленькія уши! Если-бъ услышала мать моя, у которой уши длиннѣе были этого (она выставила ногу), чтобы сказала она, узнавъ, что мужъ упрекаетъ меня маленькими ушами?»

Заливаясь слезами, она спаралась насильно распянуть ихъ руками, такъ, что я опасался, чтобы она не разорвала ихъ.

Признаюсь, удивленіе мое было больше ушей ея. Я осполбенѣлъ, когда она кинулась на меня и хотѣла выцарапать глаза, крича во все горло: «осмѣлся сказать еще, что у меня маленькія уши!» Кспапи вспомнилъ я, что

жена моя природная Индостанка, и что я, четыре года тому назадъ, женился на ней въ Бенаресѣ, гдѣ длинныя уши въ такомъ большомъ уваженіи, что Индѣйскіе жрецы исключительно дѣлають изъ нихъ зонтики для своихъ боговъ.

Нравоученіе. — Готовясь похвалить глаза, лобъ, ручку, ножку или уши дамы, надобно прежде спросить её, изъ какой спираны свѣта она урожденка.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДВА ГОРОДА ЛОДИ.

(*Окончаніе.*)

«Въ этотъ самый день возвратился *Альфонсъ*. Прежде, нежели *Манфредъ* успѣлъ скрыть свою добычу, *Альфонсъ* среди бѣлаго дня съ вооруженными людьми ворвался въ виллу, изрубилъ сопротивлявшіеся ему служителей, и повезъ свою невѣсту прямо въ опцовскій замокъ.

«Тутъ онъ бросился Маркизу въ ноги, открылъ ему свою любовь къ *Фаустинѣ* и дерзкій, безчестный поступокъ брата. Съ жаромъ любовника и съ краснорѣчіемъ младенческаго сердца просилъ онъ его благословенія. Съ гнѣвомъ и презрѣніемъ Маркизь вырвался изъ его объятій, и грозя проклятіемъ, произнесъ ужасную клятву, что готовъ скорѣе лишиться сына, нежели дать свое согласіе на сей постыдный союзъ. Еще разъ *Альфонсъ* прибѣгнулъ къ моленіямъ: пщешно! Разгнѣванный отецъ повелительно приказалъ ему оставить залу.

«Въ эту минуту вошелъ *Манфредъ*, сопровождаемый офицеромъ иъохранишителей Дожа. Смѣлый поступокъ *Альфонса*, котораго Маркизь, отецъ его, самъ еще не зналъ, привелъ всю Венецію въ движеніе. Свобода города и правъ его гражданъ были нарушены. Депутаты сихъ послѣднихъ предстали предъ Дожа и требовали арестованія *Альфонса*. Это были тѣ самые граждане, которые за нѣсколько предъ тѣмъ часовъ несли по улицамъ увѣнчаннаго лаврами побѣдителя.

«Офицеръ пребогаль опъ рыцаря шпаги и выдачи *Фаустины*. *Манфредъ* имѣлъ дерзость пожаловаться на него, какъ на похитителя дѣвицы, котораю по праву золоша принадлежишь ему одному.

«Исчезъ послѣдній остатокъ хладнокровія въ сердцѣ *Альфонса* при возмущительной рѣчи безчестнаго клеветника; обрушилась послѣдняя ограда сыновняго и братскаго снисхожденія. Грозно засверкалъ его мечъ. Уже не владея собою, онъ успремился на *Манфреда*, грозя заколотъ его, если откажется дать ему кровавое удовлетвореніе. И самый малодушный злодѣй имѣеть минуты храбрости, когда жалкая жизнь его въ опасности. *Манфредъ* обнажилъ мечъ;—но прежде, нежели офицеръ успѣлъ воспрепятствовать поединку, щеголеватая шпага *Манфреда* брякнула на полъ, и острая спаль *Альфонса* глубоко вонзлась въ грудь роднаго брата.

«Убийство!»—раздалось по обширнымъ заламъ. У мстителя оскорбленной невинности выпалъ изъ руки мечъ, дымящійся кровію брата. Закрывъ лице руками, онъ послѣдовалъ за офицеромъ въ пемницу.

«Старый Маркизь упалъ безъ чувствъ. Вся Венеція въпревожилась.

«Маркизь, пришедъ въ себя, немедленно поѣхалъ къ Дожу, но прежде приказалъ закопать въ цѣпъ несчастную *Фаустину*, которую онъ, какъ виновницу сего бѣдственнаго происшествія, осыпалъ громкими ругательствами и проклятіями.

«Дождь былъ сильно разгнѣванъ пресупнымъ самоуправствомъ молодаго рыцаря. По законамъ убійца заслужилъ смерть; но изъ уваженія къ фамиліи *Феррары* и къ побѣдителю Генуэзскаго флота, Дождь созвалъ чрезвычайный Судъ изъ 33 Нобиліевъ, ршенію коихъ онъ предоставилъ участь рыцаря.

«Еще Маркизь не видалъ *Фаустины*; онъ приказалъ извѣстить её о случившемся, и сказать ей, что если Судъ приговоритъ сына его къ смерти, то онъ ужасно ей опомститъ.—*Фаустина* при сихъ ужасныхъ извѣстіяхъ едва не лишилась разсудка.

«Тѣло *Манфреда* предано землѣ. Хотя несчастный отецъ никогда не одобрялъ образа мыслей сына, ни безчестныхъ поступковъ его, однако же онъ былъ отецъ и, — что въ тѣ времена еще болѣе значило въ Венеціи — глава фамиліи. Сохраненіе вѣрности сына теперь его болѣе всего озаботило; ибо вмѣстѣ съ его погибелью вдругъ обрушилось бы гордое зданіе его честполобивыхъ замысловъ, исчезли бы плоды сороколѣтнихъ усилій. —

«Исторія сихъ событій относится къ той годинѣ, когда граждане Венеціи до крайности ожесточены были противъ дворянства и его притѣсненій. Зная мало по малу присвоила себѣ права, совершенно противныя законамъ и благочинію, и съ внутреннимъ ожесточеніемъ низшія сословія ожидали только случая, чтобы словами и дѣломъ обнаружилъ свое негодованіе. И такъ, еслибъ почтенный Судъ освободилъ *Альфонса*: то пламя междоусобной войны вспыхнуло бы въ стѣнахъ Венеціи, — и одна только смерть рыцаря могла, по крайней мѣрѣ на время, не дасть загорѣться плающей подъ пеломъ искрѣ. Не привязанность къ особѣ убитаго руководила гражданами, нѣтъ! *Манфреда* они всѣ ненавидѣли; но случай сей выходилъ изъ обыкновеннаго порядка: нарушенная свобода города вопила слишкомъ громко; надменность знати явно нарушала общественное устройство. — Такимъ образомъ гроза всё мрачнѣе собиралась надъ главами любовниковъ; первый ударъ ей должна была неминуемо погубить обоихъ. — Суду *Нобиліевъ* очень хорошо извѣстенъ былъ духъ гражданъ. Полиппика и собственная безопасность налагали на нихъ волю, на ихъ любовь и привязанность къ *Альфонсу* тяжкія оковы. Дрожащею рукою каждый изъ нихъ спустилъ черный шарикъ въ роковой сосудъ, который невозвратно поглотилъ свою добычу. — *Альфонсъ* приговоренъ былъ къ смерти.

«*Контадо* имѣлъ пріятеля между присяжными, который немедленно извѣстилъ его о приговорѣ. Время тѣснило; еще въ эту же ночь надлежало освободить *Альфонса*.

«И коварный *Вилано* не мѣшкалъ; и онъ свѣдалъ о приговорѣ Суда: онъ поспѣшилъ въ замокъ Маркиза, чтобы сообщить роковое извѣстіе несчастной узницѣ. — Съ какими исполнинскими преплиспвіями нерѣдко принуждена бороться добродѣтель, прежде, нежели одно зерно ея пуспитъ роспокъ въ затвердѣвшей, тернистой почвѣ людскихъ отношеній! Какъ гладка, на проливъ пого, спезя для порока! Сколько рукъ готовы ему содѣйствовать! Какъ привѣпливо распворяются двери сему пріятному гостю! Между тѣмъ, какъ *Контадо* боролся съ препонами, испощалъ всѣ средства опчаянія, чтобы спасти своего несчастнаго друга, *Вилано* сквозь вооруженную стражу гордо вошелъ въ комнату *Фаустины*. — Юная спрадалица преклоняла колѣна предъ образомъ Распятаго, и умоляла Небо, да умилосердится Оно надъ любимцемъ ея сердца. — Молва встревожила душу ея спрашною будущностью; вѣра въ человѣческую помощь въ ней погасла: она уповала только на Бога и Его всемогущество. Но вѣкъ чудесъ минулъ.

«Когда *Вилано* съ сапанинскою радостью сообщалъ ей извѣстіе о близкой казни *Альфонса*, она благоговѣнно возложила руки на безпорочную грудь; прекрасные глаза ея съ выраженіемъ глубочайшей горести обратились къ Небу, и блѣдные уста ея произнесли дрожащимъ голосомъ: «Господи! да будетъ воля Твоя!» — Тутъ *Вилано* напомнилъ ей угрозы отца, всего чрезъ неѣ лишнешагосл: она пала духомъ. Мужеспивенное сердце ея сокрушилось, и горячія слѣзы полились по ея блѣднымъ ланіпамъ. Смерти она могла бодро цѣпнн во срѣшеніе, но не позору.

«Она бросилась въ ноги злодѣю, умоляла его о спасеніи: ибо упоаюцій хватается и за соломенку; но опчаяніе невинной спрадалицы его не пронуло. Впадѣнн у ногъ своихъ дѣвицу Ангельской красоты, было для него слишкомъ новое зрѣлище; онъ съ злобною радостью любовался ея прелестями. Наконецъ, онъ казался пронупымъ ея моленіями, обѣщаль помощь и поднесъ ей — чашу съ ядомъ.

«Ядъ? — повпорила она, содрогаясь. Смертная блѣдность и лихорадочный жаръ смѣнялись на лицѣ ея. Минувшее и будущее, жизнь и разрушеніе представлялись ея духовному

оку;—она вспомнила о спасеніи душъ, о своихъ надеждахъ, своихъ спраданіяхъ, и попомъ сказала рѣшительно: подавай!

—«Онъ скоро дѣйствуетъ, Синьора!»—сказалъ онъ, медля, однакожь подавъ ей чашу.

—Тѣмъ скорѣе освобожусь и съ нимъ соединюся!—воскликнула она въ дикомъ безуміи, и вырвавъ чашу изъ рукъ изверга, выпила еѣ до послѣдней капли.

—«На здоровье!»—вскричалъ онъ съ громогласнымъ хохотомъ. — *Фаустина*, блѣднѣя, упала на солому.

«Въ эту минуту распорилась дверь.—Быспро вошелъ *Альфонсъ* въ сопровожденіи *Контадо*. *Вилано* хотѣлъ ускользнуть, но *Контадо* не пустилъ его. *Альфонсъ* кинулся въ объятія *Фаустины*.

«Поспѣшно и съ выраженіемъ глубочайшаго ужаса она вырвалась изъ его объятій.— Не лобызай меня, мой милый! говорила она: смерть на моихъ устахъ, я приняла ядъ! Онъ...»—Тутъ силы еѣ оставили: она обезпамятѣла. *Альфонсъ* въ отчаяніи просилъ о помощи.

—«Не трудитесь по напрасну!» сказалъ *Вилано* холодно: мнѣ извѣстна сила даннаго яда.—Маркизь обнажилъ шпагу, но *Контадо* удержалъ его: не предупреждай палача, и не забудь о своемъ спасеніи!—

«Рыдая, *Альфонсъ* бросился на милый пруть; звалъ возлюбленную сладостнѣйшими именами, — пщепно! душа покинула прекрасную оболочку.—Тутъ отчаянная горестъ судорожно овладѣла несчастнымъ. Въ дикомъ отчаяніи вырвалъ онъ изъ-подъ пояса *Фаустининъ* кинжалъ, и вонзилъ его въ сердце. *Контадо* бросился было къ нему, чтобы удержать его, но спалъ уже была въ сердцѣ.

«Въ передней залѣ послышались громкіе голоса; настѣжь распорилась дверь, и вошелъ Маркизь *Феррара*. Цѣпенѣя отъ ужаса, онъ споялъ какъ вкопанный и смолчалъ безмолвно на шрупы любовниковъ.

Смерть сыновей была для Маркиза жесточайшимъ ударомъ, и—къ сожалѣнію, слишкомъ поздно—совершенно измѣнила сего гордаго, честолюбиваго вельможу. Его поразила красота *Фаустины*, коей даже самый разрушительный ядъ не могъ обезобразить. Громко

обвиняя себя въ убійствѣ сына и его несчастной невѣсты, онъ поклялся заглавить свой просупокъ мирительною жертвою глубочайшаго раскаянія.

«На помъ самомъ мѣстѣ, гдѣ *Фаустина* спасла молодаго рыцаря, въ лѣсу Вилла-Новскомъ, Маркизь приказалъ построить часовню, и назвалъ еѣ *Санта-Фаустина*. Тутъ схоронили тѣла любовниковъ.—Тяжкій полетъ времени свѣялъ съ лица земли сію часовню, но путешественникъ, въ полумилѣ отъ Лоди, по дорогѣ къ *Піаченцѣ*, донинѣ еще видитъ деревню *Ла-Фаустину*. Сіе названіе, безъ сомнѣнія, имѣетъ тѣсную связь съ исторіей дѣвицы города Лоди.»—Сіе оказалось изъ дальнѣйшаго разсказа *Жибелло*.

Неподалеку отъ Лоди, Маркизь *Феррара* подарилъ отцу несчастной жертвы его честолюбія значительное помѣстье, которымъ онъ конечно не долго пользовался, но тѣмъ долѣе его наслѣдники въ Римини. Карпина, изображающая сцену въ лѣсу, переходила изъ рода въ родъ и, по старому семейному постановленію, старшая дочь ближайшаго наслѣдника должна была носить имя *Фаустины*.

Въ послѣдствіи времени, это помѣстье продано; войны разстроили благосостояніе наслѣдниковъ; но карпина и имя сохранились до позднѣйшихъ временъ, и наконецъ перешли къ *Жибелло* и его дочери.

Въ претій вечеръ, когда *Жибелло*, рассказывая конецъ своей повѣсти о дѣвѣ города Лоди, дошелъ до того мѣста, гдѣ *Фаустина* приняла ядъ, соименная ей красавица громко вскрикнула. Въ эту самую минуту послышался стукъ въ дверь. *Жибелло* бросился къ своей дочери, а я пошелъ открывать дверь. Молодой человекъ со смуглымъ, загорѣлымъ отъ солнца лицомъ и сверкающими глазами, сурово оттолкнувъ меня, поропливо вошелъ въ комнату. *Фаустина* между тѣмъ пришла въ себя.

«Боже мой! *Руперто*, ты здѣсь!»—вскричала она, и закрыла лице обѣими руками.

—Чего ты хочешь?—спросилъ *Жибелло* спрогимъ голосомъ.

—«Ты знаешь,»—отвѣчалъ юноша дерзко.

—Я здѣсь хозяинъ;—спрого возразилъ спасецъ: спупай вонъ!—

— «Иду!» — сказалъ юноша съ пылающимъ взоромъ, положивъ руку спарцу на плечо: «иду, но помни дѣву Лодійскую!» — Съ этими словами онъ бросился изъ комнаты.

— Поди спать! — сказалъ спарикъ своей дочери ласково и почпи съ раскаяніемъ. — *Фаустина* со слезами побрела въ свою комнату.

«Что это значитъ?» — спросилъ я *Жибелло*, какъ будто пробудясь отъ сна, ибо вся сцена сія показалась мнѣ смутнымъ видѣніемъ.

— До другаго раза! — опвѣчалъ спарецъ съ примѣтнымъ смяченіемъ: когда возвратишься изъ *Пиаченцы*; теперь желаю вамъ покойной ночи! — Тупъ взялъ онъ свѣчу — и дрожащими спопами вышелъ изъ комнаты. —

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Борису Михайловичу Фѣдорову. ()*

О память сердца! ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной,
И часто прелестью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной.

К. Батюшковъ.

Гдѣ Сновъ (**) излучистый, волною сонной
Вливается въ шумливую Десну,
Гдѣ соловей съ малиновкой влюбленной
Такъ сладостно привѣтствуютъ весну;

Тамъ юная царица розъ и лилій
Плѣнительно и пышно разцвѣла,
Какъ идеаль паспущескихъ идиллій,
Что Геснера душа произвела;

Веселіе въ очахъ ея невинныхъ!
Безоблачно на сердцѣ молодомъ!

Какъ пѣночка въ пѣни кустовъ ясминныхъ,
Одна поѣтъ о счастіи своемъ;

(*) Пріятный поэтъ, авторъ нѣсколькихъ отлично пріятныхъ театральныхъ пьесъ, Издатель Новой Двѣтской Библіотеки и многихъ полезныхъ двѣтскихъ книгъ. — В.

(**) Рѣка.

Увѣчнано цвѣточной діадимой,

Чело яснѣй — полуденнаго дня!

Спать — легче крыль мечты неувлигомой

А грудь — алтарь небеснаго огня.

Лазурь очей — любовью вдохновенныхъ,

И локоны каштановыхъ волосъ,

И прелесть успѣ — улыбкой озаренныхъ:

Всѣ въ дивную гармонию слилось!

Въ часъ вечера — когда свѣшило міра

Склоняется къ закатау своему,

Когда заря — какъ пышная порфира

Разспелется по западу всему —

И плаваетъ по небу мѣсяць ясный,

Покоится земля и всѣ молчатъ —

Лишь соловей — любовникъ сладкогласный,

То щолкаетъ, то спонетъ и журчитъ.

Волшебница! со звуками клавира

Сливается пѣснь Украины золотой!

И чудится, изъ облакн эфира

Повѣялъ духъ мелодіи святой,

Иль пшичка райская вдали запѣла!

Какой аккордъ наисладчайшихъ квинтъ!

Всѣ слушаетъ — умолкла Филомела!

И мотылекъ прильнулъ на гяцинтъ!

И кажется, весь міръ пѣвицѣ внемлетъ!

Не движется Эолово крыло —

Лишь въперокъ ей локоны подьмемлетъ,

Лобзая грудь и жаркое чело!

Упихло всѣ... и сонъ еѣ лелѣетъ!

О счастливъ шопъ, кто въ сладкомъ забыши,

Кто въ пламенной мечтѣ напечатлѣетъ

На сихъ устахъ лобзанія свои!

Но счастливей — нѣтъ, нѣтъ, пусть идеаломъ

Для смертнаго останеся она —

Пусть кроется за тайнымъ покрываломъ,

Какъ свѣшная за облакомъ луна!

Люблю я ночь! я помню ночь Украины!

Она живитъ поблекшіе холмы...

Какіе помыслы!.. какія тайны...

Свершающія подъ флѣромъ эпои пьмы —

Тупъ жаръ любви, ... тамъ препетъ ожиданій!

Здѣсь поцѣлуй, тамъ шопотъ въ тишинѣ!

И мѣсяць—другъ условленныхъ свиданій,
Привѣспливо горипь на вышинѣ—
Какъ пламеникъ надъ брачною постелью,
И нѣгою всё дышешъ на землѣ,
И соловей поминательно шрелью
Переливается въ приюстной мглѣ.

Туда, туда, ошъ сѣвернаго хлада
Переношусъ влюбленною мечшой
Когда шолпу недремлющаго града
Угомонишь полуночный покой,

Но вопшь рука пурпуровой Зимцерлы
Сняла покровъ съ Украинскихъ полей;
Прохладный въшерокъ свѣваешъ перлы
Съ увлаженныхъ парцисовъ и лилей;

На пажихяхъ разсыпались ягѣнки;
Съ бляніемъ сливается свирѣль—
Проснулся день— и жаворонокъ звонкій
По воздуху раскашываетъ шрель;

И солнце льетъ на землю поцѣлуи;
Горящъ цвѣпы; не молкнешъ соловей,
И плещутся серебряныя спруи
Подъ говоромъ обнявшихся вѣшвей;

И вопшь она изъ почивальни мирной
Порхнула въ садъ— прелесниѣ весны!
Чушь зыблются подъ дымкою эфирной
Два яблока чиспѣйшей бѣлизны;

Льняной покровъ, слипаясь и волнуясь,
Объемлетъ спань и въешся по слѣдамъ,
И волосы съ Зефирами цѣлуясь
Раскинулись небрежно по плечамъ;

Успа, чело и очи голубыя
Улыбкою невинности горящъ;

И ножки двѣ, лепучія, живыя,
Какъ ласпочки по зелени скользящъ;

Она споншь подъ яблонью наклонной,
Укрывшись ошъ солнечныхъ лучей,
Тюльпанъ, ясинь и ландышъ благовонной
Колемлются роскошно передъ ней;

Съ левкоемъ, цвѣпъ любви; съ піономъ аспра
Сплешаюцца вокругъ ея чела,

И грудь еѣ—бѣдѣ алебастра,
Душистая гирлянда обвила;

О! если бы Рафаэль вдохновенной
Мой идеаль увидѣлъ въ эпопѣ мигъ,
Онъ уронилъ бы кисть съ палиптрой плѣнной,
И жершвенникъ бы Ангелу воздвигъ!

В. Д.

5 Іюня 1832.

ПОПУГАЙ И СОЛОВЕЙ.

(Басня.)

«Бѣдняжка!» Попугай такъ Соловью кричалъ:
«Смопри-ка, у меня ешъ клѣпка золошая,
А у тебя проспая...»

— «Я знаю, Соловей ему на по сказалъ,
Да польза въ помъ какая
Коль голова швая пумса сосѣдъ?»—

А я слыхалъ, когда у Попугая
Бываешъ клѣпка золошая,
То въ головѣ ужъ нужды нѣпъ.

М. Демидовъ.

Нижній-Новгородъ.

CHARADE.

De mon premier souvent retentissent les bois;
Mon second ici bas se rencontre parfois;
Et mon tout est charmant s'il tient entre deux doigts.

Въ № 61, помѣщенная шарада значитъ: *О-ни-силь*.

MODES.

Robes. — Pour robes de nocés on vient de confectonner plusieurs robes en mousseline, ayant des semés ou des colonnes brodées au plumetis. Celles qui sont de ce genre de dessin, avec des corsages montants, ont les colonnes qui continuent sur la poitrine en formant gerbe, ainsi que sur le dos; elles serpentent autour des manches. Autour du cou on ne met point de ruches; une seule petite dentelle passée à plat; avec cette toilette on choisit un voile en point de Bruxelles. En général, dans les costumes de mariage de meilleur ton, on ne met plus de bijoux, et on ne s'attache qu'à un joli négligé. Les parures de mariées n'apparaissent que dans la réunion de la soirée; pour la cérémonie le seul bijou autorisé sont les boutons de diamans aux oreilles, aussi l'époux ne peut-il se dispenser d'en offrir.

Beaucoup de peignoirs en jaconnas blanc ont au-dessus de l'ourlet une broderie très-étroite.

On fait aussi des redingotes en mousseline sans collet ni pélerine. Les devants forment draperie, et le dos est un peu décolleté. On garnit ces corsages d'une dentelle à plat.

Gilets. — On porte quelques gilets à schall, ayant deux rangs de boutons.

Pl. No 22. Jaconas algeriens. — Coiffure de M. Gouenne.

М О Д Ы.

Платье. — Венчалныхъ плащевъ дѣлають много кисейныхъ, вышитыхъ гладью мушками или сполбами. У вышитыхъ сего рода узоромъ, съ высокимъ лифомъ, и на груди продолжаются сполбы, составляя спойъ, также на спинкѣ, и извиваючися около рукавовъ. Около шеи нѣтъ рюша, а просто узенькое кружево, пришитое вгладь; съ сею одеждою надѣвають вуаль изъ Брюссельскихъ кружевовъ. Вообще, къ свадебнымъ костюмамъ въ большомъ свѣтѣ, не надѣвають драгоценныхъ вещей, а предпочитаютъ щеголеватую простоту. Наряды молодой видны въ вечернихъ собраніяхъ; во время же церемоніи одна вещь только прилична: бриллантовые пуговицы въ ушахъ; попому женихъ непременно долженъ подарить ихъ.

Шляфокровъ изъ бѣлаго жаконета много вышитыхъ, сверхъ рубца, весьма узенькимъ узоромъ.

Дѣлають также кисейные рединготы безъ воротника и пелеринки. Спереди лифъ *drapé*, а спинка немного опкрыта. Вверху обшивають вгладь кружевомъ.

Жилеты. — Нѣкоторыя жилеты съ шалью дѣлають съ двумя рядами пуговиць.

Карш. No 22. Алжирскіе Жакона. — Причѣска Жуэнна.

С М Ъ С Ъ.

(*Антверпенъ.*) — Одинъ Французскій журналъ, сравнивая нынѣшнее состояніе Антверпена съ прежнимъ, пишетъ: «Антверпенъ не только былъ центральный магазинъ Бельгійи и Голландіи, но, можетъ быть, и первый торговый городъ въ свѣтѣ. Ливерпуль, Амстердамъ, Роттердамъ и Гамбургъ завидовали его благосостоянію. Прекрасныя бассей-

ны его, созданныя гениемъ Наполеона, должны были распространиться во внутрь; гдѣ онъ намѣренъ былъ на знаменитыхъ верфяхъ Антверпенскихъ спростъ флоты, копорые, выходя изъ устья Шельды, сокрушили бы могущество Англіи. Съ того времени, вмѣсто военныхъ кораблей, спрости тамъ купеческія суда, самыя удобнѣйшія и прочнѣйшія. Различной величины корабли на всѣхъ парусахъ скользили мимо Антверпена. Больше 60-ти кораблей каждый день непрерывно заняты были выгрузкою поваровъ на верфяхъ сихъ двухъ бассейновъ. И въ городѣ и въ окрестностяхъ нельзя было доставать поденщиковъ; всѣ руки были заняты. Наѣмъ домовъ ужасно вздорожалъ. Населеніе Антверпена, въ 1815 году простиравшееся до 65,000 душъ, въ 1830 году составляло 75,000. Городъ наслаждался непомѣрнымъ благосостояніемъ. Между тѣмъ, какъ во всѣхъ торговыхъ городахъ Французскихъ дѣлалась банкротства: въ Лионѣ на 14, въ Бордо на 47 милліоновъ франковъ, Антверпенъ не зналъ ни объ одномъ банкротствѣ. Это, можетъ быть, было самое надежное мѣсто въ Европѣ. Вообще, Антверпенъ въ то время дѣлалъ весьма пріятное впечатлѣніе на путешественника-наблюдателя: солидная простота древности шла дружно объ руку съ нынѣшнею роскошью. Улицы, площади, дома дышали чистотою и довольствомъ, а набережныя рѣки Шельды представляли и любителью природы величественно-смѣлую карпину.

(*Фанатизмъ методистовъ.*) — Въ прекрасномъ, вновь вышедшемъ Англійскомъ сочиненіи Доктора *Буррова*, Директора оплично устроеннаго заведенія для ума лишенныхъ: *Commentaries on the causes, forms, symptoms and treatment, moral and medical of insanity*, — между прочимъ приводился случай, что одна молодая дѣвица, нѣсколько времени посѣщавшая религіозныя собранія методистовъ, повѣсила своего малолѣтнаго брата, дабы онъ скорѣе обрѣлъ царствіе Небесное.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 63.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Августа 6 дня, 1852 года.

По смерти слава—звукъ пустой;
Земное всё въ землѣ исплѣтеть.
Блаженъ спокрасть, кто разумѣетъ
Науку править самъ собой.

Кн. И. Долгорукий.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖЕНИТЬБЫ.

Я люблю её! Она начала уже расклады-вать грандъ-пасіансъ, когда я увидѣлъ её въ первый разъ: ей было тогда двадцать при года.—Не забуду той минутой, когда я впервые наслаждался ея лицезрѣніемъ: она, одѣтая просто, но мило, сидѣла у окошечка, гадала въ карпочки, грызла орѣшки. Я взглянулъ на окошко, проникъ взоромъ стекла, и въ самый сильный лѣтній жаръ примерзъ къ землѣ. Уста мои, открывшіяся для пропуска изъ груди звука удивленія и восторга, оспались не сомкнутыми; руки машинально устремились къ сердцу, какъ бы желая удержатъ его, но они уже опоздали: сердце мое обратило шеперку червей въ семерку въ ту минутой, когда моя божественная красавица взяла сію карпу въ руки.

Въ это время она приподняла глаза; увидѣла меня въ положеніи оглушеннаго громомъ, покраснѣла до ушей, погнула взоръ въ землю и спряталась за простѣнокъ. Но она уже не могла спрятаться отъ моего воображенія, которое мнѣ живо представляло эту спыдливую красавицу, ея бѣлыя ручки, перебираю-

щія карпы, ея взоръ, надолго вперенный въ валетовъ и королей червонныхъ и бубновыхъ, ея розовыя губки, за которыми щелкали орѣшки и ея прелесный румянецъ. Я сподѣлъ передъ окошкомъ, какъ рядовой передъ начальникомъ, котораго боится: неподвижно, выпянувшись. Черезъ минутой она высунула свою прелесную головку изъ-за простѣнка, и увидѣлъ меня на томъ же мѣстѣ, опять спряталась въ свою засаду. Въ это время я замѣнилъ, что у неё глаза черные или, какъ я привыкъ называть: вороные, а волосы..... не кашпановые, не рыжіе, не русые..... ну словомъ: неизъяснимо прелесные. Черезъ пять минутой опять мелькнула ея головка, я хотѣлъ ей поклониться, но вмѣсто козырька, ухватился рукою за носъ, и при семъ случаѣ началъ чихать, попому что мой носъ, будучи нѣжнаго воспитанія и чувствительнаго характера, не могъ равнодушно перенести такую грубую ошибку, какую сдѣлала моя правая рука. Смущенная красавица пошла въ другую комнату поспѣшными шагами, и я, даже при сильной чихоткѣ, успѣлъ замѣнить ея полный спанъ и успѣлъ имъ восхищаться.

Я уже не видалъ её! Ноги мои мало по малу опмерзли отъ земли, уста сомкнулись, руки

опустились опть сердца, но вмѣстѣ съ пѣмъ опустилась и моя голова. Я побрѣлъ домой въ печальномъ расположеніи духа, но съ уныніемъ смѣшивался и воспоргъ опть мпнувшаго видѣнія, соспавляя вмѣстѣ нѣчто цѣлое, пріятное: такъ горечь кофе смѣшивается со сладостію сахара, и происшедшій опть сего вкусъ напитокка, пріятнѣе одной сладости сахара.

На другой день опячь я споялъ у окошка, какъ нищій, требующій подаенія. Она подошла къ нему, и прошедшая сцена повпорилась съ почностію: она покраснѣла, потупила взоры, спряталась въ засаду, два раза изъ-за неѣ выглядывала; во второй разъ я поклонился, а она ушла послѣшними шагами въ другую комнапу. Такими сценами любви, повпоряемыми всегда одинаково, я наслаждался каждый день въ продолженіи прехъ недѣль. Не правда ли, что это милая, оригинальная любовь? Не правда ли, что она почерпнула не изъ романовъ и опличается почностію, вѣрностію и благоприспостійностію — сценъ любви? Въ какомъ романѣ, такъ аккуратно сходятся любовники, безъ предварительныхъ соглашеній, даже не имѣвъ случая говорить между собою — и всегда въ одинъ часъ и всегда съ такою почностію разыгрывая свои роли? И кто всё это устроилъ? Вы согласитесь, что всё гармоническое должно имѣть пворца: а мы дѣйствовали почно, какъ войска по успаву. Хладнокровный и безпристрастный судія согласится, что нами управляетъ самъ богъ любви, эпюпъ могущеспвенный, крылатый школьникъ.

Любовь моя достигала до высшей степени; уже у меня начинали побаливать ноги опть ежедневной дальней прогулки къ окошку моей возлюбленной, и тогда я узналъ, что не имѣю возможности продолжать своего существованія безъ предмета моей любви. Какъ рѣшительный человекъ, я приступилъ прямо къ своей цѣли: безо всякихъ рекомендацій пошелъ самъ знакомиться въ домъ что я сказалъ! . . . въ рай, въ которомъ обитала моя Краля. Быстро вбѣжалъ я до половны лѣспницы, помошь при раза ворочался назадъ и . . . наконецъ . . . подошелъ къ дверямъ. Тупъ

я узналъ на опытъ, что выраженія: *мое сердце отдано, мое сердце похищено* и пр. суть самыя глупѣйшія изъ всѣхъ любовныхъ изъясненій: когда я взялся за ручку двери, то почувспвовалъ, что мое сердце при мнѣ и спучилъ сильнѣе обыкновеннаго. После нѣсколькихъ попытокъ, я опворилъ дверь, и когда же увидѣлъ передъ собою? Еѣ, еѣ! да! ту, для которой я не пожалѣлъ износить подъ окнами послѣднюю и лучшую пару своихъ сапоговъ! Но милое мое божество удалялось опть меня послѣшними шагами, а я не опспавалъ, какъ будто бы равнялся ей въ запылокъ. Можетъ быть, потерявъ надежду опть меня уйти, или опомнясь опть испуга, она опстановилась въ той комнапѣ, въ которой я созерцалъ еѣ съ улицы, — и эпта комнапа произвела во мнѣ сильнѣйшій воспоргъ: я пробормоталъ моей возлюбленной нѣсколько несвязныхъ словъ, потчасъ бросился къ окошку, у котораго она обыкновенно сидѣла, и передразнилъ еѣ во всѣхъ движеніяхъ, кои выдѣлывала она на любовной нашей сценѣ. Наконецъ, вышли ея родспвенники; я оправился, опрекомендовался и замѣпилъ, что они меня приняли съ большою радостію.

Я началъ ходить къ нимъ въ домъ чаще и чаще, и, наконецъ, каждый день. Въ послѣдствіи, по обыкновенному порядку вещей, я попросилъ ея руки; родспвенники согласились а она? . . . согласилась! покраснѣла даже съ ушами, въ первый разъ осмѣлилась поднять глаза выше земли, въ *поль-человѣка* (о милая скромность)! и въ первый разъ я узналъ, какой у неѣ голосъ, когда она произнесла: *я согласна*.

Теперь я счастливымъ ея супругомъ, а дѣлѣ супружескива ни романовъ, ни рассказовъ не проспираютъ, если не имѣютъ въ виду другихъ любовниковъ.

Н. Карлеовъ.

СТАРИННЫЯ НѢЖНОСТИ ЛЮБОВНИКОВЪ.

«Ахъ! сказала *Хаеронья* своему подшпалѣ, ты жизнь моя, счастье, мое сокровище.»

— А ты, опвѣчалъ *Митрофанъ*, мой перлъ, мой Ангелъ.—

«Ты, мой Серафимъ!»

— Ты, душа моя! —

«Ты, мой богъ...»

— Ты, моя вечерняя и утренняя звезда, мое счастье, краса, мой миръ.—

«Ты, мой великій, божественный повелитель.»

— Ты моя слава, честь, сіяніе.—

«Ты мой герой, краса, опвага, мой милый, мой защитникъ, владыко моихъ помысловъ, любовь моя.»

— Мое свѣшло дня.—

«Блескъ ночей моихъ.»

— Любезнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ.—

«Любезнѣйшій изъ мужчинъ.»

— Кровь моя, лучшая половина меня самого.—

«Ты мое сердце, мой блескъ.»

— Ты неземная, единственная моя радость.—

«Я отдаю тебѣ первенство въ любви; сколько я ни люблю тебя, но всё думаю, что ты меня еще болѣе любишь, ибо ты повелитель мой!...»

— Нѣтъ, пальма первенства тебѣ принадлежитъ, моя богиня, неподобная моя *Хавроша*, *Ховренька*, *Ховретъ*, *Хаврошенька*! —

«Нѣтъ, я пвоя невольница, женщина слабая, существо ничтожное, которое ты можешь разрушить мой несравненный *Митроша*, *Митрошенька*, *Митрофанушка*! *Mon petit*, *mon doux Mitrophan*!

— Нѣтъ, нѣтъ, я пвой крѣпосной слуга, подножіе ногъ твоихъ... Сердце мое служить для тебя прономъ.—

«Нѣтъ, другъ мой, голосъ пвой приводитъ меня въ оцѣпенѣніе.»

— Взоръ пвой меня воспаменяетъ.—

«Я побою только вижу.»

— А я побою только чувствую.—

«Ахъ! положи руку на мое сердце, только одну руку, и ты увидишь блѣдность мою, когда кровь пвоя начнетъ сообщать жаръ мой...»

СЛОВЕСНОСТЬ.

НА ПРАВО УПАЛА КАРТА, ИЛИ НА ЛѢВО?

(*Истинное происшествіе.*)

При первомъ взглядѣ, игроки прочли на лицѣ жертвы ужасную шайну.

Бельзакъ.

§ 1. ВЫИГРАННАЯ ПАРТІЯ.

Не правда ли, *Антоніо*, что нельзя видѣть безъ внутренняго движенія даже зрипелей, окружающихъ игорный столъ, съ ихъ фізіогноміями, выражающими судорожное равнодушіе? Прибавь къ тому звонъ и блескъ золота! глубокую тишину, когда поставленъ важный *куишъ*; глухой шумъ при выигрышѣ! сильные жесты и восклицанія! Здѣсь увидишь, какъ игроки рассыпаютъ золото по ковра; какъ негодии ускользаютъ украдкою съ скудною добычею и рѣшаются на всё за сто червонныхъ! Каждый игрокъ спарается скрыть въ груди своей спрахъ и воспорги, мученія и злобныя насмѣшки,—и всё это происходитъ въ пепломъ, наполненномъ благовопіями залѣ, при звукахъ гитаръ, флейтъ и скрипокъ, при сіяніи тысячи голосовъ.

Но что значить самому вмѣшаться въ кругъ игроковъ, самому поставить большую сумму денегъ между кучами золота, держать дрожащими руками карты, опъ которыхъ зависить пріобрѣтеніе сихъ сокровищъ; самому задыхаться опъ ожиданія, препенать при каждой вскрываемой банкиромъ картѣ; быть предметомъ пламенныхъ желаній, овладѣть на нѣсколько минутъ могуществомъ судьбы, изрыгать въ бѣшенствѣ проклятія, доспойный ада, или осыпать благословеніями фортуны. О, эти ощущенія совсѣмъ иного рода! Не правда ли, *Антоніо*: вопъ, что называется жить и чувствовать!

За четверть часа предъ симъ, я игралъ не въ банкъ и не на золото, но что дороже золота: я опваживалъ свою жизнь,—жизнь молодого 25 лѣтняго человека, Испанскаго Капитана, со всѣмъ ея сумасбродствомъ, весельемъ, шумными забавами, ночными серенадами, поединками, свиданіями, и всё это зависѣло опъ

одной минутой; участь моя рѣшена въ мгнѣ. Я жилъ болѣе въ печеніи одной секунды, нежели ты въ цѣлую жизнь.

И я выигралъ. «Вина! вина! зови сюда всѣхъ нашихъ поварихъ! Пусть дѣются гипары и пляски, пусть всё пѣетъ и поѣтъ. Пусть пиршество продолжится до завтра и долѣе, если угодно будетъ собесѣдникамъ! Я выигралъ.»

Я выигралъ, говорю я тебѣ, и у кого же? у своего сверстника, прекраснаго моего двоюроднаго брата *Пезарро дель Монтезъ*; у того, который долженъ былъ раздѣлить со мною наслѣдство послѣ стараго дяди моего *Дона Гордоса*, и которому назначена въ супруги прелестная *Маргарита Магро*! Теперь наслѣдство, *Маргарита* и юная жизнь, всё мое, безъ раздѣла.

Слушай. Эпопъ безумецъ приходилъ ко мнѣ и говорилъ: «ты возбуждаешь во мнѣ ревность, ты любишь *Маргариту*. Я тебя ненавижу за то, что ты раздѣлишь со мною наслѣдство послѣ дяди моего. Пока ты живъ, я не могу наслаждаться поцѣлуями *Маргариты*, ибо всегда буду воспоминаю о взглядахъ, которые она такъ часто на тебя кидала.

«Ты также не будешь счастливъ, пока *Маргарита* будетъ близъ меня, и ты будешь бродить около моего жилища, терзаемый ревностію и отчаяніемъ; ты не можешь весело проживать имѣніе, раздѣленное со мною.

«Ну, хочешь ли, чтобы рѣшилъ эпопъ червонецъ: кому изъ двухъ насъ доспанется полное счастье: наслѣдство безъ раздѣла, рука *Маргариты*, смерть соперника, и кому кинжалъ, или еще хуже: монастырь? отвѣчай!»

— Согласенъ. —

Онъ кинулъ вверхъ червонецъ. Съ пренебрежимымъ сердцемъ, съ спѣшенною грудью, машинально я произнесъ роковое слово, прелѣдуя неподвижными глазами вертящуюся въ воздухѣ монету. Она упала, отскочила отъ земли и оспановилась; я не помню, что я сказалъ: гербъ, или рѣшетка!

Между тѣмъ онъ въ оцѣпенѣніи смотрѣлъ на монету; взоръ его былъ такъ спранный, что нельзя было отгадать, выражалъ ли онъ радость или отчаяніе! Вдругъ вскричалъ онъ: «всё погибло!» При семъ ужасномъ воплѣ я

запрепалъ отъ радости; упоеніе мое было столь велико, что едва не доходило до изступленія.

И такъ, я выигралъ наслѣдство, *Маргариту* и смерть соперника.

«Вина! зови нашихъ поварихъ, всѣхъ до одного. Я выигралъ!»

На сіи радостныя клики сбѣжалось нѣсколько Испанскихъ Офицеровъ и окружило *Донъ Карлоса* съ участіемъ. *Донъ Карлосъ* имѣлъ пылокое воображеніе, опличался остроуміемъ и вольнодумствомъ, былъ скоръ, спремшеленъ, со всѣми совершенствами, такъ, что въ полку всѣ ему завидовали и любили его. Всякой повторялъ его остропы, и считалъ его любовницъ, и никто не осмѣливался вызывать его на поединокъ: ибо никто изъ противниковъ его не оспался въ живыхъ. *Донъ Карлосъ* подаль знакъ *Антоніо*, чтобы онъ не говорилъ ни слова о случившемся, выдумавъ самъ для Офицеровъ нелѣпую исторію, чтобы оправдать свою веселость. Тотчасъ длинный столъ пракира уставленъ былъ бутылками: составилось нѣсколько партій въ виспъ, и шумъ голосовъ возвысился мирнымъ соудямъ *Золотаго льва*, что не смотря на ночь и давно уже прозвучавшій на городской башнѣ колоколь, Испанскіе драгуны сидятъ еще за столомъ.

Шумъ сей происходилъ близъ дома, гдѣ жила *Маргарита Магро*. Но ничто не возмущало глубокой думы сей молодой дѣвушки: она занята была сладостными очарованіями любви и суешности. Погруженная въ большіе и роскошныя кресла тогдашняго времени, она предавалась самымъ чуднымъ мечтамъ, но съ каждою изъ нихъ сливалась мысль о *Донѣ Пезарро*, ея женихѣ. Гордясь любовію столь опличнаго молодаго человѣка, его высокимъ пипломъ и знаменитымъ происхожденіемъ, она заранѣе восхищалась своею блестящею будущностью. Она была богата, прекрасна, любима; недоставала ей только Маркизской короны, и *Пезарро* украсилъ её сею короною.

День свадьбы назначенъ. — Черезъ недѣлю она будетъ принимать поздравленія отъ всѣхъ почетныхъ жителей *Камбре*, которые не преминутъ принести привѣтствія дочери градоначальника и супругъ *Маркиза*.. Но воплѣ

онъ... и вспавъ съ поспѣшностію, она бѣ-
жишь къ нему на встрѣчу.

«*Пезарро!* мой *Пезарро!* — Опъ чего па-
кая блѣдность? что значить это молчаніе?
рука пвоя дрожитъ, скажи: что съ побою
сдѣлалось.»

Пезарро отворопилъ голову и прижалъ ко
лбу препенущую руку. Попомъ всталъ и
пройдя безъ цѣли нѣскольکو шаговъ, сказалъ:
прости! —

«*Пезарро!* Праведное Небо, къ чему сей
ужась? что значить это смяпеніе, это вне-
запное прощаніе? — Онъ уходитъ! онъ меня
не слушаетъ!... *Пезарро*, женихъ мой!»

— Я больше не женихъ! —

«Что ты говоришь, вскричала она: хорошо
ли я разслушала? Любовь моя сдѣлалась всѣмъ
извѣсною; я умоляла, чтобы меня выдали въ
замужство за тебя. Всѣ пвердили, что дочь
градоначальника пщеславна, что она выйдетъ
за Капитана, у котораго нѣтъ никакого со-
стоянія. Я всё это слышала и сносила рав-
нодушно. А теперь, ты, вѣроломный, оста-
вляешь меня.» — Въ смущеніи, дрожа опъ доса-
ды и горести, *Маргарита* не могла удержатъ
слѣзъ, которыя обильными струями орошали
пылающія ея щеки.

— Горе мнѣ! отвѣчала *Пезарро*, послѣ про-
должительнаго молчанія и въ порывѣ жесточайшаго
отчаянія: горе мнѣ! Ты поминутно
улыбалась этому записному волокитѣ *Карло-*
су; ты гордилась его надменнымъ ласкапель-
ствомъ. Онъ Королевской крови, самый бле-
стящій офицеръ изъ цѣлой арміи; вездѣ пвер-
дитъ, что онъ тебя любитъ... Я не въ си-
лахъ былъ удерживаться и сказалъ, что одинъ
изъ насъ попчасть долженъ умереть.

— Рана, полученная мною въ плечо, не позво-
ляетъ мнѣ драпаться съ нимъ опяшь прежде
испеченія одного мѣсяца. Надлежало выйши
изъ сей гибельной неизвѣстности. «Пусть
рѣшится судьба,» сказалъ я, — и что же? судь-
ба рѣшила въ пользу *Карлоса*. —

Онъ подробно разсказалъ *Маргаритѣ* все
случившееся между нимъ и его соперникомъ.
Маргарита выслушала его, и когда онъ кон-
чилъ, сказала:

«И вы, Г. *Дель-Монтесъ*, безъ сомнѣнія
увѣрены въ помъ, чить подпишу опопъ пре-

красной договоръ: вы думаете, что можно
выиграть меня какому нибудь игроку, какъ
деньги? Вы, Милоспивый Государь, кажется
вздумали надо мною шупишь, забывъ, кто я;
наслѣдствомъ своимъ вы можете располагать,
какъ хопите; но вы слишкомъ оскорбили ме-
ня, вмѣшавъ имя мое въ пакія глупости.»

— Прощай, *Маргарита!* — Сія слова, произ-
несенныя голосомъ отчаянія, были опвѣтомъ
Дона Пезарро.

Дочь градоначальника не удерживала его;
но когда она увидѣла, что дверь заперлась
позади *Пезарро*, тогда вся бодрость ея ис-
чезла; она кинулась вслѣдъ за возлюблен-
нымъ и ввела его опяшь въ свою комнату.

«Послушай, сказала она, ты не долженъ уме-
реть; я не хочу этого. Ты принадлежишь
мнѣ; ты мой женихъ, мой супругъ. Это од-
на шалость молодыхъ людей. *Карлосъ* не мо-
жетъ серьезно пребывать, чтобы ты испол-
нилъ такое условіе; пойдемъ къ нему. Пусть
онъ возьметъ пвое и мое имѣніе. Но тебя...»
Взглядъ, брошенный ею на *Пезарро*, увѣрилъ
ее, что ей не остается никакой надежды удер-
жать возлюбленнаго.

«Если такъ, примолвила она, споя на колѣ-
нахъ передъ *Пезарро*, убѣжимъ опсюда. Ночь
темна; возьми это золото, брилліанты, уй-
демъ, не предваривъ ни кого, ни даже опца
моего; пусть подумаютъ, что тебя нѣтъ въ
живыхъ. Ты примешь другую фамилію; мы
пустимся искать убѣжища въ какой нибудь
незнаемой землѣ, гдѣ тебя уютно... Ты мед-
лешь; ахъ! ты никогда не любилъ меня; по-
думай, не ужели мнѣ такъ легко бѣжать изъ
родительскаго дома и заспавивъ завпра гово-
ришь о себѣ: «*Маргарита Магро*, которая
такъ гордилась, ушла съ Испанскимъ каде-
томъ.»

«Пойдемъ; — ты не хочешь? оспанься еще
на минуту! часъ смерти еще далекъ. Подо-
жди до завпра: сжался надъ бѣдною *Марга-*
ритой! посмотри, она передъ побою на ко-
лѣнахъ. Боже мой! какъ муцины неумолимы.
Оспанься же, умоляю тебя. Послушай, вопъ
еще средство: при уходѣ мы бросимъ въ рѣ-
ку: я покрывало, а ты плащъ свой.

«Пусть скажутъ: они упопились! Не правда
ли, хорошее средство? Теперь ты не можешь

опказаться; честь твоя будетъ спасена. Но нѣтъ! онъ всё еще непоколебимъ!

«Поспой, поспой! я не всё сказала. Боже мой! помоги мнѣ убѣдить его. Нѣтъ, я тебя не опущу. Увлеки меня за собою, обрызгай меня своею кровію, рази, убей себя въ мопхъ объятіяхъ, если смѣешь. Для чего же ты не опваживаешься; ты меня отвергаешь? Призови свою бодрость; видишь ли, я обнимаю твои колѣна; опполкни меня ногою, смѣле! и ты еще медлишь нанести ударъ, кому? женщинѣ.»

«Боже! смягчи его сердце... *Перразо*, ты сказалъ мнѣ, что тебѣ предоставлены на выборъ: смерть или монастырь. Будь лучше монахомъ... Ни кто не назоветъ тебя трусомъ, ты храбръ, всякой это знаетъ. Богъ вознаградишь твои спраданія... Ахъ! онъ ушелъ!»

Она упала безъ чувствъ, и *Пезарро*, вырвавшись изъ ея объятій, исчезъ.

§ 2. Бой Быковъ.

Спустилъ при года попомъ, въ Мадридѣ данъ былъ торжественно бой быковъ. Обширный циркъ, гдѣ обыкновенно происходилъ сія потѣха, наполненъ былъ безчисленнымъ множествомъ зрителей; дамы сидѣли впереди, за ними мужчины, а позади ихъ чернь.

Въ семь шумномъ спеченіи народа, монахи ходили взадъ и впередъ, собирая подалніе на похороны умершихъ въ бѣдности, или на выкупъ плѣнниковъ, а большею частію въ пользу монастырей. Хотя была чрезвычайная тишина между зрителями, однакожь всё съ почтеніемъ давали мѣсто монахамъ, когда они проходили между народомъ и сидящею публикою.

Всѣ сіи собиратели получали значительные доходы; но одинъ изъ нихъ будто пользовался особымъ преимуществомъ: ибо онъ три раза уже долженъ былъ высыпать изъ своего кошелька собранныя деньги въ суму слѣдовавшихъ за нимъ двухъ брапій. Это былъ высокій, худощавый человекъ, совсѣмъ плѣшвыи; бѣдность лица его и впалыя щеки явно свидѣтельствовали о слѣдствіяхъ строгой и суровой жизни, или неизлечимаго недуга.

Онъ прошелъ почти половину цирка, какъ вдругъ раздавшійся со всѣхъ сторонъ крикъ возвѣстилъ о выпускѣ быка на сцену. Монахъ, не желая мѣшать забавамъ зрителей и чтобы не разспроить столь удачно начатаго сбора подалній, сѣлъ между двумя кавалерами, которые дали ему мѣсто, и закрылъ лице кашшономъ, чтобы не участвововать въ мирскихъ увеселеніяхъ. Это было трудно, ибо одинъ только рядъ зрителей отдѣлялъ балконъ отъ арены; сидящая впереди его дама подъ покрываломъ, безпрестанно осыпала вѣжными именами сопровождавшаго её кавалера.

«О мой возлюбленный, другъ мой!» говорила она,—и можно ли исчислить всё пламенные выраженія, свойственныя языку Испанскому, выраженія, которые для любви кажутся обыкновенными.—О, какъ прекрасна Испанія! Какъ благопріятствуетъ любви ея пламенное Небо!

Опшельникъ запрепечалъ; потомъ облокотился на колѣна, чтобы лучше слышать разговоръ дамы.

«Чего не достаетъ къ моему счастью? продолжала она, положивъ голову свою на плечо кавалера; что нужно еще для сердца? Ты милъ, богатъ, знаменъ и подвергалъ за меня жизнь свою опасности. И ты полгода сносишь мою суровость и скорбь любви къ другому.»

Опшельникъ испустилъ стонъ, который обратилъ на него всѣхъ зрителей. Двое только не слышали его. Это были ближайшіе его сосѣди, вѣжные любовники.

«Но теперь я люблю одного тебя. Минувшее обливаешь меня холодомъ; прежде я никогда не любила. Ты одинъ научилъ любить меня; благословляю смерть, которая избавила меня отъ несчастія принадлежать другому.»

Опшельникъ вспалъ, дрожа всѣми членами и не снимая съ лица кашшона.

Въ эту минуту на аренѣ раздался страшный ревъ; всѣ зрители наклонились на поручень балкона, чтобы лучше видѣть приписаннаго къ рѣшеткѣ быка, который только что расперзалъ бойца. Любовники, выведенные изъ сладкаго упоенія общимъ шумомъ,

также наклонились вмѣстѣ съ прочими. Монахъ послѣдовалъ ихъ примѣру, но только для того, чтобы нанести ужасный ударъ сопутнику молодой дамы, низвергшемуся прямо на рога разъяреннаго быка, и чтобы шепнуть дамѣ:

«Помнишь ли пы *Пезарро?*»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГАДАНІЕ ТУНГУСОВЪ.

СѢВЕРНАЯ СЦЕНА.

Ночь. Скалы и утесы Енисей. Толпа Тунгусовъ окружаетъ стараго Шамана. Посреди пылающей костеръ, сложенный изъ огромныхъ кедровъ. Двое Тунгусовъ подаютъ гадателю одежды, обвѣщенные разными металлическими изображениями змѣй, драконовъ и другихъ животныхъ; такой же заповѣтъ, шапку, украшенную вороньими крыльями и овальный бубенъ.

Шаманъ, ударяя въ бубенъ.

Опъ живущихъ опчужденный,
Опчужденный опъ родства,
Перспъ земнаго существа,
Въ тайны Неба посвященный,
Преклоняя къ вамъ главу,
Вышни силы, васъ зову!
Низойдите! низойдите!
Дней покровъ разоблачите!

Хоръ.

Вышни силы онъ зовепъ!
Низойдите! низойдите!
Дней покровъ разоблачите!
Пуспъ, что будетъ, предречепъ!

Шаманъ.

Ты, *Архунга*, духъ воздушный!
Мракъ и свѣтъ тебѣ послушны,
Тайны знаешь пы земли,
Даръ предвѣдѣнья пошли!
Да шобою вдохновенный,
Миръ весь мыслью обшеку—
И живущимъ во вселенной
Жизнь или гибель предреку!

*

Сипранъ подземныхъ обшпашель,
Этигранъ, зла обладашель,

Духъ болѣзни моровой,
Въ миръ влепающей змѣй!
Безопасно все мерпящей!
На призывъ отважный мой,
Кропкій, мирный, не разящій,
Ты предспанъ передо мной!

*

Ты, крылатый *Ильянгъ*,
Кѣмъ возносяпся Шаманы
Опъ печальныхъ оныхъ мѣспъ
Выше солнца, выше звѣздъ!
Ты, даръ жизни предоержащій,
Кѣмъ все дышешъ на землѣ!
Свѣтосарный, лучезрящій!
Зову кропкому внемли!

*

Ты, *Хвананъ!* Ты, *Миряда!*
Духи неба, духи ада!
Ты духъ бури, грозный *Торъ!*
Васъ зову я на соборъ!...

Хоръ.

Низойдите! низойдите!
Дней покровъ разоблачите!

Слышеть полеть невидимыхъ.

Шаманъ.

Содрогаясь при ихъ приближеніи.

Вопъ—я вижу: черный вранъ
Осѣнилъ меня крылами!
Я прозрѣлъ время пуманъ!
Сонмъ духовъ парипъ надъ нами!
Упадаетъ въ безпамятствѣ.

Одинъ изъ Тунгусовъ.

Чу!... Надъ нимъ поднялся вранъ!
Спрашно!... Вопъ встаетъ Шаманъ!

Шаманъ, *вставая.*

Всѣ теперъ я видѣлъ ясно!
Други! будущность прекрасна;
Видѣлъ я ея зарю:
Слава Бѣлому Царю!

Всѣ.

Слава Бѣлому Царю!

Расходятся. Полный разсвѣтъ озаряетъ скалы и утесы Енисей.

И. Петровъ.

О М О Н И М Ъ.

Вещь чудную во мнѣ найдѣшь,
 Когда подробно разберѣшь
 Мои различныя дѣянiя и свойства.
 Успами въ воинствѣ вливаю духъ геройства;
 Мой глазъ открылъ мiры на небесахъ,
 И въ капелькѣ росы, и на листвахъ.
 Бросаю воду я черноговъ на вершину,
 Тушу пожаръ,
 Изъ пѣдръ своихъ бросаю дымъ и жаръ.
 Но чтобъ дорисовать картину,
 Скажу, что съ злыми я сходна,
 Снаружи бѣлая, взгляни же вглубрь—черна!
 Швердинскій.

Въ No 62, помѣщенная шарада значить: *Cor-sage*.

М О Д Е С.

C'est encore un usage assez adopté de se réunir le matin par invitation. Il y a deux et trois ans, c'étaient de nombreuses réunions, des *raouts* où l'on se presait, aujourd'hui il n'est resté que dans une sorte d'intimité, ou du moins peu de représentation.

Ce que je vais vous dire était une lecture faite en présence d'une trentaine de personnes. Une lecture est quelquefois bien longue quand l'auteur, dont le talent est encore peu exercé, lit bien classiquement des vers froids et lourds; on a une ressource, et ce fut la mienne; c'est au lieu d'écouter, de penser à autre chose; j'ai songé à l'article que j'avais à faire aujourd'hui, et tout naturellement je rends compte de mes observations, sûre que je suis qu'elles me sont fournies par des femmes dont personne ne révoque l'autorité dans le monde élégant. Si ce n'était pas indiscret, je citerais leurs noms pour m'appuyer; voici l'ensemble et quelques détails:

Du claly et du blanc.

De la paille de riz et de la paille d'Italie.

Majorité des fleurs sur les plumes.

Avec une robe de chaly fond blanc et dessins de longues cloches rouges et violettes, à feuillage vert

découpé, un canezou-pélerine en mousseline de soie, à larges ourlets rabattus à l'endroit sur un petit passe-poil de satin. Une ruche de blonde, un nœud de cou en gaze vertpâle, au milieu duquel était une agrafe de pierres variées, une chaîne du Mexique y tenait et descendait droite en se perdant autour de la ceinture. Des bracelets avec un fermoir pareil à l'agrafe du cou; un chapeau de paille d'Italie, un bouquet de cinq plumes blanches.

М О Д Ы.

Собираюсь упрямъ по приглашенiю, еще довольно въ употребленiи. Два или три года тому назадъ, были многочисленныя собранiя, рауты гдѣ пѣснились, теперь это осмалось только въ нѣкотораго рода корошкосши.

Я буду говорить вамъ о чпенiи, въ присутствiи прищипши особъ. Чпенiе бываешъ иногда весьма продолжительно, когда авторъ, съ весьма еще не образованнымъ паланпомъ, читаешъ классически холодные и тяжелые стихи; тогда ешь средшво, вмѣсто того, чтобъ слушашъ, думаешъ о другомъ. Я помышлялъ о спашъ, которую долженъ былъ соспавить сего дня, и весьма еспешвенно ошдаю опчѣпъ въ моихъ замѣчанiяхъ, будучи увѣренъ, что онѣ доспавлены мнѣ дамами, коихъ владычешво въ модномъ Свѣтѣ никакъ не будешъ оспаривашъ. Я бы назвалъ ихъ, если бы не опасался бышъ нескромнымъ; вопъ общее и нѣкоторыя подробности:

Плашъ изъ шали и бѣлыя.

Шляпки башовыя и Ипалiанскiя соломенныя.

Цвѣпы преимущественно предъ перьями.

Плаше изъ шали; по бѣлому грунпу узоры изъ красныхъ и фиолетовыхъ колокольчиковъ, съ зелеными вырѣзными листвами; канзу-пелеринка изъ шелковой кисеи, съ широкими рубцами, заворочеными съ узенькой апласной выпушкой. Блондовой рюшъ; газовый галспучекъ блѣдно-зелѣнаго цвѣта, въ срединѣ заспешка изъ разноцвѣпныхъ камней, за неѣ прикрѣплена Мексиканская цѣпочка, спущенная прямо, перьясь подъ поясомъ. Браслеты съ замками, подобными заспешкѣ. Ипалiанская соломенная шляпка, съ букешомъ изъ пящи бѣлыхъ перьевъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 64.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 10 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Пой лучше хорошо щеглѣнкомъ,
Чѣмъ душно соловьѣмъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОБРАЗЧКИ

*Новаго издѣлія съ невещественной фабрики
Г. Полеваго.*

Le masque tombe, l'homme reste.

Извѣстно и вѣдомо каждому, къ чему гоповилъ насъ Г. Полевой, выпустивъ опважнымъ Паладиномъ пропивъ знаменитаго Русскаго Испоріографа. Собрана подписка въ пользу Испорика Русскаго Народа и, вмѣсто обѣщанныхъ 12 помовъ Испоріи, выданы подписчикамъ въ 3 года только 3 тома, которые такъ искусно написаны, что можно уволить его отъ выдачи оспальныхъ. Спрагаема преискусная!.. Деньги въ карманѣ и рука въ покоѣ (не говорю: голова; зачѣмъ грѣшшь!) Такимъ образомъ, по выходкамъ Г. Полеваго на *Валтеръ-Скотта* (бѣдный *Валтеръ-Скоттъ*!) съ 1830 года можно было закладывать сто пропивъ одного, что у нашего соотечественника, объемлющаго всѣ отрасли наукъ и липературы, готовился испорическій романъ. Въ альманахѣ 1831 года (Денницѣ) *Василій Косой* выглядывалъ уже изъ подворопни *постоялаго двора* и въ немъ угощаль насъ слогомъ, подобнымъ пѣмъ щамъ, которыми подчивалъ содержатель двора сво-

ихъ пріѣзжихъ и по которымъ «ударъ хотъ дубиной, такъ пузырь не вскоитъ.» (Часть I-я Кляввы при Гр. Госп. стрн. 24). Вслѣдъ за пѣмъ, почтеннѣйшій Александръ Анфимовичъ Орловъ выступилъ было въ свѣтъ съ своимъ Васиѣмъ Кривымъ, и сіе соперничество заставило соменника его спрятать носъ. Но мы всё таки не опчаявались въ полученіи новаго издѣлія съ невещественной фабрики Г. Полеваго.

И вопъ, Московскія Вѣдомости опубликовали Русскую биль подъ названіемъ: *Клятва при Гробѣ Господнемъ*; и вопъ уже получены 1 и 2-я части сего пворенія.

Чудо чудное и диво дивное! Эпо гиль, какой не видано еще на Руси. Не скажу, что её надобно чипать въ перчаткахъ, какъ изьяснися нѣкогда Князь *Вяземскій*; нѣпъ! она создана для чпецовъ въ рукавицахъ. Порядочнаго разбора она не спощь. Для смѣха мы удовольствуемся нѣсколькими выдержками изъ сего пресловутаго пворенія.

Тобѣ діаволъ вооружилъ желаніемъ самоначалства.

Нач. эпигр. къ 1-й ч. Кляввы при Г. Г.

Часть I.

При ней вспуленіе къ *Клятвѣ* въ видѣ разговора между Сочинилемъ и Чипашелемъ—

замѣлите, Чипапелемъ ненапечатаннаго пворенія; ибо въ разговорѣ дѣло идетъ о рукописи, которую Сочинитель несетъ въ Типографію. Кто игривалъ въ виспѣ вдвоемъ или впроемъ, замѣняя недоспающего игрока такъ называемымъ *соломеннымъ* или *болвангикомъ*, угадаетъ, какое лице представляетъ Чипапель въ этомъ вступленіи.

Чипапель спрашиваетъ Сочинителя: «что такое у васъ *будеть?*»

Умный Чипапель дѣлаетъ снова умный вопросъ: «*чтожъ такое былъ и небылица?*» За отвѣтомъ Сочинитель въ карманъ не лѣзетъ; вопль оный: *былъ то, что можно было*; небылица то, что никогда не бывало, сказка. Диковинная новость! О Франклинѣ, о Ньютоновѣ Русской литературы! чѣмъ воздадимъ тебѣ за сію гениальную идею?.. Благодаримъ тебя также за твое доброе намѣреніе просвѣтитъ насъ, высказавъ Русскими быльми и небылицами всё, что не доказано о Руси Исторіею, Географіею, Слѣдствіемъ, Этнографіею и проч. и проч.; но еще болѣе благодаримъ будемъ, если ты оставишь свое доброе намѣреніе.

«Русь знаю!—Русь меня знаетъ и любитъ!» Величественно и — скромно! *Ma bonne ville de Paris!*.. Воображаю о высотѣ, съ какой эпитѣ слова сказаны: право, голова кружится.

Сочинитель. «Согласитесь, когда правда уколеть около 2000 глазъ (у насъ считаютъ по Суворовски: сомнѣваетесь, повѣрите!), то есть кому поморщиться при одномъ моемъ имени...»—Спрашно! *Je sais, qu'on me craint*, говорилъ *Наполеонъ!*—Соглашаемся, изъ боязни, сдѣлаемся Циклопомъ; но вмѣстѣ не можемъ не изъявить желанія видѣть гримасу, какую бы сдѣлали Николаю Алексѣевичу 1000 человекъ, если бы ихъ собрать въ одно мѣсто. Передъ сею гримасою ничто и рожища *Квазимодо*.

«Русь младшая сестра всѣмъ другимъ *Европейцамъ*.» — Русь — *Европейцамъ?*

«И вы Русской?» спрашиваетъ Чипапель.— «Больше, нежели кто другой!» отвѣчаетъ Сочинитель.—Вопль какъ! Улпра-Русскій! Архирусскій!

Читатель. «Правительство исправляетъ и учреждаетъ, а мы должны исправляться и *угреждаться*.»—Науचितе насъ, Н. А., какъ мы должны *угреждаться*.

«*Промышленность, торговля, литература, просвѣщеніе*, у насъ только начинаются.»—Даже промышленность?.. Чпожъ мы были до сего времени? хуже дикарей! Всѣ начинается у насъ съ ихъ поръ, какъ Н. А. пропустилъ къ сочиненію своихъ былей и небылицъ. Новая эра!

«Кто имѣлъ *терпѣніе* чипапѣ всё писанное мною, топъ скажетъ, что я одинъ и топъ же, и проч.»—Довольно откровенно! Дѣло спало только за перпѣніемъ.

«Русскія сказки—хорошо! Давно бы пора за нихъ принялся... Но въ *быльяхъ*, извините, вы, кажется, увлекаетесь общимъ порывомъ нынѣшнимъ.»—Въ *быльяхъ*, которыхъ еще нѣтъ, увлекаетесь общимъ порывомъ нынѣшнимъ?

«Дарованія Сочинителей Юрія Милославскаго и Дмитрія Самозванца, Рославлева и Выжигина (котораго? ихъ такъ много) соблазнили васъ. Признайтесь откровенно.»—Кто, кромѣ Сочинителя будущихъ былей и прошедшихъ небылицъ, поставилъ на одну доску Юрія Милославскаго и Самозванца? Произведеніе Г. *Загоскина* есть драгоценная жемчужина, выкапывавшаяся со дна сердца его, и которой довольно не налюбуетесь. Наши ошважные писатели-водолазы, какъ-то: *Орловы, Гурьяновы, Сиговы, Полевые* и прочіе и прочіе, составляющіе уже знаменитую фалангу, гоповую завоевать Русскую словесность—наши писатели-водолазы, говорю я, пускаются въ преисподнюю романизма, и выносятъ однѣ раковины съ опврапительными живописными. У насъ, чпобы писать романы, надобно только держать твердо перо, и умѣть пугать книгопродавцевъ. Еще прибавлю: не соперничество дарованій, не слава, которая заставляла *Калиюенса* среди кораблекрушенія бояться за свою рукопись болѣе, нежели за жизнь свою; не слава, которая заставляла *Ломоносова* на смертномъ одрѣ жалѣть, что онъ не докончилъ всего, начатаго имъ для *чести* Академіи; нѣтъ! не эпитѣ благородныя двигатели великихъ людей соблаз-

или г. *Полеваго* и собратій его пустились на поприще романиста; но необычайный расходъ, какой имѣли сочиненія *Загоскина* и *Булгарина*. Тому, кто скажетъ проливное, укажу только на слогъ новаго произведенія Г. *Полеваго* — и дальнѣйшей повѣрки искаать не нужно.

«Наша эпоха *предназначена для особенной погести испорченныхъ повѣствованій.*» (?)

«Воображайте, что я Директоръ Русскаго театра въ XV вѣкѣ, (трудно воображать, воля ваша!) обѣщаль вамъ представитъ (кажется, актёры представляютъ) Комедию о томъ, какъ *Василій Косой* и братъ его *Д. Шемьяка* поссорились на свадебномъ пирѣ и проч.—не болѣе!»—И подлинно не болѣе, какъ самая пошлая Комедія XV вѣка! Жаль, что чепырьмя вѣками опоздала!

«Мое дѣло обставитъ сцену надлежащимъ образомъ и одѣтъ актёровъ.» (То-то и есть, что ничего не исполнено). «Ваше, взявъ мою книгу (какая премудрость! Беремъ однакожъ книгу), перейди мысленно въ XV вѣкъ, и читай Русскую быль.» — Рецептъ изрядный! Читай вашу книгу, *Ник. Ал.*, хотя и тяжело, но такъ и быть, мы рѣшаемся на сей подвигъ (черезъ часъ по дождкѣ); но, ради Бога, научите насъ, профановъ, перенеситесь сначала въ XV вѣкъ, а потомъ читай книгу. Вы хотите, чтобы мы за васъ мысленно работали и сдѣлали то, что вы не умѣли сдѣлать перомъ своимъ; ибо въ своей *Кляпвѣ* вы представили намъ не человека XV вѣка, а черный классъ людей всѣхъ вѣковъ, одѣли ихъ въ опротивительную одежду, прикрытую коѣ-какъ рухлядью изъ древней Вавилонки, изъ древностей Успенскаго и прочихъ хранилищъ спаринны, и хотите, чтобы мы всѣмъ эшмъ любовались! Научите.

Сочинитель рассказываетъ Суворовскій анекдотъ о *немогузнайкахъ*. О! *немогузнаиель* нельзя упрекнуть Журналиста, Публициста, Стихотворца, Историка, Живописца и проч. и проч. И не спыдливъ онъ, какъ солдатъ *Суворова!* *Повърьте меня*, кричитъ онъ смѣло, когда дѣло идетъ только о томъ, какъ *Василій Косой* и братъ его поссорились на свадьбѣ *Великокняжеской*. Въ этомъ случаѣ можно

только сказать стихи *Сумарокова*, кстапи выписанные *Сочинителемъ*:

Лишь просвѣщеніе, писатель, дай уму!

Довольно для разговора; примемъ за выдержки изъ самой *Кляпвы*.

Часть I.

На спран. 1-й, пріѣзжій входитъ въ избу и *стряхиваетъ съ себя снѣгъ*; на спран. 17-й, онъ же и поварищи его входя въ избу, спокойно *стряхивали съ себя снѣгъ*; спран. 18-я, онъ же распоясываясь, *стряхивалъ снѣгъ.*»

«Не теряя бодрости—настоящій Русскій человекъ—оборопился онъ.» — Галицизмъ!

«Спарикъ *солнительно* стоялъ среди двора.» Въ переводѣ это значитъ, что спарикъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи стоялъ.

Въ описаніи избы, спран. 16. «На палапяхъ и на печи былъ ужасный жаръ; внизу холодъ, такъ, что морозъ снѣговыми, курчавыми полосами выходившій сквозь спѣны, оставался цѣлую зиму не тающимъ, какъ снѣга на вершинахъ *Кавказа.*»—Низъ избы съ вершинами *Кавказа*: какое близкое, вѣрное сравненіе!... Молодые писатели! пріидите, поучитесь.

Спран. 16. «Въ избѣ, кромѣ хозяина, жены его, *матери старухи и дѣтей*, жили и *мѣлкія* домашнія живописныя, *свиньи, теллята* и проч.» Вотъ изящное въ живописи! Спрашиваемъ только, мать кто была: жена или другая какая, и чья она была мать, спарухи и дѣтей, или жены? Кромѣ *большихъ* живописныхъ, *хозяина и прочихъ*, жили и *мѣлкія* живописныя, *свиньи, теллята!*

Où peut on-êtr mieux qu'au sein de sa famille?

«Москва бьетъ съ носка!»—«Надобно покорить вотъ эпаго дурака!»—«Онъ ударилъ себя по довольно огромному своему брюху.» Спран. 19.—Образчики остропы г. *Полеваго!* *Себя по своему?*... Следственна можно ударить себя по чужой головѣ? А этакъ иногда и дѣлаетъ Издатель Телеграфа!

«Матвѣй невольна внушалъ почтеніе окружающимъ.»—Это значитъ въ переводѣ: Матвѣй внушалъ окружающимъ невольное къ себѣ почтеніе.

Дайте-ка намъ расходиться, поли дѣло будетъ! Посмотрите, какъ мы описываемъ мор-

щины. «Усиліе говорить оканчивалось кашлемъ, который не приводилъ въ движеніе глубокихъ складокъ.... (Кашель, приводящій въ движеніе глубокия складки лица?...) Можно было видѣть, что сіи складки положили на лицѣ ея заботы мѣлочныя о вещественномъ существованіи, пруды тѣлесныя, скорби тяжкія и нужды. (Кажется, заботы могутъ класъ морщины на лицѣ; но у Ник. Алек. всё на выворотѣ). Складки сіи не выставлялись рѣзкими, ломанными чертами — могилами спраспей.» Спрн. 28.—Складки выставлялись могилами?... Какое богатство воображенія въ складкахъ по послѣдней модѣ, изобрѣшенія г. Гри-Пусье!

«Работникъ, какъ собаченка, обнюхивая объѣдки ужина пріѣзжихъ, нашель корки хлѣба, и жевалъ ихъ, съ размаха пощелкивая зубами и *кряхтл отъ холода*. Бывъ почти цѣлый день на морозѣ, онъ пришель въ состояніе какой-то оковенности: не мѣрзъ, не злѣ.» Спрн. 33.—Кряхтѣлъ отъ холода и не мѣрзъ, не злѣ: какъ это согласить?

«Оба новые пріѣзжіе по одеждѣ *походили на купцовъ и казались одного званія*. Волчи шубы ихъ были покрыты сукномъ; высокія шапки ихъ были изъ лисьяго мѣха; огромныя теплыя сапоги надѣты были на ихъ ноги.» Спрн. 34.—Теперь вѣримъ, Н. А., что вы пишете были!

«Послѣ того дѣдушка Мамвѣй принялъ чинять молитвы на сонъ грядущій, стоя передъ образами.—Совершенною противоположностью представляли дѣдушка Мамвѣй и...» Спрн. 39.—Что это? Глазамъ не вѣришь!

«Сердечная веселость оживляла его доброе, здоровое лицо, показывавшее чертами своими природный, хотя не образованный умъ. (Любопытно было-бъ видѣть, какъ лице показываетъ умъ природный и умъ необразованный.) Незнакомецъ былъ такой же старикъ, какъ и дѣдушка Мамвѣй—но казалъ старость глядясь изъ его сухаго, морщиноватаго лица — Боже великій!... Старость, заключающая собою *дѣнь бурный, какъ вьюга на степяхъ Приволжскихъ, или Сура въ лѣсахъ Сибирскихъ!* Волосы старика не бѣлыи, подобно снѣгу старости, упавшему на голову дѣдушки Мамвѣя, но желтыи, какъ будто *желтъ*; вы-

давленная старостью изъ *состѣдства* сердца, разшвалась по всему тѣлу старика и виднѣлась сквозь его сухіе волосы.» Спрн. 40.—*Bravissimo, Mr. Polevoi!*

«Разговоръ *хозяина* съ полспякомъ не прерывался съ самаго прихода *хозяина*. Проворно работая зубами, *хозяинъ*...» Спрн. 45.

«Что же ты разумѣешь подъ худомъ, безъ котораго будетъ хуже.»—Да что, милостивецъ, мои слова не съ разума говорятся, а такъ, что вѣтеръ нанесетъ.»—Что правда, то правда. Давно бы такъ, почтеннѣйшій Н. А.

«Не догадаются наложить подать на Русскіе языки—казна Княжеская обогатилась бы тогда. Люблю Татаръ: слова не добьешься у нихъ, а на дѣло не хуже Русскаго!» Спрн. 59.—Совершенно противорѣчитъ себѣ сочинитель былей и небылицъ во 2-й частии на спрн. 115. Лучше бы сказать: не догадаются наложить подать на худые Русскіе романы!...

Уфъ! Довольно для двухъ главъ. По этимъ образчикамъ можно судить о слогѣ, Грамматикѣ и Легикѣ Сочинителя. Не говорю уже о содержаніи романа: оно дѣйствительно увлекаетъ (какъ сказалъ Сочинитель въ разговорѣ своемъ на спрн. LX)—прямо на подушку. Всѣхъ чудесъ въ двухъ частяхъ не перечтешь: чтобы описать ихъ съ комменпаріями, надобно наполнить такіе же два тома. Чего тупъ не найдете! Тупъ увидишь, какъ *«свѣтъ жирника падалъ на Русское, цвѣтущее лицо; какъ Шемляка былъ накутанъ одеждою хитрости и притворства; услышите стояное пѣніе въ Иерусалимѣ и въ Авинскихъ горахъ; здѣсь старики грустью сопровождаютъ каждое сильное чувство; Саулъ, Литовскій Князь, отдираетъ у кого-то много души Христіанскихъ; считаются Русскими ребрами; лоскутъ калбота упадаетъ изъ воздуха небеснаго; здѣсь найдете живописное описаніе полета воронъ и галокъ: «Только съ окрестныхъ лѣсовъ, тѣмъ ближе подходили наши странники къ Москвѣ, тѣмъ болѣе летѣли стада галокъ и воронъ въ Москву, и пестрили свѣтлое пространство небесъ темными, движущимися точками.»*—Не знаешь, чему болѣе удивляться: живописной ли картинѣ, или чудному расположенію словъ съ гармоні-

ческимъ паденіемъ къ *Москва* и въ *Москву*. Далѣе услышите, какъ незнакомецъ сказалъ, *задумавшись*: бранили Москву, а она и не думаетъ! досконально узнаете, какъ началась Москва.

Авпоръ, дѣйствительно полагая, что всѣ невѣжи, кромѣ него, и что эра просвѣщенія съ него начинается, очень наивно убѣждаетъ чппапелей своихъ не воображать себѣ дорогъ *XV вѣка* на Руси подобными нынѣшнимъ шоссе отъ *Петербурга* до *Москвы*. Спрн. 174.

Во второй части не менѣе красота. На примѣръ:—стѣны *Кремлевскія* были такъ дряхлы, что черезъ 50 лѣтъ послѣ времени разсказа *Сочинителя* (то есть въ 1882 году).—*Нѣсколько* старыхъ рукописей лежали въ безпорядкѣ.—*Слушанный шумъ* раздался кругъ сполы...—*Отъ простолыдини* до *Князя сватыбы* и донынѣ суть область женской власти.—Развернуть подъ ногами коверъ, или подослать попоны подъ лошади и далѣе (*Si ceci se sait, ses soins sont sans succès*).—*Смерть* для человека не разлука съ ничтожествомъ для вѣчности.—(Темна вода во облацѣхъ!)—(Слушайте! слушайте!) «Какъ лебедь бѣлая, съ бровями соболиными, съ павлинною походкою, она цвѣла, будто маковый цвѣтъ: и почто маковый—яркій, но безъ запаха!» (Красота ты моя, красота! красота неизреченная! всѣмъ ты хороша, но лучшее въ тебѣ, что ты безъ—запаха!)—«Опъ величественнаго лица дѣда, опъ умнаго лица опцовскаго ему достались только черные волосы и какакто суровость осанки.» (Прекрасно! несравненно! опъ лицу достались волосы и осанка!)—«Кто это? кто это?» зашумѣлъ народъ. «Это *Шемьяка*, это *Князь Дмитрій!*» говорили другіе.» (Другіе народы?)—«Кипы сыга завертѣлись повсюду, падая большими шапками.» (Ай! ай!)—«Въ порывахъ нѣжности къ сыну своему, *Софья* была львица, у которой опнимающъ дыня.»—«Всѣ это выражалось изъ отрывистыхъ словъ ея, порывистыхъ движений.»—«Улыбаяся тяжело.»—«Если бы мы хотѣли удивить археографическими познаніями и проч. (То есть, выписывать, какъ выписывалъ *Сочинитель* описаніе свадебныхъ обрядовъ изъ древ. Вивліое.). Но мы не хотимъ этого, и скажемъ просто, что въ старину

не щеголяли изяществомъ кушанья, а хотѣли только, чтобы и ѣсть и пить въ сполыхъ было много и всего изобильно.» (Какова фраза?)—«Предоставимъ на сей разъ воображенію представить...»—«Князя и Бояре, много старались уйти изъ залы, другіе...»—«Косой, какъ мерпвецъ бѣдный.» (То есть, бѣдный, какъ мерпвецъ).—«*Софья* пробудилась отъ бѣшенства сожигающей пылы горячки.»—«Описание *Москвы* чудесно.»—«Передъ вами милое созданіе, ни дорожница, ни румяница, дѣва не гордая, не блестящая!» (Это все наша бѣдная Москва! Господинъ *Полевой!* помилосердуйте, что сдѣлала она вамъ? Нѣтъ! мало—вы продолжаете).—«Вы дивитесь, и прочее...»—«Образъ незабвенной будете всегда преслѣдовать васъ, какъ совесть преслѣдуетъ злодѣя.» (Какъ мило!...)—«Чѣмъ болѣе вглядываться будете вы въ дѣву-очаровательницу, тѣмъ сильнѣе поймете пылы спраспей, зажигаемыхъ ею въ сердцахъ юношей, и не попухающихъ ни отъ отдаленности разстоянія, ни отъ лѣтъ разлуки.» (Злодѣй! выкралъ послѣднее выраженіе изъ конфексныхъ билеповъ!)—«Она разлукаетъ тебя отъ Бога.» (*Vive la grammaire!*)—«И онъ говорилъ мнѣ... И онъ гремѣлъ... И это челоуѣкъ... И что... И если это не...» (И это все въ 10 спрокахъ!)—«Клики веселыхъ ширшествъ,—и спукъ заздравныхъ ковшей заглушали тихіе вздохъ горести, задушательные въ груди бѣднаго соста.»—Умора, да и только, когда *Сочинитель* любезничаетъ, описывая *Русскихъ женщинъ!*—«Женщины, не смотрявшія тогда царицами, (подлинное выраженіе: смотри спрн. 184) умѣли (однакожъ) веселиться; только образъ веселья бывалъ инаковъ и не походилъ на нынѣшній. Вѣдь и щеголи погдашніе не были похожи на нынѣшнихъ щеголей. Послушайте, (слушайте, добрые молодцы!) какъ водилось въ старину... дворы наипы были санями, верховыми лошадьми, возками. Только на дворѣ *Боярина Старкова* было тихо, по крайней мѣрѣ было не такъ шумно, какъ обыкновенно бывало...» (Не вѣрите? прочтите спрн. 185).—«*Будуаровъ* и диванныхъ тогда не знали.» (Вопъ какъ! Благодаримъ г-на *Полеваго*, что онъ намъ это объявилъ. То-то просвѣщеніе: золотое дѣло!)—«Женскій разговоръ

переливается только въ два тона: это голосъ соловья, когда въ женщинѣ говоритъ сердце, и — щебетанье воробья во всякомъ другомъ случаѣ.» (Благодарите, мои соотечественницы!)—«Машка, старая кормилица, имѣла право (вѣроятно могло оно равняться съ правами гнилыхъ мѣспечекъ въ Англии) подпирать рукою свой подбородокъ, держа другую руку подъ локтемъ поднятой къ подбородку руки.» — Спраница 200-я примѣръ галиматъи: «Возришься на радужнаго челоуѣка.»—«Такое диво, что какъ звѣрь ходилъ, такъ издохъ, такъ пролетѣли надъ нимъ годы, кожа и плѣло съ него обвалились...» La fin sougonne l'oeuvre.

Однимъ словомъ, чтобы увѣнчать твореніе г-на Полеваго, не достааетъ къ нему въ эпиграфы только тарбарскаго припѣва, изъ сказки его, какъ то: шилды будылды, наикики тикалды, таралды баралды, бухъ, бухъ, бухъ... ибо весь романъ есть подобная тарбарщина.

2×2=4.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СЫНЪ ДРАЙДЕНА.

Драйденъ имѣлъ слабость вѣрить Аспрологіи: онъ никогда не упускалъ опредѣлять время рожденія дѣтей своихъ. Когда жена его мучилась родами, въ которыхъ она произвела на свѣтъ сына *Карла*, ему сказали, что изъ благоприспособности онъ долженъ былъ удалиться. Онъ вынулъ часы, положилъ ихъ на столъ, и весьма серьезно просилъ бывшихъ мамъ женщинъ замѣнить повѣрше минутой, въ которую родится дитя. Просьба его была исполнена. Черезъ недѣлю по выздоровленіи жены своей, онъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы сказать ей, что онъ вычислялъ время рожденія своего сына, и что онъ съ прискорбіемъ замѣнилъ, что дитя родилось въ несчастливый часъ: ибо Юпитерь, Венера и Солнце были тогда подъ землею и ему угрожали Марсъ и Сатурнъ. «Если онъ проживетъ до семилѣтняго возраста, прибавилъ *Драйденъ*, по въ самый день его рожденія угрожаетъ ему насильственная смерть. Если онъ избѣжитъ ея, чего однако-

же я мало надѣюсь, по доживетъ до двадцатипрехлѣпняго возраста, въ которомъ опять предспоишь ему подобное несчастіе; если же онъ будетъ сполько счастливъ, что избавишься и опъ этого, по тридцать претій или тридцать четвертый годъ опъ его рожденія внушаетъ мнѣ за него спльныя опасенія.» Онъ былъ прерванъ своею женою, пзнемогавшею опъ горести и проливавшею горькія слѣзы при одной мысли о бѣдспвіяхъ, угрожавшихъ ея сыну.

Назначенный срокъ прошелъ, и мѣсяць Августъ былъ роковымъ временемъ, въ которое дитяти должно было исполниться 7-мъ лѣтъ. *Драйденъ* пригласилъ съ собою въ деревню Графъ *Беркширъ*, а жена его проводила лѣто у своего дяди. Опасаясь за своего сына, она хотѣла увезти его съ собою, но *Драйденъ*, не менѣе безпокойшійся, настаивалъ, чтобы онъ оспался съ нимъ. Печаль бѣдной женщины была такъ сильна, что она занемогла опъ нея. Болѣзнь ея усиливалась по мѣрѣ приближенія гибельнаго срока, и наконецъ она впала почти въ безнадежное состояніе; но письмо опъ мужа, въ которомъ онъ упрекалъ еѣ въ легковѣрїи и увѣрялъ, что сынъ ихъ здоровъ, излечило еѣ. Съ нимъ произошелъ однако же странный случай. *Драйденъ* спыдился своей слабости и не смѣлъ въ ней признаваться, но никакъ не могъ и освободиться опъ нея. Въ день рожденія своего сына, онъ былъ въ незьяснимомъ безпокойствѣ, плѣмъ болѣе, что онъ принужденъ былъ оспавишь дитя и соупспивовашъ Лорду на охоту, къ которой тотъ пригласилъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Боясь, чтобы сынъ его не вышелъ куда нибудь въ его отсутствіе, онъ задалъ ему двойной урокъ изъ Лапинскаго языка, который самъ преподавалъ ему, съ спрогимъ приказаніемъ непремѣнно оный вытвердить и не выходить изъ комнапы до его возвращенія. Онъ зналъ, что эта работа была довольно продолжительна для того, чтобы занять его. Молодой *Драйденъ* съ покорностию прудился; но по несчастію охотники приближились къ дому; собаки гнались за звѣремъ съ спрашнымъ лаемъ, вспревожившимъ всѣхъ въ домѣ; одинъ слуга взялъ дитя на руки и вынесъ его на дворъ, чтобы показатъ ему охоту; онъ по-

спавилъ его у весьма вѣпхаго забора, какъ вдругъ звѣрь бросился къ оному, опрокинулъ его и молодой *Драйденъ* былъ совершенно имъ придавленъ. Его вытащили, и онъ въ продолженіе шести недѣль былъ почти при смерти отъ испуга и ушиба. Разумѣется, что это приключеніе не могло излечить отца его отъ предразсудковъ. То, что случилось съ молодымъ *Драйденомъ* въ послѣдствіи, также весьма удивительно. Будучи 23 лѣтъ, въ одинъ жаркій день онъ взошелъ на какую-то старую башню въ Римѣ; подошедши слишкомъ близко къ краю, онъ почувствовалъ круженіе головы и упалъ; въ этожь разъ, онъ ушибся слегка и скоро выздоровѣлъ. Въ 33 года, онъ упонулъ въ Виндзорѣ. Онъ умѣлъ хорошо плавать, и купаясь съ однимъ изъ друзей своихъ въ Темзѣ, два раза переплылъ черезъ неё, а на прѣпьемъ погибъ. Думаютъ, что причиною эшаго были случившіяся съ нимъ судороги. Онъ звалъ къ себѣ на помощь, но она слишкомъ поздно была подана ему. —

Пер. *Ип. Г—ск.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М. А. БР.....НОВУ.

Подъ хоругвью Русской славы,
Съ мещью праведной въ груди,
Смѣло, юноша, иди
Ты съ врагомъ на бой кровавый.
Съ бранной радостью въ очахъ,
Какъ герои наши дѣды,
Ты сорви вѣнокъ побѣды
Въ непріятельскихъ рядахъ;
И на родину свящую
Возвратись, со славой, въ нѣмъ
Дѣву милую, младую
Имъ укрась предъ олшарѣмъ!

Ситовъ.

ЛЮБЕЗНЫЕ ПОКОЙНИКИ.

(Изъ стихотвореній *Римлянки Фаустинь.*)

Меня оставили мнѣ въ жизни милыхъ двое,
Въ которыхъ погребла я всё свое родное:
Родитель любящій и сынъ.

Вечерней позднею порой погибъ одинъ,
Другой по упру очень рано.
Я думала забыть любезныхъ, какъ порой
Забудушь боль, когда уже закрыта рана;
Напрасно; образъ ихъ всегда передо мной:
Смежаются ли въ мракъ ночи,
Отверзнутся-ль увлаженныя очи.
Или мнѣ образа другаго ужъ не зрѣшь?
О рокъ! пошли ко мнѣ еще единый—смертъ.

Пер. *И. Покровский.*

В О З Р О Ж Д Е Н І Е.

Милый другъ! какъ Ангель рай
Ты явилась предо мной,—
И судьбу благословляя,
Я воскресъ своей душой!
Безъ тебя, какъ равнодушно
Шель я жизненнымъ путемъ!
Слѣпо случаю послушный
Я не думалъ ни о чемъ.
Мало въпреная младость
Волновала кровь во мнѣ;
Мало горе, мало радость
Мной владѣли въ пишинѣ!
И въ душѣ оледенѣлой
Будто не было спрасстей;
Я какъ спарець посѣдѣлой
Былъ въ кругу моихъ друзей:
Рѣдко радости улыбка
Появлялась на устахъ,
Невзначай—какъ бы ошибкой—
Огнь блиспалъ въ моихъ очахъ,
И блиспалъ не согрѣвая
И мгновенно попухая;
Такъ зарница изъ-за тучъ
Промелькнетъ—и исчезаетъ;
Такъ, блесня, не согрѣваетъ
Въ день морозный солнца лучъ.
Но мой другъ! какъ Ангель рай
Ты явилась предо мной,—
И судьбу благословляя,
Я воскресъ своей душой!

Павелъ Чижовъ.

L O G O G R I P H E.

En gardant mon milieu, je suis dans les combats
 Ce que la valeur des chefs et des soldats;
 En ôtant mon milieu, près d'objet aimable,
 J'offre pour parvenir un moyen favorable;
 En gardant mon milieu, je suis pour des époux
 La source du bonheur, des plaisers les plus doux;
 En ôtant mon milieu, maison grande ou petite
 Dans moi trouve un local que jamais on n'habite;
 En gardant mon milieu, préférable à l'ésprit,
 Je juge d'un objet par l'effet qu'il produit;
 En ôtant mon milieu, c'est là que la justice
 Condamne le coupable à subir son supplice;
 En gardant mon milieu, l'on chérit ma bonté,
 On vante ma noblesse, on hait ma dureté.
 En ôtant mon milieu, je suis riche, brillante,
 Et je fais le bonheur d'un peuple qui m'enchanté.

Въ No 63, помѣщенный омонимъ значить: *Труба*.

M O D E S.

Avec une robe de batiste de soie à dessins cerise sur blanc, une pélerine de blonde double, à petit collet rabattant, un nœud de cou en gaze cerise, glacé de blanc. Chapeau de paille de riz, sans bavolet, un bouquet de bruyère du Cap; une cornette de blonde.

Une redingote de mousseline brodée, doublée de gros-de-naples citron, le devant bordé d'une dentelle ainsi que la pélerine qui restait un peu ouverte; des nœuds de gaze citron, diminuant de grandeur, la fermaient. Un col double, carré arrondi, garni de dentelle. Une petite cravate de gros-de-naples, à damiers violets et blancs. Un chapeau de paille de riz avec un bouquet de pensées.

Une robe d'organdi, brodée dans toute sa longueur, deux petites guirlandes de fleurs délicates; le corsage drapé croisé, et les manches longues, également rayées de cette broderie. En dedans, un fichu montant de tulle brodé, une ruche de dentelle; une écharpe de mousseline de soie fond blanc imprimé cachemire; un chapeau de crêpe rose en capote anglaise, avec une branche de fleurs de pêcher.

Des souliers de prune noire ou de peau anglaise, des gants de Suède ou paille glacés. Peu de boucles aux ceintures. Des éventails de peau, ou des boîtes à sel. Des mouchoirs brodés, ou garnis de dentelle.

Pl. No 23. Chapeau de paille de riz. — Chapeau de moire par. — Canezou de tulle.

M O D Ы.

Съ платьемъ изъ шелковаго баписпа съ алыми узорами по бѣлому двойная блондовая пелеринка, съ небольшимъ опложнымъ воропничкомъ; газовый галстучекъ, двучичневый алый съ бѣлымъ. Шляпка басовая, безъ баволета, съ букетомъ кустарника съ Мыса; блондовый чепчикъ.

Кисейный вышитый рединготъ, подложенъ гроденаплемъ лимоннаго цвѣта; перѣдъ опдѣланъ кружевомъ, какъ и пелеринка, немного разкрывалъ; она схвачена была газовыми баншами лимоннаго цвѣта, постепенно уменьшающимися. Двойной воропничекъ, округлый, четвероугольный, обшитъ кружевомъ. Небольшой галстучекъ изъ гроденапла, съ фиолетовыми и бѣлыми шахматами. Басовая шляпка съ букетомъ изъ Анюпиновыхъ глазокъ.

Платье изъ органди, вышитое во всю длину двумя узенькими гирляндочками изъ легкихъ цвѣтовъ; лифъ *drapé* крестообразно, рукава длинные, также вышиты полосами. Подъ низъ надѣта высокая манишка, вышитая по шюлю, съ кружевнымъ рюшемъ. Шарфъ изъ шелковой кисеи, по бѣлому грунту печатные Турецкіе узоры. Шляпка изъ розоваго крепа, сдѣлана Англійскимъ капотомъ, съ вѣшкою периковыхъ цвѣтовъ.

Башмаки изъ чернаго прюнея или Англійской кожи; перчатки Шведскія или глянцовитыя соломеннаго цвѣта. Мало пряжекъ на поясахъ; кожаные опахалы, или коробочки съ солью. Плапки вышиты или обшиты кружевомъ.

Карп. No 23. Соломенная шляпка. — Объяривная. — Тюлевый капзу.

С М Ъ С Ъ.

(*Слишкомъ скорая ходьба.*) — Каждый народъ имѣетъ свои недостатки; пишеть Шатобрианъ: недостатокъ Французской націи тотъ, что она слишкомъ скоро ходить, пробиваетъ всё, домогается всегда прошивуположнаго, вмѣсто того, чтобы пользоваться хорошимъ, гдѣ оное есть. Какъ въ духовномъ, такъ и въ физическомъ мы всегда преступаемъ цѣль; мы шагаемъ чрезъ идеи, какъ чрезъ прупы непріятелей: наши завоеванія должны были кончиться на Рейнѣ, а мы пошли въ Москву и хопѣли въ Индію.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 65.

Цена годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 13 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Мать-родину свою оставишь,
Но отъ себя не убъжишь:
Умолкнувъ сердце не заставишь
И мукъ его не усмиришь.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

КАБИНЕТЪ РѢДКОСТЕЙ, ИЛИ СОКРОВИЩА РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Извѣстный, переизвѣстный Г. *Полевой* взялъ эпиграфомъ къ своему журналу слѣдующіе два Нѣмецкіе стиха:

Man kann, was man will —
Man will, was man kann....

Къ пагубѣ жалкой Русской словесности, многіе безграмотные наши соотечественники руководствуются симъ правиломъ. Оно въ переводѣ значить почти слѣдующее:

Чего хотимъ сильно: то возможно!

И блаженной памяти Князь Иванъ Михайловичъ *Долгорукій* хорошо зналъ предприимчивый характеръ Русскаго народа, написавъ похвальные стихи многозначительному словечку *авось*.

О слово милое, простое!
Тебя въ стихахъ я восхваляю!
Словцо ты Русское прямое,
Тебя всѣмъ сердцемъ я люблю!
Безъ важныхъ вычуръ, но прекрасно;
Ты сильно, коротко и ясно
Свой вѣсь почувствовашь даешь.

Куда съ копытомъ конь помчится,
Туда же ракъ съ клешней пащится:
Обоихъ въ путь одинъ ведешь.

Хвала и честь нашей литературной храбрости! Въ самомъ дѣлѣ, рассмотримъ внимательно сію черпу народную. Причемъ бы мы оспались, еслибъ поступали, какъ мышькопные, тяжелые на подъемъ Нѣмцы, у которыхъ едва ли есть еще эпическая поэма, кромѣ *Клопштоковой*? А у меня, чистаго чело-вѣка, на полкахъ литературнаго кабинета рѣдкостей красуются: Пеприада *Грузинцова*, Пеприада *Сладковского*, Освобожденная Москва *Волкова*, Александроида *Свѣгина*, Сувороида *Степанова*, Сувороида *Завалишина*, Телемахида *Тредьяковского*, Мессія доказанный разумомъ *Смирнова*, Аппила девятинадцатилѣтняго вѣка *Анастасевича*, Димитрій Донской Александра *Анепимовича Орлова*, Пожарскій и Мининъ, или Пожертвованія Россіянъ *Сергѣя Николаевича Глинки*, Москва и Парижъ Князя Александра Александровича *Шаховскаго*. Цѣлая дюжина отборныхъ, крупныхъ.

Въ прагедіяхъ Англичане назовутъ вамъ *Шекспира*—да и прикусятъ язычокъ. А мы... мы! Я вамъ пересчитаю по пальцамъ: Дебора или Торжество вѣры, Князя А. А. *Шахов-*

скаго; Елисавета, дочь Ярослава, *Крюковскаго*; Ермакъ покоритель Сибири, Пётра *Плавильщикова*; Иперместра, Степана *Висковатова*; Михаилъ Князь Черниговскій, Сергѣя *Глинки*; Сумбека или паденіе Казанскаго царства, Сергѣя *Глинки*; Электра и Орестъ, Александра *Грузинцова*; Корсеръ, *Олина*; Андромаха, *Катенина*; Бѣспиво, произведенное спрасъю, *Кольгева*; Типъ, *Благодарова*, и новорожденная *Марфа Посадница*, *Ковалевскаго*. Итого двѣнадцать, выбранныхъ изъ двѣнадцати дюжинъ.

Комедій, драмъ, мелодрамъ, водевилей, оперъ, оперетокъ, имѣемъ мы сполько же, сколько песку на берегахъ моря, сколько волнъ въ Океанѣ, сколько листьевъ въ лѣсахъ, сколько звѣздъ на небѣ, сколько красавицъ въ каменной Москвѣ. Поименуемъ здѣсь только нѣ, коихъ красоты прямо въ глаза бросаюся: Писатели между собою, *Василья Головина*; Любимъ, *Егора Ганина*; Сплетни, *Павла Катенина*; Услужливый, *Александра Клушина*; Валеріанъ, или мужъ двухъ женъ, *Егора Ганина*; Джонсъ, или добродѣтельный Иванъ, *Егора Ганина*; Мининъ, *Сергѣя Глинки*; Напалья Боярская дочь, *Сергѣя Глинки*; Олшнька, или первоначальная любовь, *Князя Бѣлосельскаго*; Сборы на Невскій проспектъ, *Сергѣя Ольхина*; Два арестанта, *А. Павлова*; Роза и Розалія, *Князя А. А. Шаховскаго*; Людмила; Знаменшпые разбойники, съ Франц. *И. Титовъ*; Оловянщикъ-полищикъ, съ Датскаго, *Егоръ Клоосенъ*; Чорпъ розоваго цвѣта; Воздушный шаръ; Карачукъ; Юрій Милославскій, романтическое представленіе съ драматическимъ эпилогомъ сочиненіе *Князя А. А. Шаховскаго*; Бандитъ, или разбойникъ на балъ; Дочь волшебнаго міра, или вешошникъ-миліонщикъ. Преходимъ молчаніемъ Мълнпка и Сбипеньщика соперниковъ, Сговоръ Купейкина, Многочисленную мужицкую семью *Мирошекъ*, *Филапокъ*, *Мипрофанушекъ*. Какая нація похвалился такимъ богатствомъ?

Желаете ли указать Европѣ на повѣсти и романы въ стихахъ à la Bayron и à la Pouschkinе? Не касаясь пресловутыхъ пвореній въ семь родѣ многоплоднаго *Александра Аноимовича Орлова* и преузорочнаго *Николая Олимина*, я обладаю полными тремя дюжинами: *Анна* и *Майла*, или похищеніе *Негровъ*, *Андрей*

Козлянинова; Ужасные госпи, *А. Иванова*; Царица *Напалья Кирилловна* въ 10-ти пѣсняхъ, *Сергѣя Николаевича Глинки*; Любовь въ шюрмѣ; *Донна Эльвира дѣ Наварро*, или мать, какихъ мало, *Николая Данилевскаго*; Киргизскій плѣнникъ, *Николая Муравьева*; Людмилъ и Эльвира, или романъ въ десяти картинахъ; Московскій плѣнникъ, *Федора С—ва*; Разбойникъ, *Петра Мошкова*; Дурацкой Колпакъ, *Владимира Сергѣевича Филимонова*; Безпріютная, *Павла Максимовича*; Бѣгдещъ, *А. Вельтмана*; Гребенскій Козакъ, *Александра Шидловскаго*; Двѣ Армянскія повѣсти въ стихахъ, *С. Н. Глинки*; Копильонъ, *Н. Н. Муравьева*; Купеческій сынокъ, или слѣдствіе неблагодарнаго воспитанія; *Мечиславъ* и *Рослана*; *Князь Андрей Перелславскій*, *Александра Марлинскаго*; Могила на берегахъ *Манджоръ*, *Петра Мошкова*; Могила въ прехъ часяхъ, *Федора С—ва*; Муромскіе лѣса, *Александра Вельтмана*; Ночь мщенія, *Петра Мошкова*; Измѣнщица, *Петра Рябинина*; Опскъ, повѣсть *Николая Данилова*; Опшельникъ, *Николая Кобылина*; Плѣнникъ Турціи, *Дмитрія Колисарова*; Повѣсть спрадальца, *Николая Ельманинова*; Пустынники, или жертвы несчастной любви, *Ивана Орлова*; Разбойникъ, *Матвѣя Покровскаго*; Спранникъ, *А. Вельтмана*; Спуденпъ, *Федора С—ва*.

Что можетъ противопоставить смѣъ произведеніямъ доморощенныхъ нашихъ Геніевъ многоучёная Германія? Пожалуй, иные скажутъ, что это Парнасскій соръ; а сору вездѣ много; что Сочинители сихъ поэмъ, романовъ въ стихахъ, стихопворныхъ повѣстей, передразниваютъ *Пушкина*, *Козлова*, *Баратынскаго*, *Подолинскаго*; а мы имъ скажемъ: *типунъ бы вамъ на языкъ!* А я, я нижеподписавшійся опведу еще большую компану, обспаваю всѣ стѣны опъ пополка до пола шкафами, нагружу ихъ подобными кнпжными богатствами, и скажу: сограждане! хопште ли пощеголять передъ Европою торжественными одами? Загляните только въ мой кабинетъ рѣдкостей: при огромныхъ шкафа набиты ими, какъ боченокъ сельдами, какъ дилжансъ путешественниками. Мы можемъ запрудить ими Волгу, вымоспипть большую дорогу опъ *Варшавы* до *Нижне-Камчатска*.

Намъ для эпаго не нужно будетъ шевелить прахомъ *Сумарокова*, который, не смотря на уродивость нѣкоторыхъ своихъ спѣшкоствореній, заслуживаетъ вѣчную благодарность за заслуги свои опечесивенной словесности! Не спанемъ превозитъ прахъ прудолюбиваго *Хераскова*, *Поповскаго*, *Кострова*, *Верещагина*, *Пшпловъ*, обогатившихъ мою кунспъ-камеру соннею одъ холодныхъ, пупыхъ, вялыхъ. За чѣмъ намъ спускается въ рудники древноспн? Современные намъ писатели въ соспойнн доставили лирическихъ уродовъ для двадцати чепырехъ кунспъ-камеръ, чудидцъ облыхъ, обзорныхъ. Возмемъ изъ тысячн—десятка полпора на угадъ! Вотъ при оды *Максима Невзорова*: одна на случай войны съ Французами 1812 года, другая на новый 1814 годъ, шрепя на чудесныя побѣды Россійскія. Предметы высокіе, пѣснопѣнія священныя..... потому, что никто до нихъ не допроги-ваеця.

Иванъ Тодорскій наспавилъ на длинномъ листѣ бумаги кучками чепырех-спопные ямбы, заосприлъ ихъ концы риемами, назвалъ, Богъ въспъ по какому праву, одою: *Плоды просвѣщенія*, напечаталъ и пуспилъ въ продажу по два рубля.

И Сергѣй Николаевичъ Глинка начерпилъ шоржеспвенную оду на 15 Септября 1801 года.

Филиппъ Синельниковъ, о которомъ ни прежде, ни послѣ вылазки его проппивъ чипапелей въ одѣ на побѣды *Князя Кутузова*, неслыхапъ было, подарилъ мой кабинетъ рѣдкостей—рѣдкимъ сборомъ безполковщины, безльпницы, беззкусія.

Нѣкто *Федоръ Корбелецкій*, какъ будшобы нарочно вынырнулъ изъ Лепы, чшобы умножипъ чучель моихъ—одою въ чеспъ побѣдоноснаго Россійскаго воинспва.

У *Окулова*, перекреспившаго *Расинову Федру*—*Федорою*, родилась на взятіе Парижа Ода,.....

Не вѣдаю, она какого рода,

Но только громкая и въ попораста спрочъ!

Нѣкто *Ведищевъ-Добровольскій* худыми сппхами пожелалъ хорошей дороги знаменшпому нашему Полководцу *А. П. Ермолову*, при опъвѣдѣ его въ Персію въ 1816 году.

Упѣшптельная пѣснь *Николая Щеглова*, послѣ Московскаго пожара, жипелямъ его перво-спреспольнаго града, навела на нихъ сонъ глубокій, упѣшптельный.

Павель Иксовъ въ ужасномъ, необузданномъ днѣирамбѣ, изобразилъ ужасныя дѣянія Французской необузданности и плачевную кончину царспвеннаго мученика—*Лудовика XVI*.

Изчисляя безспертныя произведенія соопечеспвенныхъ Липераторовъ въ главныхъ родахъ словесности и удосповѣряя ихъ, что въ баладахъ и басняхъ, въ пѣсняхъ и сказкахъ, сокровища Россіянтъ, сполько же въ глаза кидаются, просимъ не вѣрпшъ упрекамъ чужеспранцевъ и укоризнамъ спдиноземцевъ нашихъ, и заключаемъ словами одного доспойнаго уваженія писателя, который еще въ 1828 году въ папріопическомъ гнѣвѣ написалъ: «много ли и въ пѣхъ спранахъ, гдѣ образованность нѣсколькими вѣками ранѣ явилась, нежели у насъ,—Геніевъ испинныхъ, произведеній образцовыхъ? Не подводя подѣ сей итогъ древней Греціи и Рима;» продолжаетъ онъ въ папріопическомъ негодованн: «взглянемъ на государспва современныхъ: на Ипалію, Англію, Францію и Германію. Имена славнѣйшихъ писателей каждой изъ снхъ спранъ знаемъ мы наизуспъ, и можемъ исчислпть ихъ, почши не переводя духа. Опличнѣйшія же шворенія снхъ мужей вмѣщаются у каждаго изъ новѣйшихъ народовъ, въ небольшомъ числѣ помовъ. Оспальныя (нашъ сердптый авторъ говоритъ о произведеніяхъ воображенія и вкуса) спспавляютъ разныя спепени посредспвенности. Гдѣ же по необьяпное число, гдѣ та ужасная несоразмѣрность, кшпорою насъ запугали, справивая съ чужеземцами?»---

Что правда, то правда!

Теперь перейдемъ къ испорн.... Не оспановлюсь на *Карамзинѣ*. Онъ, по словамъ одного Русскаго Эксп-Профессора испорн, сдѣлалъ меньше, чѣмъ ничего. «*Карамзинъ* великъ, какъ *Художникъ*;» продолжаетъ велемуарый Эксп-Профессоръ: «хотя его карпны чашпо похожи на карпны шого *Ипаліанца*, кшпорый героевъ всѣхъ временъ одѣвалъ въ плашье своего времени; хотя въ его *Олегахъ* и *Свято-*

славахъ мы видимъ частіи Ахиллесовъ и Агамелноновъ Расиновскихъ.»—«Какъ крипикъ—*Карамзинъ* только что могъ воспользоваться тѣмъ, что до него было сдѣлано; особенно въ древней исторіи, и ничего почти не прибавилъ своего;» написалъ въ другомъ мѣстѣ поэтъ же Эксъ-Профессоръ. «Какъ философъ—*Карамзинъ* имѣетъ меньшее достоинство, и ни на одинъ философическій вопросъ не отвѣщая мнѣ изъ его исторіи;» замѣчаетъ поэтъ же многоученный Эксъ-Профессоръ.

Послѣ сего, могу ли я, указывая на знаменитыхъ историковъ, упомянуть объ эптомъ дюжинномъ писателѣ, котораго слогъ успарѣлъ,—по мнѣнію другаго, столь же достойнаго вѣры писателя,—который отспалъ двадцатью пятью годами отъ общаго хода просвѣщенія? Нѣтъ, я умолчу о немъ, а выставлю здѣсь, какъ образцы: творенія Сергѣя Николаевича *Глинки*, произведенія Николая Алексѣевича *Полеваго*. Первый, сочинивъ Русскую исторію въ 14-ти частяхъ, воздвигнулъ и себѣ и отечеству памятникъ, столь же незаблемый, какъ колоссъ Родосскій, какъ храмъ богини Діаны во Ефесѣ. Вотъ въ его-то исторіи слогъ, такъ ужъ слогъ, крипика, философія, апофеогмы! Есть чему поучиться: вотъ патриотъ! У него Русскій *Стенька Разинъ* добродѣтельнѣе Греческаго *Аристида*, а *Святополкъ окаянный* за поясъ запкнѣтъ *Тита* и *Генриха IV!* Сергѣй Николаевичъ счищаетъ за нужное доказывать намъ, что Русскимъ надобно любить Россію больше, чѣмъ Францію; что добродѣтель прекрасна, а порокъ гнусенъ; что каждый сынъ отечества обязанъ защищать его; что измѣна и предательство достойны проклятія. — Николай Алексѣевичъ *Полевой* написалъ Исторію Русскаго Народа на славу! Не спанемъ внимать, какъ судятъ о ней его друзья, его приверженцы; ихъ похвалы подозрительны; оспережемся пропивъ другой крайности, пропивъ присраспныхъ, бранныхъ крипикъ враговъ его, враговъ всякаго дарованія. Послушаемъ, какъ г. *Полевой*, скромный, смиренномудрый, самъ изъясняется на счётъ геніальнаго труда своего.—«До нынѣ «не было у насъ исторіи великаго отечества «нашего, которая представляя вполнѣ событія, совершившіяся въ Русской землѣ, явля-

«ла бы взорамъ просвѣщеннаго наблюдателя «картину судебъ Россіи, въ печеніи девяти «съ половиною вѣковъ, отъ начала Русскаго «народа до нашего времени «. «. Самое названіе сочиненія показываетъ, «что было принято въ основаніе онаго;» продолжаетъ заступчивый историкъ Русскаго народа: «я хотѣлъ изобразить жизнь Русскаго «народа, его политическое и гражданское со- «стояніе, его нравы, обычаи, такъ сказать, «физіогномію народа въ каждомъ періодѣ, съ «того, въ который дикій Варягъ приплылъ «на челнокъ своемъ къ берегамъ Финскаго за- «лива, до того, въ который *Александръ* явил- «ся побѣдителемъ въ Парижѣ и знамена *Ни-* «*колая* возвѣялись у врагъ Константинопо- «ля.»—Возможно ли было *Карамзину* плынуть за *Полевымъ*? Припомъ же иногда и то приходило въ умъ, что исторіографъ двадцать лѣтъ писалъ, писалъ—и не дописалъ даже до Смоленскаго, не только что до Адрианопольскаго мира, а историкъ Русскаго народа кончилъ свой подвигъ, несравненно важнѣйшій, еще въ 1828 году. Онъ самъ всенародно объявилъ объ эптомъ: «нѣсколько лѣтъ постояннаго труда привели къ окончанію предпріятіе мое.» (Сѣв. Пчела 1828. No 125).—«Книга предъ судомъ ихъ.» (Тамъ же).—«Изданіе встѣхъ *девятнадцати томовъ* должно кончиться въ будущемъ 1829 году.» (Тамъ же).

Что могутъ равное сему выставить щеславные, легкомысленные, упоенные высокомеріемъ Французы? Они до сихъ поръ не имѣютъ еще порядочной исторіи своего отечества. У нихъ всё записки, да записки. Мы и сами, если пойдѣмъ на похвальбу, пушимъ пыль въ глаза, выставимъ имъ, для параллели, при разсужденія о прѣхъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ, а именно: I) О первоначалѣ Славянскаго языка предъ Тевтоническимъ; II) О первоначалѣ Россовъ; III) О Варагахъ Русскихъ, Славянскаго званія, рода и языка, сочиненныя Профессоромъ Элоквенціи Василіемъ *Тредьяковскимъ*.—Въ моей кунстъ-камерѣ они стоятъ на почѣпной полкѣ, рядомъ съ глубокомысленнымъ разсужденіемъ о перво-бытной Россіи, *Ариѣбашева*; крипикою на

исторію *Карамзина*, его же *Ариыбашева*, и Зерцаломъ Государей, Тимофея *Мальгина*.

Опть исторіи до историческихъ романовъ одинъ шагъ. Знаменипть *Валтеръ-Скоттъ*, какъ избобрътапель историческихъ романовъ, а г. *Полевой* и г. *Свиньинъ* славны, какъ усовершенствователи сего рода словесности. За по *Василій Косой*, въ послѣдствіи переименованный *Клятвою при гробѣ Господнемъ* и *Шеллякинъ Судъ* уложены у меня въ шкафъ между приключеніями Маркиза *Глаголь* и похожденіями *Мирамонда*.

На сихъ дняхъ мои липературныя сокровища умножились двумя знаменитыми твореніями: я приобрѣлъ трагедію *Марса Посадница*, соч. *Е. Ковалевскаго*, и романтическую поэмю *Плѣнникъ*, соч. *Родивоновскаго*.

А. Кораблинскій.

Улыбка весны, — *Альманахъ на 1832 годъ*, изданный *Ивиномъ Глухаревымъ*. Москва.

Еще одно имя въ словарь безграмотныхъ писателей! Еще соперникъ Дмитрію *Сигову*, Ивану и Александру *Орловымъ*, *Гурьянову*, *Рябинину*, *Полевому*, *Родивоновскому*!

Очень, очень недавно сердился я на выраженія одного журналиста: *Московское издѣлье*, книжка *Московской фабрики*, произведение *Московской литературной промышленности*, казавшія мнѣ и несправедливыми, и обидными.

Москва, свѣпая Русь, въ ней жили наши дѣды;

Воспоминанія въ ней жизни молодой:

Веселье зрѣлыхъ лѣтъ и старости покой;

Въ ней первые опыты и первые побѣды.

Но рѣшась по просьбѣ земляка моего, соученика и сослуживца, посылаю коѣ-что въ лепски его, и повѣряя крипическія спашы С. Петербургскихъ журналовъ съ книгами, кой въ нихъ разсмаприваюпся, признаюся, что выраженія, казавшія мнѣ приспраспными, (по большой части) справедливы, а потому и не оскорбительны.

Получая альманахъ, въ Москвѣ изданный, историческій, или нравственнo-сапирическій романъ, въ первопреспольномъ градѣ напечатанный, повѣспь или поэмю въ спихахъ, памъ описанную, я не пишу уже ни глубокомыслия, ни чувствва, ни оспроумія, ни вкуса, ни

языка, ни слога, а радъ, радъ, если найду, что буквы *ть* и *е*, запяпныя и почки на своихъ мѣспахъ разспавлены.

Упадокъ словесности въ древней сполщѣ, гдѣ развилаь она, процвѣла и принесла плоды превосходные, гдѣ изданы первые хорошіе журналы: *Московский*, *Карамзиньмъ*; *Пряпное* и полезное препровожденіе времени, *Подшиваловьмъ*; гдѣ жили *Карамзинъ* и *Дмитріевъ*, *Жуковский* и *Батюшковъ*, *Мерзляковъ* и *В. В. Измайловъ* (1), рѣпшишельно еспъ дѣло одного журналиста и двухъ памошнихъ книгопродавцевъ. Одинъ изъ послѣднихъ покупаетъ у безграмотныхъ пачкуновъ бессмысленные оригиналы за безцѣнокъ, п. е. за 20, за 30 рублей, печатаетъ и разсылатъ съ мужиками-разнощиками по провинціямъ, на ярмарки, по деревнямъ къ помѣщикамъ и на сельскіе порги. У него въ службѣ соспощъ 120 пакихъ комисіонеровъ: каждый изъ нихъ, получая въ долгъ до осени книги, обязанъ брать опть своего благодѣтеля-книгопродавца не на выборъ, а пѣ, кои онъ назначипть.

Альманахъ *Улыбка весны* принадлежипть къ разряду негодныхъ книжонокъ и доспощъ заняпть мѣспо подлѣ въ нынѣшнемъ жѣ 1832 году напечатанныхъ спихотвореній *Наименованіе Венеры*, поэмю *Плѣнникъ* (2), *Мои мечты* (3), трагедію *Марса Посадница* (4), съ *Феноменомъ* (5).

Такое наше мнѣніе подкрѣпляетъ выписками:

1. *Незнаніе правописанія*: *кратилъ* кровію своей и перьялъ силы свои; спрн. 2, спрока 7-я сверху.

Цѣльме деревни, цѣлые города казались однимъ семейспвомъ; спрн. 4, спрока 2-я.

Греція гордипся *Өемиспокломъ*, *Мильциадомъ*, *Леонидомъ*; спрн. 5, спрока 2-я.

(1) Москва и теперь не бѣдна отличными писателями; въ ней спощно живутъ: *И. И. Дмитріевъ*, *И. И. Давыдовъ*, *Кагеловскій*, *Строевъ*, *Погодинъ*, *Калайдовъ*, *М. А. Дмитріевъ*, *Хавскій*, славный романиспъ *Загоскинъ*, *П. Л. Яковлевъ*, *Ө. Ө. Кокошкинъ*, поэтъ *Хомяковъ*, поэтъ *Языковъ*, *Киреевскіе*, *Ознобишинъ*. — В.

(2) Сочиненіе *Родивоновскаго*. (3) Соч. *Кафтарѣви*. (4) Соч. *Ковалевскаго*. (5) Альманахъ на 1832 годъ, изданный *Пуговошниковымъ* и *Соболевьмъ* въ Москвѣ.

Отецъ Василій, встрѣчая его, крайне удивленъ былъ, *увидавъ* на немъ гусарскій мундиръ; спрн. 6, строка 10-я.

Не рѣшилась бы *растаться* съ нимъ; спрн. 6, строка 13-я.

Россія доказала ему, что она должна быть для него камнемъ *предковенія*; спрн. 7, строка 11-я.

Не *сшадили* ни имущества, ни денегъ; спрн. 8, строка 9-я.

Прошелъ день въ которой Русскіе войны; спрн. 10, строка 3-я снизу. NB. Послѣ слова *день*, надлежало поспавить запящую.

Эпо одинъ *эксисъ*; спрн. 12, строка 3-я сверху.

Облакъ густаго дыма; спрн. 12, строка 12-я.

Французы должны были уступить если не множеству, то по крайней мѣрѣ чрезмѣрной храбрости; спрн. 12 и 13, строки: 1-я снизу и 1-я сверху. NB. Послѣ слова *уступить*, надлежало поспавить запящую; послѣ слова *то* другую, послѣ *по крайней мѣрѣ* трешью.

Какъ перлы, случаемъ *извержены* на берегъ; спрн. 14, строка 11-я.

На *тросниково*мъ ложѣ; спрн. 19, строка 1-я снизу.

На легкомъ коврѣ *облакъ* несѣтся; спрн. 20, строка 13-я сверху.

Взоръ ея былъ *свѣтъль*; спрн. 20, строка 3-я снизу.

Дѣвы, *приходящіе* къ ней; спрн. 21, строка 5-я.

Ты оспашся окованный цѣпями равнодушнаго безмолвія; спрн. 21, строка 11-я. NB. Послѣ слова оспашся, надобно бы поспавить запящую.

Ты *подовляешь*; спрн. 22, строка 7-я.

Разкинувъ передъ тобою; спрн. 22, строка 3-я снизу.

Міръ эпопѣ *свѣтъль*; спрн. 23, строка 9-я сверху.

Ты переступишь за *рубльжъ*; спрн. 23, строка 16-я.

Густая гряда *облакъ*; спрн. 25, строка 3-я снизу.

Разсканіе въ сердцѣ; спрн. 26, строка 3-я сверху.

Водворенное временемъ, *соорудившемъ* здѣсь мрачную обитель свою; спрн. 26, строка 8-я.

Несъ онъ *разкрытую* книгу; спрн. 27, строка 10-я.

Онъ *ворогилъ* скалами; спрн. 27, строка 12.

Томимый *поллицею* жаждою; спрн. 28, строка 3-я снизу.

Вспрѣшилъ я пусыню дикую, *зароживую* пороками; спрн. 30, строка 10-я.

Примѣчаніе рецензента. Я просмотрѣлъ только прищипъ спраннчекъ—и по бѣгло.

2. *Великолепный вздоръ à la* Николай Алексѣвичъ *Полевой.*

«Греція гордится Темистокломъ, Мильціадомъ, Леонидомъ и другими *сподвижниками*, имена которыхъ передала намъ Исторія, — Россія же можетъ гордиться каждымъ гражданиномъ своимъ и если-бъ Исторія вздумала передавать имена ихъ потомству, то вѣрно бы оно *изоцрило* бы всю память свою, но не заучило бы *всѣхъ именъ предковъ своихъ, вознесенныхъ въ Историю.* Быть можетъ, потомство удивилось бы множеству и не знало бы кому изъ *всѣхъ* дать преимущество. Оно *осталось бы безмолвнымъ!*...»

Прим. рецензента. Списано вѣрно, съ соблюденіемъ правописанія автора; знаки препинанія разспавлены въ томъ же порядкѣ, въ какомъ у него.

«Герои повѣсти эпой, Александръ и Ольга Лелевы, какъ *доблестные* Россіяне съ *духомъ, одушевленными* любовію къ Отечеству и приверженностію къ Монарху, въ знаменитую эпоху 1812 года *дѣйствовали* если *неподобно* тѣмъ, которыхъ имена *будутъ* вознесены въ Историю, то по крайней мѣрѣ они одинаково со всѣми думали о спасеніи отечества, не *сшадили* ни имущества, ни денегъ, ни самой жизни, *одинаковую* щипали ненависть къ общему врагу всей Россіи и съ рвеніемъ, свойственнымъ Русскимъ, желали свободы Отецеству и *униженія предпримчивому Наполеону.*»

Прим. рецензента. Эпо, какъ будто бы продолженіе исторіи Русскаго народа, какъ будто бы отпрыскъ изъ романа: Шемякинъ судъ.

«Пространное поле, *установленное* воинскими по дисциплинѣ ихъ и *гоповыми* ежеми-

нужно идти на враговъ Опечества своего, представляло разительную панораму.»

Г. Глухарёвъ знапокъ въ пакпикъ и спрагегіи.

«Въ часы, когда весь міръ оный поржествуесть, ты оспаеешья окованный цѣплями равнодушнаго безмолвія. Душа пвоя, пламенная, какъ лучъ, зажигающій пески Сахары (?), напрасно силплся излпшь передо мною мольбы свои; ты *подовлаешь* ихъ *упорнымъ изумленіемъ*. Пробудись, смерпный, и повѣдай мнѣ тайну своего сердца, перескажи мнѣ сновидѣнія своей юности! Звучную повѣсть пвою солью я съ упованіемъ, и, *разкинувъ* передъ побою *таинственный свитокъ грядущаго*, покажу пакія вещи, которыхъ никто изъ сыновъ земли не видалъ опъ самаго начала въковъ. Душа пвоя высока и прекрасна—ты опѣнишь, ты поймешь мои внушенія! Обновленный новымъ сущестпованіемъ, ты удивишь вселенную своимъ пѣснями,—и *поблжденная судьба увлнгаетъ* тебл профеемъ безсмертія.»

Вамъ, любезные мои чпшпатели, всё вышеписанное кажется сугубою галиматшью; вы хочпше... Хорошо вамъ, не обязаннымъ прочпшать всю эпю книжечку, а каково Цензору, каково Наборщику, Корректору, Рецензенту? О г. *Иноземцовъ*, сочинштелъ сей послѣдней спашьп, можно сказать съ *Хелницеромъ*, чпо онъ неисполкуемымъ дасть хочепъ полкъ вешамъ.

Но самое высокозглядное сберегъ я для конца, pour la bonne bouche, какъ ароматный ананасъ, какъ рюмку Венгерскаго.

«Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ;» восклицаетъ Г. *Иноземцовъ*: «и... о ужасъ! увидѣлъ себя на краю бездонной пропасти. Надъ головою висѣли черныя скалы. На хребтахъ ихъ царствовало молчаніе, водворенное временемъ, соорудившемъ здѣсь мрачную обипель свою; нога моя скользила по *рыхлому (!!!) скату (!!!)* бездны, коей *кипяція волны, сливались съ хаосомъ стихій (!!!)*, спремилась между упесами, и подобно звуку *цѣпей (!!!)*, *влекомыхъ злодѣями, грохотали, являясь на устрашенной высотъ (!!!)*» — — — Довольно, *дше* эпгаго не напишупъ ни *Рябининъ*, ни *Якимовъ* (6).

(6) Василій, Харьковскій поэтъ, сочинитель стихотворенія: *Даръ слова*.

Можетъ случиться, чпо нѣкоторые чпшпатели пожелають знать: для чего написана такая длинная спашьп о такой ничпжной книжонкѣ? Мой опвѣтъ гоповъ: «для того, Милоспивые Государи, чпо издатель альманаха *Улыбка весны*, *Иванъ Глухарёвъ*, уже написалъ и напечаталъ въ нѣсколькихъ томахъ испорико-описательный романъ *Ольга Милославская* и гоповилъ къ печати нравспвенно-сапирическую повѣспь, служащую продолженіемъ романа его. Онъ будетъ продавать,—хипрымъ заглавіемъ *завлекаетъ оплошпныхъ* покупателей: а какъ Рецензентъ—естъ лппературный полщемеисперъ: то, по сему званію, я и обязанъ былъ предосперечь вась.»

Швердпскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ КАРТИНѢ: LA RÉFLÉXION.

Подтерплся локоткомъ,
 Съ опжданьемъ молчаливымъ,
 Ты кого слѣдишь пайкомъ
 Взоромъ дѣвспвенно-ревнпвымъ?
 Эпихъ взоровъ я не зналъ!
 Упоенъ мечпою сладкой,
 Я плечо пвое украдкой
 Съ пайнымъ препеномъ видалъ;
 Магнешпчески, чудесно,
 Взоръ мой къ палин прелестной
 По часамъ прикованъ былъ;
 И невольно безпокояся,
 Я, волшебница, пвой поясъ
 Думой спраспною слѣдилъ,
 И всё ждалъ—съ душой богатой,—
 Въ одинокой ппшпнѣ,
 Обернешься ли когда-то
 Ты нечаянно ко мнѣ?
 И когда межъ свѣплыхъ оконъ
 Промелькнешъ пвой русой локонъ,
 И какъ звѣзды загоряшъ
 Очи, полныя опрадъ,
 Будпо небо голубья;
 И когда увижу я,
 Очарованный,—впервые:
 Эпу прелестъ бытія,
 Грудъ роскошную, младую,
 Какъ любовь моя живую!

Карлгофъ.

У П О В А Н І Е.

Среди суешь земли и шлагоспныхъ сомнѣній,
 Какъ пуншикъ средь песковъ, шакъ я изнемо-
 галь.
 Но вдругъ явился мнѣ въ сѣяньи добрый Геній—
 И вопрошашъ судьбу я переспалъ.

Теперь, какъ на ладѣ пловець средь Океана
 Заспитгунъ пемношой, луны восхода ждѣшь,
 Такъ жду и я среди жипейскаго шумана,
 Когда мнѣ лучъ звѣзды моей блеснѣтъ!...

М. Демидовъ.

Нижній-Новгородъ.

Э К С П Р О М П Т Ъ

одной дамѣ на вопросъ ея: гдѣ больше встрѣтилъ
 я прелестныхъ дамъ, на Невской улицѣ, или по
 Островамъ?

Какъ хороши оспровишянки!
 Я говорю—не пошому,
 Чшо оспальныя горожанки
 Всѣ чужды—сердцу моему;
 Нѣтъ! я ручаюсь головою,
 Чшо можно бытъ безъ головы—
 На оспрову и за Невою,
 Но шолько памъ—гдѣ близко—вы!

В. Д.

Ш А Р А Д А.

Мой первый въ старину плѣнилъ Израильшянъ,
 Мало-Азійцевъ, Египтянъ
 И въ царствѣ власпивовалъ Армянскомъ:
 При Кирѣ славился, померкъ при Эриванскомъ.
 Вторалъ хощъ шемна,
 Однако же дочь свѣта,
 При солнцѣ, при свѣчѣ—она
 Лежишь въ ногахъ у каждаго предмета.
 А все для рукъ, чшо серги для ушей,
 Чшо нишка жемчугу для нѣжныхъ дамскихъ шей.
 Оно, или лучше оно—изъ запаха слить, и чистый:
 Горяшь алмазы въ немъ и блещушь аменписты.

Шевурдинскій.

Въ Но 64, помѣщенный логотрифъ значить: *Coeur, cour.*

M O D E S.

Observations générales. — Les plus jolies toilettes remarquées à l'Opéra, depuis que les représentations de *la Tentation* y attirèrent tout ce qui est resté de monde élégant à Paris, sont presque toutes composées de robes blanches, ou en organdi brodé. Les corsages à la vierge sont en majorité; une petite dentelle à plat en borde le tour. Dessous les corsages en draperies, est ordinairement une chemisette également à la vièrge, toute plissée à petits plis, ou ayant autour une belle broderie surmontée d'une petite dentelle.

Une toilette très-distinguée se composait d'une robe en mousseline fond gris de lin, sur laquelle étaient semés des bouquets de roses et de pensées. Manches longues. Canezou en point de Bruxelles à collet rabattu, et un peu ouvert sur la poitrine, ayant les garnitures sur les épaules, retombant en double rangée, découpées en pointes encadrées dans une écaille très-riche, et très-légère à la-fois. Echarpe blanche. Chapeau en paille de riz, orné d'un bouquet de pensées, et de roses divisées en petites branches entremêlées dans un nœud de rubans de gaze, placé sur le côté de la passe.

M O Д Ы.

Обиця замѣчанія. — Красивѣйшіе наряды, замѣченныя въ Оперѣ съ шѣхъ поръ, какъ представленія *la Tentation* привлекають шуда всѣхъ оставшихся въ Парижѣ щеголихъ, всегда почти соспоятъ изъ бѣлыхъ платьевъ или вышитыхъ по органди. Лифы по большой части à la vièrge, обшитые вглядъ узенькимъ кружевомъ. Подъ драпированныя лица обыкновенно надѣвають шемизетку, шакже à la vièrge, сложешную всю мѣлкими складочками, или красиво-вышитую и обшитую узенькимъ кружевомъ.

Одна особа была весьма оплочно одѣта: платье кисейное, по грунпу *gris de lin*, разбросаны букеты изъ розъ и Анюпиныхъ глазокъ; рукава длинныя. Канзу изъ Бриссельскихъ кружевоу, съ опложнымъ ворошникомъ, спереди немного раскрыто, на плечахъ двойныя оборки, вырѣзанныя мысками, обдѣланными въ весьма красивую и легкую черепаху. Шарфъ бѣлый. Шляпка басшовая, опдѣланная букетомъ Анюпиныхъ глазокъ и розъ, раздѣленныхъ на мѣлкія вѣшочки, перемѣшанныхъ съ газовымъ банпомъ, пришпидернымъ на боку поля.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 66.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 17 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Съ печалью радость здѣсь едва ли не равна:

Надежда съ первою, съ другою болѣзнь дана.

Карамзинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

VI.

ПЕРЕПИСКА, ПО РУССКИ: КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

(Отрывокъ изъ повѣсти).

Письмо 1-е, Горемыкинъ () къ Ивасю.*

Собравшись писать къ вамъ, почтеннѣйшій Василій Ѳеодоровичъ, остановился я на надписи оберточной: ибо къ удивленію и стыду своему увидѣлъ, что не знаю почтеннаго прозванія вашего; не менѣе надлежало мнѣ изумиться, когда, утрудивъ вопросомъ своимъ на сей счетъ благопоршителей моихъ, Сергѣя Сергѣевича и даже Степаниду Ѳомишину, и отъ нихъ не получилъ удовлетворительнаго отвѣта! Осмѣливаясь, извиняясь и признаваясь въ невѣжествѣ своемъ, просить васъ уведомить меня единожды навсегда о почтенномъ и драгомъ для меня имени вашемъ.

Я радъ душевно, что вы, по снисхожденію своему и добродушію, дозволили мнѣ, въ отсутствіи вашемъ, иногда обременять васъ нѣсколькими спроками. Я здѣсь одинъ, какъ — извините, что употребляю это сравненіе —

оно идетъ болѣе дѣвухъ, нежели мнѣ, — одинъ, какъ запоздалый макъ цвѣтъ! а вы, разговорами своимъ, поселили во мнѣ какой-то новый міръ — возмущили бездѣйственное спокойствіе души моей, и я чего-то жажду — мнѣ бы хотѣлось — *переучиться*, чтобы не сказать *переродиться* — снова! Какъ я слѣпо вѣрилъ всему, что было напечатано, что проходили Профессоры наши въ курсъ, или буквально читали по тетрадямъ ихъ Адъюнкты!..... Я записывалъ и не успѣвалъ, и всѣ земныя сокровища и вѣчное блаженство, казалось, опдалъ бы за эту рукописную тетрадь, которая, на амвонѣ кафедры, казалась мнѣ недоступною, какъ тайны вѣчности! Теперь — вздохи сомнѣній волнуютъ грудь, и — non jurg in verba magistri! Они, господа Профессоры наши, съ позволенія сказать, иногда сами немного ошибаются, а иногда, кажется, преподаютъ не совсѣмъ по, или не такъ, какъ бы должно. Отъ чего же, если не такъ, разногласіе ихъ? Отъ чего нѣтъ вещи ни простой, ни сложной, ни замысловатой полкованій, ясныхъ, по словамъ каждаго изъ нихъ, какъ логическое заключеніе, какъ силлогизмъ, но противорѣчащихъ одно другому, какъ зло добру, какъ день ночи? Но я сказалъ ясныхъ, какъ логическое заключеніе — почтеннѣйшій

(*) Евстратъ Богдановичъ Горемыкинъ, Богословіи и Филологіи Кандидатъ, нынѣ домовымъ учителемъ у помещика Сергѣя Сергѣевича Бобочка.

Василій Ѳеодоровичъ, я держался за логику какъ за оплотъ, за краеугольный камень разсудка, за опору непоколебимую. Я теперь и съ нею не могу совладать!—Терплюсь, разсудокъ мой скоро поколеблется! Позвольте вамъ предложить слѣдующій силлогизмъ, меня съ ума сводящій:

Praeposit. major. Питье утоляетъ жажду. (Эпо ясно);

Praeposit. minor. Селѣдка въ пищу, понуждаетъ къ питью. (Эпо неопровергаемая истина!)

Conclusio. Слѣдовательно селѣдка утоляетъ жажду!

Какъ вамъ эпо нравится? Безмыслица; эпо виднѣтъ всякой; да и не въ помъ дѣло, наружное соблюдено, и я не могу добраться до завязки!

Васъ здѣсь по часту вспоминають. Описаніе ваше, кажется, причиною великой грусти и общихъ разговоровъ въ домѣ. Но говоря—и довольно гласно—не знаю, смѣю-ли поздравить васъ или нѣтъ? Вы не прогнѣваетесь, по добродушію своему, эпо такъ у меня сорвалось, а у насъ готовящъ приданое. Желая вамъ, и проч.

Приписка. Стыжусь сознаться—но наконецъ, въ угрызенияхъ совѣсти, предложилъ я Савкѣ вышеозначенный силлогизмъ. Онъ, какъ вы знаете, гораздо на всё; онъ и кучеръ и садовникъ, и поваръ и коноваль, шьетъ сапоги и шапки, представляетъ Китайскія пѣни; словомъ, малый съ дарованіемъ, и въ немъ много природнаго ума, нескаженаго превратнымъ воспитаніемъ. Онъ, по своему, сперва сказалъ: чудеса въ решетъ, дыръ много, а выскочить негдѣ; да только решето ваше дырявое, скажите еще разъ, а я переложу по Русскі—лапотъ на изнанкѣ потъ же лапотъ!

1) Питье утоляетъ жажду; п. е. напиившись, пить не хочется.

2) Селѣдка понуждаетъ къ питью; п. е. поѣвши селѣдки, пить хочется.

3) Слѣдовательно—поѣвши селѣдки, пить не хочется! такъ ли? ха, ха, ха! Нѣтъ, меня, Евсѣрапъ Богдановичъ, спараго воробья и на мякинѣ не поддѣнете! Однако шутка-то голая, пойду Афоню повожу!

Письмо 2-е.

Отвѣтъ Иваси, Евсѣрапу Богдановичу Горемыкину.

Неожиданно обрадовало вчера меня письмо ваше. Не могу воздавать зло за зло, иначе наполнилъ бы отвѣтъ сей поклонами, благоволеніями, почтеніями и извѣщеніями. Но продолжайте писать, какъ можете или хотите, а мнѣ позвольте дѣлать тоже. Въ перепискѣ дружеской долженъ господствовать духъ свободы, свободы мыслей, чувствъ и даже самыхъ выраженій!

И пакъ, у васъ; Евсѣрапъ Богдановичъ, вѣхри сомнѣній и желаній волнуютъ море познаній и откровеній,—а здравый разсудокъ, не находя пищи достаточной въ сей послѣдней жидкой водяной стихіи, не въ состояніи успокоить первыхъ! Есть книга книгъ, любезный другъ, написанная пѣвцомъ великимъ и вдохновеннымъ.—Въ ней поэзія, въ ней философія, въ ней карпина суепности, ничтожности мірской, карпина челоуѣчества; въ ней исторія вѣковъ прошедшихъ, грядущихъ,—раскрой её, и мнѣлся, книга Зороастрова, книга судебъ, передъ побою! Она вѣрнѣ логики показываетъ, до чего разумъ нашъ достигнуть можетъ, гдѣ блуждаетъ, гдѣ выходитъ изъ себя и гранцы своихъ.—Она показываетъ убѣдительно, что выше лба уши не расступтъ; она удивительно успокоитъ возставшую бурю разногласія, успокоитъ колеблющійся на конечныхъ вершюгахъ своихъ, на оси своей, разсудокъ; обнажаетъ всю ничтожность сомнѣній и изысканій, ведущихъ прямою дорогою—въ Жѣлпый домъ! Эта книга—Фаустъ.

Но не я поселилъ въ васъ сомнѣнія сн, не мое краснорѣчіе взволновало ихъ; жизнь и духъ въ васъ обитующіе, проснулись отъ дремоты и не довольствуются баснями и сказками, нѣкогда ихъ убаюкивавшихъ; не довольствуются пустословіемъ, хопятъ смысла! Такъ я нынѣ, возмужалый, смѣюсь пѣснямъ и сказкамъ, копми нѣкогда мамки и няньки меня пугали, забавляли, усыпляли. Эпо участь наша. Но есть люди—и люди блаженные, коимъ мы должны завидовать—люди довольные и собою и знаніемъ своимъ и ученіемъ наславниковъ. Они охотно бесѣдуютъ о наукахъ, начипаны, могутъ исполковать вамъ всё явле-

ніа природы, не удивляються болѣ ничему, поспигають, помощію наукъ, всё, радуются успѣхамъ своимъ, счастливы познаніями, блаженствуютъ съ авпорами, съ открытіями древнихъ и новыхъ вѣковъ. — — — Хвала симъ доблестнымъ героямъ и слава: они счастливые насъ!

И такъ, *даже* Степанида Оомнишна, сама Степанида Оомнишна, не могла разрѣшить недоумѣніе ваше, не знаетъ какъ зовуть соседа въ десяти верстахъ — Степанида Оомнишна, которая всѣхъ сосѣднихъ цыплятъ, щенятъ и козлятъ по клчкѣ клчептъ!!! Это подлинно было бы дѣло невѣроятное, несбыточное, еслибъ сосѣдъ эпомъ, а вашъ покорный слуга, — — имѣлъ прозваніе! Но на нѣтъ и суда нѣтъ; а потому таковое невѣдѣніе ей проспипельно! Меня зовуть — дома, Васильемъ, Ивасею, — въ гостяхъ, Васильемъ Федоровичемъ!

Что касается до послѣдней сватъи письма вашего, то я сначала не хотѣлъ было понимать её, хотѣлъ оставить подъ спудомъ — но разсудилъ, что ради Меланьи, доброй славы ея и могущихъ произойти сплешней, обязанъ оповѣщать коротко и ясно. И такъ, увѣряю васъ, любезный Евспрапъ Богдановичъ, что приданое готовилося не для меня, и что намъ обоимъ, и ей и мнѣ, предполагаемое сватовство и на умъ не приходило. Уполномочиваю васъ объявить объ эпомъ всякому, до кого касаться можеть! Не знаю, съ чего эпо взято. Но скажите опъ меня Ирину Типовну, Камиллу Киргизовну, и прочимъ и прочимъ, что ежели онъ меня не оставяетъ въ покоѣ: то я ихъ здѣсь всѣхъ просватаю за Нѣмца-садовника, за кривова гувернёра, за пряничника въ полосатомъ Ипаліанскомъ колпакѣ, разбитого параличемъ!

Письмо 3-е.

Отъ Степана Власовича Пушки () къ Ивасю.*

Ты ушникъ, да и бай дужи, а шупечки головаешь; подай намъ, кажушь, нашего Ивасю, озьми да подай! Бувало спиваютъ въ недлю за порбаномъ:

(*) С. В. Пушки, стариннаго закалу Малороссійскій козакъ — нынѣ въ отставкѣ Гусарскимъ Маіоромъ.

Ой сдаеться що не плачу

Сами слезы льются —

А якъ выйду за ворота

Видъ выпру валюся. — —

А пеперечки нима и песни, нема и порбана, да кажушь що скоро не буде и дивчины — бо схне; схне якъ квинокъ у спепу, росою изъ очей своихъ сама себе полвае, Ивасю, серденька своего, поджидае! Нема, каже, нема мого серденька, засхну безъ ёго, якъ квинокъ безъ спебла!

Чи пыжь справду ихъ, мій Ивасю? — Чи пожь шокки можно, щобъ винъ, кажу собі, кажу людямъ, чи пожь можно щобъ Ивасю свою дивчину покпнуть? Не такоого винъ бапъки сынъ, не такоой мапки дщя! Не намовляйте, люде, на мого Ивасю; бо винъ робить якъ диды наши варенуху варили: умюючи-зноючи добре гадаючи! То козакъ, правдива душа! Дай Боже бапъкови вашему такоого паробка, якъ мій Ивасю!

Слухай, сердце мое: шупечки шочки наши посказалися; попринздыли до мене — и Ирина Типовна и Степанида Оомнишна, и вси; кажушь: дядько! выручи насъ; Ивасю погубивъ Мелашу: винъ ее любивъ, вона ёго любила, мы уже и ручники (*) поприпасали, и друживъ позывали, уже и ей казал, що вона молода и винъ молодой — пеперечки претій пыждень, а ёго нема; дивка голосить, пропадае, схне, свату бачить не хоче — — выручи дядько Степанъ Власовичъ, выручи!

Опъ тоби вся не довга, Ивасю; чи вони правду кажушь, чи вони якъ вовки на морозу брешутъ — лихо ихъ знае! Пши, мій коханий, альбо пршизды самъ!

Письмо 4-е.

Отвѣтъ Ивасю С. В. Пушки.

Дражайшій Степанъ Власовичъ! мой почтенный, мой душевно уважаемый, доблестный Запорожець! что я скажу вамъ при наслощемъ смятеніи чувствъ моихъ, при эпомъ волненіи испуганной души? Первое во мнѣ поро-

(*) Ручники, полопенцы, конни дарятъ на сватъбѣ у прстолодидновъ дружекъ; а потому *притасать ручники* вошло въ пословицу, готовить сватъбу.

дившееся чувство, при прочтении истинно опеческаго, дружескаго письма вашего, было—негодование въ высочайшей степени, негодование на безсовѣстныхъ слепицъ, которыя всему этому причиной—оппусти мнѣ, Господи, пхъ согрѣшеніе! Второе, признательность къ вамъ, за прямоту, за довѣріе ваше и наконецъ—состраданіе, да, состраданіе; искреннее, душевное соболѣзнованіе къ той, которую искусно умѣли приготовить, обольстить, употребить, какъ орудіе слѣпое и засавить въ непорочномъ дѣвственномъ просподушій своемъ принять роль въ этой—предсудительной комедіи! Соболѣзную искренно, душевно: ибо уважаю её и проклинаю виновницъ, нарушительницъ нашего, её и моего, покоя! При всемъ томъ, что могу я сдѣлать? Честно и добросовѣстно увѣряю васъ, что не только никогда не имѣлъ никакихъ видовъ на Меланью, но и рѣшительно, никогда не подавалъ какого либо повода къ подобнымъ заключеніямъ и неумѣстнымъ припворнымъ догадкамъ; совѣсть моя чиста; ни словомъ, ни взоромъ не говорилъ я ей самой когда либо, чего исполнишь не думалъ—а и того менѣе, кому либо изъ поспороннихъ! Иногда, правда, охотно съ нею бесѣдовалъ, потому что она умнѣе и скромнѣе многихъ подругъ своихъ—но развѣ на всякой пригожей и умненькой дѣвушкѣ должно и можно жениться? Чтобы изъ этого вышло? И развѣ мы Турки, Мугамедане? Я ясно видѣлъ намѣреніе Ирины Типовны и подручницъ ея—но—что мнѣ оставалось дѣлать? надлежало припвориться, будто ничего не вижу и избѣгать частыхъ встрѣчъ и огласки—это было и есть обязанностію моею, ради доброй славы бѣдной дѣвицы.—Это вещь столько щекотливая, доброе имя дѣвушки, что объ немъ не должно смѣль говорить вовсе! И вопъ конецъ...—повторяю, я—на чужомъ пиру съ похмѣльемъ; не виновать, ниже помысленіемъ!

Вопъ вамъ, мой почтенный, любезный Степанъ Власовичъ, всё, что умѣю сказать въ оправданіе свое. Развязку предоставляю вамъ, благоразумнѣйшему изъ насъ. Горемыкинъ, я это знаю, любитъ Меланью, но—по своему; онъ запрягалъ чувство это, въ которомъ самъ себя еще не отдавалъ опчета и которое подавляетъ: ибо считаешь его святопап-

нымъ—запрягалъ и схоронилъ его въ исподній уголокъ своего сердца, и не выказываетъ никому. Я зналъ это, и тѣмъ болѣе былъ спокоенъ, думалъ, что и въ ней, можетъ быть, проснется склонность къ нему. Какъ бы то ни было, вѣрите, что всё это ничто иное, какъ хитрыя слепицы Шпиговскихъ крикушъ; онѣ её до того мучили, истязали, увѣряли, учили и наставляли, что наконецъ успѣли попрясти и взволновать мирную дѣвственную душу ея. Время одно только можетъ усыпить её и накинуть покровъ забвенія на эти слепицы—развязать ихъ, самъ чортъ не развяжетъ!

Прощайте, мой Запорожецъ; я къ нимъ не буду—съ вами повидаюсь завтра.

VII. Проклятіе.

Трудно вообразить до какой степени былъ взбѣшенъ и озлобленъ Ивася. Написать и опривить отвѣтъ Пушкинъ, онъ долго ходилъ по комнатамъ своей, садился и опять вспавалъ.

И такъ, Танты мои любезнѣйшія, труды ваши не пропали, ибо вы умѣли обезславить и лишитъ покоя душевнаго бѣдную дѣвицу, и заготовили теперь, на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, матеріалы для слепень вашихъ, понкихъ намековъ, толковъ и перетолковъ.— Чутьемъ слышатъ, что дѣлается новаго и стараго въ семи околоткахъ окрестныхъ: и, едва смеркается, бѣгутъ сломя голову, какъ разбитыя почтовые клачи съ гону, сходясь какъ вѣдьмы по ночамъ, и начинаютъ, пропянувъ вялыя шеи свои, гаркать и гавкать, какъ будто городъ горитъ! Онѣ судятъ и рдятъ, онѣ дѣлятъ и межуютъ, онѣ управляютъ чинами, имѣніями, капиталами и мѣстами; чужое добро, языкомъ, въ залогъ отдають, Ротшильда и Шпиглица объявляютъ банкротомъ;—увѣряють, что сыръ Фармазанъ и люди Фарлазонны не одно и то же; отличаютъ вино Шпанское и Гишпанское отъ вина Ишпанскаго, называя и то и другое Рейскильг!! А наконецъ, нѣтъ свадьбы, нѣтъ стовора, нѣтъ креспинъ, нѣтъ развода безъ нихъ; онѣ назначаютъ въ ареопагъ своемъ кому на комъ жениться и кому кого родить.— Сводите и разводите вы мосекъ и кошекъ своихъ, обезьянъ и поугавей, а не насъ!

Нѣтъ земли, гдѣ бы сваповство по заказу достигло до такой степени совершенства, какъ у насъ. Коль скоро дѣвушка вышла только изъ младенческихъ лѣтъ, её называютъ уже *невѣстой*; ни на одномъ языкѣ названіе это не имѣетъ столь обширнаго значенія. Теперь родители, тѣтки, бабки, кумушки, тѣщи, свекрови и золовки избираютъ ей жениха, выпи-сываютъ, привозятъ, кажутъ поварь лицомъ и торгуются. Здѣсь невѣста—поспороннее лице; по заготовляющимся платьямъ и наря-дамъ, по приданому, которое выкапываютъ изъ подъ завѣтнаго замка, она узнаетъ толь-ко, что её сговорили. Или, если красота, бо-гатство, родъ, знатность, даютъ ей, п. е. въ ономъ же, право *претендовать*: по объяв-ляется подъ рукой, п. е. безъ барабаннаго бою, съ одними прещѣтками, что женихъ долженъ быть Полковникъ, или Генералъ, по крайней мѣрѣ восьми или десяти вершковъ, съ такимъ-то капиталомъ и при такихъ-то па-ланшахъ. Потомъ, ежегодно дѣлаютъ на пе-реторжкѣ уступку, по чину, по классу и по со-нѣ мужиковъ; а наконецъ, красавица оста-ется при своемъ, или беретъ такова хвата, что война начинается съ первымъ днемъ свапъ-бы. Но всего забавнѣе для меня сваповство по сыскной жениховъ нашихъ. На примѣръ: я хочу женихъ, и это вдругъ, ни съ того, ни съ сего, es überkommt mich wie ein fieber.— Вы ошибаетесь, если вздумаете изъ эпига за-ключить, что я въ состояніи содержать и прокормить жену съ семействомъ; нѣтъ, я это пребую отъ жены, за то я ей дѣлаю честь осчастливить её моею особою; а такова молодца, какъ я, и днемъ съ фонаремъ въ буд-ни не найдете! Хочу женихъ. И такъ, беру въ долгъ новый альмавива, бровную шляпу и золотую цѣпочку, предаю, со старымъ платьемъ, и старые грѣхи мои, забвенію, са-жусь и пишу *сыскную, накладную, формуляр-ное описаніе и кондуитный списокъ* будущей супруги моей. Я её еще не знаю, но горю неперпниемъ узнать. У насъ нѣтъ невѣ-стамъ переводу, *плодятся годъ отъ году!* Пишу: ей быть 1-е) изъ званія дворянскаго, чиновнаго, военнаго, почетнаго купческаго, или — изъ Нѣмокъ. 2) Имѣтъ отъ 50 до 150 тысячъ налчными, или заводы, или помѣстье

во Владимірской, Ярославской губерніяхъ. 3) Если можно, чтобы была хороша и не слишкомъ плотна. Это обыкновенный грѣхъ нашего купческаго сословія. 4) Также желаю, чтобы красавица была скромна и добронрав-на, не ревнива, не сварлива; чтобы говорила по Французски, или играла на фортепиано. 5) Не старѣе 16 лѣтъ, а чѣмъ моложе, тѣмъ лучше. *Примѣчаніе.* Я согласенъ взять невѣсту изъ зажимочныхъ торгующихъ мѣ-щанокъ, если она согласится сей часъ навсегда со мною ѣхать; этого же условія пребую и отъ купческаго дочери, если отецъ ея боро-дачь.

—Довольно. Сыскную эту беру я и оп-даю добропочтенной тѣткѣ моей Миршприсѣ Кирбишевнѣ или Степехлѣстѣ Перехватов-нѣ, если же имъ не довѣрляю, или по несчастію-паковыхъ попечительныхъ *Тантъ* при себѣ не имѣю, то обращаюсь къ доброй спаруш-кѣ, каковыхъ много, которой рекомандуюсь черезъ хозяйку мою, или черезъ хозяйскую кухарку, всё равно. Хорошая спарушка рада служить. Она выхваляетъ поварь свой, какъ спѣвецъ на Шукинномъ дворѣ: *жилетки есть у насъ хорошия, панталонны, готовыя платья есть, сапоги, полусапожки!* У меня, говорятъ она, на примѣтъ прекрасная барышня: и хо-роша, и молода, и богата, и замужъ хочеть.— «Такъ что же, давайте её!»—Хочеть только за военнаго, бапюшка, а чернаго платья не першить!—«Ничего; уговори её; вишь я и самъ, когда-то, хопѣлъ служить, да раздумалъ; вишь это всё равно; пустое!»—Другая естъ, пре-пшней часни большова кварпала, такъ никакъ за пу уже свапаются!—«Что нужды, мапуш-ка, поѣдемъ, поглядимъ—вѣдь запросъ въ кар-манѣ не лѣзетъ, поглядимъ на неё!»—Хоро-шо, бапюшка, хорошо, дай мнѣ только спер-ва самой пообѣхатъ, поразыскавъ; многимъ господамъ служила, слава Богу, довольны ос-пались! И такъ, даю ей предварительно на издержки, и экипажъ, а она умѣетъ увѣрить меня, что ей должно разѣзжать цѣлую не-дѣлю сряду, съ утра до вечера, въ каретѣ; иначе, въ такіе почтенные дома и входу нѣтъ! Въ продолженіи эпига времени вы меня мо-жете видѣть на всѣхъ перекресткахъ, про-пуарахъ, бульварахъ, гуляньяхъ, теапрахъ,

собранияхъ, крайне веселаго и разряженнаго какъ куколку. Наконецъ, роковой воскресный день настаепъ, и я съ доброю спарушкою ѣду. Пріѣзжаю. Меня вспрѣчаютъ и просятъ покорно — это наши права хлѣбосольства. — Заспаю Дуняшу за самоваромъ; она разливаепъ чай; пил еѣ сначала здѣсь пѣпъ; родители шушукаютъ и посылаютъ, извиняются, и наконецъ Дуниша являетя, разряженная въ пухъ. Отецъ заставляепъ еѣ пѣпъ *Черную шаль*. — Между тѣмъ разговариваютъ о помпикѣ. Наконецъ, раскланявшись, уѣзжаемъ и — я еще въ нерѣшимости. Оправляемъ дальше, изъ конца города въ конецъ, къ другой, къ третней невѣстѣ. И Свилла моя, какъ хорошій купецъ, лучшій поваръ кажетъ напоследокъ. Здѣсь толпа любопытныхъ слугъ со свѣчами насъ вспрѣчаютъ, кланяются, улыбаются. Это помѣщикъ, какъ видно изъ обильной прислуги его; они другъ друга съ ногъ сбиваютъ! Входимъ и заспаемъ изрядное общество! Я нѣсколько смутился; но предваренный хозяинъ вспрѣчаепъ меня, предсавляепъ своимъ и чужимъ, какъ спараго знакома, называепъ меня по имени и опечесству и сажаепъ; спрашиваетъ, какъ я поживаю, все ли въ добромъ здравіи, что дѣлаютъ машушка, братья и сеспры мои. Шопопъ, какъ молнія, пробѣжалъ по спульямъ и софамъ, и на меня смопряпъ, какъ лягушки на основога царя: кто вылупивъ глаза, кто изподлобья, кто бокомъ, кто украдкой. У барышень въ углу хихи-шушу и хохотня превеликая. Но невѣста мнѣ нравилса; пріѣзжаю домой и жалю только объ одномъ: что долженъ былъ при всѣхъ визитпахъ моихъ оспавлять альмавивъ свой въ передней, и что кромѣ слугъ, которые на немъ спали, его никто не видалъ! Последняя партія для меня выгодна; невѣста пригланула, и такъ — съ Богомъ, свапаюсь, а прочихъ невѣстъ предаю забвенію, и новое знакомство, едва съ такою жаркою пріязнью возникнувъ, упухаепъ навсегда. Пріѣзжаю снова къ суженой моей. Невѣста моя входипъ — и — я еѣ не узнаю! Это не та, которую показывали мнѣ въ толпѣ красавицъ; или мепя обманули, или я самъ обманулся и глядѣлъ на подругу еѣ! Впрочемъ — нужды нѣпъ; условія при ней

пѣ же. Всѣ равно. Въ понедѣльникъ можетъ поздравитъ меня молодымъ супругомъ.

Нѣкто, *рѣшительный* женихъ, среднихъ лѣтъ, п. е. около 45 — ростомъ не выше Ниренбергскаго орѣхогрыза, пріѣхавъ въ сосѣдній городъ, изъ города же, по службѣ, и увидѣвъ, не знаю гдѣ и какъ, живопись какую-то или рисунокъ, изображавшій четыре времени года, подъ коимъ было подписано: *рисовала дѣвица Анчоусова*, тупъ же рѣшаепся на ней, Анчоусовой, женпться. Не опкладывая дѣла, засылаепъ онъ сваху, и горя немовѣрнымъ нетерпѣніемъ, пребуепъ рѣшенія участи своей въ этопъ же день непременно. Сваха отправаляетя, и объявляетъ г. Анчоусову, что нашелся женихъ для дочери его. Но на вопросъ осторожнаго спарика: которую изъ двухъ дочерей его свапаютъ? задумалась, не могла дать опчепу, и поѣхала на справку. «И такъ, ихъ двѣ!» воскликнулъ въ радостномъ изумленіи женихъ, какъ будто бы хотѣлъ женпться на обѣихъ. — «Та, которая такъ мило рисуепъ.» — Онъ обѣ пшупъ краскамъ. — «Обѣ!? Это спранно! и можетъ быть *другал* пишепъ еще лучше *этой!* Какъ быть? Всѣ равно, Варвара Акимовна, только пожалуйста поскорѣй; какъ бы дѣло сегодня кончить?» — Я рада спараться, сударь, но которую же свапаепъ? спаршую? — «Да, да, спаршую!» — Или можетъ быть меньшую? Она бойка дѣвушка! — «Хоршо, меньшую; да, меньшую, только поскорѣй!» Тѣпка Варвара поѣхала свапать; но жениха ни въ этопъ, ни на другой, ни на третій день не могла опыскаепъ, а на четвертый слышатъ, къ удивленію своему, что онъ уже сговоренъ и обрученъ!! Онъ до вечера соскучился дожидаться, ему показалось долго; охота женипья пришла смерпная, и такъ, онъ пошелъ промышлять самъ. Идетъ по улицѣ по широкой, идетъ и видипъ вдругъ — передъ нимъ молодая Нимфа перебѣжала дорогу — съ петрадкою въ рукахъ. — Онъ осполбенѣлъ. Ему небо показалось съ овчинку. Она псчезла въ домъ опчій, уронивъ петрадку изъ рукъ, и не замѣпила, по видимому, апаго. Она бѣжала черезъ улицу изъ дѣвчьяго пенсіона; а какъ въ этопъ заштатномъ городѣ, слѣдуя Жанъ-Жаку, дѣтпей смолоду граптою не убивали, и не плапили учипелямъ 8 или 10 лѣтъ

сраду, попустому, то и въ пенсіонѣ дѣвичь-
емь обрѣпались дѣвы зрѣлыя. Женихъ, опамя-
товавшись, поднялъ шепрадь и увидѣлъ на за-
главномъ листикѣ четкими буквами: *Древняя
исторія*. О Клію! воскликнулъ вдохновенный,
о Клію, ты моя!! И Клію, которая пряталась
первые два дня отъ нашего свертка-же-
ниха, по истеченіи потребнаго срока на за-
готовленіе приданого, охотно за него вышла.
Нѣтъ чуда, къ которому-бъ не приглядѣлся
Свѣтъ! И они живутъ благополучно и счаст-
ливо, и Варвара Акимовна ждетъ жениха и не
дождется, и — чего же вамъ болѣе?

Отецъ нашей Клію, Коллежскій Ассесоръ и
кавалеръ, человекъ толстый и дѣловой, рас-
порочный, который вставалъ рано и зиму
въ 3-мъ часу, а ложился въ девятомъ; послѣ
обѣда на скорую руку спалъ и спѣшилъ опять
по дѣламъ, рассказывалъ вамъ въ одинъ духъ
состояніе атмосферы, вексельные курсы, цѣ-
ну пшеницы, сѣна и овса, новости городскія
и иногородныя, кражи, пропажи, смертные
случаи, сватовства, родины и крестины, дю-
жину новыхъ прозектовъ на счетъ всякой вся-
чины. — Такимъ же точно образомъ, на ско-
рую руку и не теряя много времени, про-
сваталъ и отдалъ сестру свою и другую
дочь, и самъ всегда первый объявлялъ о томъ
по всему городу — подлинно рѣдкость! Обык-
новенно весь городъ знаетъ о такихъ вещахъ
прежде отца. — Онъ для пріятеля своего и со-
служивца спарался однажды какъ для себя, и
нашелъ ему жениха для дочери, съ условіемъ,
чтобы въ приданое было, на безусловное рас-
поряженіе жениха, 20 тысячъ наличными.
Спарикъ согласился; молодыхъ обручили, и
вошь уже настала роковой день. Посаженные
сѣхались, кумушки и сосѣдки сошлись, госпни
привалили, отецъ въ исперітѣнн ходилъ взадъ
и впередъ, а жениха нѣтъ. Музыка ждетъ же-
ниха; а капельмейстеръ нашъ, изъ особенной
привязанности къ пріятелю своему, хотя не
могъ удалити ему болѣе двухъ скрипокъ, фа-
гота и кларнета, снарядилъ и прислалъ ему
два Турецкихъ барабана! Фонарь, — такъ мы
называли домикъ хозяйской: ибо онъ былъ
малъ, тѣсенъ, прозраченъ, и въ немъ было
много сала — фонарь давнымъ давно освѣщенъ;
на дворъ смерклося, и народъ, разиувавъ ротъ,

готовый радоваться и удивляться всему, по-
липился подъ окнами и ждетъ развязки. Нако-
нецъ отправляется шаферъ искать жениха;
не заболѣлъ ли, не случилось ли чего съ нимъ?
Ничего не бывало; онъ сидитъ дома, въ хала-
тѣ, въ спальныхъ сапогахъ, куритъ трубку
и чипаетъ уложеніе. «Помилуй, брапецъ! одѣ-
вайся, время ѣхать къ вѣнцу! Что съ тобою,
нездоровъ что ли?» Нѣтъ, слава Богу, здо-
ровъ — да такъ, я раздумалъ. «Что такое разду-
малъ?» Женихъся. «Полно шупитъ, одѣвайся!»
Какая шупъ шупка! нѣтъ, право. Женихъся
пустое дѣло; колода на шеѣ, руки связаны,
дѣши визжатъ, Богъ съ ними и съ нею! — — —

И такъ, шаферъ, видѣ себя отъ узумленія,
отправляется назадъ; свахи раскудахтались,
разбѣгались, — и дѣловой нашъ кавалеръ пока-
пилъ на столбовыхъ дрожкахъ своихъ къ жени-
ху, и краснорѣчіемъ своимъ вынудилъ изъ него
въ пять минутъ настоящую причину отказа:
онъ не вѣрилъ пословицѣ: уговоръ лучше де-
негъ, а говорилъ: деньги лучше уговора, и по-
тому объявилъ, что не пойдетъ съ мѣста до
уплаты денегъ по уговору. Когда же ему вру-
чили одну половину наличными, а другую вексе-
лемъ, тогда онъ, преспокойно выбивая трубку,
приказалъ Ванѣкѣ подать мундиръ, шагалъ,
одѣлся и пошелъ. И пулумбасы гремѣли во
всю ночь, и бѣ веселіе и многая радость!

(Продолженіе впрѣдъ.)

В. Луганскій.

30 Июля 1852.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ГРАНИТНОМУ СТОЛПУ, ВОЗДВИГАЕМОМУ
ВО СЛАВУ АЛЕКСАНДРА I-го.

Въ виду Дворца народъ кипитъ;
На славной площади движеніе и клики;
Распетъ и вышлся надъ городомъ гранитъ:
Великому Царю, то памятникъ великій!
Какъ Александровъ вѣкъ, въ вѣкахъ онъ воз-
блеснитъ!..

Не рушатъ тверди сей ни зубъ время, ни грозы.
Двинь море — и она останется цѣла:
Но если бы собрать всѣ горестныя слѣзы,
Что по Царѣ своемъ Россія пролила,
То... смылась бы съ скала!...

О. Глинка.

ЛИСИЦА-СМОТРИТЕЛЬ.

(*Басня.*)

Лиса въ курятникѣ Смотрителемъ была.
А что-бъ къ хозяину по больше въ вѣру вбишьяся:

Лиса—и день и два поспител!

И запахъ ей мясной—до зла!

Хозяинъ Лисанькой не можетъ нахвалиться.
«Посмотримъ, пождемъ!»—замѣшилъ кумъ Лука,—
«Что будешь дальше опъ Лисицы.»

Но сколько Лисанька на плутовство ловка:
Съѣсть курочку—и вопль и жалобы,—что пшлицы
Повадилсь въ курятникъ къ ней лепалъ!
Вопль яспребъ упалилъ при ней, въ глазахъ, чер-
нушку;

Опять хохлаточки ужъ спало невидашъ.
«Намъ, говоришь Лиса—вопль надобно ловушку!»—
Ловушка сдѣлана; однако, всё не въ прокъ!

Хоть яспребъ больше не лепашъ,

Такъ кошка курочекъ паскаешъ;

У строй найдешъ по гребень, по пушокъ.

Хозяинъ, съ доброй былъ душою,

Во всемъ Лисъ онъ довѣрялъ;

Бѣду на пшлицъ, на кошке клалъ,

А самъ въ курятникъ ни ногою!

(Такъ жилъ да поживалъ!)

Дни, мѣсяцы, и цѣлый годъ проходилъ.
Курятникъ опустѣлъ. Лиса поклонъ и—въ лѣсъ.
Хозяинъ нашъ взглянувъ въ курятникъ входилъ,

И ни цыплѣнка не находилъ!

Повѣсивъ голову, онъ говорилъ сквозь слѣзы:

«Я самъ моей бѣды виною;

«Не зналъся-бъ мнѣ съ Лисою.»

Крестьянинъ Сухановъ.

CHARADE.

Mon premier, cher lecteur, garantit tes foyers;
Et mon second tes fruits; et mon tout, tes papiers.

Въ No 65, помещенная шарада значить: *Перс-тень.*

MODES.

—Voici quelques toilettes que nous avons remar-
quées aux grandes allées des Tuileries:

Une jeune personne avait une robe de gros de Nap-
les à carreaux roses et blancs, un canezou en mousseli-

ne brodée, ayant des bouts formant écharpe, et pas-
sés sous la ceinture; un chapeau de paille d'Italie, gar-
ni d'un bouquet de roses des champs.

Une robe en mousseline de laine fond bleu clair à
dessins turcs, montant en guimpe, mais assez décolle-
tée pour laisser passer une petite dentelle, qui garnis-
sait le cou. Un schall uni, blanc, en tissu à jour très-
souple, et roulé sur les épaules comme un boa. Un
chapeau de crêpe bleu orné d'une plume blanche.

Une robe en mousseline lilas brodée à petits pois
en laine. Cachemire blanc. Chapeau de paille d'Italie
orné de plumes lilas. Écharpe en mousseline blanche
unie, ayant au bas une seule grande palme magnifique,
brodée au plumetis, et offrant une grande quantité de
points à jour.

—Aux théâtres, les femmes portent quelquefois des
éventails chinois, ou un bouquet de fleurs naturelles
à la main.

—Les schalls d'été les plus recherchés sont en tissu,
treillés à jour, dont les premiers ont paru sous le nom
de *schalls à la Taglioni.*

МОДЫ.

Вопъ нѣкоторыя наряды, замѣчешные нами въ
большихъ алейхъ Тюльери:

Одна молодая дѣвица была въ гроденаплевомъ
платьѣ съ розовыми и бѣлыми клѣпками; выши-
тое кисейное канзу, съ концами, составляющими
шарфъ, положенными подъ поясъ. Итальянская со-
ломенная шляпка, опдѣланная букетомъ полевыхъ
розъ.

Кисейное платье, по свѣтло-голубому Турецкіе
узоры; лифъ высокій гладкой, но довольно откры-
тый, изъ подъ него видно узенькое кружево. Глад-
кая, бѣлая шаль, изъ весьма мягкой и прозрачной
матеріи, свернута на шеѣ какъ хвосты. Шляпка го-
лубая креповая, опдѣланная однимъ бѣлымъ перомъ.

Кисейное лиловое платье, вышитое шерстью
мѣлкимъ горошкомъ. Бѣлая Турецкая шаль. Ита-
лианская соломенная шляпка, съ лиловыми перья-
ми. Шарфъ изъ гладкой бѣлой кисеи, на концахъ
вышита гладью одна прекрасная большая пальма,
съ множествомъ рѣшешокъ.

Въ театрѣ, у дамъ въ рукахъ, или Кипчайское
опахало, или букетъ изъ наспоящихъ цвѣтовъ.

—Для лѣсныхъ шалей болѣе употребляютъ
прозрачныя ткани; первыя изъ нихъ показались
подъ названіемъ: *шали à la Taglioni.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 67.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
сказкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 20 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня шайкъ и вздоховъ пѣжныхъ.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВОПРОСЪ НА ВОПРОСЪ.

Въ № 6-мъ Моск. Телеграфа на спраищѣ 192-й сдѣланъ вопросъ: «чего ожидать, ежели имѣніе наслощаго дворянина, воспитаннаго «въ правилахъ хорошей нравственности, перейдетъ въ руки взяточника или плута?»

Предоставляя искуснѣйшпмъ насъ рѣшеніе сего вопроса, мы въ свою очередь зададимъ новѣйшимъ мыслителямъ другой, не менѣе важный вопросъ: «чего ожидать, если отечественная «словесность изъ рукъ такихъ журналовъ, какъ *Подшиваловъ*, *Карамзинъ*, *Жуковский*, *Мерзляковъ*, *В. В. Измайловъ*, Русскихъ при-«родныхъ дворянъ по роду и правиламъ нрав-«ственности, перейдетъ въ руки цѣловальни-«ковъ, невѣждъ, пройдохъ, алтышниковъ?»

Швердинскій.

НЕУДАЧНЫЙ ВЫБОРЪ.

Молодой чиновникъ *Волгинъ* расхаживалъ большими шагами въ своей комнаѣ. Опчаяніе и безнадежность омрачали прекрасное ли-

це девятнадцатилѣтняго юноши — и, съ минутой на минутой, оно спановилось мрачнѣе и мрачнѣе. Такъ сильный, порывистый въперъ пащипъ за воротъ пучи, одну громоздипъ на другую, и небо мрачнѣе, мрачнѣе, и кажет-ся, будто оно вертится надъ нашей голо-вою... яркія молніи блещутъ, разсѣкая по всѣмъ направленіямъ небо, громы ужасно грохочутъ и сердце робкаго препенещетъ..... Виноватъ! сбился съ дороги: я не хотѣлъ описывать грозу, а предполагалъ только, слѣдуя нынѣшней модѣ, вкленпъ въ разсказъ сравненіе; попытка была не удачна — и такъ, я поспараюсь впередъ быть осторожнѣе.

Опчаяніе *Волгина* достигало уже до высшей степени: уже изобразилась на его лицѣ преступная мысль самоубійства.... Но вопъ входипъ къ нему старой его пріятель *Закадѣшевъ*. Послушаемъ ихъ разговоръ.

Закадѣшевъ. Что это съ тобою, *Волгинъ*? кажется, твоя веселость — дезерпировала?

Волгинъ. Мнѣ и самому придется бѣжати куда глаза глядятъ.

Закадѣшевъ. Это значитъ, что ты нынче общаго рода, п. е. мущина и баба. Расскажи

мнѣ, въ чемъ пвое несчаспіе?—Всѣ на свѣпъ прынь-права: авось мы поможемъ.

Волгинъ. Доспанъ мнѣ пять тысячъ рублей всѣ мнѣ откажали.

Закадышевъ. Доспать очень легко; но на что тебѣ такая огромная сумма денегъ?

Волгинъ. У меня украли казенныя деньги. Дирекпоръ узналъ объ этомъ и пребуепъ, чптобы я черезъ при дни пополнилъ недостапокъ, или онъ опдаспъ меня подъ судъ. Ты обрадовалъ меня, любезный *Закадышевъ!* (*обнимаетъ его*). Твои обѣщанія всегда исполнялись! ты меня оживилъ! я знаю пвою благородную душу: сколько слѣзъ пбою изсушено. . . .

Закадышевъ (*вырывается изъ его объятій*). Кой чорпъ ты разчувствовался! Не даромъ я сказалъ, что ты общаго рода: ужъ и зарюмилъ, плакса! разчувствовался. Одѣвайся-ка сей часъ: и иди къ старой вдовушкѣ *Тюльпановой* — и пусть чѣрпъ изжаритъ меня на сковородѣ въ сметанѣ, если она не дастъ тебѣ денегъ: она въ тебя влюблена.

Волгинъ. Но вѣдъ я съ нею не знакомъ и . . . что если она откажетъ?

Закадышевъ. Тогда я потеряю двухъ искреннихъ пріятелей: тебя и чѣрпа. Чпо же ты спалъ? или разумье взяло?

Волгинъ. Ты всё шупишь, а я въ отчаяніи!

Закадышевъ. Вольно тебѣ отчаяваться, тогда, какъ я прописалъ тебѣ вѣрнѣйшее лекарство къ спасенію. Твоя душа мѣлче Гомеопатическихъ пріемовъ.

Волгинъ. Я сомнѣваюсь. . .

Закадышевъ. Дѣлай по, что я тебѣ посоветовалъ, или пиши рапорпъ къ адскимъ духамъ, чпо пвоя душа со всею командою надеждъ, желаній, отчаянія и проч. готова выступить въ походъ изъ главной своей квартиры по недостатку продовольствія, п. е. мозга. Прощай! мнѣ нѣкогда съ тобою полковать; рецептъ написанъ, опъ тебя зависитъ лечиться.

По уходѣ *Закадышева*, *Волгинъ* не долго размышлялъ: запруднительное его положеніе

заспавляло рѣшиться на всё. И такъ, съ пренециющимъ сердцемъ, вошелъ *Волгинъ* въ домъ къ *Тюльпановой*. Одно слово ея было рѣшеніемъ участи юноши, едва вступившаго въ свѣпъ и начавшаго въ немъ свое поприще пляжкимъ испытаніемъ. *Волгинъ* приказалъ о себѣ доложитъ, и черезъ десять минутъ вышла къ нему его *Судьба*. Глазъмъ его представилась женщина лѣтъ пятидесяти, щегольски разодѣтая; онъ не могъ видѣть ея лица, потому что оно было зашпукатурено или—выразимся поэптически—ея лице, похотившее на ручеѣкъ во время бури, было скрыто подъ бѣлымъ покровомъ, какъ ручеѣкъ зимою. Однако-жъ глаза *Тюльпановой* не утратили еще всего огня, которыми она въ своей молодости прожигала сердца молодцевъ; эти глаза, называемые во время оно живыми заглапательными спѣклами, и теперь еще были полны сладострастія.

Тюльпанова. Какому счастливому случаю обязана я вашимъ посѣщеніемъ?

Волгинъ. Меня привелъ къ вамъ несчастный случай, и я почиаю его счастливымъ только въ помъ отношеніи, что онъ доставляетъ мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами.

Тюльпанова. Это давно было въ вашей волѣ, но вы были такъ горды, такъ нелюбимы, что. . .

Волгинъ. Занятія отвлекали меня отъ всѣхъ знакомствъ.

Тюльпанова. Обыкновенная отговорка, мнѣ мой *Волгинъ!* Но оставимъ это: скажите мнѣ, какой, по вашимъ словамъ, несчастный случай привелъ васъ ко мнѣ? Слухъ носится, что у васъ пропали казенныя деньги.

Волгинъ. Слухъ эпотпъ справедливъ! Зная ваше великодушіе, я рѣшился прибѣгнуть къ вамъ. Ручаюсь словомъ благороднаго человека, чпо въ при года. . . .

Тюльпанова. Я женщина сентиментальная: не могу не соспрадать несчаспіямъ пкаго красавца-мущины, какъ вы. Можете быть увѣрены, чпо не только пять тысячъ, (кажется такъ?) все мое имѣніе готова опдать въ ваше распоряженіе; опъ васъ самихъ эпо зависитъ: я уже давно васъ люблю пламенно. . . . Куда меня увлекла пылкость! Я сказала болѣе, чѣмъ должно бы. . . Чувствитель-

ное сердце увлекло меня за пределы благоприличия. О сердце, сердце! можно долго бороться съ побою; но кто побѣдитъ тебя?

Волгинъ. И такъ я могу надѣяться?

Тюльпанова (нѣжно). О, можетъ, можетъ! (*протягиваетъ къ нему руку*).

Волгинъ. Теперь? Вексель. . . .

Тюльпанова. Какъ вы холодны молодой человекъ! Любезный *Волгинъ!* не ужели вы меня не поняли! или можетъ быть, не хотите понять? Даю вамъ время подумать. Прощайте! (*уходитъ*).

Волгинъ очень хорошо понималъ, чего отъ него требовала *Тюльпанова*, и сначала думалъ отвратить отъ себя грозу. Но она послѣдними своими словами и уходомъ показала рѣшительное свое намѣреніе. *Волгинъ* никакъ иначе не могъ выпутаться изъ бѣды, какъ только вступя въ бракъ съ беззубою Венерою. Его взяло раздумье; а какъ ему было все равно: въ комнатѣ ли *Тюльпановой*, или идучи пунемъ-дорогою размышлять: то онъ и пошелъ.

При такихъ обстоятельствевахъ, онъ долженъ былъ идти или домой, или въ случаѣ самозабвенія, куда ноги понесутъ; но какъ ноги понесли его прямо до дому: то онъ и пришелъ домой благополучно. Я уже сказалъ, что бѣднаго *Волгина* взяло раздумье: онъ долженъ былъ сдѣлать выборъ между двумя дорогами: одна приведетъ его прямо подъ лямку, а другая, если онъ пойдетъ по ней, погубитъ всѣ привлекательныя мечты молодости, приведетъ его прямо къ храму Гименей, въ которомъ сочетаетсяъ съ нимъ не милая шестнадцатилѣтняя *Мильхенъ*, предметъ его мечтаній, а спарая хрычевка *Тюльпанова*. Сердце указывало ему на первую дорогу, убѣждая, къ неизмѣнной вѣрности, къ своему возвышенному идеалу, а дѣдушка-разсудокъ смѣялся надъ сердцемъ и указывалъ *Волгину* другую дорогу. Онъ безпрестанно твердилъ, что выборъ между сими двумя дорогами необходимъ; что по которой бы ни пошелъ онъ, *Мильхенъ* для него навсегда потеряна; что сердце ребячилось, что оно любитъ мечты, химеры, призраки, и что, наконецъ, послѣдовавъ совѣту сердца, онъ умретъ смертью полипическою, а *Мильхенъ* останетъся вдовою, выдетъ за дру-

гаго и будетъ наслаждаться въ его объятіяхъ. И такъ, кого послушаетъ? Не знаю, какъ бы разсудилъ романтическій пискунъ, комаръ въ родѣ человеческомъ, а *Волгинъ* . . . онъ покорился разсудку: дѣдушка-де опытникъ сердца!

Волгинъ избѣжалъ спросогси законовъ, но подвергся другому испытанію. Священный обрядъ связалъ его неразрывными узами съ *Тюльпановою*, но не заставилъ умолкнуть сердца, не могъ приковать его къ покой, съ которою *Волгинъ* долженъ былъ дѣлать радости и горе жизни. Въ это время дѣдушка-разсудокъ былъ молчаливъ, онъ далъ волю сердцу буянить, прихотничать и мучить *Волгина*, сколько ему угодно. Дѣдушка былъ такъ жестокъ, что увлекши *Волгина*, силою убѣждений, на лучшую, по своему расчету, дорогу, бросилъ его на серединѣ оной. Ему слѣдовало бы утѣшить руководимаго имъ пупника, расчитать, что онъ родился придцатью четырьмя годами позже своей супруги, и что, по всей вѣроятности, онъ и умретъ сполькими же годами позже еѣ; что будетъ еще время предаться сердцу, и что лучше на десять лѣтъ сдѣлаться Археологомъ и заниматься древностями, нежели Минералогомъ и сорокъ лѣтъ копаться въ рудникахъ Сибирскихъ. — Но дѣдушка былъ жестокъ: казалось, что его языкъ прильнулъ къ горшани!

Госпожа *Волгина* замѣтила холодность своего мужа; замѣтила его спрастные взоры, обрацаемые на *Мильхенъ* и иногда неподвижно къ ней прикованные; ревность всплѣла въ ея сердце, которое было ничто иное, какъ обломокъ древности. *Волгинъ* былъ въ опспавкѣ,—и такъ, она увезла его въ свою деревню; удалла отъ общества всѣхъ людей, любовалась имъ, безпрестанно съ нимъ нѣжничала, окружила все возможною роскошью и удовольствіями. . . . Казалось бы, чѣмъ не жизнь! И сколько миллионъ людей избрала бы его участь! А *Волгинъ*?—Онъ восклицалъ: лучше бы я избралъ дорогу въ Сибирь! Дѣдушка молчалъ, потому, что это восклицаніе было ему укоромъ.

Николай Карлеофъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗАВѢЩАНІЕ МАВРА.

(Изъ Альгамбрскихъ сказокъ, изд. Вашингтономъ Ирвингомъ.)

Посреди обширной крѣпости Альгамбры, насупротивъ дворца, называемаго: *place des Citernes*, по причинѣ устроенныхъ подъ онымъ Маврипанцами водоёмовъ, есть чрезвычайно глубокой, высѣченный въ скаль, колодезь. Вода, почерпаемая изъ сего колодезя, холодна какъ лёдъ, свѣжа и чиста какъ хрусталь: она въ такой славъ, что не смотря на трудный и крупной всходъ, ведущій въ крѣпость изъ Гренады, вы увидите здѣсь съ утра до глубокой ночи толпы водоносовъ съ большими глиняными сосудами. Одни паскаютъ ихъ на коромыслѣ, другіе навьючиваютъ на ослѣ.

Водоёмы и ключи во всё время, даже въ древнія, какъ видимъ изъ исторіи Иудеевъ, были сходбищемъ охотниковъ до слепней въ жаркихъ спранахъ. Такъ и колодезь, о которомъ говоримъ, служилъ какъ бы открытымъ во всякое время клубомъ, гдѣ вѣчно толпятся старики и старухи, и вся праздная сволочь, находящаяся въ крѣпости: цѣлю сихъ сборищъ есть взаимное сообщеніе разныхъ вѣспей. Жилили крѣпости, сидя на каменныхъ скамьяхъ подъ навѣсомъ, устроенымъ надъ колодеземъ, съ важностью сообщаютъ водоносамъ свои новости, за что послѣдніе плачутся нелѣпыми толками о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими въ городѣ. Когда бы вы ни заглянули сюда, вы всегда найдете здѣсь или болливую ключницу, или служанку, съ кувшинами на головѣ или въ рукахъ, слушающихъ сіи безконечные рассказы.

Въ числѣ водоносовъ, приходившихъ некогда за водою къ сему колодцу, былъ одинъ приземистый и плечистый здоровякъ, по имени Педро *Гиль*, или сокращенно *Перегиль*. Не нужно сказывать, что онъ Галиской уроженецъ, ибо водоносы не могутъ происходить изъ другой провинціи. Въ самомъ дѣлѣ, сама природа, кажется, образуетъ извѣстныхъ породы людей, также какъ лошадей, для того

или другаго назначенія. Во Франціи, напр., очискою грязи съ сапоговъ и плащя у проходящихъ, занимаются Савояры; каменщики обыкновенно бываютъ изъ Лимузинскихъ уроженцевъ, водоносы изъ Овернецевъ, швейцары, до революціи, всегда бывали изъ Швейцарцевъ. Въ Англіи, во времена фижмъ и пудры, носилки щеголя всегда были въ рукахъ Ирландцевъ, привыкшихъ рыскавъ по болопамъ. Точно такъ и въ Испаніи, носильщики и водоносы всѣ Галискіе уроженцы, малорослые, но крѣпкаго сложенія. Никто не скажетъ, приведи мнѣ носильщика, а просто: приведи сюда *Gallego*.

Но обратимся къ нашему разсказу. *Перегиль* сначала паскалъ воду на своихъ плечахъ; но мало по малу разжившись, купилъ себѣ помощника изъ класса четвероногихъ, соопвѣствующаго своей породѣ въ классѣ разумныхъ существъ. Это былъ небольшой темносѣрый осель; шерсть на немъ была какъ щепина; за то онъ былъ дюжъ, какъ ломовая лошадь. По обоимъ бокамъ сего ушастаго помощника висѣли глиняные сосуды съ водою, прикрытые виноградными листьями, для защиты отъ солнечнаго жара.

Въ Гренадѣ не было водоноса прудомилубивѣе и веселѣ *Перегилья*. По звучному голосу можно было оплечить отъ прочихъ крикъ его на улицѣ, споль обыкновенный въ лѣтнее время во всѣхъ городахъ Испанскихъ: «*Qué quiere agua—agua mas fria que la nieve* (кому нужно воды? вопль свѣжал какъ снѣгъ вода!) Подавая спаканъ эпой прозрачной воды, онъ всегда опускалъ какую нибудь остропу, что смѣшило покупателя; если это была пригожая женщина или дѣвушка, то онъ умѣлъ къ стапи сказать ей что нибудь пріятное, сопровождая свои слова нѣжнымъ и лукавымъ взглядомъ; словомъ, *Перегиль* въ цѣломъ городѣ прослылъ учтивѣйшимъ, любезнѣйшимъ и счастливейшимъ изъ водоносовъ. Впрочемъ, у того, кто всегда поѣлъ и шутитъ, не всегда бываетъ весело на сердцѣ. Нашъ весельчакъ былъ не безъ заботъ. У него было большое семейство; оборванные и голодные дѣти, всякой разъ, когда вечеромъ приходилъ онъ домой, просили у него хлѣба, подобно шпенцамъ ласпочки, кои почуя при-

лѣтъ матери, съ пискомъ открывають клевы свои. У него была помощница, но хозяйственность не была ея добродѣтелью. До замужства, она считалась первою красавицею въ своей деревнѣ; ни одна изъ дѣвушекъ сполько, какъ она, не отличалась въ національной пляскѣ съ погремушками въ рукахъ. По старой привычкѣ, жена чеспнаго водоноса издерживала плоды пияжкихъ прудовъ мужа своего на бездѣлки; даже ушаспый сѣрко находилъ у нея работу: онъ долженъ былъ возить еѣ по окрестностямъ въ каждое Воскресенье и всѣ праздничные дни, коихъ въ Испаніи иногда случается болѣе, нежели обыкновенныхъ дней въ недѣль. Сверхъ того, она была неопрятна, любила долго спать, а особливо бѣгать полураздѣпою къ сосѣдкамъ, чпобы часъ-другой поболтать.

Но Топъ, кто налагаетъ крестъ по силѣ каждаго, облегчаетъ и бремя супружества, дѣлалъ его сноснымъ. *Перегиль* въ терпѣніи не уступалъ ослу своему, и хопя онъ охалъ изподтишка, смотря на свой домашній бытъ, однакожь никогда не осмѣливался говорить въ слухъ о нерадѣніи жены своей. Онъ былъ привязанъ къ дѣшямъ также, какъ сова къ своимъ ппенцамъ, любуясь въ нихъ своимъ изображеніемъ; ибо они также были косолапы, плотны и приземисты. Добрый *Перегиль* считалъ первымъ удовольствіемъ, изрѣдка въ воскресный день, когда еспь досугъ и въ карманѣ нѣскольکو лишнихъ мараведисовъ, забравъ дѣшей своихъ съ собою въ Вегскіе сады и давъ имъ порѣзвиться и побѣгать, тогда какъ жена его съ своими пріятельницами дѣлила время въ пляскахъ за городомъ.

Однажды лѣпомъ, поздно ввечеру, когда большая часть водоносовъ кончила свою работу, послѣ необыкновенно жаркаго дня, *Перегиль*, какъ добрый хозяинъ, расчипывая, чпо ясная лунная ночь вѣрно привлечетъ кого нибудь изъ жипелей Гренады насладиться прохладою и чпо можно найти еще на гульбищѣ людей, которые захопятъ выпить спаканъ хорошей воды, сказалъ самъ себѣ: «схожу еще разъ къ колодезю и заработаю нѣскольکو мараведисовъ дѣшямъ на игрушки въ будущее Воскресенье.» Сказавъ сіе, онъ твердыми шагами пустился къ Альгамбрѣ, попѣвая пѣсни, и отъ времени

до времени опивѣшывая порядочные удары своему ослу, для того ли, чпобы не сбипсья съ такта въ пѣніи, или для ободренія сего животнаго: ибо въ Испаніи палочные удары служатъ вмѣсто овса для вычонныхъ живописныхъ. Прѣдя къ колодезю, онъ не нашелъ тамъ никого, кромѣ иностранца въ Мавританской одеждѣ, сидящаго на каменной скамьѣ и освѣщеннаго луною. *Перегиль* оспановился, и поспотрѣлъ на него съ удивленіемъ, даже съ боязнію; но Мавръ знакомъ подозвалъ его къ себѣ.

«Я слабъ и больнъ, сказалъ онъ: доведи меня до города, я заплачу тебѣ вдвое за прогуль.»

Доброе сердце малорослаго водоноса пронудось при видѣ спраждающаго иноземца; онъ отпѣчалъ Мавру:

— Сохрани меня Богъ, чпобъ я взялъ чпо нпбудь за исполненіе споль обыкновеннаго долга къ ближнему! —

Онъ посадилъ Мавра на своего осла и оспорочно доставилъ его въ городъ. Бѣднѣй Мусульманнъ такъ былъ слабъ, чпо *Перегиль* долженъ былъ поддерживавъ его дорогою, чпобы онъ не свалился. У городскихъ воротъ водоносъ спрашивалъ незнакомца, куда онъ прикажетъ вестп его.

«Увы! сказалъ Мавръ слабымъ голосомъ: у меня нѣтъ дома, нѣтъ убѣжища въ этой землѣ, куда бы я могъ приклонить голову. Позволь мнѣ переночевать у тебѣ; ты не будешь въ помѣ раскаиваться.»

Чеспный *Перегиль* сначала испугался, какъ принявъ ему къ себѣ Невѣрнаго; но челолюбіе не позволяло ему опказать въ ночлѣгъ заблудшему спраннику, въ такомъ жалобномъ состояніи, въ какомъ находился Мавръ. Онъ приводилъ его въ свою кварпиру. Дѣши, по привычкѣ, кинулись было съ громкимъ крикомъ встрѣчать опца, только чпо слышавъ ослиные шаги; но вдругъ, увидя челоувѣка въ чалмѣ, они со спрахомъ побѣжали назадъ и спрятались за свою мать. Она смѣло выступила впередъ, подобно насѣдкѣ, защищающей цыплятъ своихъ при видѣ собаки.

«Это чпо еще? вскричала она: посмотри, кого ты привелъ съ собою и въ такую по-

ру! Развѣ тебѣ хочется, чтобы всѣхъ насъ предали инквизиціи?»

— Не горячись жена, отвѣчалъ нашъ полспякъ. Это бѣдный, больной чужестранецъ, безъ друзей, безъ пристанища; не ужели оставишь его гибнуть на улицѣ?—

Хозяйка хотѣла было распроспраниться и засыпать мужа новыми возраженіями; ибо хотпя она жила въ хижинѣ, однако любила церемониться; на сей разъ однако мужъ не хотпѣлъ покориться женѣ и поспавилъ на своемъ. Онъ помогъ Мусульманну слѣзть съ осла, ввелъ его въ комнату, разослалъ на полу въ лучшемъ углѣ оной цѣновку, накинулъ на неѣ овчину, и предложилъ своему гостю это бѣдное ложе, какое только онъ могъ доставить. Только что Мавръ расположился на этой жалкой постели, какъ вдругъ схватили его жестокія судороги. *Перегиль* употребилъ всѣ свои медицинскія знанія, желая помочь больному, но безъ успѣха. Не смотря на то, въ глазахъ спрадальца изобразилась живѣйшая признательность къ хозяину за его попеченія. Когда больному стало легче, онъ подзвалъ къ себѣ *Перегилья* и сказалъ ему тихимъ голосомъ:

«Я чувствую, что близокъ мой конецъ. Въ случаѣ смерти моей, я отказываю тебѣ свой ящикъ, въ награду за твою благопворительность.»

Сказавъ сіе, онъ распахнулъ дорожную эпанчу и показалъ небольшой ящикъ сандалнаго дерева, привѣщенный съ боку на ремнѣ.

— Дай Богъ, любезный другъ, отвѣчалъ водонось, прожить тебѣ еще много лѣтъ и воспользоваться собственнымъ сокровищемъ.—

Мавръ покачалъ головою, взялъ ящикъ, и хотпѣлъ что-то объяснить на счетъ употребленія онаго; но его снова схватили судороги, и черезъ нѣсколько минулъ онъ умеръ.

Жена водоносова была въ опчаяніи.

«Вопъ тебѣ, кричала она, еще подарокъ за твою проспому и безумную охоту всякому дѣлать добро. Куда дѣваешься намъ съ этимъ прупомъ? Если найдушь его, насъ всѣхъ засадишь въ шюрму, какъ убійцъ; тогда, хотя бы удалось намъ избѣгнуть отъ казни,

то намъ не дешево будетъ спопить откупиться отъ правосудія.»

Бѣдный *Перегиль* не менѣе былъ встревоженъ, и почти раскаявался въ своемъ добромъ дѣлѣ. Вдругъ ему пришло что-то въ голову.

— Еще не разсвѣло, сказалъ онъ: я усцію вывезти это тѣло за городъ и зарыть въ песокъ на берегу р. Ксенил. Никто не видалъ, какъ Мавръ вошелъ въ наше жилище. Кому знашь о его смерти. —

Сказано, сдѣлано. Жена пособила обернуть тѣло несчастнаго Мусульманна въ цѣновку, на которой онъ умеръ; они положили его поперегъ осла; и *Перегиль* отправился къ рѣкѣ. Но судьбѣ угодно было насупропивъ квартиры водоноса водворить цирюльника, по имени Педрилло *Педруго*, одного изъ самыхъ любопытныхъ, самыхъ болтливыхъ, въ своемъ грязномъ родѣ, слепниковъ. Онъ былъ высокаго роста, худоцавъ, съ длиннымъ лицомъ, низкопоклоненъ и вкрадчивъ. Извѣстный Севильскій цирюльникъ едвали превосходилъ его въ знаніи пого, что дѣлается у другихъ, а то, что онъ разъ замѣнилъ, легче изливалось на его языкъ, нежели вода сквозь решето. Говорилъ, что онъ спалъ однимъ только глазомъ и одно ухо всегда было на спорожѣ, такъ, что онъ и во снѣ могъ видѣть и слышать все, вокругъ его происходившее. Онъ имѣлъ объ немъ почныя свѣдѣнія; ему извѣстны были всѣ соблазнительныя исторіи Гренады; припомъ цирюльня его была сборищемъ всѣхъ слепниковъ, отъ чего онъ имѣлъ двойную выгоду и считался богатѣйшимъ изъ своей бранны.

Этотъ цирюльникъ-болтунъ слышалъ, какъ *Перегиль* возвратился домой въ непоказанную пору, слышалъ крикъ жены и дѣтей его. Онъ топчасъ взбѣжалъ на чердакъ и высунулъ голову въ слуховое окно, желая знашь, кто спучился у воротъ *Перегилева* жилища; онъ увидѣлъ, какъ водонось ввелъ къ себѣ челоука въ Маврипанскомъ плащѣ. Случай сей казался ему спраннымъ, и онъ во всю ночь не смыкалъ глазъ. Черезъ каждыя пять минулъ онъ подбѣгалъ къ слуховому окну и ловилъ жаднымъ взоромъ каждый лучъ огня, который мелькалъ сквозь дверную щель

въ *Перегиливой* квартирѣ; наконецъ, передъ разсвѣтомъ, онъ увидѣлъ *Перегилля* съ осломъ, навьюченнымъ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Цирюльникъ, мучимый лихорадкою любопытства, одѣлся наскоро, вышелъ украдкою изъ дома, и преслѣдовавъ издали водоноса, видѣлъ, какъ онъ вырылъ на берегу Ксениля яму, и положилъ въ неё что-то похожее на трупъ.

Цирюльникъ возвратился домой и всё въ цирюльнѣ своей поставилъ вверхъ дномъ, бѣгая взадъ и впередъ отъ неперенѣнія, когда проглянетъ день. Наконецъ, только что лучи солнца заглялись на небѣ, онъ схватилъ своё блюдечко съ прочимъ приборомъ и спустился къ *Алькаду* для извѣстной надобности, которую онъ исправлялъ ежедневно. *Алькадъ* не успѣлъ еще продрать глаза. *Педрилло* *Педруго* сажаетъ его на стулъ, подвываетъ ему салфетку, подспавляетъ ему подъ бороду блюдечко съ теплою водою и начинаетъ намыливать.

«Чудныя вещи! сказала *Педруго*, занимавшій въ одно время двѣ роли: цирюльника и рассказчика. Чудныя вещи! воровство! убійство! зарытіе въ землю—и всё это въ одну ночь!»

—Какъ?.. Что ты говоришь, *Педрилло*?—спросилъ *Алькадъ*.

«Я говорю, продолжалъ цирюльникъ, размазывая благовонное мыло подъ носомъ и около рта чиновника, (Испанскіе цирюльники никогда не употребляютъ киспочекъ), я говорю, что водоносъ *Перегилль* обокралъ и убилъ *Мавра*, зарывъ его въ землю, въ эту благовонную, или лучше сказать, въ проклятую ночь.»

—Но откуда ты это знаешь?—

«Подождите, Сеньоръ, вы всё узнаете;» возразилъ цирюльникъ, взявъ за носъ *Алькада* и шаркая бризвою по щекѣ его.

Тутъ онъ рассказалъ всё, что видѣлъ, совершивъ въ одно время два подвига: онъ обрилъ бороду, обмылъ лице своему кровопителю и обшёръ его салною салфеткою, успѣвъ обокрасть, убить и похоронить *Мавра*.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Въ какомъ недугѣ я поскокую,
 Незыяснимо для меня:
 Въ раздумьи грустномъ пѣмъ nocturno
 Я предпочелъ свѣшлуду дня.
 Какъ всё окрестъ меня упихнешь
 Глубокой ночи посреди,
 Порой мгновенный пламень вспыхнешь
 Въ моей встревоженной груди;
 И по, что тѣмной пеленою
 Еще завѣшено отъ глазъ,
 Такъ ярко свѣшшшъ предо мною,
 Пока сей пламень не погасъ.
 И мнился мнѣ: предъ книгой рока
 Въ священномъ спрахѣ я спою,
 Или внемлю въ устахъ пророка
 Судьбу грядущую мою.

Подолжскій.

МИГЪ БЛАЖЕНСТВА.

Когда объѣшшій пишиною
 Умолкнешь городъ вокругъ меня,
 И небо искрился звѣздами,
 Иду я къ зеркальной рѣкѣ:
 Запихло всё, едва спруятся
 Жемчужны волны предо мной,
 И освѣщенные луною,
 Какъ скакешъ плынутся луга
 И нивы съ класами злапыми;
 Вокругъ молчанье, не шумишь
 Листокъ на деревѣ сполѣтнемъ,
 И горы спшшя вдали,
 Какъ пѣни вспали предо мною...
 Вошь мигъ блаженства, я парю—
 Надъ всей вселенною въ мечтаньи...
 О дивный Богъ! пворенья Царь!
 Какъ всё успроено Тобою,
 Въ порядкѣ, мудрости, любви:
 И черви, дышущіе въ безднахъ,
 Кораллы, камни и моря,

Распѣнья дивныя и пварь

И человекъ, сей царь вселенной,

Всѣ бышяе свое имѣешь

Въ Тебѣ, Творецъ непоспимый!

Вѣка мелькають,—но спомни

Тобой держимая природа.

О Богъ великій, дай, чпобъ я

Исчезнушь могъ передъ Тобою,

Опшъ чувспвъ любви изнемогаю;

Дай звуки мнѣ, чпобы я могъ

Тебя хвалишь, Неизъяснимый!

Ты далъ мнѣ ихъ—и я пою:

Великій Богъ, Твоя щедрость,

И пѣсни пламенной моей

Внимаешь дивная природа—

И свѣтлозарный Серафимъ!...

М. Демидовъ.

Нижній-Новгородъ.

ВЪ АЛЪБОМЪ.

(Н. П. Ч—ой.)

Въ альбомъ писать спихи не шупка.

Какъ не хипри: на новый ладъ,

Всѣ будетъ спарая погудка,

И рѣдко выдешь чпо впопадъ.

Кому свирѣль опшъ Музъ, не дудка,

Дана въ удѣль, шопъ съ ней богать;

Другимъ вся помочь прибаушка:

«Чшо Богъ послалъ, я пѣмъ и радъ.»

Въ нашъ вѣкъ лѣнливо вдохновенье;

Не рѣдко шщетно ждѣтъ поэтъ

Его на спраспный свой привѣпъ.

Но внемлешь вамъ воображенье:

Я бралъ перо въ недоумѣнь—

Глядь—вышелъ правильный сонетъ.

А. Г.

О М О Н И М Ъ.

Я кось—служу игрою для ребяпъ;

Спаруха—и пробышь нельзя мнѣ безъ ввучать;

Весной—гмжу на ихъ веселья, пляскъ;

Зимой—имъ сказываю сказки.

Шевурдинскій.

Въ No 66, помѣщспная шарада значить: *Porte-feuille.*

М О Д Е С.

Pour hommes. — La chaleur a enfin déterminé les jeunes gens élégans à adopter l'étoffe vénitienne (méritos très-fort) pour habits et redingotes.

Les couleurs les plus de mode sont: le noir et le vert très-foncé, pour collets de velours.

Les habits portés par des hommes de quelque embonpoint, sont à païtes sur les hanches et sans pattes sur ceux des hommes d'une taille svelte. Les sollets sont sans crans, pouvant se boutonner du haut en bas; les basques longues et étroites.

Les pantalons sont à baguettes, coupés droit et couvrant le coude-pied; les plus généralement portés le soir sont blancs. Ceux que nous pouvons désigner comme le plus recherchés sont en coutil anglais.

Pl. No 24. Chapeau de crêpe orne d'un esprit.— Robe de mousseline de laine.

М О Д Ы.

Для мужчинъ.—Жаръ заставилъ наконецъ щеголей употреблять Венеціанскую маперію (весьма плотный мериносъ) для фраковъ и серпуковъ.

Самые модные цвѣта для бархатныхъ воронниковъ—черный и весьма шѣмно-зелѣный.

Фраки, для людей полныхъ, дѣлають съ клапонами на бокахъ, а для тонкихъ, безъ клапоновъ. Воронники безъ лацкановъ. Фракъ можно зашпегнуть сверху до низу; фалды длинныя и узкія.

Панталоны дѣлають прямые; щиколка закрыта; вечеромъ болѣе употребляютъ бѣлыя. Самыми опличными можно назвапъ изъ Англійскаго каламенка.

Карп. No 24. Креповая шляпа съ esprit.— Плашье изъ шерстяной кисеи.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 68.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 24 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Со славою зависѣ обитаетъ;
Великій человекъ счастливымъ не бываетъ.
Искусство жить: всю жизнь свою скрывать
И въ смертный только часъ безсмертіе начать!

В. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Г. ПОЛЕВОЙ — ТВОРЕЦЪ ЭПОПЕИ.

Въ № 6-мъ Моск. Телеграфа на страницѣ 229-й напечатано: «Взыскательность (крипиковъ) проспирается до того, что даже хопяпъ, чпобы поэтъ одушевился не мыслью написать то и то, а предметомъ поэпическимъ, который явившійся въ радужныхъ цвѣпахъ воображенію, облекся бы искусствомъ въ осязаемыя формы и явился въ видѣ гимна, романа (эпопеи нашего времени) или драмы, смотря по свойству своему.»

Изъ сихъ словъ выводимъ мы слѣдующее:

А.

- 1) Романъ есть эпопея нашего времени;
- 2) Николай Алексѣевичъ Полевой написалъ романъ: *Клятва при гробѣ Господнемъ*;
- 3) Слѣдственно, онъ написалъ эпопею.

Б.

- 1) Конпора Н. А. Полеваго въ объявленіи о выходѣ романа, сочиненнаго Н. А. Полевымъ, божился, что онъ хорошъ;
- 2) Охотно вѣримъ похваламъ госпожи Конпоры.

3) А какъ имена пворцовъ хорошей эпопеи спавяпса наравнѣ съ *Гомеромъ*, *Виргиліемъ*, *Тассомъ*, *Мильтономъ*, *Камознсомъ*, *Дантомъ*, *Клопштокомъ*, *Вольтеромъ*:

4) То мы, спсавя оное въ хронологическомъ порядкѣ, послѣ *Вольтерова*,

5) Имѣемъ честь объявить, что Россія и въ сей важной опрасли поэпиз, также, какъ въ одахъ, балладахъ, пѣсняхъ, басняхъ, испоріи, поровнилась съ просвѣщеннѣйшими древнимъ и новыми государспвами, а именно: съ Греціею, Римомъ, Испаліею, Англіею, Франціею и Германіею.

Швердтискій.

А Л Л Е Г О Р І Я.

Мнѣ извѣспны нѣкоторыя общеспва, (въ-рояпно и вамъ, г. чиптапель!), не пайныя, не запрещенныя, но недобрыя, если спотрѣпъ на нихъ съ правильной почки зрѣнія. Они любимы вездѣ, куда только проникли, именно за то, что доспавляютъ удовольспвіе. Постановленія сихъ общеспвъ спранны: въ нихъ находяпся чепыре различныхъ сословія, или не имѣющихъ ни какихъ преимущеспвъ

одного предъ другими, или одно сословіе имѣетъ временное преимущество предъ прочими по жребію, возобновляемому чрезъ короткое время: это похоже на республику. Но разбирая каждое сословіе порознь, находимъ большую разность въ привилегіи каждого лица; въ немъ вовсе нѣтъ равныхъ — и эту лестницу старшинства замыкаетъ корованная особа; однако же, она рѣдко бываетъ старшею въ своемъ сословіи и часто покорствуемъ предъ другими сословіями. Безъ сомнѣнія, это удивительное обществ. Но чѣмъ болѣе въ него вникаешь, тѣмъ болѣе находишь въ немъ странностей. Одно изъ четырехъ сословій носитъ отпечатокъ благочестія, другое чувствительности, третіе воинственности, четвертое веселія, и напоминаетъ чѣмъ-то хорошихъ пѣсельниковъ. Всѣ сіи сословія нераздѣльны между собою, составляютъ одно цѣлое и, только при *большомъ терпѣніи*, можно ихъ разрознить и разсортировать по преимуществамъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ вы видите, что властительная особа *мѣшается* съ самыми младшими членами общества, какъ своего, такъ и чужихъ сословій. Словомъ, въ семъ обществѣ замѣтны: всѣ роды правленія, чудная смѣсь ихъ, безпорядки, мятежи, неустройства... Но вы уже, вѣроятно, опгадали, что это — каршы!

Николай Карлеофъ.

ДѢВИЦА, БАРЫШНЯ, КРАСНАЯ-ДѢВИЦА.

Дѣвицы, барышни и поперявшія свое значеніе *барышни, красныя-дѣвицы*, въ существѣ своемъ одно и то же: кандидатки супружества, или невѣсты; но между ними есть рѣзкія оппѣнки.

Дѣвица есть новѣйшаго фасона, лучшаго общества и лучшаго тона дѣвушка. Въ ней мало природы: всё изученное, изысканное, обдѣланное по измѣнчивому успаву Моды. Осанка, движенія, походка, всѣ приемы, разговоры... подумаетъ, что мода учредила Учебную команду!

Барышни также дѣвушки, провинціальныя дворяночки; онѣ и провинціального покроя: стремятся по слѣдамъ дѣвиць, но всегда отстаютъ далеко позади ихъ. При одномъ сло-

въ *барышня*, воображеніе представляетъ мнѣ существо спрванное, смѣшное: простодушную дѣвушку, которая во всякое время готова прыгать и хохотать по пустякамъ; легковѣрную, малообразованную, какую-то чудную смѣсь природы съ жеманствомъ. У дѣвиць всё расчитано — и потому онѣ составляютъ нѣчто гармоническое; барышня же есть существо смѣшенное, неопредѣленное. Всѣ заученные ею фарсы въ ней какъ-то припорны.

Вымолвивъ или услыша слово *красная-дѣвица*, я воображаю здоровую красавицу въ свѣтлицѣ за пѣльцами, вышивающую золотую ширинку для мила-друга. Спруны моего сердца сами настроются, сами запоютъ, какъ Эолова арфа. Иногда же представляю себѣ простодушную сельскую дѣвушку, въ стройномъ сарафанѣ съ пышными кисейными рукавами, съ жемчужнымъ ожерельемъ на шеѣ, съ лебединою грудью, въ граціозной Русской пляскѣ: она потрлхиваетъ плечикомъ, поводитъ глазами, манитъ ручкою, на которой алмазное зарукавье.... Пусть чипатель самъ дорисуетъ портретъ красной дѣвицы.

Дѣвками не называютъ уже весьма давно барыни своихъ горничныхъ дѣвушекъ; онѣ бы обидѣлись....

Н. Карлеофъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗАВѢЩАНІЕ МАВРА.

(Продолженіе.)

Эпопъ Алькадъ былъ одинъ изъ самыхъ самовластныхъ, корыслолюбивыхъ и приспρασныхъ судебныхъ лицъ въ Гренадѣ. Надобно сказать, что онъ не слишкомъ дорожилъ правосудіемъ: ибо продавалъ оное за деньги. Онъ потчасъ смѣкнулъ, что гдѣ воровство и убійство, тамъ и богатая добыча, которая должна поступить на сохраненіе въ законныя руки. Если посадитъ въ шорьму преслушника, то умножитъ только число висѣльчыхъ; а если овладѣтъ добычею его, то это умножитъ казну судьи, въ чемъ, по его мнѣнію, и со-

стояла главная цѣль правосудія. Въ семь на-
мѣреній, онъ велѣлъ позвать къ себѣ върна-
го альгвазила, длиннаго какъ жердь, сухаго
какъ дерево, въ старомъ Испанскомъ костю-
мѣ, сообразно званію его, п. е. въ шляпѣ съ
широкими полями, съ манжетами, въ черной
короткой эпанчѣ и такого же цвѣта испер-
помъ фракѣ, который висѣлъ на альгвазило-
вомъ костякѣ, какъ на стойкѣ. Онъ держалъ
въ рукѣ бѣлый прутикъ: грозное опличіе его
званія. Такую-то привилегированную спарой
Испанской породы ищейную спустилъ Аль-
кадъ на бѣднаго *Перегилья*. Это животное
было такъ проворно и съ такимъ чутьемъ,
что *Перегиль* схваченъ на дорогѣ и вмѣстѣ
съ осломъ представленъ блюстителю право-
судія.

Алкадъ, кинувъ на него ужасный взглядъ,
сказалъ такимъ голосомъ, отъ котораго за-
дрожали у бѣдняка руки и ноги:

«Запираешься въ пресупленіи для тебя
безполезно. Я всё знаю. За такое злодѣйство
ты подлежишь висѣлицѣ; но я милосердъ и
разсудителенъ. Человѣкъ, убитый въ моемъ
домѣ, былъ Мавръ, Невѣрный, врагъ нашей
вѣры. Нѣтъ сомнѣнія, что ты убилъ его въ
избытокъ ревности къ правосудію. Это за-
спавляетъ меня быть снисходительнымъ; вы-
дай только мнѣ покраденное, и мы не пу-
спимъ дѣла въ ходѣ.»

Бѣдный водоносъ призывалъ всѣхъ святыхъ
въ свидѣтели своей невинности. Увы! ни одинъ
не явился; но если бы и всѣ они предстали:
то Алкадъ не повѣрилъ бы имъ. *Перегиль* со
всѣмъ просподушіемъ разсказалъ исторію
Мавра, такъ, что нелзя было сомнѣваться
въ истинѣ словъ его. Но всё было напрасно.
«Какъ смѣешь ты утверждать, что Мусуль-
манинъ не имѣлъ ни денегъ, ни дорогихъ ве-
щей, которыя возбудили пвое корысполюбіе?»
спросилъ его судья.

— Клянусь вамъ, отвѣчалъ *Перегиль*, что
у этого человѣча не было ничего, кромѣ ящи-
ка сандальнаго дерева, который онъ отказалъ
мнѣ въ награду за мои услуги.—

«Ящичка сандальнаго дерева?» вскричалъ судья,
и глаза его заблестали радостью, при мысли,

что въ немъ заключаются дорогія каменья.
«Гдѣ эпошь ящикъ? Куда ты его запряпалъ?»

— Извините, ваша милость, онъ во व्यюкѣ
осла моего; если угодно, то ящикъ сей къ
вашимъ услугамъ.—

Не успѣлъ онъ кончить сіи слова, какъ
ревностный альгвазилъ пустился спрѣлою изъ
комнаты, и черезъ мнуну явился съ паин-
спвеннымъ ящикомъ. Алкадъ дрожащею ру-
кою открылъ его; всѣ кинулись посмотрѣть
на сокрытыя въ немъ рѣдкости; но къ об-
щей досадѣ, въ ящикѣ ничего не нашлось,
кромѣ свитка пергамина, исписаннаго Арабски-
ми буквами, и кромѣ огарка свѣчи.

Когда улыка виновнаго не приносишь ника-
кой выгоды судѣ, въ такомъ случаѣ, даже
въ Испаніи, судъ производится безпристра-
стно. Алкадъ сперва посердился, потомъ
видя, что отъ этого дѣла нечѣмъ поживитъ-
ся, выслушалъ спокойно показаніе водоноса,
подтвержденное свидѣтельствомъ жены его.
Увѣренный въ невинности сего бѣдняка, судья
освободилъ его отъ дальнѣйшаго испязанія,
и опдалъ ему ящикъ, полученный отъ Мавра,
съ находящимся въ немъ вещами; но удер-
жалъ осла въ вознагражденіе судебныхъ издер-
жекъ. Такимъ образомъ несчастный *Перегиль*
долженъ былъ на себѣ таскать воду изъ Аль-
гамбрскаго колодезя въ большомъ глиняномъ
сосудѣ и разносить по городу.

Однажды, когда онъ поднимался на гору,
гдѣ стояла крѣпость, едва дыша отъ солнеч-
наго зноя, привычная бодрость вдругъ его
ославила.

— Проклятый Алкадъ, вскричалъ онъ, не
грѣшно ли тебѣ опнять у бѣдняка единствен-
ное средство къ пропитанію, лучшаго друга
на свѣтѣ!—

Сердце его наполнилось умленіемъ, при
воспоминаніи о любезномъ сотрудникѣ.

— Ахъ, любезный сѣрко, сказалъ онъ, поставя
ношу свою на камень и оперши съ лица потъ;
любезный сѣрко! я увѣренъ, что ты не за-
былъ спараго своего хозяина; я думаю, что
ты скучаешь, лишась привычнаго занятія.—

Къ дополненію его огорченій, жена всякой
разъ вспрѣчала его упреками и насмѣшками.

Милосердіе, оказанное Мавру, и надѣлавшее имъ сполько бѣдъ, служило для ней неиспощимымъ источникомъ къ осмѣянію господствующа. Она при каждомъ случаѣ давала чувствованіе мужу, сколь далеко превосходитъ она его умомъ и разсудительностью. Когда дѣши перпѣли въ чемъ нужду, она говорила имъ съ насмѣшкою: «просите своего отца, онъ наследникъ Альгамбрскаго Короля *Шико*; ему ничего не стоить бросить вамъ горсть золота изъ сундука Маврова.»

Ни одинъ смертный не былъ такъ жестоко наказанъ за доброе дѣло. Нецаспный *Перегиль* спрадалъ пѣломъ и душою; впрочемъ, онъ великодушно сносилъ колкія насмѣшки любезной своей половины. Наконецъ, въ одинъ вечеръ, когда послѣ упоминательныхъ дневныхъ трудовъ его, приступила она къ нему съ обыкновенными упреками, перпѣніе его истощилось. При всемъ томъ онъ не смѣлъ оправдываться; но увидѣвъ сандальный ящикъ съ полукрышкою крышкою, онъ схватилъ его и бросилъ на полъ съ негодованіемъ: «да будетъ проклятъ этотъ день, въ который я увидѣлъ тебя въ первый разъ; проклята та минута, когда я принялъ въ свой домъ пвоего прежняго владѣльца!»

Ящикъ ударившись объ полъ, совсѣмъ открылся и выпалъ изъ него пергаминный свитокъ. *Перегиль* посмотрѣлъ на него нѣсколько минулъ; потомъ собравшись съ мыслями, сказалъ: кто знаетъ, можетъ быть эта рукопись важна? и немудрено, когда Мавръ такъ берѣгъ её.»

Онъ положилъ свитокъ за пазуху, и на другой день, проходя съ водою мимо лавки Мавра *Тангера*, торгующаго духами, зашелъ къ нему и просилъ объяснить содержаніе рукописи.

Мавръ прочелъ оную со вниманіемъ, взялъ себя за бороду и улыбнулся.

«Эта рукопись, сказалъ онъ, родъ заклинанія, служащаго къ открытію кладовъ, кои сами собою не даются въ руки. Заклинаніе сіе, какъ говорятъ, такую имѣетъ силу, что разрываетъ крѣпчайшіе замки и рѣшетки; даже алмазная скала не можетъ ему пропивиться.»

— Къ чему мнѣ это? сказалъ *Перегиль*; вѣдь я не колдунъ, не знаю, гдѣ зарыты клады.—

Сказавъ сіе, онъ опять поставилъ глиняный сосудъ съ водою на плечо, свитокъ оставилъ у Мавра и продолжалъ свой путь.

Вечеру того же дня, опдыхая у Альгамбрскаго колодезя, увидѣлъ онъ множество собравшихся спарушекъ, которыя пропивъ обыкновенія, въ такую пору, разговаривали о старинныхъ чудесныхъ преданіяхъ. Всѣ сіи вѣсповицы, не имѣя копѣйки за душой, любили толковать объ оставленныхъ Маврами заколдованныхъ сокровищахъ въ разныхъ частяхъ Альгамбры; всѣ онѣ единогласно полагаи, что самыя важнѣйшія изъ нихъ глубоко зарыты подѣ башнею о семъ сводахъ.

Разказы сіи произвели необыкновенное впечатлѣніе въ душѣ честнаго *Перегилья*. Возвращаясь домой, онъ предался глубокимъ размышленіямъ. Онъ разсуждалъ: что, если я получу сокровища, зарытыя подѣ этою башнею, и если свитокъ, оставленный мною въ рукахъ Мавра, можетъ открыть мнѣ входъ къ онымъ? Внезапный восторгъ овладѣлъ имъ при сей мысли, такъ что онъ едва не уронилъ сосуда съ водою. Во всю ночь не могъ онъ заснуть, и ворочался туда и сюда, занятый споль пріятными мыслями. Рано поутру онъ пустился къ Мавру, и сообщилъ ему то, что пришло ему на умъ.

— Ты читаешь по Арабски, сказалъ онъ, пойдемъ вмѣстѣ въ башню и попытаемся открыть кладъ съ помощію заклинанія; если мы и не успѣемъ, то не будетъ никакой потери; а если успѣемъ, то раздѣлимъ между собою найденныя сокровища.—

«Подожди, сказалъ Мусульманинъ, писаннаго здѣсь недоспапочно для произведенія желаемаго дѣйствія; надобно прочесть сіе въ полночь при свѣчѣ, особеннымъ образомъ составленной и приготовленной, коей составныя части мнѣ неизвѣстны. Безъ этой свѣчи рукопись сія ни къ чему не годится.»

— Довольно, вскричалъ водонось, у меня есть такая свѣча; я принесу её.—

Онъ побѣжалъ домой и принесъ свѣчу, найденную имъ въ ящикѣ. Мавръ ошупавъ и об-

нюхавъ её тщательно, сказалъ: «духи сіи очень рѣдки и чрезвычайно дороги. Это точно свѣча, описанная въ манускриптѣ. При зажженіи ея распадаются крѣпчайшія спѣны и открываются самыя тайныя хранилища. Но горе тому, кто хопя минутому промедлитъ въ оныхъ, когда свѣча погаснетъ! Онъ будетъ околдованъ вмѣстѣ съ сокровищемъ.»

Они рѣшились сдѣлать попытку въ слѣдующую ночь. Когда всё покоилось сномъ, кромѣ совѣ и летучихъ мышей, они взошли на Альгамбрскія высоты и приблизились къ извѣстной каменной башнѣ, окруженной деревьями, которая опъ грозныхъ преданій кажется еще ужаснѣе. При свѣтѣ фонаря, скользя между кустарникомъ и обломками крѣпостнаго зданія, они добрались до погребной двери въ башнѣ. Робко сошли они внизъ по каменнымъ ступенямъ и очутились въ сырой и черной комнатѣ; опшуда по другой лѣстницѣ спустились они въ другой погребъ, гораздо глубже прежняго. Такимъ образомъ проникли они сквозь чепыре свода. Но далѣе не было выхода, и хопя по преданію оставалось еще три свода, но по слухамъ они были заколдованы. Въ семь послѣднемъ погребѣ было холодно и сыро; земляной запахъ былъ весьма ощутителенъ и свѣча едва освѣщала темноту. Искатели на минутому оспановились въ безпокойномъ ожиданіи. Наконецъ, они ясно услышали бой часовъ, на которыхъ пробилъ полночь. Они зажгли волшебную свѣчу, опъ которой распространился запахъ смирны, ливана и роснаго ладона.

Мавръ постышно прочелъ рукопись. Не успѣлъ онъ кончить, какъ вдругъ послышался шумъ, подобный подземному грому. Заколебалась земля и сводъ разступясь, открылъ передъ ними лѣстницу, по коей они сошли съ препешомъ, и при свѣтѣ фонаря увидѣли себя въ другомъ погребѣ; спѣны онаго покрыны были Арабскими надписями. Посреди погреба стоялъ большой сундукъ, окованный семью стальными полосами; при каждомъ углу его стояло по одному очарованному Мавру, вооруженному съ головы до ногъ; всѣ они казались бездушными испуканами. Передъ сундукомъ находилось нѣсколько сосудовъ, наполненныхъ золотомъ, серебромъ и дорогими каменья-

ми. Наши смѣльчаки наперерывъ набивали свои карманы червонцами, золотыми запястьями и другими украшениями; иногда попадались имъ ожерелья изъ восточнаго жемчуга. Когда начинала уже пятюпять ихъ добыча, они со спрахомъ начали посмапривать на очарованныхъ воиновъ, споящихъ хопя безъ движенія, но не сводящихъ съ нихъ грозныхъ взглядовъ. Вдругъ, пораженные внезапнымъ спрахомъ, они бросились къ лѣстницѣ, и падая другъ на друга, коѣ-какъ добрались до верхняго погребца, гдѣ нечаянно погасили благовонную свѣчу, и въ то же время, разверспый сводъ грянулся съ ужаснымъ прескомъ.

Въ испугѣ, они не оспанавливались ни на минутому, пока не вышли изъ башни и не увидѣли сквозь древесную сѣнь звѣзднаго неба. Тогда они съли на правѣ и раздѣлили между собою добычу, довольспвуясь на сей разъ чельшкомъ споявшихъ передъ очарованнымъ сундукомъ сосудовъ, и давъ себѣ слово въ одну изъ слѣдующихъ ночей добраться до ихъ дна. Для взаимнаго обезпеченія, они раздѣлили палисманы: одинъ взялъ себѣ свипокъ, а другой свѣчу, и оба съ радостію въ душѣ, съ полными карманами, направили шаги въ Гренаду.

Когда они спустились съ возвышенія, Мавръ съчелъ нужнымъ предосперечь своего клеверепроствака.

«Послушай, любезный *Перегиль*, сказалъ онъ, похождение наше должно хранипться въ глубочайшей тайнѣ, пока мы не овладѣемъ сокровищами и не приведемъ себя въ безопасностъ. Если Алькадъ узнаетъ что нибудь объ этомъ, мы пропали!»

— Ты говоришь сущую правду, подхвипилъ водонось. Я извѣдалъ его. Но положишься на мою скромностъ.—

«Любезный *Перегиль*, я знаю что ты человекъ разсудителный и не сомнѣваюсь, что ты сохранишь это въ тайнѣ; но у тебя есть жена.»

— Она ни слова не услышитъ о помъ,—сказалъ водонось рѣшкптельно.

«Довольно, сказалъ Мавръ; я теперь спокоенъ.»

Нельзя было дать обѣщанія съ болѣею искренностію и рѣшительностію содержать его; но, увы! какой мужъ можетъ скрыть пайну отъ жены своей? По крайней мѣрѣ, не такой, какъ *Перегиль*, самый спрастный и покорный изъ мужей. Возвратясь домой, онъ издали услышалъ, что жена его сядя въ углу ворчитъ про себя.

Завидѣвъ его, она вскричала: «что съ тобой сдѣлалось? ты бродишь до сей поры и Богъ въспѣ въ какихъ мѣстахъ. Мудрено, что ты не привелъ еще другаго Мавра.»

Потомъ залившись слезами, она начала бѣситься и билъ себя въ грудь.

«Какъ я несчастна! говорила она; что со мною будетъ? Домъ мой разоренъ, разграбленъ приказными и альгвазилами; мужъ не заботится о пропитаніи своей семьи и проводитъ дни и ночи съ невѣрными Маврами. Злополучные дѣти! что будетъ съ вами? Намъ оспаеся просить милостыню подъ окнами!»

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Н Д И Н А.

Я вѣрю, о други! разказу преданій
Съдой спаринны!

Нашъ мръ преисполненъ эфирныхъ созданій;

Но чувства земныя имъ Небомъ даны.

Я вѣрю: есть Сильфы; вечерней порою,

Лишь солнце, склоняясь къ водамъ,

Одѣнетъ весь западъ румяной зарею,

Незримые, вьюся они къ небесамъ;

И есть Саламандра, духъ, пламени жипель;

И Гномъ, подземельныхъ сокровищъ хранипель;

Но юнымъ Ондинамъ удѣломъ рѣка:

Жилище ихъ въ гибкихъ кустахъ проспника,

И часто, жилище свое покидал,

Всплываетъ на лоно кристалльное водъ

Ондина младая,

И сладкія пѣсни, плескаясь, поѣтъ.—

И шайнымъ завѣщамъ могучей судьбины,

Всѣ: Гномъ, Саламандра, и Сильфъ, и Ондины,

Не чужды печалей и горести узъ,

Коль съ смертнымъ вспуаюшь въ сердечный союзъ.

Однажды, вечерней порою,
Рыбакъ молодой,
Къ дернистому берегу пошкнуетъ главою,
Сидѣлъ надъ рѣкой;
Задумчивъ, внимаешь онъ пѣсни чудесной,
Чарующимъ звукамъ пѣвицы безвѣстной:
«Подъ водою, въ глубинѣ,
«Я жилище основала:
«Тамъ опрадно слушаешь мнѣ
«Шумъ пекучаго кристалла;
«Каждой ночью, при лунѣ,
«Съ беззаботностію моею,
«Засыпаю на волнѣ,
«Колыхаемая ею.
«Но лишь день на небѣ вспалъ,
«И я ложе покидаю,
«Крупный жемчугъ и кораллъ
«Въ косу русую вплешаю.
«На песокъ, между кремней,
«Я рисую образъ милый:
«Врѣзанъ въ памяти моей
«Онъ таинственною силой!
«Здѣсь нарциссъ—краса береговъ,
«Здѣсь лилея голубая:
«Благовоніе цвѣтровъ
«Пьетъ Ондина молодая.
«Я люблюю, подъ волной,
«Какъ на солнышкѣ играя,
«Золотистой чешуей
«Рѣзвыхъ рыбокъ блещетъ сная.
«Въ глубинѣ кристалльныхъ водъ
«Силой властвую улыбки:
«Ей покоренъ мой народъ,
«Мои рѣзвенькія рыбки.
«И тебѣ, ночной порой,
«Я опдамъ залогомъ спрасти,
«Осоковый перспенъ мой,
«Знакъ моей подводной власши.
«Ты приди, когда луна
«Поплыветъ подъ небосклономъ,
«И взойдетъ, отражена
«Свѣшлыхъ водъ глубокимъ лономъ.
«Только звѣзды по волнамъ
«Кинутъ искру золотую,
«Я любимому предаю
«Красоту мою младую.»

«Сердце милого зовешь;
 «Ты приходи, моя опрада!
 «Подъ блиспапельный намешъ
 «Тонкихъ брызговъ водопада!
 «Тамъ я въ знойные часы,
 «Въ сладкой нѣгѣ отдыкала;
 «Капля перловой росы
 «Ликъ Ондшинъ отражала;
 «И вдругъ шумъ и вижу я,
 «По рѣкѣ плывешъ ладья.
 «Ты былъ въ ней, пловецъ прелестный!
 «И сквозь листья осоки,
 «Ты звездою счѣлъ небесной
 «Дѣву свѣтлую рѣки!
 «Съ той поры, моей Судьбиной
 «Ожиданіе одно,
 «И покинушо Ондипой
 «Перламутровое дно;
 «Съ той поры, въ правѣ прибрежной,
 «На коврѣ моихъ цвѣшовъ,
 «Взоръ опыскиваетъ нѣжный
 «Друга милого слѣдовъ;
 «И съ тѣхъ поръ, мой глазъ призывный
 «Раздаеися по волнѣ:
 «Онѣ тебя, пловецъ мой дивный,
 «Всѣ зовешъ, зовешъ ко мнѣ.
 «Приходи! я на долинь
 «Дожидаюся тебя;
 «Разгадай своей Ондинѣ
 «Тайну смертныхъ бышя.
 «Совершись мое желанье!
 «О! приходи ко мнѣ скорѣй,
 «И свое существованье
 «Въ грудь Ондины перелей!
 «Нѣтъ мнѣ горестей опоры;
 «Для меня—всегдашній рай;
 «Ахъ! возьми мои забавы,
 «Мнѣ свои печали дай!
 «Я теперъ внимаю-ль шуму
 «Легкихъ струй и вѣтерка,—
 «На челѣ рисуешъ думу
 «Мнѣ ушныя рука;
 «Ты меня, мой другъ прекрасный,
 «Въ мѣръ безвѣстный перенѣсь!
 «Скученъ бышъ однообразный:

«Я хочу любви и слѣзъ!
 «Что за жизнь—коль нѣтъ справедий!...
 «Что за жизнь—коль нѣтъ желаній!...
 «Мнѣ за чѣмъ моя краса?
 «Хоть блаженства я не знала,
 «Но оправдая слеза
 «Мнѣ рѣсницъ не орошала!»

И скоро узнала печали она,
 И долго ходила Ондина младая,
 Слезою горячей цвѣтны орошая:
 И горькія слѣзы смывала волна!

Платонъ Волковъ.

LOGOGRIPHE.

Sur mes huit pieds, lecteur, le démon de la guerre
 Par mon aide a souvent signalé ses fureurs.
 Sur cinq, également, mon cruel ministère
 Dans des murs assiégés a coûté bien des pleurs.
 Veux-tu me dissequer? Chacun dit qu'à la scène
 Sur les pas du faux goût tristement je me traîne.
 Cherche toujours: chantre né des héros,
 De sauvages accords je frappe les échos;
 Je te présente encore une célèbre ville;
 Un vêtement, au sexe utile,
 Par qui sont dessinés les contours les plus doux;
 Dans la tempête un assuré refuge;
 Ce dont l'invention, doit dater du déluge;
 Un être qu'on révère au pays des Indous;
 Et, mes dames, enfin (honne qui mal y pense),
 Ce qui nous donne droit à la toute puissance.

Въ No 67, помѣщенный омонимъ значить: *Бабка.*

M O D E S.

On fait de nouveaux dessins imprimés pour les mouchoirs du matin. Ce sont des bouquets détachés semés à distance dans le plain. Ils sont encore peu adoptés, et manquent d'élégance; bientôt, pense-t-on avec quelque raison, les femmes en viendraient à porter des foulards. Ignoble! il ne leur resterait plus qu'à faire usage du cigare, de la chique, et à porter toutes la tabatière! Quels que soient les efforts des *bousingotes* pour faire prendre en faveur, par sympathie pour l'égalité, des coutumes aussi repoussantes, elles n'y parviendront assurément pas. La cour, depuis que le comptoir et la cour ne font qu'un, a cessé de donner le ton. Les toilettes, comme les habitudes, resteront

simples, parce qu'à cette condition seulement elles seront toujours distinguées; mais il y a loin de la *simpli-cité* qui ne doit pas cesser d'être élégante, au *négligé* que le bon goût réprouvera toujours, et que la mode n'avouera jamais.

En toute chose, et pour ce qui concerne les arts, l'architecture, par exemple, celle qui est journellement appliquée aux constructions les plus nouvelles, on remarque la même préférence pour ce qui se rapproche de la simplicité.

Au lieu de ces ornemens de mauvais goût, c'est de la recherche dans le nécessaire, de l'élégance dans l'utilité. Remarquez dans ses détails un hôtel nouvellement bâti. En entrant, voyez la porte-cochère, elle est de chêne, peinte comme du chêne. Le marteau est un énorme anneau que tient dans ses dents une énorme tête de lion, un faune, une méduse. Point de peinture; la tête, l'anneau sont de cuivre poli et brillant. La rampe de l'escalier, au pied duquel se trouve une natte de roseau, est en fer et cuivre poli, la barre en acajou.

Dans la salle à manger, qui, le soir, est éclairée par une lampe de bronze, suspendue au plafond par trois chaînes de bronze, le carreau est recouvert d'une toile cirée, quelquefois elle imite la pierre de liais ou des nottes. La table est recouverte d'un tapis de laine. Ce tapis carré, bordé d'une frange, est un tissu fin, croisé à deux faces sans envers. Le dessin est damassé; fleurs très-larges avec feuillage et guirlande pour bordure, au milieu un gros bouquet. — Les chaises sont d'un jonc flexible et délicat. Les rideaux blancs, de percale ou de mousseline, et non pas d'étoffe. Ils peuvent être bordés tout autour d'un large galon de couleur.

М О Д Ы.

Плапки для упра печатають новыми узорами. Опдѣльные букеты разбросаны по группѣ въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Они мало еще въ употребленіи, и совсѣмъ не щеголеватны; скоро, предполагають довольно основательно, женщины будутъ носить фулары. Неблагодарно! Имъ оспаешся только курить сигарки, класть въ ротъ табакъ и нюхать всѣмъ табакъ! Какія бы не были усилія *бузиготокъ* ввести въ употребленіе, по склонности къ равенству, столь опвращивательные обычаи, но конечно онѣ до того не достигнутъ. Наряды, какъ и привычки, оспа-

нулись проситы: съ этимъ условіемъ только онѣ будутъ всегда опличны; но далѣко отъ той простоты, которая должна быть всегда щеголеватая, до простоты (*négligé*), которую никогда не одобритъ хорошей вкусъ, и мода не признаетъ.

Во всемъ, что касается до художествъ, въ архитектурѣ, на примѣръ, приспособляемой къ новейшимъ строеніямъ, замѣтно то же предпочтеніе къ тому, что приближается къ простотѣ.

Вмѣсто украшеній дурнаго вкуса, вы видите щеголеватость въ необходимомъ и полезномъ. Разсмотрите подробно недавно построенный домъ. Войдя, вы видите ворота; они дубовыя, выкрашены подъ дубъ. Молодкомъ служить огромное кольцо, которое держитъ въ зубахъ огромная львиная голова, или Фауна, или Медузы. Безъ краски; голова и кольцо изъ полированной блестящей мѣди. Перилы у лѣстницы, въ началѣ которой лежатъ коврикъ изъ простики, сдѣланы изъ желѣза и полированной мѣди; ручки изъ краснаго дерева.

Въ столовой, которая вечеромъ освѣщается бронзовою лампою, подвѣшенною подъ пополокъ прѣмя бронзовыми цѣпями, полъ покрытъ клеѣнкою, сдѣланною на подобіе камня *liais* или простикиковой плетенки. Столъ покрытъ шерстянымъ ковромъ. Коверъ четверугольный, съ бахрамою; шканъ весьма тонкая, безъ изнанки на оба лица; узоръ камчатный; большіе цѣпты съ листьями; кайма гирляндю, въ срединѣ большой букетъ. — Стулья изъ гибкаго, легкаго простики. Занавѣски бѣлыя, перкалевыя или кисейныя, а не шелковыя. Ихъ можно обшивать вокругъ цѣпнымъ галуномъ.

С М Ъ С Ъ.

Величайшее военное производство. — Едва ли въ какомъ нибудь государствѣ происходило столь огромное военное производство, какъ недавно въ Англии. По общимъ военнымъ вѣдомостямъ отъ 20 Августа минувшаго 1831 года, 22-го Юля 1830 года въ Лондонѣ Королемъ пожалованы: 2 Фельдмаршала, 30 полныхъ Генераловъ, 47 Генераль-Лейптенантовъ, 70 Генераль-Маіоровъ, 122 Полковника, 90 Подполковниковъ, 180 Маіоровъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 69.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 27 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Кто съ пользою Отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится;
А кто полезнымъ быть способности лишѣтъ,
Чужая сторона тому всегда пріятна:
Не быши гражданинъ, тамъ меньше презрѣтъ онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна!

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ,

*Историческій романъ XV столѣтія. Соинен.
Павла Свинына. Въ 4-хъ частяхъ въ 12.—
Москва.*

Читаль — и сердцемъ сокрушился
За чѣмъ читать учился. —

Давно ли роптали, что въ Россіи весьма мало оригинальныхъ романовъ, что только и встрѣчаемъ искаженнаго *Вальтеръ-Скотта* съ надписью на заглавномъ листкѣ: *переведено съ Англійскаго*, хотя переводчикъ сполько же разумѣлъ по Англійски, сколько я, покорный вашъ слуга, смыслю по Арабски. — Теперь, кажется, грѣхъ жаловаться на недостатокъ *оригинальностей*; Москва щедро снабжаетъ насъ оними; въ рѣдкомъ номерѣ газетъ не увидимъ романа Александра Андреевича *Орлова*, *Гурьянова*; недавно возвѣспили онъ объ историческомъ романѣ *Полеваго* и, наконецъ, на дняхъ объявили о произведеніи Павла Петровича *Свинына*.

Читая сей послѣдній, хотя вещь совершенно новую, вамъ покажется, будто бы вы чи-

таете что-то знакомое, гдѣ-то читанное уже. И въ такомъ предположеніи никакъ не ошибетесь: двѣ претии романа *Г. Свинына* вырваны изъ исторіи *Карамзина*, изъ *Княженія Василія Васильевича*; съ тою только разницею, что гдѣ у Исторіографа сказано: Великій Князь *отбылъ* туда-то, тамъ у исторіи-кописца написано: Великій Князь *отъ-халъ* туда-то, и на оборотъ. Невѣрующаго читателя просимъ опъ бездѣлья заняться симъ сравненіемъ.

Дочитавъ послѣднюю страницу *Шемякина Суда* (если у васъ доспанетъ на сіе перпѣніи), вы невольно спросите: да гдѣ же эпиптъ судъ? Почему названа такимъ образомъ сія книга? — Объ эпиптѣ, М. Г., я не могу вамъ доложитъ; не угодно ли будетъ обратиться съ вопросомъ вашимъ къ самому Автору.

Если Авторъ полагалъ, что онъ доспапочно оправдалъ названіе своей книги, сказавъ, что *Шемяка* лишилъ зрѣнія Великаго Князя, то мнѣніе сіе ложно: ибо таковой поступокъ *Шемяки* не естъ приговоръ хищнаго, несправедливаго судьи, а безопчетный поступокъ самовласнаго злодѣя. Вездѣ, гдѣ Авторъ спремился выказать *Судъ Шемяки*,

онъ только рассказывалъ о насилъяхъ и грабежахъ разбойника. Мнѣ кажется, что поступокъ, который г. *Свиньинъ* назвалъ *Шелякинъ Судь*, правильнѣе было бы назвать: судъ Хана надъ Великимъ Княземъ Василемъ Васильевичемъ и его дядею: ибо о семъ Ханскомъ судѣ, Авторъ весьма проспранно изволилъ разглагольствовать въ своемъ романѣ: описываетъ проски и ухищренія пиящихъ и ихъ клеветовъ, лихоимство Дивана, и наконецъ, рѣшеніе Хана—хотя впрочемъ, всѣ эти подробности, за точность которыхъ ручается Авторъ въ своемъ предисловіи, весьма упомятельны, всѣмъ и каждому извѣстны и новаго въ путь ничего не встрѣтите.

Всего забавнѣе, что въ эпозъ длинномъ, предлинномъ, черезъ чуръ длинномъ *Судѣ*, кто бы, вы думали, занимаетъ мѣсто Президента?—Шеляка?—нѣтъ! Великій Князь?—ни мало! Вы эпого во вѣки вѣковъ не угадаете, любезный читатель: герой въ *Шелякина Судѣ* г. *Свиньина*, естъ—Цыганъ *Утѣшка*.—Вамъ эпо смѣшно? и я съ вами согласенъ, и готовъ вмѣстѣ хохотать:

Смѣяться право не грѣшно

Надъ шлемъ, что истинно смѣшно.

Въ предисловіи своемъ Авторъ говоритъ, что *любовь есть душа всѣхъ отличныхъ романовъ, какъ и всего живущаго подъ луною* (*). Нѣтъ сомнѣнія, что прекрасныя Россіянки и въ старину имѣли любовь, какъ и нынѣ, имѣли тѣ же страсти, какъ и прелестныя ихъ потомки....

Вѣроятно для того, чтобы показать, какимъ образомъ сіи страсти укрощались въ тѣ времена, Авторъ вклеилъ въ романъ свой преподробное описаніе ужасной секты Скопцевъ. Карпина, могущая вселить ужасъ не только прекрасному полу, но даже мужчинамъ, для которыхъ описывать сіе казалось бы не нужно. Послѣ всего вышеизложеннаго, не пора ли спросить: для кого же изволилъ трудиться Павелъ Пепровичъ, не ужели для своихъ прелестныхъ соотечественницъ?

О слоги Автора судить трудно, потому что большая часть романа Г. *Свиньина* состоитъ, какъ я уже сказалъ, изъ клочковъ *Карамзина*, не искусно смѣанныхъ на жи-

(*) А почему же не подъ солнцемъ? *Прим. Наборщика.*

вую нипку; а гдѣ доводился читать произведеніе самаго сочинителя, тамъ по кожѣ подираешь, какъ будто бы по кирпичу стекломъ водить. Въ романѣ, мною разбираемомъ, искрятся иногда и остропы.

Упоминательныя четыре части романа, названнаго *Шелякинъ Судѣ*, кажется, написаны только для того, чтобы извѣститъ насъ, о чѣмъ Господинъ *Свиньинъ* называется *Свиньинъ*. Павелъ Пепровичъ изволилъ повѣствовать, что былъ Князь *Баба*, выдумавшій спрой, на Руси неизвѣстный: назывался сей спрой *Свиная голова*, и за эту Свиною голову прозвали его, Князя *Бабу*, *Свиньинъ*.—А чтобы читатели еще болѣе повѣрили словамъ Павла Пепровича: то онъ въ окончаніи своего романа добавляетъ, что въ Костромской губерніи, близъ города Галича, находится превысокая гора, называемая *Свиньинскою*.—

Одного только жаль того, что Павелъ Пепровичъ, описывая намъ подвиги Князя *Бабы*, не совсѣмъ вѣрно освѣдомился о томъ, что значилъ спрой: *Свиная голова*. Въ 3-й части, на стр. 23, сказано:

«Для большаго успѣха сего строя, нынѣ называющагося кареемъ, а у нашихъ предковъ извѣстнаго подъ именемъ Свиной головы...»

Я, нижеупомянутый, честь имѣю довести до свѣдѣнія Павла Пепровича, что Свиная голова не каре, а изломанный подъ пупымъ угломъ фронсъ, спрой весьма невыгодный (*).

Э.

БѣГСТВО ПЕТРА ИВАНОВИЧА ВЫЖИГИНА ВЪ ПОЛЬШУ,

Нравственно-сатирической романъ. Сочиненіе Александра (Анѣимовича) Орлова. Москва. 1832. Съ Латинскими эпиграфами: Vitia sine magno magistro discuntur.

Кто печатаетъ на свое издвѣненіе, кто раскупаетъ, кто читаетъ эти несчастныя издѣлья Московской промышленности?

Иванъ Гурьяновъ, Авторъ нравоописательнаго романа XIX вѣка: **Новый Выжигинъ** на

(*) Сіе построеніе было употреблено Англичанами въ сраженіи подъ Фонтенуа. Пока Французы нападали на Свиною голову (передній уголъ, который былъ уставленъ пушками) не массажи и не вдругъ, до пѣвъ поръ

Макарьевской ярмаркѣ, сподвижникъ по литературной мануфактурѣ *Ивана Зимулина* и *Ивана Глухарёва*, весьма удовлетворительно изъяснилъ эпо. Онъ вложилъ въ уста одному купеческому прикащику слѣдующіе слова: «ты вѣдь слышалъ, что вездѣ хвалили *Ивана Выжигина*, всѣ покупали: книгопродавцамъ барыши были большіе. Ну, такъ вотъ поже и въ книжной торговлѣ случилось, что у насъ бываетъ: какъ-то фабрикантъ поварь лучше, подъ пѣмъ штемпелемъ и худой ползѣтъ съ рукъ: такъ-то и эти книжки выходили подъ заглавіемъ по *дѣтей*, по *внучатъ*, по *крестнаго отца Выжигина*; а теперь ужъ появилась *смерть его и церемоніаль похоронъ его.*»

Блгство Выжигина хуже всѣхъ книжонокъ, подъ сею фирмою изданныхъ: ни полку, ни смыслу, ни конца, ни начала, ни середины. Полтора листа крупной печати, на скверной бумагѣ, а продается по полтора рубля!!!

Конечно, въ столицахъ и губернскихъ городахъ не раскупаютъ и 10-ти экземпляровъ. Но книгопродавецъ уступилъ всѣ шесть сопенъ по полницѣ въ долгъ бородамъ-разнощкамъ, получивъ при сотенки рублёвиковъ, срѣчь не болѣе, какъ вчетверо, или, говоря купеческимъ языкомъ, по 3 рубля на 1 рубль. Да такой выгоды *Слѣнинъ* не имѣлъ отъ исторіи *Карамзина*, *Смирдинъ* отъ сочиненій *Державина*, отъ басенъ *Крылова*, отъ балладъ *Жуковского!*

Разнощики, или правильнѣе, разнощики также не въ накладъ сбудутъ ихъ съ рукъ въ уѣздныхъ городахъ секретаршамъ, женамъ управляющихъ пипейными сборами повѣренныхъ, надсмотрщицамъ, повылчицамъ, экспедиоршамъ; въ селахъ, сельцахъ, деревняхъ и хуторахъ мѣлкопомѣстныхъ барынямъ, однодворкамъ, прикащичамъ. Безграмотные, но не безчѣпные промышленники литературною мѣлочью не на деньги только продаютъ свой товаръ; они промѣниваютъ сей и одношёрстные съ нимъ романы на посконную холщину, на вѣники, на прятпѣ, на мерлушки.

Швердинскій.

она громла и пѣхоту и конницу; когда же сильная колонна, предводимая Герцогомъ Риншельё, ударила во флангъ: то сраженіе было потеряно.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗАВѢЩАНІЕ МАВРА.

(*Окончаніе.*)

Честный *Перегиль* сполько впревожился печалію жены своей, что самъ не могъ удержатъ слѣзь. Ему надлежало облегчить свое сердце, также полное, какъ карманъ. Онъ вынулъ изъ послѣдняго при или четыре золотыя монеты и положилъ ихъ на колѣни бѣшеной и огорченной. Бѣдная жена не понимала, что значить эпотъ золотой дождь. Но не успѣла она опомниться отъ перваго изумленія, какъ мужъ показалъ ей золотую цѣпь, горящую какъ жаръ; тогда удивленіе ея дошло до крайней степени.

«Пресвятая Владычица, защити насъ! воскликнула жена. Что ты сдѣлалъ, *Перегиль*, ужъ не ограбилъ ли, не убилъ ли ты кого?»

Только что родилось сіе подозрѣніе, какъ потчасъ превратилось въ увѣренность. Бѣдная женщина видѣла въ мысляхъ пюрью, висѣлицу и на ней качающагося своего мужа; сіе споль ужасное зрѣлище причинило ей жестокия судороги. Что оставалось дѣлать бѣдняку? Одно было средство къ облегченію состоянія жены его и къ разсѣянію пустыхъ спраховъ: рассказать ей о неожиданномъ счастьи своемъ. Впрочемъ, онъ взялъ съ неѣ предварительно поржеспвенную кляпву: никому изъ смертныхъ не открывать его тайны. Трудно описать ея воспоргъ; она обхватила мужа и чуть не задушила его въ своихъ объятіяхъ.

— Теперь, жена, сказалъ онъ съ поржеспвующимъ видомъ: что скажешь ты о завѣщаніи Мавра? Впередъ, надѣюсь, ты не спанешь упрекать меня за помощь, оказываемую въ несчастіи ближнему? —

Добрый водоносъ легъ на свою овчинную постель, и также покойно заснулъ, какъ бы на пуховикахъ. Но отъ жены его сонъ былъ далѣкъ. Она высыпала всё изъ кармановъ *Перегилля* на цѣновку и всю ночь пощипала деньги, по примѣривала ожерелье и длинныя серги, соображая, какою знатною будетъ она госпожею, когда ей позволятъ пользоваться сими драгоценностями.

На другой день упрямь, честный водоносъ взявъ одну золотую монету, предложилъ извѣстному золотыхъ дѣлъ мастеру промѣнять её на мѣлкія деньги, говоря, что онъ нашелъ её въ развалинахъ Альгамбрскихъ. Мастеръ тотчасъ опмичилъ высокую пробу золота; но давалъ только претью долю цѣны. Водоносъ былъ очень доволенъ и поспѣшилъ купить на вымѣненные деньги новое платье для всѣхъ дѣтей, кучу игрушекъ, и всё нужное для хорошаго объѣда. Онъ возвратился домой, разложилъ свою покупку; дѣти безъ памяти прыгали и кружились около него; *Перегиль* вполне чувствовалъ удовольствіе быть опцемъ, которое легче вообразить, нежели описать.

Водоносова жена крѣпко хранила пайну полтора дня. Во всё это время она бѣгала изъ дома въ домъ съ панинственнѣмъ видомъ, едва переводя духъ; она не давала однакожъ воли своему языку, когда находилась въ кругу своихъ пріятельницъ. Правда, она не могла воздержаться отъ нѣкоторыхъ замѣчаній на счетъ оборваннаго платья своего и прочаго, сказавъ мимоходомъ, что ей нужно купить новое длинное платье на фижахъ, обложенное золотою тесьмою съ оливками, также блондовую манжилью. Она дала замѣпить сверхъ того, что мужъ ея намѣренъ оставить свое ремесло, которое слишкомъ тяжело при его здоровьи, прибавя, что они собираются провести лѣто въ деревнѣ, особенно для дѣтей, дабы дать имъ подышать горнымъ свѣжимъ воздухомъ; ибо въ жаркое время нѣтъ почти возможности жить въ городѣ.

Сосѣди слушая сіи рассказы, посматривали другъ на друга, полагая, что эта бѣдная женщина потеряла рассудокъ. Когда она уходила, то ея заносчивость, жеманство и хвастовство были предметомъ забавы и колкихъ насмѣшекъ.

Впрочемъ, если она внѣ дома обнаруживала такую твердость души, за то вполне вознаграждала себя дома: надѣвъ на себя жемчужное ожерелье и золотыя, осыпанныя алмазами запястья, украсивъ брилліантовымъ перомъ голову, она расхаживала въ своихъ лахмотьяхъ по гнѣсной комнапкѣ, посматриваясь отъ времени до времени въ опломокъ зер-

кала. Наконецъ, подспрѣваемая суетностью, она не могла опказать себѣ въ удовольствіи сѣсть подлѣ окна, чтобы насладиться дѣйствіемъ своего убора на проходящихъ.

Судьбѣ угодно было, чтобы болтливыи цирюльникъ Педрилло *Педруго* спадѣлъ въ это время въ лавкѣ своей ничѣмъ незаптый. Испытательный взоръ его тотчасъ привлеченъ былъ блескомъ алмазовъ. Онъ побѣжалъ на чердакъ и выглянувъ въ слуховое окно, узналъ водоносову жену въ лахмотьяхъ, украшенную дорогими каменьями, подобно восточной Принцессѣ въ день свадьбы. Онъ тотчасъ составилъ описъ всѣмъ украшениямъ и пустился къ Алькаду. Тотчасъ извѣстный чупьемъ своимъ Алгвазилъ опправленъ былъ съ порученіемъ, и несчастный *Перегиль* во второй разъ приведенъ былъ къ судѣ.

«Какъ ты бездѣльникъ, вскричалъ несповый Алькадъ, осмѣлился сказать мнѣ, что Мавръ, умершій въ своемъ домѣ, не опказалъ тебѣ ничего, кромѣ пустаго ящика, тогда какъ жену свою видѣли всю въ брилліанпахъ и жемчугѣ? Злодѣй, выдай скорѣе награбленное побою, и приготовься за убійство Невѣрнаго къ висѣлицѣ, которая слишкомъ давно ожидаетъ тебя.»

Водоносъ, пораженный ужасомъ, палъ на колѣна передъ судьей, и подробно рассказалъ ему, какимъ чуднымъ образомъ доспался въ руки его помянутыя вещи. Алькадъ, Алгвазилъ и цирюльникъ съ жадностію слушали повѣсть объ очарованномъ кладѣ. Алгвазилъ посланъ былъ за Мавромъ, который пособлялъ *Перегиллю* дѣлать заклинанія. Мусульманинъ явился почти полумертвый отъ страха, что попалъ въ когти привилегированныхъ гарпій. Видя водоноса съ поникшею головою, съ смущеннымъ и робкимъ видомъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не обрапиться къ нему.

«Глупая скопина, сказалъ онъ ему мимоходомъ, не говорилъ ли я тебѣ, чтобы ты ничего не болталъ своей женѣ?»

Показаніе Мавра совершенно согласно было съ рассказомъ его сообщника; но Алькадъ припворился, будто худо вѣриптъ имъ, грозя шпурьюю и спрогимъ слѣдствіемъ.

«Успокойтесь, высокопочный господинъ Алькадъ, сказалъ Мусульманинъ, имѣвъ время

припши въ себя и снова получивъ присутствіе духа, не надобно упускать счастья, которое въ нашихъ рукахъ. Никто не знаетъ о семь дѣлѣ, кромѣ присутствующихъ здѣсь; будемъ наблюдать тайну. Въ погребѣ найдется столько сокровищъ; что мы всё можемъ обогатиться; если согласимся раздѣлить ихъ поровну, то они откроются, въ противномъ же случаѣ, они навсегда останутся недоступными.»

Алькадъ нѣсколько минулъ наединѣ совѣтовался съ Алгвазломъ; эта спарая лисица сказала своему Начальнику:

— Общайте всё, пока кладъ не будетъ въ вашихъ рукахъ; а тогда всё будетъ ваше; если же *Перегиль* или его сообщникъ заорчатъ, то погрозите имъ, что одного, какъ колдуна, сожгуть на кострѣ, а другаго, какъ Невѣрнаго, посадятъ на колъ.

Алькадъ одобрилъ совѣтъ; онъ подошелъ къ Мавру и сказалъ ему ласково:

«Вы рассказали мнѣ чудныя вещи; можетъ быть это справедливо; однакожь мнѣ должно самому удостовериться. Въ эту же ночь ты повторишь заклинаніе въ моемъ присутствіи. Если въ самомъ дѣлѣ существуютъ такія сокровища, мы дружески раздѣлимъ ихъ, и это останется между нами; еслижъ вы съ *Перегилемъ* обманули меня, тогда не ожидайте пощады.»

Мавръ и водоносъ охотно приняли сіи условія, будучи увѣрены, что всё сказанное ими подтвердилось самымъ дѣломъ. Около полуночи, Алкадъ тихо вышелъ изъ дому, въ сопровожденіи Алгвазила и болтливаго цирюльника, всё хорошо вооруженные. Они вели Мавра и водоноса, какъ невольниковъ, взявъ съ собою осла *Перегилева*, для навьюченія на него ожидаемыхъ сокровищъ. Они пришли къ башнѣ, не бывъ ни кѣмъ замѣчены, привязали осла къ фиговому дереву, и спустились въ четвертый погребъ. Свѣтокъ былъ развернутъ и зажженъ на свѣча. Мавръ прочелъ заклинаніе; земля всколебалась, какъ и прежде, и своды съ громомъ раздвинулись, предпая узкую лѣспницу. Алкадъ, Алгвазиль и цирюльникъ поражены были ужасомъ и не смѣли сойти внизъ. Мавръ и водоносъ спустились въ нижній погребъ, и нашли двухъ сидящихъ воиновъ, неподвижныхъ

и безмолвныхъ, какъ и прежде. Они сдвинули два большихъ сосуда, наполненные золотомъ и дорогими каменьями; водоносъ вынесъ ихъ вонъ одинъ послѣ другаго; однакожь съ большими усиленіемъ, объявивъ при томъ, что болѣе сей тяжести оселъ его не можетъ снести.

— Довольно для насъ этого на сей разъ, сказалъ Мавръ. — Въ этихъ сосудахъ заключается столько богатства, сколько мы унесемъ можемъ, не бывъ замѣчены. Этого достаточно будетъ для того, чтобы провести вѣкъ свой въ изобиліи.—

«Не осталось ли еще сокровищъ въ погребѣ?» спросилъ Алкадъ.

— Да, отвѣчалъ Мавръ, и самые драгоценные: большой сундукъ съ спальной оковкою, наполненный жемчугомъ и дорогими каменьями.—

«Надобно опорожнить весь этотъ сундукъ;» вскричалъ ненасытный судья.

— Я не сойду ни разу болѣе, сказалъ Мавръ грубымъ голосомъ.— Разсудительный человѣкъ долженъ немногимъ довольствоваться; всё излишнее бываетъ вредно.—

«Я также, сказалъ въ свою очередь водоносъ, не прибавлю ни зерна сверхъ силъ моего осла.»

Алькадъ видя, что его приказанія, угрозы и просьбы равно недействительны, обратился къ своей свиты и сказалъ:

«Пособите мнѣ раскрыть этотъ сундукъ; мы раздѣлимъ между собою всё, что въ немъ есть.»

Сказавъ сіе, онъ началъ спускаться внизъ по ступенямъ; Алгвазиль и цирюльникъ послѣдовали за нимъ, хотя не охотно. Мавръ только что увидѣлъ, что они спустились съ лѣспницы, какъ тотчасъ погасилъ очарованную свѣчу. Земля сомкнулась и погребла въ нѣдрахъ своихъ трехъ достойныхъ сообщниковъ. Тогда Мусульманинъ поспѣшилъ выйти изъ подземелья и остановился не прежде, какъ почувствовалъ себя на открытомъ воздухѣ; малорослый водоносъ слѣдовалъ за нимъ, сколько могъ.

«Что ты сдѣлалъ, любезный другъ, сказалъ онъ, едва переводя духъ; свѣтъ Алкадъ съ своею свитою оспались подъ сводами.»

— Такъ угодно Алаху! — набожно сказалъ Мавръ.

«Не позаботишься ли пы освободить ихъ?» спросилъ *Перегиль*.

— Аллахъ да сохранишь меня отъ того! — возразилъ Мавръ, погладя рукою бороду. Такъ судьбою опредѣлено, чтобы они оставались очарованными, пока новый искапель счастья разрушитъ ихъ очарованіе. Да исполнится воля Всевышняго! —

Сказавъ сіи слова, онъ бросилъ огарокъ свѣчи въ самой густой куспарникъ. Дѣло было кончено, и водонось помышлялъ только о томъ, какъ бы скорѣе съ Мавромъ возвратиться въ городъ, ведя за собою осла съ драгоценнымъ выюкомъ. Добрый *Перегиль* дорогою ласкалъ и цѣловалъ ушастаго своего пріятеля, споль неожиданно вырвавшася изъ когшей правосудія. Трудно рѣшить, что больше его радовало, кладъ ли, или возвратившійся сѣрко.

Двое клеверевъ дружески раздѣлили между собою добычу, сколько можно, по равной частип; однакожь Мавръ успѣлъ оплестъ prospectsа, выбирая на свою часть жемчугъ и дорогіе каменья, а на долю *Перегилья* опкладывая золотыя украшенія, которыя впятеро или шестиперо превосходили величипною первые, почему водонось былъ вполне доволенъ смъ дѣлежемъ. Между тѣмъ они употребили всѣ стараніе, какъ можно скорѣе выѣхавъ за границу, чтобы спасти себя и свое имущество. Мавръ возвратился въ Африку, въ свой опечесипственный городъ Тепуанъ. *Перегиль* съ женою, дѣтьми и осломъ своимъ направилъ путь въ Португаллію. Тамъ, пользуясь совѣтами и находясь подъ ферулою достойной своей половины, водонось сдѣлался важною особою. Она закупала длинное пуловище и коропкія ноги малорослаго мужа своего въ камзолъ и нижнее платье, надѣла на него шляпу съ перьями, привѣсила ему шпагу, и переименовала его изъ *Перегилья* въ Дона Педро *Гилья*. Поколѣніе ихъ распространилось; оно состояло изъ веселыхъ, коренястыхъ полстпиковъ. Что касается до Спнѣры *Гилья*, украшенной галунами, бахрамою, кружевами съ головы до ногъ, то она считалась на ряду зажимочныхъ опкупщицъ.

Алькадъ съ своимъ помощникомъ оспались подъ большою о семи сводахъ башнею, гдѣ вѣроятно и теперь находятся. Если бы когда ни-

будь въ Испаніи прекрапилось племя любопытныхъ и болпливыхъ цирюльниковъ, плутовъ-Алгвазильовъ, или корысплюбивыхъ Алькадовъ, то могли бы ихъ опыскашь; но если они ождають подобнаго случая для своего освобожденія, то едва ли имъ не оспавъся очарованными до Спрашнаго суда.

Пер. В. Соколовъ.

ШОТЛАНДСКІЕ МЕРТВЕЦЫ.

Въ Эдинбургѣ и теперь существуютъ старыя дома, напоминающіе убійства и самоубійства. Въ нихъ есть комнаты, которыя получили названіе отъ случившихся въ нихъ чудныхъ приключеній. Сіи названія, сіи воспоминанія, переходящія отъ одного поколѣнія къ другому, дошли до насъ; они возобновляютъ въ нашей памяти испорію древнихъ, знапныхъ Шотландскихъ фамлій, коимъ, безъ сомнѣнія, нѣкогда принадлежали сіи Готпческія развалны. Недавно одинъ старикъ разсказывалъ о коридорѣ въ Неймаркетѣ, который почипають жилищемъ мертвеца-дворянина, около сна лѣтъ тому назадъ, тайно убитаго среди бѣлаго дня, въ ту пору, когда онъ возвращался въ свои комнаты. Жаль, что мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни о мѣстѣ сего спраннаго приключенія, ни о имени жертвы, которое при всемъ стараніи мы не могли опкрыть. Прибавимъ къ тому, что за мѣспечкомъ Бурго есть прокляпый домъ, о которомъ суевѣрные старики разсказываютъ ужасныя вещи. Говорятъ, что въ старину, всѣ жившіе въ этомъ домѣ, принуждены были оспавить оный, по причинѣ спраннаго явленія, которое поразило ихъ въ первую ночь ихъ пребыванія въ ономъ. Вечеру хозяинъ спокойно сидѣлъ за споломъ и читалъ книгу. Окончивъ чтение, онъ хотѣлъ уже лечь спать; внезапная тѣма заспавила его поднявъ глаза, и онъ увидѣлъ, что свѣча его изливала синее пламя. Ужасъ овладѣлъ имъ; онъ окаменѣлъ при видѣ спрашнаго предмета: мертвая голова стояла передъ нимъ и смотрѣла на него; голова сія, по видимому, принадлежала къ пуловищу обыкновеннаго роспа. Бѣдный хозяинъ съ женою своею дрожали, какъ листъ. Въ комнатахъ не видно было ни зги. Варугъ

отворилась дверь, и они увидѣли руку, держащую свѣчу. Рука сія двинулась впередъ и остановилась: можетъ быть пѣло, которому она принадлежала, оспавалось позади сполы. Какъ бы то ни было, хозяинъ и хозяйка увидѣли нѣсколько паръ ногъ, прыгающихъ на полу, какъ будто онѣ танцовали. Явленіе сіе продолжалось не болѣе одной минуты. Оробѣлые свидѣтели сего полуночнаго бала едва въ состояніи были прочесть молитву. Съ той поры домъ сей опустѣлъ и всегда былъ запертъ. Другой подобный домъ находится близъ Бюшананскаго дворца, въ томъ мѣстѣ, гдѣ родился знаменитый издатель *Revue d'Édimbourg*: ворота его на запорѣ съ незапамятныхъ временъ. Исторія гласитъ, что однажды ввечеру, когда повара готовили ужинъ, внезапное явленіе разогнало хозяевъ и поваровъ, и гостей и домочадцевъ: домъ сей навсегда уступленъ запускѣнію. Его никогда не опирали и не починивали: вся утварь, домашніе приборы и посуда сполны на одномъ мѣстѣ, какъ и прежде; даже гусь, который въ протоколѣ показывается жарившимся во время ужаснаго происшествія, еще въ печи дожаривается. Никто не вѣдаетъ, кому принадлежалъ этотъ домъ; никто не слыхалъ его исторіи; никто не видалъ его внутренняго расположенія: это домъ проклятія. Подъ покровомъ сполы чудныхъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія, таится что нибудь не доброе. Любопытные, приближавшіеся къ оному, слышали тяжкіе вздохи! Злой духъ избралъ этотъ домъ для своей безсмѣнной квартиры, и никто не смѣетъ его опшолъ выжечь.

Пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГАДАЛЬЩИКЪ.

Поспавъ передъ свѣчей хорошенькую ручку!
Смотри какъ въ ней дѣвическая кровь
Алѣетъ, какъ заря сквозь дымку облаковъ
Иль перламутровую пучку....
И жилки синія бѣгутъ, какъ ручейки,
По близнѣ твоей руки!...
Но что-жь задумалась, голубушка Алина!

Ты хочешь, чпобъ сказалъ при всѣхъ, гадальщикъ я,
Что, молча, говоришь рука твоя?
Изволь!... Какъ хороша, мой другъ, твоя судьбина:
Прекрасна, какъ весной веселая долина,
Когда въ ней первые прорѣжутся цвѣтши!...
Вотъ жизни линія—прямая какъ дорога...
На ней какія-то неясныя мечпы:
Конечно встрѣпятся и слѣзки и шревога
И надобливо сполнятся суеты...
Но ты опъ мирнаго, домашняго порога
Далеко не пойдешь....
И знаешь, милая! ты долго проживешь!
Обнимешь дочь и замужъ выдашь внучку:
Кого-жь сама супругомъ назовешь?...
Но за гаданье мнѣ, покажесь, дайте ручку!..

О. Глинка.

РОМАНСЪ.

Не говори люблю мнѣ вновь!
Не пожимай руки украдкой!
Свершилось всё: не мнѣ любовь,
Угасъ восторгъ—исчезъ сонъ сладкой!..

*

Не обращай ко мнѣ твоей взглядъ,
Въ немъ томный блескъ меня перзаешь;
Невыразимой грусти ядъ
Теперь онъ въ грудь мою вливается.—

*

Я помню дни—ихъ прежній свѣтъ
Еще блистаетъ въ душѣ унылой:
Когда твоей пламенный привѣтъ
Мнѣ дѣлалъ жизнь сію сполы милой.—

*

О, сколько счастливъ былъ я имъ!
Всѣ въ мнѣ радостью казалось;
Любимый ангеломъ земнымъ,
Чего желалъ мнѣ оспавалось.—

*

Погибло всё..... волнуешь кровь
Прошедшій сонъ блаженства крапкой.—
Не говори люблю мнѣ вновь!
Не пожимай руки украдкой!

В. Тр—въ.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ законная расправа:
Палаца, Земскій судъ, Правленіе, Управа,

И даже самъ Сенатъ.

Второго въ Нолинскѣ, въ Новомосковскѣ зрящъ,

Онъ спорщикъ, спорилъ съ нимъ не спану.

Переверни его, опять вишь выдепъ онъ:

Вошь какъ впорой мой слогъ и чуденъ и мудрѣнъ!

Сѣвъ въ цѣлое, пловець лепилъ по Океану.

Швердинскій.

Въ No 68, помѣщенный логогрифъ значить: *Bombarde*; въ немъ слова: *bombe, drame, barde, Rome, robe, rade, rate, brame* и *barbe*.

М О Д Е С.

Dans l'appartement intérieur, nous ne retrouvons de draperies nulle part. Toujours de gros plis attachés par un anneau.

Aucune dorure aux gros meubles; seulement, comme si le bois le plus à la mode, le bois de palissandre était trop sévère, on le relève souvent avec des incrustations de citron ou d'érable. On donne à ces applications l'aspect des dorures. La serrure en est garnie, et un riche arabesque se voit sur le devant d'un lit ou sur le haut d'un secrétaire ou d'une console.

Sur les cheminées, des pendules de bronze ou de marbre, des caisses, des flacons, des coupes de porcelaine peinte comme du vieux Sèvres.

Puis des tables à ouvrage; des étagères en bambou travaillé. Sur les étagères, qui se relèguent dans un coin de la pièce, on continue à placer mille petits objets de goût, de toute espèce, de tous pays surtout, car dans ces *bazars* particuliers, la grande recherche est d'offrir à l'examen, non pas ce qui peut se rencontrer tous les jours, mais ce que Paris ne se procure qu'avec peine, ce qui porte avec soi son cachet d'étrangeté.

Voyez sur un de ces rayons, ces tasses à formes évassées, posées sur de larges soucoupes plates, elles sont noires et brillantes comme du jais. Leurs dessins chinois, de fleurs et de petits personnages, sont tout en or; ceci vient de Vienne, c'est du *yolite*, mélange de verre et d'acier.

Et ce petit sucrier de formé ronde, élevé sur un socle. Il est entièrement couvert par une pluie de très-petites fleurs en relief, d'un jaunâtre incertain; le cœur

est un point rose saillant; le bouton est une rose entr'ouverte, dont les feuilles unies rampent appliquées sur le couvercle; deux branches de feuillage vert garnissent également la partie inférieure du sucrier. Son nom est *flower's rains*, il arrive de Londres!

М О Д Ы.

Во внутреннихъ комнатахъ нигдѣ не найдете драпировки; всё большія складки, прихваченныя кольцомъ.

На большихъ мебелихъ нѣтъ никакой позолоты; полѣко, какъ будто самое употребительное дерево *palissandre* слишкомъ темно; его опцвѣчиваютъ наклейками изъ лимоннаго или кленоваго дерева. Наклейкамъ симъ придаютъ видъ позолоты. Замѣкъ имъ же обложенъ; богатый арабескъ видѣнъ спереди кровати или на верху письменнаго стола или консоли.

На каминнахъ бронзовыя или мраморныя часы, ларчики, флаконы, фарфоровыя бакалы, росписанныя какъ спаринный Севрской фарфоръ.

Помомъ столики для работы; эпажерки, сдѣланныя изъ натуральной проспки. На эпажеркахъ; стоящихъ въ углахъ комнаты, продолжаютъ спавить множество небольшихъ вещей, всякаго разбора, особливо изъ всѣхъ земель, потому что въ сихъ привашихъ базарахъ щегольство состоитъ въ томъ, чпобъ выставить на показъ не то, что въспрѣчается всякой день, но что въ Парижѣ доспается съ трудомъ, что носить на себѣ ошпачатокъ иноземства.

Посмотрите! на одной изъ сихъ полокъ, эти чашки, развалистой формы, поставленныя на большихъ плоскихъ блюдичкахъ; онѣ черны и блестящи какъ агатъ. Ихъ Кипайскіе узоры, состоящіе изъ цвѣтовъ и маленькихъ фигурокъ, всё золотыя; это привезено изъ Вѣны; это *Юлито*, смѣсь спекла съ спалью.

А эта небольшая круглая сахарница, поставленная на цоколѣ; она совершенно покрыта весьма маленькими возышненными цвѣточками, неопредѣленнаго желтоваваго цвѣта; сердечко — возышенное розовое пятнушко; пуговка на крышкѣ — полу-открытая роза; гладкіе листья разсплаиваются, прихваченные по крышкѣ; двѣ вѣпки зеленыхъ листьевъ положены также по низу сахарницы. Она называется *flower's rains*, и привезена изъ Лондона.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 70.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 31 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Простой цвѣточикъ дикой

Нечаянно попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой,

И что же? отъ неѣ душистымъ сталъ и самъ.

Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

И. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О СВОЙСТВѢ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ СЖИМАТЬСЯ И РАСТЯГИВАТЬСЯ.

Въ одномъ журналѣ, за чепыре года передъ симъ, было напечатано слѣдующее пророчество о скорой кончинѣ Московскаго Вѣстника: «Увы! Публика доказала, что не безъ польку она раскупаеть книги! *Московский Вѣстникъ*, скажемъ только для примѣра, не смоетря на превозносимыя друзьями достоинствва сего журнала, перья пренумеранповъ и чипапелей, и, въроянно отъ эпаго, жался, сжимался, и пеперь съжился изъ 24-хъ въ 6 книжекъ. Горестное предвѣщаніе, что «таковое спѣсненіе членовъ продолжился долге, и что *Московский Вѣстникъ*, по сжатию своей, сдѣлаеться наконецъ совсѣмъ «незамѣпнымъ апагомъ въ нашей липерапу-«рѣ.»

Сіе гибельное пророчество въщаго врана, къ прискорбію всѣхъ благомыслящихъ Россіянъ, сбылось: *Московский Вѣстникъ* паялъ, паялъ — и погасъ, какъ благовонная свѣча, оставя по себѣ сладкое благоуханіе.

Съверная Пчела распросперла крылья свои вдвое шире — и это пошло ей въ прокъ: уліи

ея спановптся золопымъ изъ позолоченаго. Помогай ей Богъ!

Телескопъ также въ свою очередь расширяеться, распроспраняеться; но выиграеть ли онъ отъ эпаго? Не думаю, если въ немъ, для наполненія пустопорожнихъ мѣспъ, будутъ помѣщатъся такія не естественнo - поддѣльнныя, безтолково-нелппыя и пристрастнo-несправедливныя суды-сужденія, какія напечатаны въ № 9 о послѣдней главѣ *Онъгина* и о претпей части стихопвореній *А. С. Пушкина*.

Желаемъ господину *Телескопу* долгоденспвіа и благоденспвіа и съ возлюбленною сожипельницею его, госпожею *Молвою!*

Швердинскій.

О ВЕЛИКОЛѢПНОМЪ ПРЕДНАЧЕРТАНІИ ИЗДАТЕЛЯ АЛЬМАНАХА *ЦЕФЕЙ*.

Въ краткомъ Мпеологическомъ лекспконѣ, собранномъ трудями *Михаила Чулкова* и напечатанномъ въ 1767 году, подъ липерою *Ц* сказано: «*Цефей*, Царь Аркадскій, не могъ бытъ побѣжденъ до пѣхъ поръ, пока оставался на головѣ его волосъ съ *Медузиной* головы, сорванный *Минервою* и прикрѣпленный на оной.»

Кажется, какъ бы припи въ голову окреспить именемъ сего древняго Греческаго Царя—Русскій литературный календарикъ? Однакожь *никто*, не подписавшій своего имени—издалъ въ Москвѣ, въ 1829 году, *Цесей*.

Теперь пишутъ изъ Москвы, что Издатель *Цесей* намѣренъ съ будущаго 1833-го года издать одиннадцатъ альманаховъ:

Всѣ красавцы молодые,

Всѣ малютки удалые,

Всѣ равны, какъ на подборъ!

Названія имъ уже придуманы, а прочее—бездѣлца! Первый наименованъ—*Цесемль*; второю—будетъ названъ *Нилородомль*, третій—*Зороастромль*; четвертый—*Конфуциемль*; пятому кличка—*Далай-Лама*; шестому—*Фараонъ*; седьмой наречется—*Навуходоносоромль*; восьмой—*Филиппомль II* (Король Испанскій); девятый—*Григориемль XV* (Римскій Папа); десятый—*Генрихомль LXVII-мъ* (Князь Рейсъ-Швейцкій); одиннадцатый—*Наполеонмль Юонапарте*; двѣнадцатый—до сихъ поръ *Имрекъ*, или правильнѣе: *Имля-рекъ*.

Швердтскій.

К О Е - Ч Т О .

Въ кофейномъ домѣ на Ипаліанскомъ бульварѣ произошла ссора между старикомъ и молодымъ человѣкомъ съ черными усками. Она предметомъ общихъ разговоровъ въ Парижѣ. За сею ссорой, какъ водится, послѣдовалъ вызовъ на поединокъ, который не только не спомъ никому жизни, но напроивъ, былъ весьма полезенъ для немущихъ, кои спрадаютъ холерою. Секунданты прибывъ на мѣсто, опмѣрили распояніе и роздали пропивникамъ оружіе. Во время сихъ печальныхъ пригоповленій, молодой человѣкъ расхаживалъ взадъ и впередъ, насвистывая разныя аріи; пропивникъ его, совсѣмъ почти посѣдвшій, не говорилъ ни слова; но когда все было готово, онъ потребовалъ *объясненія*. При семъ словѣ молодой человѣкъ гордо вздернулъ носъ и не хотѣлъ ничего слышать. Старикъ взялъ свой пистолепъ, взвелъ курокъ и, завидя быстро пролепавшую мимо ихъ птицу, сказалъ: «смотри!» Онъ спустилъ курокъ и птица лежа-

ла у ногъ его! Молодой человѣкъ побѣднлъ, а искусный спрѣлокъ продолжалъ: «теперь вы знаете, какъ я спрѣляю; вамъ остается одно изъ двухъ, или драпъся со мною, или пожертвовать 100 наполеондоровъ въ пользу страдающихъ холерою. Выбирайте; прошу не забыть, что чѣмъ больше птица, тѣмъ вѣрнѣе можно попаситъ въ неѣ: вы меня понимаете!» Предложеніе сіе потчасъ принято, и пожертвованная сумма, какъ говорятъ, обращена въ городскую кассу для предназначенаго употребленія.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РОЗИМОРЪ, ИЛИ РЕВНОСТЬ КЪ ДРУГУ.

(Изъ записокъ путешественника.)

Въ 1821 году, желая посѣтитъ города Кадиксъ, Гибралтаръ и островъ Корфу, я отправился изъ Лондона въ первыхъ числахъ Іюня, на отплывшемъ въ Левантъ пакетботѣ. 15 ч. мы бросили якорь у пристани Гибралтара. Въ тотъ же день я представилъ рекомендательныя письма Н. Д., бывшему тогда Комендантомъ крѣпости, и одному изъ моихъ дальнихъ родственниковъ Сиръ *Варингу*, Инженеръ-Полковнику. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Комендантъ пригласилъ меня на балъ, назначенный имъ на слѣдующій день въ губернской залѣ. Сиръ *Варингъ* былъ заслуженный воинъ, человѣкъ прямой и безпристрастный. Принявъ меня, какъ нельзя лучше, онъ замѣтилъ во мнѣ нѣкоторое фамльное сходство.

«Вы пріѣхали очень кспати, любезный племянникъ, сказалъ онъ, крѣпко сжавъ мнѣ руку. На будущей недѣлѣ я выдаю единственную дочь мою *Эмилию* за Капитана корабля А..... Онъ человѣкъ прекрасный, припомъ дворянинъ; иначе не получилъ бы руки моей дочери. Завтра приходите къ намъ объдать и вы его увидите; кспати, я васъ познакомлю съ моей *Эмилией*; но съ тѣмъ, что бы вы въ неѣ не влюбилсь.»

Полковникъ былъ правъ, пребуя опъ меня этаго: ибо на прелести, которыми обладаетъ женщина, принадлежащая одному, другіе все-

гда въ увеличительное стекло смотрятъ. Миссъ *Варингъ* была одна изъ тѣхъ красавицъ, какихъ видалъ я и на яву и во снѣ. Я не беру съ вамъ описать её — много красота потеряла бы оригиналъ въ моемъ слабомъ подражаніи! Мнѣ кажется, что всѣ прелести, свойственныя прекрасному полу, соединены были въ ней въ совершенствѣ.

Познакомившись съ Капитаномъ, я нашелъ въ немъ тѣ достоинства, какія приписывалъ ему Сиръ *Варингъ*.

На другой день, опухнувъ у моего дяди, я отправился на балъ. Услышавъ при входѣ звуки контраданса, я поклонился одному только хозяину; опощедъ къ споронѣ, спалъ у камна, и началъ дѣлать наблюденія надъ группами танцующихъ. Изрѣдка развлекали меня взоры *Эмилии*, которыми она ласково дарила меня, какъ бы изъ благодарности за мое вниманіе. Больше всѣхъ занималъ меня одинъ незнакомецъ, который, стоя на другомъ концѣ залы подъ занавѣскою окна, не сводилъ жадныхъ взоровъ съ юной четы. То былъ красивый, стройный мужчина, съ чрезвычайно выразительнымъ лицомъ; оно показывало нѣкое удивленіе, и въ черныхъ глазахъ его сверкала адская ревность. . . .

«Кто это за военный?» спросилъ я молодого флотскаго офицера, съ которымъ обѣдалъ вмѣстѣ у *Варинга*.

— Его фамилія *Розилморъ*; — отвѣчалъ онъ вполголоса: я догадываюсь, почему вы меня спрашиваете; конечно вы замѣтили, какъ неоптупно слѣдитъ онъ взорами за каждымъ движеніемъ Капитана и его невѣсты. —

«Вы угадали; но скажите, знаютъ ли про это ихъ друзья, ихъ родственники?»

— Не совѣмъ; можетъ быть только мы двое и проникли сію тайну, тѣмъ болѣе, что выраженіе физиогноміи его легко укроется отъ взоровъ неопытнаго наблюдателя. Въ исторіи жизни его есть нѣчто таинственное; я знаю только, что онъ также страстно любитъ *Эмилию*, какъ сильно ненавидитъ Капитана. Представьте себѣ, что въ глазахъ свѣта эти два соперника — неразлучные друзья. Три года назадъ, опьяненный *Розилморъ*, движимый преданностію къ Капитану, спасъ его жизнь неслыханнымъ образомъ, и послѣ того

онъ самъ два раза начиналъ съ нимъ дуэль, съ явнымъ желаніемъ прекративъ имъ же спасенную жизнь!

— Однакожь Капитанъ не забываетъ никогда, чѣмъ онъ обязанъ своему чудному извѣстному и привыкшъ предполагать въ немъ благородныя чувства, не смотря на его крутой, вспыльчивый нравъ. —

Въ эту минуту *Розилморъ* прошелъ мимо насъ.

— Надобно вамъ знать — продолжалъ молодой Офицеръ, — что, за полтора года предъ симъ, *Розилморъ* лишился жены (онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ лишился), и что хотя судъ оправдалъ его въ ложномъ обвиненіи, будто бы онъ оправдалъ её, но еще и до сихъ поръ нѣкоторыя важныя подозрѣнія заспаваютъ многихъ сомнѣваться въ его невинности. Впрочемъ, онъ богатъ, занимаетъ важное мѣсто, и приличіе преобладало, чтобы Правительство пригласило его на балъ.

Контрадансъ кончился, и я подошелъ къ *Эмилии*. Подалъ отъ меня Капитанъ, расхаживая по залѣ съ *Розилморомъ* рука въ руку, весело о чемъ-то съ нимъ разговаривалъ.

Въ Понедѣльникъ, спустя четыре дня послѣ бала, назначенъ день свадьбы. Я провелъ это время, вмѣстѣ съ Капитаномъ, въ кругу семейства моего дяди. За день передъ свадьбою, Капитанъ, прощаясь вечеромъ, объявилъ намъ, что далъ слово *Розилмору* — обѣдать у него на другой день.

Я замѣтилъ, какъ непріятно было сіе для *Эмилии*; но на щѣ ея можно было прочесть скорѣе безпокойство, нежели досаду.

«Другъ мой, сказалъ *Варингъ*, звини меня, но скажу тебѣ откровенно, что *Эмилиа* согласилась бы видѣть своего нареченнаго вездѣ въ другомъ мѣстѣ, лишь бы не у *Розилмора*. Признаюсь, я не люблю эшаго человека.»

— Предубѣжденіе! — воскликнулъ Капитанъ; увѣряю васъ, вы въ немъ ошибаетесь; вы не умѣете цѣнить моего друга. Нѣтъ, я его никогда не покину, я не могу разлюбить его! —

Остановясь, онъ взялъ *Эмилию* за руку и сказалъ съ рѣшимостью: «Вѣрь мнѣ, моя

милая, для тебя я готовъ отказаться цѣлому свѣту, но только не ему; нѣтъ! это не возможно.»

«Надѣюсь однакожь, что мы увидимся завтра упрямъ;» перебилъ Сиръ *Варингъ*.

— Я только что хотѣлъ вамъ сказать это;—присовокупилъ съ живостію Капитанъ напечатлѣвъ жаркій поцѣлуй на рукѣ *Эмилии*.

Мы распались поздно вечеромъ, а на другой день упрямъ были всѣ вмѣстѣ на парадѣ, куда обыкновенно спекаются всѣ праздные жители Гибралтара, желающіе сократить утро. По окончаніи ученія и смотря войску, Полковникъ, жалуясь на усталость, возвратился домой. Я остался одинъ, и стоя у подножія спану Генерала *Эмліо*, задумчиво смотрѣлъ на послѣднее движеніе войскъ; а женихъ съ невѣстою, оставивъ толпу и парадъ, удалились въ пышный лабиринтъ Аламеды, подъ тѣнь развѣсистыхъ деревьевъ, гдѣ сладкій ароматъ цвѣтовъ и шумъ отдаленныхъ водоскатовъ навели на нихъ продолжительное забвеніе. Соскучась ожидать ихъ, я рѣшился одинъ идти къ Полковнику.

Капитанъ сдержалъ слово, данное *Розилору*. Мы думали, что послѣ обѣда онъ поспѣшитъ къ своей возлюбленной, дабы вознаграждать часы разлуки. Вышло напропивъ: онъ не возвращался. Сиръ *Варингъ* не скрылъ своего удивленія. Непримичный поступокъ со стороны Капитана поразилъ его неожиданно. *Эмилиа* казалась нѣсколько печальною, но не произнесла ни какой жалобы.

Въ 11-ть часовъ я ушелъ домой, давъ слово быть у нихъ на другой день въ 9-ть часовъ утра, и помочь имъ въ распоряженіяхъ къ свадьбѣ.

Я не заставилъ долго ожидать себя, и нашелъ *Эмилию* во всей пышности подвѣчнаго убора; она показала мнѣ нѣсколько смущенною въ этой новой, пышной одеждѣ.

Какъ много прекрасно-непорочнаго, какъ много восхищительнаго выражаютъ черты лица невѣсты, прелестной какъ Майское утро; какъ сильно привлекаетъ она къ себѣ взоры всѣхъ, устремляя свои только на одно существо изъ всей изумленной толпы!

Но другія чувства волновали грудь *Эмилии*! Печаль перзала её, и изъ голубыхъ ея глазъ капилась слезы.

Сиръ *Варингъ*, ожидая Капитана, выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнія, и топая ногою, сердился и кричалъ на своихъ людей. Пробило *десять*, а его еще не было!

«Тѣфу пронасъ!... Это меня бѣситъ;» воскликнулъ онъ, и произнесъ сквозь зубы имя *Розилора*.

— *Розилоръ!*—сказалъ я тихо.

«Нѣтъ! я не говорилъ ничего, ничего...» возразилъ онъ едва слышнымъ голосомъ, быстро схвативъ меня за руку: «но если вы слышали, продолжалъ онъ, то бѣгите же скорѣе къ этому человеку и сей часъ возвращайтесь.»

Къ счастью, *Розилоръ* былъ дома. На вопросъ мой: гдѣ Капитанъ, онъ отвѣчалъ, что послѣ обѣда они вмѣстѣ ходили гулять на скалу, но, желая достигнуть вершины оной двумя различными дорогами, разошлись врозь и, не найдя одинъ другаго, съ тѣхъ поръ не видались.

Возвратясь, я сообщилъ это *Варингу* со всевозможными предосторожностями; но мнѣ было трудно скрыть свое душевное волненіе... Бѣдная *Эмилиа* безъ чувствъ упала въ кресла, и приведенная въ память поцѣлуями отца, горько зарыдала, орошая слезами свое подвѣчное покрывало.

Спустилась часть, доложили о пріѣздѣ Коменданта. Я первый встрѣтилъ его и просилъ войти. Онъ увѣрялъ Полковника, что принимаетъ искреннѣйшее участіе въ его горести; что употребилъ всѣ возможные средства проникнуть тайну такого спранныго случая, и, не смотря на то, еще до сихъ поръ не получилъ о Капитанѣ никакого извѣстія. Наконецъ объявилъ, что *Розилоръ* содержится подъ стражею, по показанію часовыхъ, что онъ проходилъ мимо ихъ съ Капитаномъ. Уходя домой, онъ нѣсколько разъ повторилъ обѣщаніе, что приложитъ все стараніе, къ открытію и спасенію нашего молодаго друга, если это еще не поздно.

Сиръ *Варингъ* слушалъ его съ сокрушеннымъ сердцемъ и крѣпкимъ пожатіемъ руки далъ ему почувствовать благодарность за его заботы, за его участіе.

Къ несчастію *Розимора*, первое засѣданіе судей въ Гибралтарѣ случилось на другой же день. И такъ какъ преступленіе его было важно, то его потребовали немедленно къ суду. Хотя онъ не былъ уличенъ, но падавшее на него подозрѣніе было весьма справедливо. Непримиримая ненависть къ другу, доказанная двумя поединками, обстоятельствомъ, бывшія причиною оныхъ и раскрывшія еще болѣе характеръ его, и, наконецъ, показаніе, что обвиняемый, имѣя съ собою скрытно кинжалъ, удалился почти на полмили отъ послѣдняго часоваго, все это увеличивало подозрѣніе.

Чапатель долженъ знать, что валъ, просирающійся вокругъ всей крѣпости, особенно высокъ на западной сторонѣ и окруженъ ровомъ до пяти фотъ футовъ глубиною.

Около этой пропасти вьются двѣ пропихи: одна, легко проходима, достигаетъ извидинами до вершины скалы; другая—проложена по самому краю бездны. Замѣчательно и то, что сіи утесистыя мѣста особенно пустынно съ западной стороны.

Розиморъ былъ обвиненъ и приговоренъ къ смерти. Судъ объявилъ ему рѣшеніе въ Среду, а слѣдующій Понедѣльникъ назначилъ днемъ казни. Въ самый день объявленія, послѣ обѣда, *Эмилія* увела меня къ себѣ въ комнату. Едва успѣлъ я выйти, какъ обратившись ко мнѣ, она вперила на меня быстрый, пронизательный взоръ.

«Я знаю, у васъ доброе сердце, я увѣрена въ вашей дружбѣ..... вы еще молоды....» пропнесла она съ жаромъ и вдругъ оспанилась.—Ужасная мысль мелькнула въ головѣ моей—я ожидалъ отъ нея совершенно другаго признанія.

«Вы поймете, продолжала она, своенаравіе несчастной дѣвушки, пораженной ударомъ судьбы, вы будете къ ней сострадапельны, не откажете ей въ ея просьбѣ.»

—Всѣ гомовъ для васъ сдѣлашь, всё, что могу. —

«И такъ слушайте. Въ эту ночь я видѣла утѣшительный сонъ; я узнала, не вѣдая отъ кого, какъ и откуда, я узнала, что мой другъ, мой милый *Ринальдо* живъ.»

—Боже мой! что съ вами? —

«Вы думаете, что я лишилась разсудка?... Неправда, вы ошибаетесь! И такъ, если вы любите отца моего, если имѣете хотя искру состраданія ко мнѣ, умоляю васъ, не отвергайте моей просьбы! Не теряя времени, возьмите лодку на берегу моря, поѣзжайте по всѣмъ заливамъ, около всѣхъ прибрежныхъ скалъ, пуда, гдѣ водопадъ большаго утеса, словомъ, ищите его вездѣ, вездѣ, понимаете ли?.... Если найдете бездушный прупъ его, не лишайте меня этой оспрады, отдайте его мнѣ—онъ мой: мы клялись принадлежать другъ другу и душою и тѣломъ, и *здѣсь* и *тамъ*.... Но нѣтъ! онъ живъ, увѣряю васъ, онъ живъ еще, я это знаю! Идите же, бѣгите, заклинаю васъ именемъ Бога, а не то удержите какъ нибудь бапюшку, я побѣгу сама.»

Измученный, я споялъ не двигаясь съ мѣста; и вдругъ, увидѣвъ, что *Эмилія*, поднявъ вверхъ судорожно сжатыя руки, упала къ ногамъ моимъ: «Идите же!.... или убейте меня! раздробите ногой мнѣ голову; а не то я спаяу повсюду кричать, что вы слабодушный человекъ, что черствая душа ваша не знаетъ ни любви, ни дружбы, что вы спокрапъ презрѣннѣе *Розимора*, который только похитилъ жизнь, имъ же спасенную, жизнь того, кто меня любилъ.... а вы.... вы меня не любите...., нѣтъ!»

—Оспановитесь, оспановитесь! вскричалъ я—вы заблуждаетесь! Только одно ласковое слово изъ ангельскихъ успъ вашихъ—и я повинуюсь..... —

Она улыбнулась, и къ жаркимъ успамъ прижала руку мою.

—До свиданія, *Эмилія*, сказала я въ какомъ-то душевномъ волненіи, и опрометью пустился къ берегу.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

ГЕРЦОГЪ АЛЬБА ВЪ ЗАМКѢ РУДОЛЬФШТАТЪ
ВЪ 1547 ГОДУ.

(Изъ Шиллера.)

Читая лѣтописи XVI столѣтія, я нашель слѣдующій любопытный анекдотъ:

Въ то время, когда одно имя Герцога Альбы заспавляло каждого препенать, одна бла-

городная Германка своею смѣлостію умѣла обуздать сего страшнаго воптеля, который въ свою очередь едва не запрепеталъ передъ нею. Я говорю о вдовствующей Графинѣ Еккатеринѣ *Шварцбургъ*, происходящей отъ знапной фамиліи, издавна славившейся мужеспвомъ и счпщавшей въ числѣ членовъ своихъ одного Нѣмецкаго Императора.

Въ 1547 году, послѣ сраженія при Мюльбергѣ, *Карлъ V* успремился съ своею арміею на Швабію и Франконію; войска его должны были проходитьъ чрезъ Шварцбургскій Округъ въ Турингенъ. Императоръ обѣщаль Графинѣ, что со стороны Испанцевъ не будетъ никакаго припѣсненія подвластнымъ ей жптелямъ сего Округа. За то она обязывалась снабжать Императорскую армію продовольствіемъ за сходную цѣну, доставляя оное къ мосту на р. Сааль, гдѣ долженствовала переправляться армія. Мостъ сей находился весьма близко отъ Рудольфштапта; изъ предосторожности, она приказала сломать мостъ и отнести его на другое мѣсто, дабы не ввести гостей своихъ въ искушеніе къ грабежу. Въ то же время жители разныхъ селеній, лежащихъ на пути арміи, получили позволеніе, все лучшее изъ своего имущества, снести въ замокъ.

Между тѣмъ, Испанскій Генераль приблизился къ городу съ *Генрихомъ* Брунсвикскимъ и двумя сыновьями сего Князя. Они послали впередъ гонца, сказать Графинѣ *Шварцбургъ*, что предводители Испанскихъ войскъ желали бы имѣть честь у ней опобѣдать, если это ей не проливно. Нельзя было отказать въ столь учпвой просьбѣ: Графиня отвѣчала, что она постарается принять высокихъ гостей какъ можно лучше, надѣясь впрочемъ, что они извинятъ еѣ; между тѣмъ, она снова напомнила объ Императорскомъ обѣщаніи и почномъ исполненіи онаго.

Вскорѣ прибылъ Герцогъ. Дружественный пріемъ, видъ пышнаго стола, дали имъ замѣтить, что Турингенскія знапныя дамы любятъ оказывать гостепрїимство; но только что сѣли за столъ, какъ Графиня вызвана была изъ залы пиршества. Ей донесли, что Испанскіе солдаты позволяютъ себѣ дѣлать

наспія въ ея владѣніяхъ, и что вопреки Императорскому слову, они оппцимаютъ скотъ у поселянъ. *Екатерина* была матерью своего народа; обиду, нанесенную послѣднему изъ подвластныхъ ей, она принимала за личное оскорбленіе. Раздраженная симъ вѣроломствомъ, но сохранивъ спокойствіе и рѣшимость, она приказала вооружиться своимъ людемъ, запелить замокъ и дѣйствовать впайнѣ. Потомъ она возвратилась въ споловую, и съ жаромъ начала упрекать гостей въ безпорядкахъ, производимыхъ войсками ихъ, не смотря на обѣщанное Государемъ ихъ покровительство. Гости ея отвѣчали насмѣшкою, увѣряя, что это учасъ войны, и что при проходѣ арміи подобныя маловажныя непрїятности неизбѣжны. «Увидимъ, отвѣчала Графиня вспыльчиво. Бѣдные подданные мои должны получить удовлетвореніе, или, клянусь небомъ, за кровь похищеннаго скота Князя заплатятъ свою!» При сихъ словахъ, произнесенныхъ твердымъ и грознымъ голосомъ, она вышла. Черезъ минуту зала наполнилась вооруженными людемъ, которые съ мечами въ рукахъ, но въ почпительномъ положеніи, спали за стульями Князей и служили имъ. При видѣ сей воинственной прислуги, Герцогъ *Альба* поубавилъ смѣхъ; спутники его посматривали другъ на друга въ безмолвномъ изумленіи. Отдѣленному отъ своей арміи, окруженному превосходнѣйшимъ числомъ храбрыхъ и рѣшительныхъ людей, что оспалось дѣлать гордому предводителю Испанскихъ войскъ, какъ не усмириться и стараться укротить гнѣвъ хозяйки? *Генрихъ* Брунсвикскій прежде всѣхъ пришелъ въ себя отъ сего минутнаго изумленія. Онъ прервалъ молчаніе громкимъ смѣхомъ, и пользуясь своимъ оспроуміемъ, постарался обратиться въ шутку это приключеніе. Онъ приблизился къ Графинѣ, расхвалилъ ея отважность, ея материнскую попечительность о благосостояніи своихъ подданныхъ, потомъ просилъ еѣ успокоиться, обѣщаясь склонить Герцога *Альбу* къ вознагражденію убытковъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, Герцогъ, по совѣту его, топчасъ отдалъ приказъ арміи о возвратѣ похищеннаго скота. Какъ скоро Графиня увѣрилась, что удовлетвореніе уже сдѣлано, она побла-

годарила гостей, которые распались съ нею весьма учливо.

Симъ поступкомъ Графиня *Шварцбургская* дѣйствительно заслужила данное ей имя Героини. Не менѣе достойны уваженія настойчивость и твердость ея, съ какими она искоренила злоупотребленія монаховъ, дала лучшее устройство училищамъ, и распространила реформатство, введенное уже въ странѣ сей супругомъ ея, Графомъ *Генрихомъ*. Она оказывала покровительство многимъ протестантскимъ проповѣдникамъ, преслѣдованнымъ за мнѣнїя. Между прочими спомни упомануть о Саальфельдскомъ паспортѣ, по имени Гаспаръ *Аквилль*. По званію полковаго духовника, онъ находился съ Императорскою арміею въ Нидерландахъ, гдѣ отказавшись однажды совершить обрядъ крещенія надъ пушечнымъ ядромъ, онъ былъ схваченъ толпою исповыхъ жанатиковъ и брошенъ въ морпирю. Къ счастью, огонь не сообщился опъ запала заряду, мортира не выстрѣлила и *Аквилла* остался въ живыхъ. Въ послѣдствіи, онъ возбудилъ гнѣвъ Императора за смѣлыя обличенія свои съ каведры. Голова его оцѣнена была въ 5,000 флориновъ. По просьбѣ жипѣлей Саальфельдскихъ, *Екатерина* дала ему шайное убѣжище въ своемъ замкѣ. Онъ скрывался здѣсь долгое время, и когда миновала опасность, Графиня великодушно заботилась о его участи.

Графиня *Шварцбургская* умерла на 58 году опъ рожденія и на 29 году правленія; всѣ сожалѣли о ея потерѣ. Бренные оспашки ея покоятся въ Рудольфштапской церкви.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Т Ъ Н И Д Р У Г А.

Ты достигнулъ свѣтлой цѣли,
Я грущу въ юдольной мглѣ;
Но за чѣмъ мы на землѣ
Примиришься не успѣли!
Добрый Геній! между насъ
Спала вѣчность!... Ты утасъ
Быстро въ дни младаго вѣка!...

Сынъ Небесной чистоты,
Ангель, смотришь съ высоты
Прямо въ душу чловѣка:
Такъ спою я предъ побой
Съ обнаженною душой...
Какъ молишвенному звуку,
Внемлешь пы моимъ словамъ—
Проспираю къ Небесамъ
Примиришельную руку!...

Баронъ Розень.

О Н А.

Она со мной!... она моя,
Души любимица младая!...
Какъ нѣжно смотришь на меня,
Рукой привѣтливой лаская!
Какъ ярокъ цвѣтъ ея ланшь!
Какъ въ дѣвственной душѣ кипишь,
Въ минупу крапкую свиданья,
Борьба спыдливости, желанья!
Какъ живъ огонь ея очей,
Какъ помень звукъ ея рѣчей,
Какъ пламенны ея лобзанья!...
Съ какою пылкою душой
Порывъ спраспей она узнала!
Съ какою нѣгою живой
Въ моихъ объяпьяхъ препепала!...
О, вѣчно, вѣчно не забышь
Минупы сладкой упоенья,
Когда, клянись моею бышь,
Она, въ пылу самозабвенья,
Прижавшись, прильнуть ко мнѣ,
Рукою спанъ мой обвивала,
И спраспъ, кипящая въ душѣ,
Высоко грудь ей волновала.
Взоръ дѣвы, вспрѣченный моимъ,
Блиспаль, одушевленный счастьемъ...
Довѣрчивая, какъ диня,
Плѣнипельна, какъ дѣва рая,
Она со мной, она моя,
Души любимица младая!...

Платонъ Волковъ.

С H A R A D E.

Dans le modeste potager
Autour des mêts que l'on t'apprête,
Lecteur, tu verras mon premier.
Mon dernier semble dur au vieillard qui le jette.
En Allemagne on aime mon entier.

Въ No 69, помѣщенная шарада значить: Судно.

M O D E S.

Les mousselines *tentation* sont les plus nouvelles que nous puissions annoncer; les roses et les bleues sont d'une nuancé charmante, et le tissu soutenu par une très-petite raie, est souple et léger. Ces robes sont des demi-toilettes de la saison pour des soirées dansantes ou de musique. Avec un corsage décolleté, une collerette tombante en tulle et des manches courtes, c'est presque une toilette habillée.

Voici le moment où les robes de mousseline blanche doivent être le plus généralement adoptées. Pour une reunion du soir, une jeune femme ne peut rien porter de mieux: des nœuds dans les manches courtes, une collerette avec seulement une mantille par derrière sont les corsages les plus habillés. Pour broderie, quelquefois, un plain semé.

C'est le sort de toutes les fantaisies simples de venir *communes* promptement. Le caprice qu'ont eu les femmes élégantes pour les capotes de paille cousue, devait céder à ce désagrément; mais pour conserver le genre de ces petites capotes négligées, leurs formes, leur extrême simplicité, on a imaginé *les pailles d'Italie cousues*. Ce sont les pailles ordinaires qui, au lieu d'être jointes l'une à l'autre comme celles de Florence, se cousent l'une sur l'autre comme celles que nous faisons ordinairement. Elles se font entièrement comme les premières, un seul ruban ou un bouquet de fleurs simples; un bavolet de gros-de-naples.

Quoique la forme des chapeaux reste peu évasée, peu étendue, il y a un juste terme à observer, en dehors duquel on est entièrement ridicule. On rencontre quelques femmes, on remarque quelques journaux de

modes demeurant sous l'influence des *cottages réformés*. Les passes ont à peine une main, et ne font qu'entourer le visage sans presque le dépasser. Cette coiffure est du plus mauvais goût, et nous n'en parlerons que pour la défendre à nos lectrices.

M O Д Ы.

Кисей tentation самая новѣйшая; розовыя и голубыя прекрасныхъ цвѣтовъ, и шкань, поддерживаемая узенькою полоскою, мягка и легка. Теперь платья сии употребляются въ полу-нарядъ, для шапцовальныхъ или музыкальныхъ вечеровъ. Съ открытымъ лифомъ, открытымъ борочкомъ и короткими рукавами, это почти настоящій нарядъ.

Теперь по время, когда бывлыя кисейныя платья должны быть въ общемъ употребленіи. На вечеръ, ничего нѣтъ приличнѣе для молодой дамы: банты въ короткихъ рукавахъ, борочекъ съ манпильею только сзади, самые нарядные лифы. Вышиваются иногда всё платье мушками.

Участъ всѣхъ *простыхъ* прихотей сдѣлался въ скоромъ времени простонародными. Пристрастіе, которое имѣли щеголихи къ шивнымъ соломеннымъ капотамъ, должно было уступить этой невыгодѣ; но чтобы сохранить этотъ родъ простыхъ небольшихъ капотовъ, ихъ форму, ихъ чрезвычайную простоту, выдумали дѣлать Италіанскія шивныя соломенные шляпки. Это простая соломка, которая вмѣсто того, чтобы соединяться, какъ у Флорентинскихъ шляпокъ, нашивается одна на другую, какъ мы обыкновенно дѣлаемъ. Опдѣлываются онѣ почти какъ первыя: одна лента или букетъ изъ просыхшихъ цвѣтовъ; баволетъ гроденаплевой.

Хотя форма шляпокъ всё ослабѣетъ мало открыта, надо однако наблюдать настоящую точку, въ которой дѣлаются смѣшными. Встрѣчаешь нѣкоторыхъ дамъ, видишь модные журналы, находящиеся подъ вліяніемъ преобразованныхъ обществъ (*cottages réformés*). Поля едва шириною въ ладонь, и только окружаютъ лице, почти не заслоня его. Эти уборы самаго дурнаго вкуса, и мы говоримъ о нихъ для того только, чтобы возпрепятствовать ихъ нашимъ чистопельницамъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 71.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю каршиками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 3 ДНЯ, 1832 ГОДА.

И ты, которые слывуть тебѣ друзьями,
И смѣлыми подъ насъ плываютея стихами,
Въ обиженномъ лицѣ портретъ увидя свой,
Смѣясь въ слухъ надъ нимъ, а тихо надъ тобой,
Къ полкъ твоихъ враговъ потчасъ передадутся
И дружества съ тобой подъ кляшвою отречутся.

Милоновъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОРИГИНАЛЬ.

Въ общемъ значеніи *Оригиналь* по же, что глупецъ или почин по же; это человекъ, который хочетъ жить по своему, мыслятъ по своему и слѣдовать собственному, а не общему вкусу. Кажется, будто первое условіе начинающаго жить и чувствовать, состоятъ въ томъ, чтобы подражать жизни другихъ.

Во Франціи, спранны опытныхъ философовъ, слово: *Оригиналь*, сдѣлалось почти однозначущимъ съ словами: *плохинькой, протакъ, дурачокъ*.

Въ Англіи, гдѣ *оригинальность* въ модѣ, нѣко не смѣется надъ чудаками. Англичаненисходительны. Но во Франціи скажутъ вамъ: не оплчайся отъ другихъ, или ны будешь смѣшонъ.

Покажите же намъ своихъ Геніевъ, господа Французы, которые такъ хвастаетесь своимъ умомъ. Вы заранѣе пріучаете дѣтей къ кривляньямъ, которые сами переняли отъ своихъ родителей. На шестомъ году отъ рождения вы уже шаркали въ гостинной; дѣти ва-

ши въ томъ же возрастѣ подражаютъ вамъ.— Смори, сынъ мой, всегда такъ дѣлай, это принято. Не говори такъ, дочь моя, это не принято.

Чего ожидать съ липейнаго завода, гдѣ всѣ станки опливаются въ одну форму?

У меня была превосходная мать: 16 лѣтъ уже, какъ я её лишился и все еще скорблю, все еще плачу по ней. Мать моя твердила мнѣ безпрестанно: молодому человеку нужно умѣть танцовать. Она принуждала меня къ тому. Я выучился прыгать по музыкѣ. Чтоже изъ того вышло? Я получилъ опвращеніе отъ танцовъ, а если бы мать моя съ слезами на глазахъ не упрашивала меня дѣлать *entrechats*: то я не поссорился бы пеперь съ своею любезною, которая замѣшила, что я танцую дурно. Лучше бы я вовсе не танцоваль. Для чего знать немного, того, что знаетъ весь свѣтъ?

Я зналъ одного прекраснаго собою и добраго молодого человека, ненавидимаго родителями за то, что онъ имѣлъ неприспительную въ глазахъ ихъ глупость мыслятъ, дѣйствовать и ходить не такъ, какъ прочіе.

— Въ эпомъ мальчишкѣ не будетъ проку, говорилъ его дѣдъ, который при раза бѣгалъ отъ долговъ изъ Англій.—Онъ глупецъ, прибавилъ братъ его нопариусъ, который зналъ одни свадебные контракты, да расчеты.— Эпо *Оригиналь!* пвердили родные его, и приятели родныхъ его.

Оригиналь! повпоряли поспоронніе. Жалкіе люди! Онъ былъ *оригиналомъ* потому только, что не терпѣлъ пустыхъ разговоровъ своихъ дѣдушекъ и бабушекъ, пошлыхъ учтивостей, которыя нравятся молодымъ дѣвушкамъ, смѣшныхъ свѣтскихъ обычаевъ: *оригинальность* его заключалась не въ умѣ, а въ сердцѣ. Онъ былъ опмиченъ отъ другихъ доброшою, благородствомъ, справедливостью, честностью; онъ былъ *оригиналенъ* по своей простотѣ и потому, что предаваясь чистымъ и не причастнымъ пороку спраспямъ, онъ не умѣлъ ужиться съ клеветниками, невѣждами, плутами, и создалъ для себя въ душѣ своей собственннй, новый міръ.

КОТОРЫЙ ВАМЪ ГОДЪ?

Господинъ Н. Извините моему невѣжливо-му вопросу: который вамъ годъ?

Дѣвица М. Двадцатый.

Господинъ Н. Который годъ?

Дѣвица М. Двадцатый.

Господинъ Н. Держитесь середины: теперь вы прибавили.

Дѣвица М. Я васъ не понимаю; однакожъ, кажется, что вы мнѣ льстите.

Господинъ Н. Честъ вашему остроумію!

Господинъ Н. удалился отъ дѣвицы М., и сія послѣдняя въ продолженіи всего бала кстапши и не кстапши говорила всѣмъ, что г. Н. вѣжливый, опмично образованный, молодой человекъ.

Н. К.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РОЗИМОРЪ, ИЛИ РЕВНОСТЬ КЪ ДРУГУ.

(*Оюкганіе.*)

Вмѣстѣ съ према мапросами и однимъ Лейтенантомъ, я бросился въ первую попавшую-

ся мнѣ рыбацью лодку. Двое супокъ плавали мы около скаль, слѣдуя изъ одного мѣста въ другое, но безъ успѣха.... Къ ночи приставали къ прибрежнымъ утесамъ, и съ зажженными факелами продолжали наши поиски. Съ разсвѣтомъ снова пускались въ пупъ, приставая къ каждому оспровку, чтобы найши по крайней мѣрѣ тѣло, выброшенное волнами.

И во все эпо время мнѣ безпрестанно казалось, что блѣдный призракъ *Эмилии* указывалъ намъ пупъ таннспвенною рукою.

Приставъ къ подошвѣ одной изъ огромныхъ скаль, я провелъ на ней цѣлую ночь съ Воскресенья на Понедѣльникъ. Нѣсколько разъ, въ изнеможеніи отъ поисковъ, я спускался на край берега; но все было тщетно, и я невольно укорялъ себя въ томъ, что не могу въ послѣднюю отпраду блѣдой *Эмилии* принести ей хотя одинъ прупъ ея друга.

На утро, проходя подъемный мостъ, я увидѣлъ слугу Коменданта. Онъ бѣжалъ мнѣ на встрѣчу, громко называя меня по имени:

— Постойте, сударь, постойте!— кричалъ онъ. Капитанъ живъ, и сей часъ прибылъ въ городъ. Предупредите объ эпомъ г. *Варинга*, только скорѣй, какъ можно скорѣй.—

Я еще не вѣршилъ, хотѣлъ распросить подробнѣе..... но онъ уже былъ далеко!

Еще и теперь, описывая хладнокровно это происшествіе, я не могу опдать себя опчѣпа въ томъ, что тогда происходило во мнѣ, не могу сказать—вѣрилъ ли я тому, въ чемъ хотѣлъ увѣрить другихъ, машинально входя къ Полковнику. Такъ почно вѣримъ мы обманчивымъ призракамъ, когда въ глухую полночь, съ пугливымъ воображеніемъ проходимъ кладбище.

Погруженный въ размышленіе, я вошелъ въ первую комнапу, опшполкнувъ слугу, который хотѣлъ было доложитъ обо мнѣ.

Былъ 11-й часъ утра; я засталъ *Варинга* въ комнапѣ его дочери. *Эмилиа*, изнеможенная поскою, какъ невинный младенецъ, заснула на колѣняхъ у своего опца, послѣ сильныхъ лихорадочныхъ спраданій..... Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы я подходилъ къ нему пише, и говорилъ въ полголоса.

«Онъ живъ!».... прошепталъ я—«и черезъ нѣсколько минутъ вы его увидите.»

— Чпо говорите вы? — вскричал онъ, внезапно удивленный, и, быстро всплеснувъ руками, сжалъ ихъ съ судорожнымъ препенаніемъ.

Эмилиа упала бы, еслибъ не пробудилась отъ испуга.

« Дочь моя, дитя мое, моя *Эмилиа*, повпорялъ спарець, цѣлуя её, проснись! сонъ наводитъ забвеніе, а тебѣ нужна память! Проснись! пвой женихъ возвратился—онъ здѣсь!»

Выведенная изъ глубокаго забытья, она вздрогнула и выпрямилась во весь ростъ, съ смертною блѣдностію на лицѣ, съ дико-блуждающимъ взоромъ.

« Онъ здѣсь..... тихо произнесла она— гдѣ здѣсь?.... гдѣ же онъ?... скажите мнѣ— я его не вижу!»..... И вдругъ, обратившись ко мнѣ, громко вскричала:

« Жестокій человекъ!.... скажите, къ чему эта убійственная насмѣшка?.... развѣ вы хотите умертвить меня вашими язвительными словами?... развѣ».....

Она остановилась, слова замерли на устахъ ея; а я, признаюсь, я дрожалъ всѣми членами, какъ въ лихорадочномъ ознобѣ, какъ въ мнупу разлуки съ жизнью.

Двери распахнулись настежь и, за вошедшимъ слугою, явился Капитанъ.

Я не въ состояніи передать вамъ того, что происходило послѣ. Не пребудьте отъ меня ни слова. Легче, во сто разъ легче разсказать выздоравливающему, что грезилось ему въ бреду его болѣзни.

Это была сцена пѣннѣйшихъ объятій и неизяснимыхъ восторговъ, сцена, которая могла нѣсколько успокоить мое душевное волненіе.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ сладостнаго забвенія, послѣ пламенныхъ поцѣлуевъ любви, Капитанъ, вырвавшись изъ объятій *Эмилии*, позвалъ слугу.

« Еспыли извѣстія отъ *Розимора*?» спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ. —

« Такъ бѣги же къ нему, да возвращайся немедленно.»

Когда слуга вышелъ, онъ снова обратился къ *Эмилии*.

« Я виноватъ передъ побой, душа моя; но прости мнѣ! Прежде свиданія съ побой, я долженъ былъ поспѣшить *Розимора*. Слышшишь ли, *Эмилиа*: я долженъ былъ!... Узнавъ, что его хотятъ казнить, я поспѣшилъ къ нему въ пемницу, я упѣшалъ его, и теперь его уже не казнятъ, его, которому я обязанъ жизнью; теперь онъ будетъ свободенъ, онъ придетъ къ намъ!»

Сія слова были для меня магическимъ ударомъ; я почувствовалъ жизнь и бросился къ нему въ объятія, раздѣливъ поцѣлуй его съ опцомъ и его дочерью. И эта была лучшая минута моей жизни!

Наконецъ, усалость умѣрила наши восторги—мы начали говорить хладнокровнѣе. Только Капитанъ одинъ не могъ успокоиться, и вдругъ вскочивъ съ мѣста, позвонилъ въ колокольчикъ такъ спльно, будто хотѣлъ разбить его.

Слуга, запыхавшись, вѣжалъ въ комнату.

— Сей часъ Комендантъ возвратился изъ Кадикса, и приказалъ освободить приговореннаго къ смерти. Его приказаніе теперь же исполняется.—

« Вотъ тебѣ за пруды!» сказалъ Капитанъ, бросивъ ему кошелекъ свой.

Слуга дрожащею рукою поднялъ оный.

« Теперь, друзья мои, продолжалъ Капитанъ, разскажу вамъ, въ ожиданія *Розимора*, какъ я едва было не распался съ вами на вѣки.

« Я вышелъ изъ прапшира Гриффитшъ почти въ 5 часовъ, съ тѣмъ, чтобы объдать у моего друга. *Розиморъ*, принявъ меня съ обыкновеннымъ радушіемъ, предложилъ послѣ объда прогуляться съ нимъ по крѣпостному валу; я согласился, но неохотно.

« Какъ мраченъ и задумчивъ спалъ бѣдный другъ мой послѣ смерти жены своей, послѣ этого проклятаго дѣла, бывшаго слѣдствіемъ оной! И ни сколько неудивительно, что часто шцептъ онъ разсѣянія въ дружескихъ беседахъ; съ своей стороны, я никогда не опказываю ему въ этомъ упѣшеніи.

« Вы знаете, что подлѣ большаго улеса, распояніемъ на одну почтовую милю отъ послѣдняго часоваго, дорога раздѣляется на двѣ пропинки, изъ которыхъ одна обгибаетъ жерло пропасти.—Мнѣ захопѣлось слѣдовать

по ней съ самаго ннзу, погда какъ поварнщъ мой шелъ по другой, чптобы узнать, кто изъ насъ первый будетъ на другой споронъ мыса. Мнѣ оставалось пробѣжать не болѣе половины дороги, какъ вдругъ глыба земли, на которой сполля я лѣвою ногою, обрушилась и увлекла меня въ пропасть ужасной глубины.

«Я упалъ, но не почувствовалъ опъ того сильной боли, началъ потчасъ осмаприваться кругомъ: то было мѣсто каменной ломки. Спѣны утесовъ соединились между собою такъ тѣсно, что мнѣ казалось невозможнымъ выбраться оттуда. Въ отчаяннн и бѣшенствѣ я спалъ кричать, но висѣвшій на домною утесъ каждый разъ отражалъ мой голосъ, и онъ исчезалъ безопвѣшно.

«Скоро наступила ночь; другъ мой, безъ сомнѣнн, продолжалъ свой путь до подъемаго моста, будучи увѣренъ, что я опередилъ его, и что мы сойдемся.

«Между тѣмъ, положенн мое было ужасно: я почпмалъ себя брошеннымъ въ могилу, не имѣя никакой надежды освободиться, тѣмъ болѣе, что скалы, меня окружавшн, не представляли къ тому возможности. Я умолчу о томъ, сколько душевныхъ и тѣлесныхъ спрданнй претерпѣлъ я въ этой ямѣ, въ печеннн шестн продолжительныхъ дней и семи безконечныхъ ночей, пппаясь кореньями, уполяя жажду сокомъ дубоваго мха. И какъ неопспушно преслѣдовала меня мысль о послѣдней мннупъ жизни, о близкой смерти, наконецъ о трупѣ, который будетъ добычею дикихъ звѣрей!

«Я видѣлъ, какъ на окреспныхъ скалахъ бѣгали обезьяны. Эти живоппныя, люблюсь своею жертвою, смѣялись надо мной, какъ адскне выходцы. Я предугадывалъ невольнн ихъ алчную цѣль, и эта мысль ужасала меня!

«Наконецъ, сегодня упромъ, когда я смотрѣлъ въ далѣкое синее небо, думалъ о тебѣ, мой ангелъ, моя божеспвенная Эмилн, взоръ мой оспановплся на вѣлвисномъ кускѣ Гераннн, которой корни сверху до ннзу усплалн уголь моей могилы. Оспрданная мысль о свободѣ мелькнула въ головѣ моей, я бросплся къ ней, прильнулъ какъ мохъ къ эпимъ корнямъ, и въ изнеможенн послѣдннхъ силъ выкарабкался, наконецъ, изъ пропасти. Доволь-

но на этопъ разъ; воспомннанн о томъ, какъ я спрадаль и теперъ еще слишкомъ для меня мучнтельно. Я съ неперпвннемъ желаю увидѣть моего друга, здѣсь, въ кругу насъ, на свободѣ.»

Въ эту мннупу дверь отворплась, и вошедшнй ппоремщнкъ подаль Капнтану письмо. Приказавъ ему выдпш, онъ распечаталъ и прочелъ громко:

«Единственннй другъ!

«Въ послѣдннй разъ называю тебѣ эпимъ «именемъ; я уже одною ногою переступплъ за «край могилы, а безъ того, не знаю, осмѣлплся «ли бы я когда ннбудь тебѣ назвапъ другомъ. «Я посягалъ на твою жизнь, ты это зналъ, «и не смотря на подозрѣнн, бодро соуп- «спвовалъ мнѣ въ прогулкѣ, которая была «бы для тебѣ послѣднею.»

— Какъ! и вы это знали? — перебплъ я.

«Да, я видѣлъ, какъ онъ взялъ съ собою кннжалъ; но онъ спасъ мнѣ жизнь, и я хотѣлъ въ свою очередь опплапшпть ему тѣмъ же. Это тайна, которую вы должны почптать священною.»

Капнтанъ продолжалъ:

«Случай помогъ тебѣ эпаго избѣгнупъ, а «ты хочешь воспользоваться имъ, чптобъ ме- «ня же спасти. . . . Напрасно, благороднѣй- «шая душа! Я не пщу свободы, я убилъ бы «тебѣ, еслнбъ еще разъ увидѣлъ твою Эми- «лнн; но ужасно возобновляпть убнйства надъ «другомъ! Этопъ рѣшптельный посту- «покъ пребуепъ птвердой руки, а я не въ си- «лахъ довершпть его.

«Когда ты получишь письмо мое, меня уже «не будетъ! Я предспану суду Предвѣч- «наго съ тяжкимъ грѣхомъ оправплелъ и «убнйцы, удержаннаго рукою самаго Бога.

« Я домъ распоргнулъ я союзъ, кото- «раго прилчнн не позволяло мнѣ распоргнупъ «посредствомъ развода. Два раза хотѣлъ «я лишпшъ тебѣ жизни, не покрывъ себя «именемъ убнйцы! И все это—для женщи- «ны, которая никогда не могла смотрѣть на «меня безъ претепета, для женщины, которая «будетъ проклннапъ меня во всю свою жизнь, «потому, что и ты можешъ пониматъ ея пре- «красную душу; и ты можешъ сдѣлатъ еѣ «счастливою. Повѣрплъ ли она, что пно-

«гда самая возвышенная спраспъ можешь сдѣ-
«лашься низкою, и что упиваясь кровію, ду-
«маешь иногда по кровавымъ слѣдамъ найши
«дорогу къ счастію! Она будетъ проклинашь
«меня..... Такъ чтожь?..... Ахъ нѣтъ, да
«проспшиъ она меня!..... Тамъ, за предѣлами
«гроба ождааетъ меня другая женщина, и
«здѣсь она же ввергаетъ несчастнаго въ мо-
«гилу..... прости!»

Розилморъ.

Черезъ нѣсколько мншупъ мы узнали отъ
шюремщика, что *Розилморъ* лишилъ себя жи-
зни.

Перев. П. Миллеръ.

Б Ъ Г Л Е Ц Ъ.

(Ирландскій Анекдотъ.)

Одна Ирландская дама, по случаю возмуще-
ній, опустошавшихъ ея отечество, пересели-
лась въ одно изъ своихъ помѣстьевъ въ Кор-
нуэльской провинціи. Не желая слишкомъ уда-
ляться отъ своей родной страны, она вы-
брала самое ближайшее помѣстье, отдѣляемое
однимъ только каналомъ св. Георгія отъ Ир-
ландіи.

Въ одно утро, когда Госпожа Н. сидѣла
подъ свѣсомъ большихъ деревьевъ, отбѣив-
шихъ ея вороба, остановился передъ нею че-
ловѣкъ въ изорванномъ солдатскомъ мундирѣ,
съ сумою за плечемъ, и просилъ помощи, пред-
ставляя, что раны не позволяютъ ему итти
далѣе, и что онъ навѣрное долженъ умереть
отъ усталости, горести и нужды, если надъ
нимъ никто не сжалятся.

Г-жа Н. велѣла приготовить для него по-
стелю въ особомъ отдѣлѣ, похожемъ на боль-
шой сарай; ибо дикій взглядъ нищаго, раз-
строенный видъ его и несвязность въ сло-
вахъ заставляли принять его за сумасшедша-
го; но отдыхъ и оказанная ему помощь из-
мѣнили странннй видъ его, столь свойствен-
ный несчастнымъ. Онъ открылъ своей благо-
дѣшительницѣ, что онъ оплучился отъ Англій-
ской арміи, дѣйствовавшей тогда въ Ирлан-
діи, и что его перевезли въ прошлую ночь на
Корнуэльской берегъ на суднѣ, принадлежа-
щемъ конпрбандистамъ.

«Что заставило тебя оплучиться отъ
арміи?»

— Ужасы, которыхъ я былъ свидѣтелемъ,
опвѣчалъ онъ; я готовъ итти въ шюрьму;
пусти расперзають или изрубяють меня; но
не возвращусь туда. Особенно послѣднее при-
ключеніе мое. — При сихъ словахъ онъ впалъ
нѣкотораго рода въ бѣшенство, проклиналъ
себя, билъ по лицу; такъ, что надобно было
прекратить распросы и подумать о томъ,
какъ бы успокоить его.

Сколь ни мучительно было сіе зрѣлище для
Г-жи Н., но она сколько привязана была къ
отечеству, что не могла быть равнодуш-
ною къ его бѣдствіямъ. Она не имѣла той
способности эгоистовъ, съ какою они такъ
легко умѣють забывать чужія спраданія. Еѣ
сильно превожили послѣднія слова война, отъ
котораго узнала она слѣдующее:

— Мѣсяца за три передъ симъ, продолжалъ
онъ, баталіону нашему велѣно было высту-
пить въ Ирландію для усмиренія мятежни-
ковъ. Мы были посажены на суда и скоро
очутились въ Дублинѣ.

— Получено было извѣстіе, что значитель-
ный отрядъ Ирландцевъ появился въ окрестно-
стяхъ Ваперфорда; въ числѣ прочихъ войскъ,
противъ него снаряженныхъ, назначенъ былъ
и нашъ баталіонъ. Подаваясь впередъ, мы дол-
жны были услышь предосторожности. Если
кто изъ нашихъ удалялся отъ колонны на нѣ-
которое разстояніе, то онъ дѣлался жертвою
партизановъ, которые вездѣ были разсыяны,
укрѣплялись въ каждой хижинѣ, учреждая
засады за каждымъ кустомъ. Впрочемъ, мы дѣ-
лали имъ много зла: ибо всѣ встрѣтившіеся
намъ крестьяне побиты были на голову.

— Однажды попался намъ мальчикъ лѣтъ де-
сяти съ чашкою супу, которую вѣроятно
несъ онъ кому нибудь изъ родственниковъ сво-
ихъ въ арміи инсургентовъ. Офицеры наши
вылили у него супъ и съ угрозами начали спра-
шивать его, гдѣ спойтъ непріятель. Маль-
чикъ не хотѣлъ на это отвѣчать. Я не въ
силахъ пересказать вамъ, какъ его мучили.
Наконецъ, онъ испустилъ духъ.

— Мы скоро встрѣтили главный отрядъ не-
пріятельскій: завязалось сраженіе; множество
изъ нихъ побито; остальные разбѣжались.

Отрядъ сей состоялъ большею частію изъ крестьянъ, всякаго возраста и вооруженныхъ чѣмъ попало; ими предводительствовавали священники, адвокаты, медки.

— Солдаты наши не дѣлали никому пощады и поспѣшь ограбили убитыхъ. Мнѣ достались серебряные часы, вынутые мною у челоуѣка, похожаго на опкупища, съ которымъ я долго боролся и наконецъ убилъ его ружейнымъ прикладомъ. Отсюда начинаются мои несчастія и угрызенія, которыя не даютъ мнѣ покоя.

— Мятежники, разсѣянные нами, къ вечеру опять соединились. Они напали на насъ въ распахъ и произвели большое кровопролитіе. Здѣсь-то я былъ раненъ косою, которой конецъ прошелъ насквозь мнѣ ногу. Я упалъ безъ чувствъ. Отрядъ нашъ преслѣдованъ былъ далѣе; это спасло мнѣ жизнь: ибо непріатели не успѣли добить меня. На другой день, они находились болѣе 30 миль отъ мѣста сраженія.

— Утренняя прохлада и первые лучи солнца оживили меня. Покрытый запекшеюся кровью, я съ трудомъ допятился до селенія, замѣченнаго мною въ восточной сторонѣ. Какъ во всей окрестности не было ни одного челоуѣка, то я надѣялся, что и въ мундирѣ меня не убьютъ. Между тѣмъ, подходя къ ближней хижинѣ, я увидѣлъ, что женщина изъ окна хопѣла выстрѣлишь по мнѣ изъ ружья. Я ворочился назадъ, спараясь избѣгать живыхъ мѣстъ, какъ въ то же время раздался выстрѣлъ: пуля просвистѣла мимо ушей моихъ. Случившійся недалеко ровъ, къ которому я подползъ на чепверенькахъ, избавилъ меня отъ впоорога выстрѣла, а длинный обходъ отъ опасности.

— Я выворочилъ свой мундиръ и продолжалъ съ трудомъ путь свой, спараясь найти гдѣ либо рѣчку или ручей: ибо я спрадалъ лихорадкою и умиралъ отъ жажды. Не найдя ни капли воды и увидѣвъ домъ, стоящій въ сторонѣ отдалѣно, я рѣшился войти въ него. Я заранѣе проспился съ жизнію, взошелъ на дворъ и жалобнымъ голосомъ произнесъ: жальшесть надъ бѣднымъ раненымъ Англичаниномъ.

— Показалась женщина съ большими предосторожностями. За нею слѣдовали взрослая

дочь и двое маленькихъ дѣтей. Сначала они не пугались, ибо не знали еще, чѣмъ кончилось бывшее наканунѣ сраженіе, продолжавшееся до самой ночи. Добрые люди! сказала я, вы бы не были такъ спокойны, если бы Англичане взяли верхъ. Они бѣгутъ, и кто знаетъ? можетъ быть уже опспутили къ Дублину; пощадите меня; увѣрю васъ, что я пропивъ воли моей сдѣлалъ эптошь походъ; но вы знаете, что солдатское дѣло идти туда, куда прикажутъ.

— При сихъ словахъ, мать съ тремя дѣтьми, поднявъ руки къ Небу, вскричала: слава Богу! «Не бойся, сказала мнѣ женщина съ добродушіемъ, смѣшаннымъ съ глубокою горестію; ты несчастенъ: бѣдный мужъ мой, служащій въ нашемъ ополченіи, можетъ быть также находишься въ крайности. Соспрадапельные люди вознаградятъ ему то добро, которое мы для тебя сдѣлаемъ. Проворнѣй, *Кетти*, воды и тряпокъ.»— *Кетти* поспѣшь принесла все нужное и вмѣстѣ съ матерью перевязала мнѣ рану.

— «Не безпокойся объ участи своего мужа, сказала я матери; онъ теперь далеко отсюда преслѣдуетъ нашъ отрядъ. Мы застигнуты были въ распахъ, какъ уже я вамъ сказывалъ; пришли въ совершенное замѣшательство и едва защищались: я не думаю, чтобы съ вашей стороны былъ убитъ хопя одинъ челоуѣкъ.»

— Въ глазахъ доброй хозяйки блеснула радость, которую дѣти раздѣляли съ нею. Даже семилѣтній малюпка прыгая, повторялъ: папинька скоро придетъ опять!—Да, въ немъ заключается вся наша надежда, примолвила мать. Вообрази, что онъ служилъ единственною опорю всему, что ты здѣсь видишь, и старому опцу его, который давно уже не встаетъ съ постели, и меньшей дочери, которую кормлю грудью. Правда, у насъ еще есть сынъ, только одиннадцати лѣтъ, и который подаетъ о себѣ хорошую надежду, и во многомъ пособляетъ опцу.— За чѣмъ же онъ не съ вами?—Ахъ, опвѣчала со вздохомъ мать; дни за при предъ смѣ я послала его въ лагерь къ мужу съ съспными припасами; между тѣмъ появилась Королевская армія, и

отецъ, вѣроятно, изъ опасенія удержалъ его при себѣ.»

— Я содрогнулся, подумавъ, что сынъ ея можетъ быть самый мальчикъ, который варварски замученъ нами. Сначала я ничего не отвѣчалъ, но воображеніе мою горестъ, когда изъ разныхъ сообщенныхъ мнѣ подробностей, я совершенно удостоверился въ своей догадкѣ.

— Они вовсе не замѣтили въ лицѣ моемъ перемѣны, и принесли мнѣ супу, приготовленнаго для хозяина, поставили на столъ солонины, даже явилась можжевеловая водка, что превзошло мои ожиданія.

— Черезъ нѣсколько дней, благодаря попеченіямъ сей доброй женщины, я чувствовалъ себя въ состояніи продолжать путь; я хотѣлъ проспитъ съ нею, не для того, чтобы соединиться съ своимъ корпусомъ, но чтобы увидѣть опять, если можно, свою родину. Цвѣтъ моего мундира много превозжилъ меня. *Кетти* съ матерью взяли на себя трудъ выворотить его, смыть кровавые пятна, и спороть опвороты.

«Боже мой! говорили они, *Патрикъ* что-то замѣшался! Съ самаго открытія возмущеній, онъ никогда такъ долго не оплучался отъ дома. Всегда находилъ онъ случай побывать у насъ, особливо послѣ сраженія... Ужь случилось ли съ нимъ какого либо несчастія!» Я старался разсѣять сіи опасенія, увѣряя, что выгоды, пріобрѣтенныя Ирландскою арміею, не позволяютъ никому изъ воиновъ ея подумать о домашнихъ.

— Когда мундиръ мой былъ готовъ, я просидѣлъ съ гостепріимнымъ семействомъ, коему былъ обязанъ жизнію. Добрая поселанка отпускала меня съ явнымъ сожалѣніемъ, опасаясь, чтобы мнѣ не попалъ въ бѣду. Она объяснила мнѣ, какими окольными дорогами можно пробраться къ берегу моря. «Тамъ, говорила она, найдешь нѣсколько рыбаковъ или контрабандистовъ, которые перевезутъ тебя на Англійскій берегъ.»

— Я пронупъ былъ до слезъ такимъ добродушемъ; хотѣлъ засвидѣтельствовать ей мою признательность и не находилъ средствъ. «Нѣтъ, сказалъ я, не хочу разспаться съ вами, не подаривъ вамъ чего нибудь на память.»

Тутъ я развязалъ свою суму. «Мнѣ бы совѣстно было, прибавилъ я, взять изъ сей доброй сироты добычу, взятую мною отъ бѣдняка, который, по несчастію, палъ отъ руки моей. Мнѣ доспалась эта вещь по праву войны; ея хочу заплачить хотя отчасти долгъ мой.» Я вынулъ серебряныя часы и отдалъ ей.

«О Небо!» вдругъ вскричала женщина: «это часы моего мужа! ты убилъ его!» — и упала безъ чувствъ. Дѣти подняли горестный вопль. Всѣ смотрѣли на меня съ ужасомъ; а я, въ безпамятствѣ ходилъ по комнатѣ, билъ себя кулаками въ лобъ, и наконецъ, прислонясь къ стѣнѣ, впалъ въ совершенное безчувствіе. «Чудовище, прибавила она, возврати мнѣ мужа, возврати отца симъ дѣтямъ!» попомъ смотря на нихъ въ изступленіи, сказала: «и такъ, все-исчезло, о *Кетти! Анна!* и ты бѣдный малюпка, вы всѣ помрете съ голоду!» — Нѣтъ, вскричалъ я, вы не скажете, что вы уняли кровь мою, когда я пролилъ вашу; съ сими словами я сорвалъ перевязку съ своей раны. — «Что ты дѣлаешь! сказала мнѣ несчастная; это не возвратишь мнѣ мужа; береги жизнь свою; она будетъ свидѣтельствомъ и порукою Небеснаго къ намъ милосердія; а упреки совѣсти довольно опмсипятъ за насъ: но удались; я вижу подлѣ себя тѣнь моего мужа; ты обрызганъ его кровію; я ужасаюсь тебя.»

— Я поспѣшно вышелъ изъ дома, который сдѣлался для меня адомъ; я проклиналъ людей, которые свели съ ума сихъ добрыхъ и честныхъ земледѣльцевъ, и наконецъ дошелъ до морскаго берега, съ котораго перевезенъ на сей берегъ. —

Пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПОРТРЕТУ И. И. ДМИТРІЕВА.

Министръ, поэтъ и другъ: я все прѣмя словами

Объ немъ для похвалы и зависши сказалъ.

Прибавлю, что чиновъ и рѣчъ онъ не искалъ,

Но рѣчмы и чины къ нему лепѣли сами.

Карамзинъ.

А Н А Г Р А М М А.

Я иногда покрыва льдомъ,
Я иногда дышу огнѣмъ,
То убрана справою и цвѣтами,
То голова моя увѣнчана дубами;
По ребрамъ бьютъ ключи,
Торчатъ скалы, бѣгутъ ручьи;
Люблю за облака скрываться:
Переверни меня—и спазу я бодашься.

Шевурдинскій.

Въ No 70, помѣщенная шарада значить: *Chou-croûte.*

М О Д Е С.

Les coiffures en cheveux de moyenne hauteur sont restées le plus en majorité, les grecques ne convenant pas à tous les visages. Les cheveux plats en bandeaux ne sont pas abandonnés par de très-jeunes femmes.

On fait pour le matin des tabliers de gros-de-naples à quadrilles. Maintenant la forme la plus simple est la plus distinguée. Des ourlets plats tout autour: des poches sans dents, sans découpures, plates, arrondies du bas.

Les bas de fil de *Saxe*, nouveauté contre la chaleur, ont cet avantage sur le fil d'Écosse qu'à la finesse de ces derniers ils joignent tout l'éclat et le brillant de la soie.

Une nouvelle forme de corsage, dont voici la description, est à la *demi-vierge*; les devans croisent drapés, mais au lieu de fronces dans toute la longueur de l'épaule, ils laissent environ une main dans le haut, où l'étoffe ne forme aucun pli; plus bas, est un petit poignet qui retient les fronces et ne s'étend pas plus haut; le dos légèrement froncé dans le bas, au milieu, est plat sur les épaules et boutonné dans toute sa longueur.

Ce corsage, qui n'est pas décolleté, n'est pas entièrement montant; il dégage assez pour qu'un fichu, mis à l'intérieur, soit vu.

Les ceintures, à nœuds, ou les écharpes de ruban, se portent beaucoup avec des robes de mousseline blanche, ou de légères gazes de couleur.

Dans les manches courtes, bouffantes, des nœuds de ruban avec ou sans pans.

On fait de petites pantoufles en peau anglaise, cuivrée, et brodée en soie de couleur au crochet. Quelques femmes en ont brodé elles mêmes sur de la pagne doublée de soie.

Pl. No 25. Bonnet en tulle et ruban pour mettre sous un charcau.—Redingote de batiste de ecosse à pelevines en fichus.—Costume p'homme.

М О Д Ы.

Какъ Греческія прически идутъ не ко всемъ лицамъ, то уборка волосъ средней высоты преимущественно употребляется. Волосы гладкими повязками не совсемъ еще оставлены весьма молодыми дамами.

Для утра дѣлаютъ передники клепчатые гренаплевые. Теперь весьма простая форма, самая отличная: вокругъ плоской рубецъ, карманы безъ зубцевъ, безъ вырѣзки, гладкіе, округленные снизу.

Чулки изъ Саксонскихъ нитокъ, новосте опъ жару, имѣютъ шу выгоду противъ чулокъ изъ Шотландскихъ нитокъ, что къ тонкости сихъ послѣднихъ присоединяютъ красоту и блескъ шелковыхъ.

Вопъ описаніе новой формы лифовъ, опъ полуоткрытый: спереди драпированъ крестообразно, но вмѣсто сборокъ во всю длину плеча, сверху, шириною въ ладонь, совершенно гладко; по ниже, узенькая накладочка прихватываетъ сборки и не проспирается выше; спинка слегка собрана снизу и въ срединѣ, на плечахъ совсемъ гладкая, застѣгивается во всю длину.

Лицъ сей, не совершенно высокой, и довольно открытъ, чпобъ маишка, надѣтая подъ низъ, была видна.

Пояса съ бапшами, или шарфы изъ ленъ, въ большомъ употребленіи, съ бѣлыми кисейными или легкими цвѣтными газовыми платьями.

Къ короткимъ, пышнымъ рукавамъ пришиваются бапшы, съ концами или безъ концевъ.

Дѣлаютъ небольшіе туфли изъ Англійской кожи, вышитые цвѣтнымъ шелкомъ въ шамбуръ. Иныя дамы вышиваютъ сами по пagne, подложенной шафшою.

Карш. No 25. Тюлевой чепецъ и лента, для поддѣванія подъ шляпку.—Реденготъ изъ Шотландскаго бапшиста съ пелеринкою en fichus.—Мужская одежда.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 72.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картинами модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 7 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Довольны быть мы не умѣемъ,
Преградъ желаній не зримъ;
О дняхъ протекшихъ сожалѣемъ,
А настольщее бранимъ.

Д. Глѣбовъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Овъ Историко - описательной повѣсти XIX столѣтія: *Графиня Рославлева, или супруга-героиня*; отличившаяся въ знаменитую войну 1812 года. М. 1832. Двѣ части,

и

о повѣсти въ стихахъ: *Новобрагнне*. М. 1832.

Первое естъ пвореніе *Ивана Глухарѣва*, авпора безполковаго романа *Ольга Милославская* и иныхъ многихъ, другіхъ-прочихъ романовъ и повѣспей.

Второе—геніальное произведеніе *П. Чиждова*.

Опасаясь, чптобы чипапелы наши не подумали, будпо бы мы даѣмъ приспраспный судъ спмъ книжонкамъ, мы, на сей разъ, придумали подкрѣпимъ оный аупоритетомъ двухъ уваждаемыхъ рецензенповъ.

I.

О повѣспи въ прозѣ *Графиня Рославлева* въ № 194 Сѣв. Пчелы сказано:

«Повѣспъ сія служимъ новымъ доказательствомъ, чпто поколѣніе Орловыхъ, Спговыхъ, Путовощниковыхъ, Зимулиныхъ и подобныхъ имъ писателей, болѣе и болѣе распротра-

няется. Груспно видѣмъ, чпто въ наше время такія пворенія находямъ еще чипапелей!

Авпоръ повѣспи, о которой мы говоримъ, извѣспенъ уже своимъ романомъ: *Ольга Милославская*. Графиня Рославлева еспъ продолженіе сего романа: Милославская превратилась въ Рославлеву! Причину сего преобразованія можно усмотрѣмъ изъ предисловія, въ которомъ сочинитель объясняетъ чипапелямъ, чпто «перемѣна фамиліи Ольгѣ, хопя «и не еспъ необходима для плана повѣспи «сей, однако, для большаго вида оной и для «романигеской одежды (?), Авпоръ предпри- «нялъ оное, а влѣстль съ онымъ и для тай- «ны, необходимой въ согиненіяхъ такового «рода.»

Вопъ содержаніе повѣспи: въ 1812 году, во время Французской войны, какой-по Графъ Лелевъ вступаептъ въ гусарскій полкъ и опправляется въ армію. Жена его осмалась въ сель Зимогорьѣ; но, соскучившись, уѣхала къ своему мужу, и перемѣнила на первой спанціи свою фамилію въ Рославлеву. Когда Графъ былъ раненъ, она перевязывала ему руку, а попомъ оба они возвратились благополучно въ село Зимогорье, гдѣ живутъ будпо бы и понынѣ. Чипапелы могутъ уже себѣ пред-

спавишь, какова эта повѣсть! Если теперь мы обратимъ вниманіе на слогъ ея, то увидимъ, что г. Сочинитель вовсе незнакомъ ни съ Грамматикою, ни съ Логикою; увидимъ, что онъ не знаетъ согласованія словъ, не имѣетъ здраваго смысла, а начинался только романовъ извѣстныхъ нашихъ писателей, соблазнилъ ихъ успѣхами, и назвалъ даже свою галлмашью именемъ романа г. Загоскина.

Представимъ образцы слога, сохраняя правописание и знаки препинанія Автора:

«Прелесное, огаровальное лице, которое какъ опъ взоровъ другихъ, пакъ и опъ жара было закрыто большими полями соломенной шляпки, *переходило* медленно чрезъ дорогу (Ч. I, стр. 25).» Она (п. е. Графиня) съ врожденною ласковостію *вспрѣшила* Лярскаго, который осыпалъ ее *привѣтственными комплементами* (Ч. I, стр. 28). «Впрочемъ теперь оставимъ самовольныхъ Евгенію и Лярскаго предположеніямъ своимъ и вспомнимъ забытаго нами друга его Валентина (Ч. II, стр. 68).» Теперь любезный чипапель, вспомнимъ Люблина, оставленнаго нами въ деревнѣ, и вмѣстѣ съ нимъ вспомнимъ о другѣ его, влюбленномъ Лярскомъ и объ *огаровательной* имъ *Княгинѣ Этикетовой*. (Ч. II, стр. 84).»

Въ концѣ повѣсти, Сочинитель, вѣроятно въ упѣшеніе себѣ, приводитъ разговоръ свой съ чипапелемъ, который будто бы обращается къ нему съ слѣдующимъ *комплементомъ*:

«И пакъ кончайте счастливо, молодой, мало извѣстный Авторъ начавшій прудъ вамп, я ручаюсь за благосклонность снисходительной публики.» На это Авторъ отвѣчаетъ: «Весьма лестное ободреніе ваше, чипапель, неизяснимо радуешь меня. Ахъ, если бы сбылось это на самомъ дѣлѣ!» (Стр. 138, Ч. II.)

Нѣтъ, милосивый государь, не надѣйтесь на благосклонность публики, а перестаньте лучше марасть бумагу, и мучить бѣдныхъ рецензентовъ.

Наконецъ всю свою чепуху, г. Романистъ представляетъ просвѣщенной публикѣ съ *благосклонностію* (!!) (См. Предисл.)— Я. Т.

II.

О повѣсти въ стихахъ *Новобрачные* въ No 64 Молвы напечатано:

«Почему эта повѣсть названа *Новобрачные*? Тутъ описывается почти вся жизнь супруговъ, а не происшествіе, случившееся скорѣ послѣ бракосочетанія! Разкажемъ содержаніе. Нѣкто *Эрастъ* влюбился въ *Лицу Тимовевну*, которая жила въ Москвѣ:

И красавицей въ столицѣ
Лица даромъ не *слыла*;
Въ край далекой о дѣвицѣ
Разносилася *молва*.

влюбился, женился на ней и уѣхалъ въ деревню. Нѣкто *Валентинъ*, молодой вдовецъ, Московской *данди*, счастливецъ, по словамъ автора, котораго всѣ желанія исполнялись, на примѣръ:

« Не ужель Маеусаила
Мой отецъ переживетъ?—
Не прошелъ еще и годъ,
А отца взяла могила...»

влюбленный, давно уже, безъ успѣха въ *Лиду*:

Вдругъ съ Эраспомъ Валентинъ
Дружбу свелъ, (въ пѣни долины
Вкругъ развѣсистой березы
Обвиваются такъ лозы).

и уѣхалъ въ деревню же, которая была въ сосѣдствѣ съ деревенькой *Лиды Тимовевны*; уѣхалъ, какъ послѣ означился, съ нехорошими намѣреніями. *Эрастъ* и *Лида*, въ упоеніи любви, дышали только другъ другомъ: опъчего, вѣроятно, спрашныя объясненія ихъ бывали темноваты; вопъ, что говорила *Лида* обожаемому супругу:

Вѣрь пы мнѣ, какъ вѣрю я
Безъ сомнѣній, безъ боязни—
Провидѣнію, судьбѣ,
Вѣчной жизни, вѣчной казни,
И пророкамъ, и шебѣ...»

Но по дѣламъ въ Сенатѣ, (какой помѣщикъ не имѣлъ ихъ?), и по совѣту коварнаго друга *Валентина*, *Эрастъ* отправился въ Москву: разскаванье съ женою было самое чувствительное. Извѣстно, какъ идутъ дѣла въ...

день за день, *Эрасть* зажилъ въ столицѣ;
грустилъ, переписывался съ *Лицдою* и...

О чиппатель!—благъ Творецъ,
Благъ безъ мѣры! скажемъ смѣло:
И *Эраспово* хоть дѣло
Долго спѣло, спѣло, спѣло,
Но поспѣло наконецъ.

Эрасть хочеть лепѣть къ *Лицдѣ*, какъ вдругъ
получаетъ письмо отъ *Валентина*, который
увѣдомляетъ его, что *Лицда* никогда *Эраста*
не любила, что она любила его, *Валентина*,
и что ихъ....

.... Зоветь въ далекой пупъ
Госпепринимая чужбина.

Чпожъ *Эрасть*? Не ужели повѣрилъ пакой
нелѣпости?

Но одно *Эраспѣ* сомгѣнье
Милвольное имѣлъ,
Даже вѣришь не хотѣлъ....

но повѣрилъ; написалъ укоризненное письмо
къ *Лицдѣ* и....

Окончивъ спроки роковыя,
Отчаспи сильныя, живыя,
Излившись, пакъ сказаъ, въ письмѣ,

уѣхалъ въ Венецію; долго спрадалъ, помлся,
но однажды, (нелзя же человѣку жить въ
вѣчномъ уединеніи!) собралъ къ себѣ гостей,
которые отъ скуки спали рассказываъ другъ
другу:

Что онъ слышалъ, что видалъ
Или самъ что испыталъ
Очень рѣдкаго въ сей жизни.

Первый Госпѣ рассказалъ, что имѣлъ друга,
который *давно на небѣ*, что они съ другомъ
влюбились въ одну и ту же дѣвицу:

.... Казалось распри сѣмя
Любовь межъ нами зародилъ;
Но мы безъ ссоры объяснились
И *вмѣстѣ* начали любилъ. (!?)

Это, конечно, довольно рѣдко; но за то впо-
рой Госпѣ рассказалъ куплетами дѣло обык-
новенное, про старичка *Фирса*, который лю-
билъ пить пуншъ, и на всѣ представленія о
воздержаніи отвѣчалъ: *мнѣ все равно*. Третій
Госпѣ описалъ сраженіе и смерть начальни-

ка ихъ *корабля*, (который былъ почти за-
воеванъ Алжирскою *Шкуною*). Наконецъ че-
твертый Госпѣ рассказалъ слѣдующую рѣд-
кость: къ нему пришелъ Русской, покаялся
въ своемъ пресупленіи и умеръ. Эпопѣ Рус-
ской—*Валентинъ*; пресупленіе—онъ обма-
нулъ *Эраста*: *Лицда* ему не измѣняла. *Эраспѣ*
скачетъ въ Россію, приѣзжаетъ домой—же-
ну его хоронятъ: она умерла съ печали. Со-
чинилъ, предославляя чиппателямъ на волю
думать, что угодно объ оспальной жизни
Эраспа, самъ не говоритъ о ней ни слова.
Мы подражаемъ ему: оспавляемъ чиппателямъ
на волю думать объ эпой спихопворной по-
вѣспи, что угодно, и сами не говоримъ ни
слова.

Вѣрно: *Швердинскій*.

К О Е - Ч Т О .

Счастіе (форпуну) представляють на од-
номъ колесѣ; надобно думать, что *несчастіе*
скачетъ на двухъ: оно чаще наспигаетъ пѣхъ,
кого гонитъ.

*

Людскія выгоды и зрительная прубка сход-
ны между собою; одна спорона *сближаетъ*
людей, другая *отдалляетъ*.

*

Есть книги до пого *пустыя*, что ихъ мож-
но употреблять вмѣсто *футляровъ*.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П О ВѢ Г Ъ .

Спустя нѣкоторое время послѣ 18 числа
Брюмера (*), въ Брипанѣ и Вандѣ сзыва-
лись щипносоцы. Для успокоенія Франціи,
первый Консулъ былъ вынужденъ открытъ
сношенія съ извѣснѣйшими полководцами,
предписать строгія мѣры военной дисципли-
ны, и, соединясь вмѣстѣ противъ возвраще-
нія нравовъ, употребилъ въ дѣйствіе пайныя
средства *Махавеля*. Это оказалось не без-

(*) По бывшему у Французовъ лѣтосчисленію, Брюмеромъ
назывался второй мѣсяць, считая отъ 22 Октября
по 21 Ноября.

полезнымъ: мѣра сія способствовала къ прекращенію вспыхнувшей войны на западѣ.

Въ сію эпоху, приверженцы Франціи поручили молодому челоѣку, принадлежавшему къ фамиліи *Меллье*, отправившись изъ Бретани въ Сомуръ для внушенія начальникамъ и жителямъ сего города, съ его окрестностями, способовъ къ возмущенію. Полицейское начальство Парижа, узнавъ о семъ тайномъ порученіи, послало своихъ агентовъ предупредить замыслъ и, если можно, схватить молодаго шпіона при самомъ его вступленіи въ Сомуръ. Точно!.. едва лодка его успѣла пристать къ берегу, онъ былъ оspanовленъ, не смотря, что былъ переодѣтъ въ плащъ простаго мапроза; но... эпотъ челоѣкъ хорошю зналъ свое дѣло! Онъ заранѣе высчитывалъ всѣ удачныя свои предпріятія!.. Паспортъ, бумаги были показаны Парижскимъ агентамъ, и, обманутые, они боялись его болѣе удерживать: такъ все было хорошо поддѣлано, что нельзя было и сомнѣваться въ подлинности сихъ документовъ.

Кавалеръ *де Бовуаръ*,—теперь вспомнилъ я его имя—очень искусно обдумалъ свою ролю. Онъ объявилъ вопросамъ подложное имя, выдуманную квартиру и, отвѣчая гордо на ихъ вопросы, — пребовалъ дарованія ему немедленной свободы, не слѣдуя слѣпой опрометчивости и подозрѣнію. Доводы его были сильны и почны, и, можетъ быть, агенты скорѣе опважились бы на другое какое пропивузаконное дѣло, но могли ли упустишь изъ рукъ такога челоѣка, на котораго первый Консулъ, казалось, обратилъ все свое вниманіе?.. По сему кавалера заключили, предварительно, въ темницу, въ ожиданіи доказательствамъ болѣе ясныхъ, могущихъ разрѣшить сомнѣнія въ семъ случаѣ. Приговоръ суда не замедлил послѣдовать и Полиція велѣла имѣть тщательный надзоръ за арестантомъ, не смотря на его увѣренія въ своей невинности.

По новому повелѣнію, кавалеръ *де Бовуаръ* былъ перемѣщенъ изъ шюрмы въ замокъ *Утѣса*. Названіе замка опредѣляетъ мѣсто, на которомъ онъ построень: эпо огромная, возвышенная скала, окруженная пропастью;

туда нельзя достигнуть иначе, какъ по узкой, высѣченной въ скалѣ пропикѣ, ведущей, какъ вообще въ подобныхъ древнихъ замкахъ, къ главнымъ воруамъ, защищаемымъ огромнымъ водянымъ рвомъ и подѣмнымъ мостомъ.

Комендантъ сей крѣпости, радуясь челоѣку, коего всѣ движенія были пріятны и показывали хорошее происхожденіе и воспитаніе: качество довольно рѣдкое въ сію эпоху,—принялъ кавалера, какъ благодаріе, ниспосланное ему Промысломъ. Онъ предложилъ ему находиться въ крѣпости на его попеченіи и проводить иногда съ нимъ опть скуки время вмѣстѣ. Для *Бовуара* эпого было довольно. Онъ былъ добродушный придворный и, къ несчастію, красивѣйшій мужчина. Прелестная наружность, открытый видъ, привѣпливость, чудесная сила, прекрасная одежда и ловкость украшали кавалера еще болѣе. Комендантъ опвелъ ему самое удобное отдѣленіе въ замкѣ и пригласилъ обѣдать съ собою, не зная какъ нахвалились попомъ своимъ гостемъ-арестантомъ.

Комендантъ былъ Корсиканскій Офицеръ, челоѣкъ женатый и оплично ревнивый. Впрочемъ, всему естъ причина: ему довольно было трудно смотреть за пригоженькою женою своею. Онъ видѣлъ, что она нравилась *Бовуару*. Безъ сомнѣнія они любили другъ друга прежде?.. Сдѣлають-ли же какую нибудь неосторожность?.. Чувство, ими питаемое, удержитъ ли кавалера въ границахъ принужденной вѣжливости: въ эпой одной изъ обязанности нашихъ пропивъ женщинъ?.... *Бовуаръ* не объяснялъ искренно о семъ предметѣ, довольно темномъ въ его исторіи; но оспался-ли онъ навсегда поспаненъ въ чувствахъ своихъ, когда Комендантъ почпалъ уже себя въ правѣ употребить необыкновенную жестокость пропивъ своего арестанта?...

Бовуаръ былъ заключенъ въ самую верхнюю часть замка. Пищу его составляли хлѣбъ и вода. Слѣдуя спрогому повелѣнію, касательного преступниковъ, кавалера заковали въ цѣпи. Комната започенія его находилась на самой верхней платформѣ замка: она была со сводами твердѣйшага камня и необыкновенно

полстпыя спѣны пемницы лишали и малѣйшей надежды на спасеніе.

Бѣдный *Бовуарь*, узнавъ о невозможности къ побѣгу, впалъ въ пѣ мечпы, которыя вмѣстѣ составляютъ и опчаяніе и надежду заточенныхъ. Онъ былъ въ бездѣйствіи, но это бездѣйствіе превратилось въ большія занятія: считалъ часы, дни, чувствовалъ въ полной мѣрѣ *положеніе заключенныхъ*, и, пакъ сказать, окрестился въ скорби. Тупъ былъ онъ удаленъ даже и отъ самаго себя, и вспоминалъ сколь великое благо воздухъ и солнце. Наконецъ, спустя двѣ недѣли, *Бовуарь* занемогъ пою ужасною болѣзнію, пою горячкою свободы, копорая волнуешь душу заключенныхъ и вселяетъ въ нихъ великія предпріятія! Мы не можемъ изъяснить сего лучше, какъ, представивъ себѣ невыразимую силу, сосредоточенную съ нашей волею и, по рѣшенію физиологическому, происпекающую отъ опчаянія и скорбей, глубину коихъ спрашились почти изслѣдывать ученые. Эта болѣзнь почла сердце кавалера: ибо одна только смерпъ могла сдѣлать его свободнымъ!

Въ одно утро пюремщикъ принесъ *Бовуарю* обыкновенную пищу, и вмѣсто того, что бы, поставя передъ нимъ оную, уйши,—онъ споялъ, сложивъ на-крестъ руки и поглядывалъ на кавалера значительно. Прежде разговоръ ихъ былъ о бездѣлицахъ, и смотришель нашего арестанта никогда у него ничего не вывѣдывалъ; а потому, какъ удивился *Бовуарь*, когда пюремщикъ сказалъ:

«Милоспивый Государь! вы, безъ сомнѣнія, имѣете свои причины называться *Лебрюномъ* или гражданиномъ *Лебрюномъ*. Впрочемъ, мнѣ до этого нѣтъ дѣла; не моя обязанность узнавать наслоящее ваше имя: называйтесь Пепромъ или Павломъ,—для меня все равно. Но, я знаю,» сказалъ онъ, прищуря глазъ, «что наслоящее имя ваше *Карль-Феликсъ-Теодоръ*, что вы кавалеръ *де Бовуарь* и двоюродный братъ Герцогини *Меллье*...»

«Ну что, пакъ ли?...» прибавилъ онъ съ шоржеспвомъ, немного помолчавъ.

Бовуарь, видя себя заключеннымъ пакъ крѣпко, что даже и наслоящая фамилія не

могла усугубить его ужасное положеніе, опвѣпилъ пюремщику:

— Чпо же! Если-бъ я и почно былъ кавалеръ *де Бовуарь*: какая тебѣ отъ того польза?...—

«Всѣ опкрылось!...» произнесъ пихимъ голосомъ пюремщикъ, и, обратясь опять къ арестанту, сказалъ: «послушайте! У меня есть деньги для вспомошествованія вашему побѣгу! Но... погодите немного!... Если подозрѣніе падетъ на меня: я буду разспрѣлять... но... вопъ, Милоспивый Государь, вамъ ключь...»

При сихъ словахъ онъ вынулъ изъ кармана маленькую пшу.

«Вы можете ею,» вскричалъ пюремщикъ, «распшишь желѣзные запоры. Но, пѣфу къ чѣрпу!—это будетъ не пакъ-то легко!»

Тупъ указалъ онъ на узкое опверспіе, находящееся на самомъ верху, и чрезъ копорое проникалъ свѣтъ въ пемницу.

«Ого, сударь!» сказалъ пюремщикъ,—«прежде, чѣмъ отсюда уйши, нужно порядочно поработать!...»

— Будь спокоенъ! — я уйду... —

«Экая вышина! Не знаю какъ-то вы укрѣпите веревку?...»

— Гдѣ-жь она?... —

«Вопъ!» опвѣчалъ пюремщикъ, подавая ему узловатую веревку. «Я скрупилъ еѣ изъ бѣлья, дабы, въ случаѣ, если все опкроется, подумали, что сдѣлали вы еѣ сами. Длина достаточна. Когда вы будете наконецъ у послѣдняго узла, опустите веревку пихонько: а пакъ, ужъ дѣло—ваше. Въ окрестностяхъ вы, можете быть, найдете и экипажъ и друзей, копорые васъ дожидаются... Объ этомъ я ничего не хотѣлъ знать... Сказывайте ли вамъ еще, что на башнѣ находится часовая... Но вѣдь вы сумѣете выбрать ночьку попемнѣе и улупить минути, когда солдапъ уснетъ. Ничего нѣтъ мудренаго, если васъ, какъ нибудь, поподчиваютъ ружейнымъ выспрѣломъ; но...»

— Хорошо, хорошо! вскричалъ кавалеръ: будь увѣренъ, что я не останусь здѣсь и презираю всё на свѣтѣ!...—

«Хи! кто можетъ ручаться!... Помогите вамъ Богъ!» возразилъ тюремщикъ звѣрскимъ голосомъ.

Сии слова показали *Бовуару* не инымъ чѣмъ, какъ глупымъ разсужденіемъ подобныхъ людей. Надежда быть скоро свободнымъ, наполнила душу его. Опъ радости онъ не обращалъ особаго вниманія на выраженія своего освободителя, который былъ, сказать правду, не что иное, какъ полу-мужикъ. Кавалеръ принялся вскорѣ за работу. Распилилъ желѣзные рѣшетки—было для него дѣломъ одного утра.

Спрашась посѣщенія Коменданта, онъ пряталъ свою работу: мятымъ хлѣбомъ, смѣшаннымъ со ржавчиной, совершенно походившимъ на желѣзо, закладывалъ онъ роковое отверстіе. Веревка была въ надлежащей исправности, и онъ провелъ нѣсколько ночей въ неперпѣннѣ, съ тѣмъ волненіемъ, съ тѣмъ непонятнымъ чувствомъ, которое вселяетъ жизнь поэтическую въ душу заключеннаго.

Наконецъ, въ одну темную, осеннюю ночь онъ распиллъ оспальные преграды въ отверстіи; прикрѣпилъ къ наружнымъ выдавшимся камнямъ конецъ веревки, и ждалъ той минуты, когда настанетъ глубокая темнота; болѣе же всего ждалъ того часа, когда, по его мнѣнію, часовые должны спать... Это было на зарѣ, передъ разсвѣтомъ.

Зная, какъ долго продолжается караулъ, зная время обхода, словомъ, зная весь порядокъ въ замкѣ: ибо такія свѣдѣнія невольныо занимаютъ всякаго арестанта, онъ сперегъ по мгновеніе, когда справа будетъ смѣняться. Наконецъ наспалъ часть побѣга... Онъ спалъ спускаясь по веревкѣ: опъ узла къ узлу, кавалеръ *де Бовуаръ* висѣлъ между небомъ и землею, держась съ исполнскою силою за веревку.

Всё шло хорошо. Онъ былъ уже у послѣдняго узла, готовъ былъ спуститься на землю и только искалъ ногами мѣста, на которое могъ бы опуститься подъ ногами было

пусто..... Чорпъ возьми! это было довольно удивительно!... Упомненный, смущенный кавалеръ находился на той степени недоумѣнія, когда дѣло идетъ о потерѣ или выигрышѣ жизни. Онъ хотѣлъ опустить веревку; но вдругъ шляпа упала съ головы его: мгновенный шумъ послышался опъ сего паденія. Подозрѣніе проникло въ душу *Бовуара*: «можетъ быть это злой умыселъ?» подумалъ онъ. «Но къ чему?...»

Въ сихъ размышленіяхъ бѣглець рѣшился дожидаться другой ночи или сумерекъ: время, которое, можетъ быть, не будетъ столь благопріятно для его побѣга. Съ чудесною силою вскарабкался онъ опять ко входу своей тюрьмы.

Опустивъ веревку, онъ увидѣлъ вскорѣ, при слабомъ блескѣ денницы, небольшое разстояніе: въ полпараста футовъ, между послѣднимъ узломъ веревки и скалою, наклоненною въ бездну.

«Благодарю, Комендантъ, за хорошее угощеніе!» сказалъ *Бовуаръ* хладнокровно, по обыкновенію.

Послѣ справедливаго негодованія месши, и, признавъ за нужное войти въ темницу, онъ спряталъ подъ кроватъ всѣ свои инструменты; веревку же оставилъ по прежнему, спаруживъ, дабы подумалъ, что онъ бѣжалъ... Кавалеръ спрятался за дверь, дожидаясь прихода вѣроломнаго тюремщика: оппеленная опъ рѣшетки желѣзная полоса была въ рукѣ его.....

Тюремщикъ не замедлил явиться и гораздо ранѣе обыкновеннаго, вѣроятно для освѣдомленія о смерти арестанта. Онъ отворилъ дверь, насвистывая пѣсню; но лишь дошелъ до извѣстнаго разстоянія, *Бовуаръ* изъ всей силы ударилъ его по головѣ желѣзною полосою: предатель грянулся на полъ, не испустивъ крика. Желѣзная полоса разможила ему черепъ. Кавалеръ немедленно раздѣлъ убитаго, переодѣлся въ его платье и, благодаря упренному часу и безопасности часовыхъ у главныхъ воротъ: ибо *Бовуаръ* принялъ на себя и походку тюремщика,—бѣжалъ.....

Пер. съ Франц. О. Дельтовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ Н. Н.

Вырѣзавшей пожницями изъ моего приношенія эпитетъ, приданный къ ея имени.

Въ недобрый смертный часъ

Ты думала, вооружась

Орудьемъ Парки безпощадной

И гнѣвомъ на меня, по *имя* испребишь,

Которое я смѣлъ душой, моления жадной,

На бѣдномъ лепить начерпиль.

Есть перспъ всеиспытъ пвоей руки! Онъ шпшетъ

То *имя* на сердцахъ всего,

Чпо только видѣло тебя, чпо только дышеть

Въ присущствіи пвоемъ. Не испребишь *его*

Жельзомъ, ни огнемъ, ни власпію людскою!

Божественного бытъ пы создана,

И на землѣ не слышь тебѣ земною!

Сердилься пы вольна,

Чпо именемъ пвоимъ тебя всѣ называютъ;

Чпо избранный сосудъ величія Творца

На алтарь любви, во храмъ поставляютъ;

Чпо отдѣленную звѣзду съ Его вѣнца

На землю бѣдную, небесной величаютъ.

Онъ вѣка родъ людской былъ данникъ красоты:

Не измѣнилъ тебѣ одной сего закона;

Не сокрушилъ, тебѣ воздвигнушаго, прона!

Иль сдѣлай, чпобы пы—была не пы!

Ахъ! погаси свои помпшельныя очи

Съ запросами на жизнь и смерть... (вблизи, вдали.

Какъ на свѣшмо дня, на нихъ смолришь нѣшь мочи;

Онъ ихъ хопъ убѣжашъ во глубину земли!)

Сорви съ прелесныхъ успъ кораллъ, печать рожденья

Божественной въ волнахъ морскихъ;

Очаровательнымъ движеньемъ ихъ

Не возбуждай души пы мукъ и упоенья;

Не воскрешай стиховъ любимаго пѣвца (*)

Ты сладкимъ голосомъ, органомъ Провидѣнья;

Лиши чело свое божественна вѣнца

Высокихъ думъ, какъ бы крыламъ Серафима

Обвившаго его собой;

(*) Веспвишинова.

Опдай свои черпы, свой спанъ, свой умъ другой,
И будешь смертная, какъ пы богопворима!
Иль сдѣлай, чпобы топъ, кпо смолришь на тебя,
Въ воспоргъ кпо тебѣ внимаешь,
Былъ глухъ и слѣпъ и нѣмъ! Пусшь камнемъ обро-
спаешь!...

Не по *божественной* позволъ назвашъ себя!

.....
Уже-ль среди общихъ приношеній,
Смолицы жерпвъ и воскурений,
Я данью испины тебя обидѣшь могъ?...
Пчпо въ удѣлъ мнѣ міра не далъ Богъ!
Я созвалъ бы тогда съ концевъ земли народы;
Я созвалъ бы весь міръ къ ногамъ пвоимъ:
Впупали-бъ тебя любви хороуды,
И былъ бы голосъ ихъ тебѣ единый гимнь.

Тобольскъ.
6 Іюля 1850.

МОГУЩЕСТВО КРАСОТЫ.

(Подражаніе *Арабскому.*)

Щекъ пвоихъ горячихъ пламя
Въ первыхъ упреннихъ лучахъ,
Словно вѣющее знамя
Заблнспало вдругъ въ очахъ.
Розы, мирпы прнсмнрѣли,
Видя прелеспи пвои;
Звучно въ чеспъ тебѣ воспѣли
Сладкопѣвцы соловьи:
И, воспорженъ, очарованъ,
Бѣдный плѣнникъ пвой у ногъ,
Неизбѣжной спраспью скованъ,
Испуспилъ послѣдній вздохъ!
И. Петровъ.

Ачинскъ.

LOGOGRIPHE.

Sur quatre pieds je suis de ton corps un viscere;
Et sur trois devant moi la raison doit se taire.

Въ No 71, помѣщенная анаграмма значить: *Гора и рога.*

M O D E S.

Rien n'est plus complet en ce qui regarde une toilette de femme, qu'un trousseau et une corbeille de mariage, et les détails que nous pouvons donner de celui-ci, qui peut être regardé comme un *trousseau-modèle*, fera jeter un coup d'œil sur chaque objet de garde-robe, et sur ceux de fantaisie.

Les formes les plus nouvelles et les plus élégantes, les étoffes les plus riches, tout avait été laissé à la disposition de M. Gagelin (rue Richelieu) qui en a admirablement profité.

Les taies d'oreiller en percale fine étaient brodées aux quatre coins et au milieu, du chiffre et des armes des familles, autour une vignette composée d'armures et d'armes gothiques; elles étaient garnies de mousseline brodée.

Le couvre-pied se rapportait aux taies d'oreiller: mêmes broderies, même garniture.

Les camisoles en percale et en jaconas; ces dernières croisées, les poignets des épaules et des bras brodés; la manche brodée dans sa longueur, une petite dentelle au bas; des ruches ou des cols, simples ou doubles, grands comme une pélerine, nouées au cou et à la ceinture par des pates de jaconas brodé.

Les bonnets de nuit en batiste à formes de fantaisie, garnis de valenciennes, à formes rondes, prenant la tête, brodés sur les coutures, garnitures à petits tuyaux, en batiste d'Écosse, fond brodé en plain, ainsi que les pates de même étoffe servant de ruban.

Des bonnets de lit en mousseline de l'Inde, garnis de tulle de Lille.

Des bonnets de matin, négligés et habillés, en tulle brodé, en dentelle, et garnis de dentelle.

Les jupons en percale et jaconas brodé. Au bas de quelques-uns, une seule petite dentelle; d'autres avec une broderie en brandebourgs pour mettre avec des redingotes ouvertes.

Les chemises de batiste brodées à la gorge et aux poignets des manches, plissées à petits plis, bordées de valenciennes.

Les chemisettes en batiste brodées et garnies de dentelle; quelques-unes brodées en cœur pour mettre avec des robes à draperies ouvertes.

M O Д Ы.

Ничего нѣтъ полнѣе въ отношеніи дамскихъ нарядовъ, какъ приданое и корзинка невѣсты, и подробное описаніе приданого, которое можетъ служить образцемъ, заспавивъ разсмотрѣть каждый предметъ гардероба и прихоти.

Самыя новѣйшія и щеголеватые фасоны, самыя дорогія шкани предоставлены были въ распоряженіе Г-на Gagelin (въ улицѣ Ришельѣ), чѣмъ онъ удивительно воспользовался.

Наволочки на подушки изъ тонкаго перкала вышиты, по чепыремъ угламъ и въ срединѣ, шпѣрами и фамильнымъ гербомъ, вокругъ виньетка, со-спавленная изъ древнихъ оружій и латъ и шлемовъ; онѣ обшиты вышитой кисеёй.

Одѣяло сдѣлано было на подобіе наволочекъ: по же шпѣе, по же каёмка.

Кофточка перкалевая и жаконеповая; сн послѣднія крестообразно, накладочки на плечахъ и обшивки у рукавовъ вышиты; рукавъ вышитъ во всю длину, внизу узенькое кружево; около шеи рюшъ или ворошникъ, простой или двойной, величиною какъ пелеринка; кофточка завязана сверху и у пояса вышитыми по жаконепу завязками.

Ночные чепчики баписшовые, форма произвольная, обшиты Валансьенскими кружевами; круглые чепчики, сдѣланные по головѣ, вышиты по швамъ, обшиты мелкими пирюбочками, изъ Шотландскаго баписша; чепчикъ весь вышитъ, какъ и завязки, изъ той же матеріи, вмѣсто ленты.

Чепчики для постели изъ Индѣйской кисеи, обшиты полевъ изъ Лилля.

Упреніе чепчики, простые и нарядные, вышиты полевые, кружевные, обшиты кружевомъ.

Юбки перкалевая и жаконеповая вышиты. Нѣкоторыя внизу обшиты просто узенькимъ кружевомъ; другія вышиты brandebourami, чшобъ надѣвать съ открытыми редингошами.

Баписшовыя сорочки, вышитыя сверху и у обшивокъ около рукавовъ, сложенныхъ мелкими складочками и обшитыхъ Валансьенскими кружевами.

Баписшовыя шемизетки, вышитыя и обшитыя кружевами; иныя вышиты сердцемъ; надѣваются подъ плащя съ открытымъ draperie.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ'

№ 73.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №0.
съ 36-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 10 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Кто добръ по истинѣ: не распложая слова,
Въ молчаньи пошъ добро пворитъ;
А кто про доброшу лишь въ уши всѣмъ жужжитъ
Тотъ часто только добръ на счетъ другога,
За пѣмъ, что въ эшомъ нѣтъ убытка никакова.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

VII. ПРОКЛЯТІЕ (*).

(О шрывокъ изъ повѣсти).

(Продолженіе.)

«Но полно; я самъ себѣ несносными анекдотами эпими надоѣлъ. Словомъ, и меня хопѣли просвапавъ и женивъ по приложеннымъ примѣрамъ; нѣтъ, эпому не бывавъ. Я не ребенокъ и самъ себѣ сваха. Между мною и невѣстою моею претьяго не шерплю; ни посредниковъ, ни свахъ, ни сприпчихъ, ни подъячихъ. Каждый изъ насъ долженъ испытать и узнать любовь, а она мамки и няньки не шерпитъ. Многихъ она дѣлаеть несчастными; пусть такъ, но погда пенять ненакого, а сватовство на заказъ, опъ неѣ не предохраняеть, равно какъ и совѣты: осперегаеться, бытъ благоразумнымъ, расчепливымъ и рассудительнымъ. Эпо все вздоръ. Любовь наспигаеть неожиданно, неопразимо, какъ спепени возраспа; я знаю давно, что спаюсь каждый годъ однимъ годомъ, а между

пѣмъ удивился, когда мнѣ спужнуло двадцать! Объясню эпо нѣсколько сравненіемъ: забавляясь на досугъ, сижу на прилавкѣ и бью орѣхи. Кажеться пупъ нѣтъ ничего предосудительнаго? Но прохожій въщунъ погрозивъ мнѣ, предостерегаеть: не спучи, громъ убьеть! Я, пословицы, ни къ селу ни къ городу сказанной, не понимаю; смѣюсь намекамъ и совѣтамъ симъ и продолжаю. Но вдругъ, ударомъ оглушенный, блескомъ ослѣпленный, не вижу, не слышу ничего; вокругъ меня кричатъ: горипъ, горипъ!.... Наконецъ я опдохнулъ, опомнился, самъ всѣми силами способствую къ упушенію пламени, и, если не вся избушка моя сгорѣла: по спавлю на оспавкахъ ея громовой опводъ. Поздно и напрасно; съ пого времени какъ-то и грозы нѣтъ; а первую ушрапу никто не пополнитъ! Старые сосѣди мои, съ опводами, говорятъ, что все эпо знали и видѣли напередъ, и кажутъ молодымъ избу мою въ примѣръ; а о помъ ни слова, что у нихъ самихъ опводы споятъ на пожарицахъ, на пустопорожномъ мѣстѣ! Молодые смотрятъ; пословицы: не спучи, громъ убьеть, не понимаютъ; не знаютъ, чему вѣришь, чему не вѣришь; думаютъ, что они гораздо насъ

(*). См. Л. П. къ Р. И. на 1832 годъ, № 66, стр. 521.

умнѣ и оспорожнѣ, что съ ними этому не бывають никогда, а наконецъ—также спаваютъ громовые опводы свои послѣ удара и каждый испытываетъ на себѣ по же, что и я!

Требованіе родителей: скажи мнѣ, сынъ мой, скажи мнѣ поспчасъ, если ты влюбилъся, и проси на это нашего совѣта и разрѣшенія, есть—справное и безполковое. Первая любовь юнаго сердца никогда не обнаруживается такимъ образомъ, чтобы любящій могъ придти накануне и объявить о томъ, что имѣетъ произойти; иначе это была бы не любовь. Такимъ образомъ можно составлять отчеты торговые, да и тѣ только за прошедшее время, когда уже дѣло сдѣлано. Если мы должны сознаться, что никто не могъ избѣгнуть, болѣе или менѣе, владычества сей богини: то не доказываетъ ли это самое превосходную ея тактику, которая всегда только побѣждаетъ? Неопытное сердце не думаетъ обманывать отца или мать, какъ это обыкновенно предполагають, оно обманывается только само себя: ибо долго само передъ собою таится, не сознается, колеблется, само у себя спрашиваетъ: это ли любовь?... ужели да? ужели нѣтъ?—Если же примѣнимъ сказанное къ дѣвицѣ, то подобное пребываніе родителей въ самомъ дѣлѣ есть безразсудное: имъ нарушаются священнѣйшіе законы природы, которые основаніемъ женской нравственности положили *скромность*. Всѣ чувства женскія должны пропитаться пому, чтобы говорить о любви напередъ: дѣвица *сноситъ*, *терпитъ* ласки и приступы мужчины, клятвамъ его не доверяетъ и не открываетъ никому того, что происходитъ въ юной душѣ ея. Она еще менѣе умѣетъ познать развивающуюся страсть—и долго, долго не доверяетъ ни клятвамъ юноши, ни расположенію и направленію чувствъ собственныхъ. Она узнаетъ и сознается въ нихъ тогда—когда уже не въ состояніи ихъ подавить; а это для родителей обыкновенно бываетъ поздно!

И такъ, должно предоставить каждому мысли и чувства, которыхъ обратили въ необычное не можетъ никто. Но за дѣла и поступки свои долженъ отвѣчать и давать въ нихъ отчетъ каждый изъ насъ; а потому, требо-

ваніе родителей: не вступаи въ союзы и объемы безъ нашего на то согласія, есть законное, и должно и можетъ быть исполнено каждымъ изъ насъ. Одолѣть чувства и мысли не всегда можно; но мы обязаны всегда сохранять сполько присупствія духа, чтобы отвѣчать за поступки. Чувственность, развивающаяся и зрѣющая поспепенно, вмѣстѣ съ развитіемъ самаго человека, должна, въ связи съ качествами нравственными, держать равновѣсіе окривляющимся способностямъ ума; п. е. голова и сердце должны взаимно сохранять равновѣсіе. Только въ бездѣйствіи души, при недостаткѣ побужденій къ развитію способностей умственныхъ, самоспопительность, сила, мужество сихъ послѣднихъ мало по малу теряются; юноша впадаетъ непримѣнно въ сладкія задумчивыя грезы, въ пустую игру воображенія, мечтаетъ о сладоспныхъ мнутахъ, объ испупительномъ восторгѣ любящихся, объ упоптельномъ лепетаніи страсти, мечтаетъ болѣе, нежели мужу прилично, мужу, котораго девизомъ есть: *неупомилая, самоспопительная дѣлательность*; онъ теряетъ мужество свое, ослабываетъ, пааетъ—онъ болѣнъ. Этого-то состоянія должно стараться избѣгать.

Съ другой стороны любовь вообще можно и должно называть болѣзнію, но болѣзнію возраста, въ томъ же смыслѣ, какъ и прорѣзываніе зубовъ у младенцевъ называютъ болѣзнію. Ибо, если опредѣляютъ: болѣзнь есть состояніе, въ которомъ опсправленія душевныя или тѣлесныя опспускають опъ обыкновеннаго, опспускають опъ цѣли своей, то есть соопвѣтствовать возмолному долготію, — болѣзнь есть состояніе, гдѣ нарушено равновѣсіе (единство, единозвучіе) способностей и опсправленій человеческого тѣла, и прочее: то, состояніе, о которомъ говоримъ, есть болѣзнь, и болѣзнь болѣе или менѣе душевная; ибо единственная мысль, какъ хмѣль, обуяла умъ и душу спраждающего или блаженствующаго. Это душевная болѣзнь возраста, какъ давно уже исчисляють нѣсколько тѣлесныхъ недуговъ возраста. Влюбленный человекъ презваго языка не понимаетъ; онъ на все, и на состояніе свое и на васъ и на все его окружающее, глядитъ съ

особенной почки зрѣнія, которой мы достигнуть не въ состояніи. Это Вавилонское смѣшеніе языковъ — и мы другъ друга не понимаемъ.

Я не любилъ еще; но вѣрю и надѣюсь, что случай и время меня любить научатъ. Я не спыжусь эпаго: я бы напроптивъ спыдился, я бы казался самъ себѣ жалкимъ, если бы чувство это чуждалось меня навсегда. На прелестницъ нашихъ въ городскихъ асамблеяхъ гляжу я подъчасъ зѣваючи. Всѣ чужія; ни взглянуть, ни посмопратить; у каждой свой или свои, а я—девяпая спица въ колесницѣ; спидать себѣ; какъ бубновыя, пиковыя, червонныя крап—это для меня одни знаки препинанія, восклицанія, удивленія, вопрошенія; почки и запятыя безъ буквъ, восковыя лица, спеклянныя глаза! Я ищю не пакихъ, сказала я самъ себѣ смѣюсь; ибо также говоритъ всякой, и всякому своя лучше другихъ; а для меня конечно природа, во уваженіе экстраординарной надобности моей, ничего особеннаго и чрезвычайнаго не создастъ!

Многіе изъ насъ опъ скуки, по наслышкѣ, по привычкѣ, или, какъ утверждаютъ, по опыту, бранятъ женщинъ. Такъ, восклицаетъ на примѣръ одинъ, и въ вашихъ пречистыхъ сердцахъ болѣе еще пшны и паупины, чѣмъ у насъ! А почему? Онѣ мнѣ всегда измѣняли! Этомъ опивѣть уже самъ по себѣ ибвиаетъ просипеля. *Онѣ* — слѣдовательно, ты самъ былъ непоспощенъ, опромечивъ, волочился за многими, за всѣми, и пребуешь, чпобы всѣ принадлежали тебѣ одному? Ты не *Ибрагимъ-Паша!* Онѣ принимали шутку за шутку, дурачили тебѣ и не спавили всякое лыко въ спроку, и благодарил ихъ за это. Куда бы двѣпался тебѣ бѣдному опъ дюжины вѣрныхъ и преданныхъ тебѣ на всю жизнь свою обожательницъ?

Но мы вообще въ сужденіи своемъ и пребопаняхъ, если коснемся другаго пола, крайне несправедливы. Кто далъ намъ право, спрашиваю, судить проступки ихъ десятирицею спрое нашихъ собственныхъ? Это право спльнаго и болѣе ничего! Многіе ли изъ васъ, друзья мои, соблюдаютъ все то, что намъ рены нѣкогда пребопань опъ будущихъ су-

пругъ вашихъ? Кто изъ насъ чистою нравственностію и спрогимъ поведеніемъ своимъ равняется тому образцу, опъ котораго опспупить, ни на волосъ, супругамъ нашимъ не дозволить? Каждый распущный повѣса, не спыдаясь и не краснѣя, воображаетъ имѣть полное право избрать невѣсту самой спрогой, скромной и чистой нравственности; кто ему далъ это право? — Тамъ—преступленіе, порокъ—поношеніе;—здѣсь—шалость, шутка, бездѣлка; и я же подымаю первый камень на пу, которая пала чрезъ меня; какова эпа черта нашей нравственности? — Мы всѣ люди, это я знаю, и Ангела нѣтъ даже и между женщинами, но при всемъ томъ, онѣ лучше и достойнѣ насъ. Онѣ, прощая, забываютъ навсегда; онѣ опдаются намъ вполне и безъ малѣйшаго самолюбія; онѣ несутъ, по закону природы, болѣе и ппжель насъ, несутъ смиренно, безъ жалобы, безъ укора, не зная ни опдыха, ни опговорокъ и считая это долгомъ своимъ, тогда, какъ мы, преодолѣвъ какія либо препятствія и совершивъ должное, хопимъ, чпобы весь міръ былъ этому свѣдѣпель; шумимъ, кричимъ, хвалимся, хопимъ и ищемъ похвалъ всемірныхъ, рукоплесканій громкихъ. Мы это называемъ *славою* и ею гордимся; женщина славы собственной не знаетъ, громкихъ дѣлъ и самыхъ похвалъ чуждается и гордится славою и достоинствомъ мужа; міръ для неѣ—кругъ домашній; въ этомъ мірѣ оканчивается и кругъ дѣйствій ея; солнце ея—очагъ; около эпаго свѣтила обращаются въ пѣсныхъ супочныхъ орбитахъ своихъ планеты и спутники однообразнаго домашняго быта!»

Такъ разговаривая самъ съ собою, или думая про себя, вышелъ *Ивася*, сложивъ руки, въ чистое поле, пуспился пихимъ шагомъ по дорогѣ и, наконецъ, взглянувъ въ расплывающійся передъ нимъ мракъ, увидѣлъ при огонька. Вечеръ былъ тихій, темный и пріятный. Онѣ оспановился и съ негодованіемъ глядѣлъ на освѣщенныя комнаты *Ирины Гитовны*. «Такъ, сказалъ онѣ, онѣ онятъ уже сошлись, эпи обвешпальныя кофейныя мѣльницы; онѣ сѣхались на общее совѣщаніе, на сеймъ: ибо безъ нихъ не было бы у насъ и завпрешняго дня!» Онѣ прислонился къ столбу мостика,

глядѣлъ на госпепрїимный огонѣкъ, и сердце въ нѣмъ кипѣло.—«Убей васъ Божїй гнѣвъ или проспи, по безконечному милосердію своему— я васъ не прощаю! Нѣтъ, я бы отдалъ все имущество свое на построение Смирительнаго дома, въ копоромъ бы вы заняли первые почепные мѣста! Тамъ бы я заспавилъ васъ плесць не языкомъ, а руками; памъ бы вы, въ попу лица своего, узнали различїе между жизнью пунейда и дѣльнаго, полезнаго мужа, мужа, съ копорога вы пеперь, для исполненїя прихопей вашихъ и причуръ, снимаете, перекреспившись и сказавъ: Господи помилуй насъ грѣшныхъ, — послѣднюю рубаху! Дурь и глупость вашу—Богъ вамъ проспипть; но двулчїе ваше, безсовѣспность, оговоры и клевету? Неужели они достойнаго возмездїа мїнуютъ? Не знаю; но вижу, что вы пеперь въ избїлїи и роскоши холише себя и мосекъ своихъ, слывете оракулами округа; васъ за примѣръ смиренспва кажупть, называюпть *пѳтенными* и веляпть уважамъ; вижу, съ какимъ подобоспраспїемъ подхояпть къ вялой или дебой рукѣ вашей; вижу, что вы въ силѣ и въ честпї, и владѣете сыномъ и опцемъ и внукомъ, пмѣете на все свои доходы и доводы, попайные ключи, пружпны и машпны слава и доброе пмя всякаго у васъ въ рукахъ: пбо языки ваши не короче рукъ, и равно искусно соловьемъ щелкаюпть, попѣваюпть малиновкою и зміемъ шпїапть. Ваща честпъ и слава, и власпъ и спла!»

Владимїръ Луганскїй.

ОСОБЕННАГО РОДА ПОЧТЕНІЕ.

— Позвольте васъ спросипть, почему вы всегда дремлете или спите, когда поепть моя невѣспна? Всѣ единогласно говоряпть, что она поепть превосходно; лучшіе знапоки музыки превозносяпть её. Я знаю, что вашъ сонъ еспть злая маска, и. . . . —

«Напрасно вы горячипесь! Привычка впопая природа: меня убаякпвали въ колыбелї пѣспєю, и вопть я засыпаю пеперь при каждомъ пѣнїи.»

— Ваши сужденїа, ваши поспупки, все, все, заспавляюпть меня васъ почппапть (*про себя*) дуракомъ. —

Н. К.

К О Е - Ч Т О.

Въ газетѣ Morning-Chronicle напечатано:

Объявленїе.

Извѣщаю всѣхъ и каждаго, до кого сіе касатся можетъ, что жена моя *Катерина Торанъ* сего Августа въ 17-й день оставила мою постелю и мой споль, и ушла неизвѣспно куда: а попому я не обязанъ плащпть долговъ ея.

Еремїй Торанъ.

Въ попть же день, въ другой газетѣ Публїка чппала другое

Объявленїе.

Давно уже рѣспившись оставипть мужа моего *Еремїя Торана*, сегодня я исполнила мое намѣренїе и надѣюсь, что навсегда. Мужъ мой часпо угрожалъ мнѣ, что онъ распублїкуепть меня въ вѣдомоспяхъ, еспл я его покинуп. Будучи увѣрена, что онъ сдержипть свое слово, я вынужденною нахожусь напечатать свое оправданїе. Мой мужъ рѣдко бывалъ дома, не имѣлъ ни спула, ни занавѣсокъ; онъ поимъ меня гореспїями—и я была злополучнѣйшая женщина. Многократпо отказывалъ онъ мнѣ въ ромѣ, хлѣбѣ, табакѣ и даже сальномъ огаркѣ, говоря, что *просвѣщепная* женщина можетъ обойтпсь безъ свѣчи и раздѣпться въ пемнопть. Онъ вѣрно спанепть хваспалъ своимъ споломъ и постелюю; но я божусь, что у него въ кваршпрѣ нѣтъ ни спола, ни постели. Я оставила мужа честпо, не поживилась ничѣмъ изъ его собспвенности, что, впрочемъ, прудно было бы сдѣлать и самому искусному мошеннику.

Я распалась съ своимъ мужемъ навѣки, о чемъ да будепть вѣдомо всѣмъ и каждому. У насъ еспть законы, а попому я надѣюсь быпть разведена съ нимъ по надлежащей формѣ и правїламъ.

Катерина Торанъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВСТРѢЧА.

На всѣхъ Парижскихъ колокольняхъ было одиннадцать часовъ вечера. Мелкій и холодный дождь, шедшій съ самаго утра, былъ причиною, что улицы опустились ранѣе обыкновеннаго, и слабый свѣтъ изрѣдка заженныхъ фонарей освѣщалъ только предпріяпія мошенниковъ и робкіе обходы пѣшихъ дозоровъ. Это было въ концѣ Ноября 1776 года.

Въ улицѣ Лудовика Великаго, близъ бульвара, въ пятомъ этажѣ одного дома, въ дрянномъ чуланѣ, лежала на кровати, почти развалившейся, пожилая, больная женщина, у изголовья ея спояла на колѣняхъ плачущая молодая дѣвушка, старавшаяся согрѣть на груди своей холодныя руки спраждающей. Это представляло зрѣлище нищеты и скорби. Дождь заходилъ въ разбитое окно, и въперъ, съ силою врываясь въ длинный корридоръ, дулъ сквозь щели худо припворявшихся дверей, и задувалъ красноватое пламя ночника, освѣщавшаго сіе печальное убѣжище.

Послѣ продолжительнаго молчанія, больная приподняла голову и сказала своей дочери: «послушай, *Марія*, возьми эпомъ крестъ; онъ былъ на опцѣ пвоемъ, когда его убили подъ Лауфельдомъ. Я надѣялась всегда сохранить его!... Завтра ты его продашь.... потомъ мы продадимъ мое обручальное кольцо.... а потомъ... все кончится!»

— За чѣмъ опчаяваешься, мапушка? сказала *Марія*. Просьба, которую мы подали, не можетъ оспаться безъ отвѣта. Король не захочетъ, чтобы вдова и дочь храбраго Офисера умерли опъ нищеты и голода. —

«Вопъ уже болѣе года забываюпъ о насъ; я ничего не ожидаю опъ людей.»

Сказавъ это, Гжа. С. подала своей дочери бумагу, въ которой былъ завернутъ крестъ св. Лудовика. На красной, волнистой лентѣ зашита была скважина, слѣдъ пули, поразившей сердце храбраго. Но видъ сихъ печальныхъ останковъ возбудилъ въ ней слишкомъ горестныя воспоминанія; она поблѣднѣла, закрыла глаза и голова ея снова упала на подушку.

Испуганная *Марія* подумала, что мать ея умираетъ. Поспѣшно накинувъ на себя спальный салопъ, она опсправилась къ лекарю, жившему на бульварѣ.

Въ то же время опворилась дверь прекраснаго Ганноверскаго павильона: человекъ въ стромъ плащѣ опсторожно изъ нея вышелъ и посмопрълъ вокругъ, какъ бы не рѣшаясь, куда направитъ шаги свои.

Но какъ скоро онъ разглядѣлъ въ темнопѣ блоее платье *Маріи*, нерышимостъ его опспавила и онъ пошелъ по слѣдамъ молодой дѣвушки.

Казалось, что онъ уже привыкъ къ подобнымъ встрѣчамъ, и что онъ коротко зналъ пѣхъ, кто посѣщалъ пустой бульваръ въ такіе поздніе часы: ибо оставя потъ убѣдительный понъ и пѣ учпивые пріемы, которые употребляетъ мужчина, стараясь обратитъ на себя вниманіе женщины, онъ началъ разговоръ смѣлымъ и выразишельнымъ движениемъ, которое заставило блдную *Марію* вскрикнуть опъ ужаса.

Въ невинности своей она подумала, что имѣетъ дѣло съ разбойникомъ.

«Вопъ все, что я имѣю, сударь, сказала она дрожа и подавая ему крестъ св. Лудовика; возмите, но не дѣлайте мнѣ зла.»

— Зла? я и не думалъ, опвѣчалъ незнакомецъ, приближаясь къ ней; успокойтесь, моя милая, продолжалъ онъ голосомъ немного дрожащимъ, но нѣжнымъ и пріятнымъ, — мнѣ не нужны ваши деньги; напропивъ, мои къ вашимъ услугамъ, если бы вы хотѣли. —

Тутъ *Марія* почти поняла его; спрахъ придалъ ей силы и она съ крикомъ его оптолкнула. Прежде, нежели онъ успѣлъ возобновитъ свои нападенія, явился претпій человекъ, котораго присутствіе оживило блдроспъ блдной дѣвушки.

Это былъ кавалеръ *де Лозакъ*, пріѣхавшій изъ провинціи въ Парижъ для того, чтобы хлопотать о мѣспѣ. За нимъ шелъ слуга, который несъ фонарь.

— Защищите меня, — вскричала *Марія*, схвативъ его за руку и сильно сжимая её.

Въ голосъ оскорбленной невинности было что-то естественное, прогательное; оно потчасъ заставило кавалера принять ея спорону.

«Да, сударыня, я буду вашимъ защитникомъ... Что это за человекъ? чего онъ отъ васъ хочетъ?»

Человекъ этотъ громко захохоталъ.

— Право, презабавное приключеніе,—сказалъ онъ.

«Послушайте, любезный, вы не знаете, съ кѣмъ говорите.»

— Также какъ и вы, мой милый,—возразилъ незнакомецъ.

«Переспаньте же, спускайте своей дорогою.»

— А если я не пойду? —

«Дерзкій! такъ я научу васъ.»

Раздраженный кавалеръ бросился къ знакомцу и хотѣлъ схватить его за воротъ, но попъ увернулся и сказалъ:

— Попише, почтеннѣйшій; я видѣлъ шпагу у васъ на боку, а кулаки шупъ не умѣспа... Подождите меня немного, я сей часъ возвращусь.—

Перешедъ черезъ бульваръ твердыми шагами, онъ вошелъ въ Ганноверскій павильонъ, повторяя сквозь зубы: славно; право, это преуморительно.

Марія не поняла окончанія ихъ разговора. Успокоенная уходомъ знакомаца, она поблагодарила своего избавителя и объяснила ему въ короткихъ словахъ, за чѣмъ она очутилась такъ поздно одна на улицѣ. Разказъ ея пронулъ кавалера; онъ приказалъ своему слугѣ проводить *Марію* домой, и потомъ спалъ ожидая своего противника.

Сей послѣдній не замедлилъ возвратиться, держа въ рукѣ шпагу, вложенную въ ножны. Ни слова не говоря, онъ сдѣлалъ кавалеру знакъ, чтобы попъ послѣдовалъ за нимъ къ одному изъ фонарей, гдѣ послѣ обыкновенныхъ приемовъ, онъ спалъ въ позцію съ болѣзною ловкостью и прѣлпнностію, и шпаги ихъ скрестились.

Поединокъ былъ не продолжителенъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ равнаго боя, незнакомецъ однимъ сильнымъ ударомъ вышибъ у своего противника шпагу и отбросилъ её шаговъ на десять.

— Не начать ли снова?—спросилъ онъ у кавалера, поднимавшаго шпагу.

«Какъ хотите.»

— Мнѣ кажется, что довольно съ насъ и шпаго; вы храбрый и благородный человекъ, и я очень радъ, что помѣрился съ вами оружіемъ. Имя ваше?—

«Викторъ *де Лозакъ*» отвѣчалъ кавалеръ, котораго очень удивлялъ повелительный тонъ знакомаца.

— Хорошо, возразилъ попъ, приходите ко мнѣ завтра; если у васъ есть дѣла въ Парижѣ, мы поговоримъ объ нихъ, и можетъ быть, я буду вамъ полезенъ.—

Въ это время они подошли къ Ганноверскому павильону. Незнакомецъ отворилъ дверь поддѣльнымъ ключемъ и сказалъ: вотъ мое жилище.

«Но, какъ же мнѣ спросить о васъ?»

— Скажите только свое имя, а люди мои будутъ предварены... Покойной ночи.—

И дверь заперилась.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего приключенія, кавалеръ *де Лозакъ* получилъ изъ военнаго министерства извѣщеніе о назначеніи его Капитаномъ въ д'Агенуасскій полкъ: «что было сдѣлано (такъ писалъ къ нему начальникъ отдѣленія) по усильному ходатайству Маршала Герцога *Ришелье*.»

Горя неперпѣніемъ увѣдомить о своемъ счастіи жителей улицы *Луdivика Великаго*, съ которыми онъ познакомился послѣ описаннаго происшествія, кавалеръ отправился къ нимъ и нашелъ ихъ въ меньшей радости. Г-жа С. получила отвѣтъ на свою просьбу, и вмѣстѣ съ онымъ повелѣніе о назначеніи ей пенсіи, гораздо значительнѣйшей, нежели на какую она имѣла право по чину своего мужа.

Маршалу *Ришелье* было въ то время болѣе осмидесяти лѣтъ.

Пер. *Ип. Гальбовъ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ Н. Н.

Много лѣтъ пому назадъ
Вы мнѣ Ангеломъ казались;
Кто тогда вамъ былъ не радъ,
Кто?—Всѣ вами восхищались!
За годами годы шли;
Не попалъ я въ короли,
Вы съ годами дамой спали;
И шеперь, въ досужный часъ,
Изъ полны смошрю на васъ
Безъ желанья и печали....
Равнодушно, въ пишигѣ,
Грудь моя вашъ взоръ встрѣчаетъ:
Такъ и льдина отражаетъ
Солнца лучъ въ Январскомъ днѣ...
Чья вина, моя или ваша?
Пусть я холоденъ, какъ лёдъ,
Но и зимній лучъ, Намаша,
Вамъ въ сравненіе идетъ.

Карлоффъ.

КЪ СОФІИ Н.

Софія! мнѣ порптреть дозволить написать,
Ты послупила безразсудно:
Лжецомъ передъ побой мнѣ бышь, признашься,
шрудно,
И даже объ иномъ искусно промолчать,
Признашься, не въ моей ужъ власпи.
Но если опишу твои пороки, спраспи,
Дурныя склонности, по разсержу себя.
Но такъ и бышь, рѣшимся я!
Вотъ краски, положно, вотъ кисть; прошу са-
дисься,
И не кривляйся, не сердисься.
Начнемъ съ наружной красопы:
Тебѣ шеспинадцать лѣтъ—и съ юной розой ты.
Была бы очень схожа;
Но слишкомъ на лицѣ швоемъ бѣла ужъ кожа
И слишкомъ правильны черпы,

И слишкомъ аль румянецъ;
Къ пому же порпишь все зубовъ жемчужный гля-
нецъ.

Твой ростъ хорошъ, собою ты спашна;
Но для красавицы излишне ужъ спройна;
Не кспашпи яротъ пламень взоровъ
И припорно сладка прияпности разговоръ.
Ты видишь, не моя вина,
Что ты снаружи не важна;
Но пыль одна
Дурна?

По милоспи природы
И не такіе еспь на свѣтѣ семь уроды:
Живой свидѣтель въ помя шебѣ моя жена!
Но, можешъ бышь, что ты за по награждена
Таланпами ума и сердца?

Ахъ, нѣтъ, и ими ты бѣдна!
Невинна ты, прекрасно для младенца;
А ты съ невинностью и скромностью—шупа
Чтобъ бышь злословною—глуша
И пересуживашъ людей—ты неспособна,
Чиспосердечіемъ—проспой овцѣ подобна,
На колкоспи—скупа,
Пропивъ съшей любви—коварна,
За похвалы—неблагодарна,
За волокишпиво—зла,
За честь друзей—сварлива,
Предъ подлещами—горделива:
Въ шебѣ пороковъ безъ числа!

Софія! здѣсь, какъ въ зеркалѣ, ты зрима;
Но самый важный пвой порокъ
Я, какъ поэтъ, къ концу сберѣгъ;
Вотъ онъ: ты любишь всѣхъ и всіми ты любима.

В.

Ш А Р А Д А.

Безъ *перваго* Арабъ, ужъ не Арабъ—невольникъ;
Второй—другъ спраспный реширадъ:
Онъ въ море и рѣку решировичъ радъ.
А *цѣлое*—въ пиру весельчаковъ угодишь.

Швердинскій.

Въ No 72, помѣщенный логогрифъ значить: *Foie*, въ
космѣ заключастся *foi*.

M O D E S.

Les mouchoirs de poche de la plus grande variété. Les plus riches brodés aux coins des armes de famille, et des chiffres. Une très-large broderie, et une haute dentelle au bord.

Les robes blanches et peignoirs étaient classés par douzaines, en fine percale et jaconas, brodés ou garnis d'une petite dentelle. Les pélerines doubles à petit collet; tenant au peignoir, brodées comme les tours de la jupe.

En mousseline à raies mates, de la dentelle, mais point de broderies.

Deux redingotes, les plus élégantes qui se puissent voir, en mousseline, brodées devant et autour d'une riche et légère broderie, garnis de dentelles. Deux pélerines pareilles. Elles étaient doublées de marceline, l'une rose, l'autre bleu-ciel, et attachées par des nœuds de ruban.

Une robe de dentelle, qui fut celle de la messe, était en point de Bruxelles, avec application. Elle avait de fort remarquable son extrême blancheur, et les dessins qui avaient été calculés sur la personne même.

Ainsi rien n'était coupé. Les colonnes commençaient à la taille, et finissaient juste à l'ourlet. Les poignets des manches, faits à la mesure du bras. Le corsage était haut, à la vierge.

Avec cette robe, dont le dessous était de soie blanche, la mariée ne portait aucun bijou.

Les robes du trousseau étaient: l'une, qui servit pour la signature du contrat, en chaly rose, si pur et si frais, qu'on ne peut le désigner que comme une *feuille de rose*. Le corsage drapé avec une mantille de tulle à petits tuyaux.

Un manteau d'étoffe soie et laine à fleurs damasquinées, bleu et blanc, avec deux collets tombans.

Dans le trousseau, on plaçait autrefois une élégante chemise d'homme, à jabot et manchettes de dentelle; c'était un cadeau d'usage. Aujourd'hui, il est remplacé par une riche robe-de-chambre. Celle-ci était de cachemire fond rouge, à palmes, doublée de soie; les manches larges relevées, le dos large, serré à la taille par une ceinture.

Pl. No 26. Redingote de drap-Pantalon à bandes imprimées en relief.—Costume de petit garçon.

M O Д Ы.

Платки носовые весьма разнообразны. Самые дорогие вышиты по углам фамильным гербомъ и шифрами, вокруг весьма широкое шитье, по краю широкое кружево.

Бѣлыя плащя и плафроки разобраны были по дюжинамъ, изъ тонкаго перкала и жаконета, вышиты или обшиты узенькимъ кружевомъ. Пелеринки двойныя съ небольшимъ воротничкомъ, пришиты къ плафроку, вышиты какъ вокругъ юбки.

Плащя изъ кисей съ маповыми полосками, съ кружевами, безъ шитья.

Два редингота, самые щеголеватые, какіе можно видѣть, кисейные, вышитые спереди и вокругъ богатымъ и легкимъ шитьемъ, обшиты кружевами. Пелеринки такія же. Онѣ подложены были марселиномъ, одинъ розовымъ, другой небесно-голубымъ, и завязаны бантами изъ ленца.

Въчальное платье было изъ Бриссельскихъ кружевовъ съ накладками. Оно было замѣчательно по чрезвычайной бѣлизнѣ и по узорамъ, которыя были приспособлены къ шой особѣ.

Такимъ образомъ ничто не было разрѣзано. Колонны начинались у лица, и оканчивались у рубца. Обшивки у рукавовъ сдѣланы по мѣрѣ рукъ. Лицъ высокой, à la vierge.

Съ симъ платьемъ, надѣтымъ на бѣлое шелковое, на невѣстѣ не было никакой вещи.

Плащя въ приданомъ были: одно, для подписи контракта, изъ розоваго шали, такого чистаго и яркаго цвѣта, что нельзя иначе назвать, какъ розовой листвою. Лицъ *drapé* съ манжильею изъ шюля, сложеннаго мелкими спрубочками.

Плащъ изъ матеріи шелковой съ шерстью, съ волнистыми цвѣтами, голубыми съ бѣлымъ, съ двумя висящими воротниками.

Прежде приносили въ приданое щеголеватую мужскую сорочку, съ кружевными манжетами и жабо; эпошъ подарокъ былъ въ обычаѣ. Нынѣ, онъ замѣщенъ богатымъ халатомъ. Эпошъ былъ кашемировый по красному грунту, пальмы, подложенъ шелковою матеріею; рукава широкіе подобранные; спинка широкая, прихвачена около шалии поясомъ.

Карп. No 26. Суконовый рединготъ.—Коспкомъ мальчика.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 74.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 NO.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 14 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Какъ утѣшительно, какъ сладко быть поэтомъ!...

Съ талантомъ онъ — его бранять,

Ему завидуютъ, ему вредить хоятъ;

Безъ дарованія — насмѣшекъ онъ предметомъ!

Какъ утѣшительно, какъ сладко быть поэтомъ.

М. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДВѢ БѢЛЫЯ РОЗЫ.

Нѣтъ никакой бѣды называешься *Савельемъ* или *Иваномъ*. Это еще ни къ чему не обязываетъ. Съ этимъ именемъ смѣло можно быть глупцемъ; напропихъ пого, если бы родителю вашему вздумалось назвать васъ *Александромъ* или *Наполеономъ*: это налагало бы на васъ какую-то обязанность, а все похорее на неѣ, сопряжено съ трудностями.

Если-бъ вамъ дали имя *Руслана*, а вы бы получили отъ природы вдавленный лобъ, опухлыя какъ у бульдога губы, кошечьи сѣрые глаза и рыжіе волосы, сверхъ того тяжелейшій умъ и чѣрствую душу какого нибудь пранишника, въ такомъ случаѣ, вы все не могли бы жаловаться на природу: пбо она не совсемъ задѣлала васъ: она могла бы не дать вамъ ни глазъ, ни волосъ, ни души, ни ума. Не смотря на ваше безобразіе, я готовъ биться объ закладъ, что многія дамы спали бы воображаясь васъ со всеми совершенствами, приданными *Пушкинымъ* герою лучшей изъ поэмъ его.

Вотъ почему я очень радъ, что меня называютъ *Иваномъ*.

Я бываю именинникъ лѣпомъ; извѣстно, что сельскіе жители празднуютъ *Ивановъ день* съ большимъ торжествомъ и зажигаютъ ночью по горамъ костры и смоляныя бочки.

Въ одинъ годъ, день этотъ оставилъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Я былъ тогда молодъ; все для меня украшалось свѣжими цвѣтами поэзіи; я дышалъ любовью, благовоніемъ цвѣтовъ и дыханіемъ прелестной женщины. Я гордился своимъ счастіемъ и презиралъ тѣхъ, которые говорили мнѣ: все обманъ и фантазмагорія; то, что издали кажется не земнымъ, вблизи исчезаетъ, или обращается намъ въ гибель. Я считалъ этихъ людей глупцами. *Лиза* говорила, что она меня любитъ; она подарила мнѣ локонъ каштановыхъ волосъ своихъ; на другой день я прижималъ его къ своей груди и получалъ лихорадку.

Въ день моихъ именинъ была прекрасная погода; по правѣ рѣзвились кузнечики и жужжали пчелки; она являлась и маленькою ручкою срываетъ бѣлую розу, на которой препечали еще слѣзы Авроры; она подала еѣ мнѣ.

Запахъ цвѣпка. поже, что ея дыханіе. На другой день, когда она завяла, я положилъ её въ шелковый мѣшечекъ.

Многое съ той поры перемѣнилось!

Она находило свое счастье въ модномъ платьѣ, въ жемчугахъ и въ шопотѣ вокругъ себя на блестящихъ вечеринкахъ. Я чувствовалъ, что любовь и поэзія гаснутъ въ моемъ сердцѣ. Прошелъ годъ; наступилъ опять Ивановъ день, и я любилъ уже другую дѣвушку, гораздо пригоже и блистательне *Лизы*; но испоща способность любить, любилъ её, какъ обыкновенно любятъ женщинъ. Она также подарила мнѣ бѣлую розу; я отвѣчалъ ей локкимъ поклономъ и мадригаломъ, наскоро состряпаннымъ. Мнѣ было чрезвычайно въ этотъ день весело. Я вспомнилъ о подаркѣ *Лизы*: возвращаясь домой, отыскиваю шелковой мѣшечекъ, развязываю его, и что же? прекрасная роза моя превратилась въ пыль: сердце мое спѣсилось — слѣзы брызнули изъ глазъ.

Я пишу для тѣхъ, которые хвастаются своимъ постоянствомъ и основательностью. Не однѣ цвѣты и зелень, мы мѣняемъ вещи, образъ мыслей, связи дружескія и любовныя, и всё вокругъ насъ мѣняется, измѣняется, перемѣняется. Первая половина жизни нашей посвящена удовольствіямъ, вторая раскаянію!

К О Е - Ч Т О .

Вдова Надворнаго Совѣтника *Перелогова* вышла за Прапорщика *Вяткина*. Она принесла ему 50 лѣтъ и 200,000 рублей; онъ бѣдняга подарилъ её только 24-мя годами, а денегъ не въ состояніи былъ дать ни одного гроша.

Однажды у *Молодаго* заболѣли зубы; двѣ ночи провелъ онъ безъ сна, похудѣлъ и поблѣднѣлъ. *Молодая* уговорила его позволить выдернуть больной зубъ. Они поѣхали къ Данцисту, который убѣждалъ его не бояться. «Это кончится въ одинъ мигъ, вы будете совершенно здоровы и, припомъ, это доставитъ большое удовольствіе вашей матушкѣ.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОХОЖДЕНИЕ МОЕГО ДѢДА, ИЛИ ХРАБРЫЙ ДРАГУНЪ.

(Изъ разсказовъ путешественника; сох. Вашингтона-Ирвинга.)

Мой дѣдъ былъ храбрый драгунъ; скажу—вамъ напередъ, что это составляетъ ослѣпительную черту нашей фамиліи. Всѣ мои предки служили въ драгунахъ и положили жѣвотъ свой на погѣ чести, кромѣ одного меня, а безъ того вы не услышали бы сего разсказа. Впрочемъ, я надеюсь, что потомки мои будутъ въ правѣ сказать поже самое и обо мнѣ.—И такъ дѣдъ мой, какъ сказано, былъ храбрый драгунъ и служилъ въ Нидерландахъ. Онъ находился въ арміи, которая, по словамъ дяди *Тови*, столько шумѣла во Фландріи. Онъ и самъ былъ не послѣдній забіяка; сверхъ того онъ открылъ свойства радикальнаго жара и радикальной влажности или, лучше сказать, способъ уничтожать водою испаренія гнѣлой воды. Впрочемъ, это не принадлежитъ собственно къ моей повѣсти, и я говорю это для того только, чтобы вы видѣли, что дѣдъ мой былъ не изъ тѣхъ простаковъ, коихъ легко провести. Онъ зналъ отлично службу, или, по собственному его выраженію, собаку съѣлъ, а это не бездѣлка.

И такъ, Мм. Гг., дѣдъ мой находился на возвратномъ походѣ въ Англію, и только что хотѣлъ стѣсть на корабль въ Остендѣ—проваля бы взялъ этотъ городъ!—Я помню, какъ однажды, за бурей и проливнымъ вѣтромъ, провелъ я въ немъ прое прескучныхъ сутокъ: ибо со мною не было ни веселаго товарища, ни красовки, чтобы убить время. На чемъ бишь я остановился? Да, дѣдъ мой отправлялся въ Англію, или въ Остенду—это все равно, куда бы ни было; онъ вѣхалъ въ сумерки въ Брюггѣ. Вы безъ сомнѣнія всѣ знаете Брюггѣ, старинный, неуклюжій Фламандскій городъ, гдѣ когда-то во время оно процвѣтала торговля, когда еще славились Мингеры. Но теперь онъ сдѣлался широкимъ и просторнымъ, и такъ опустился, какъ денежный кошелекъ Ирландца въ нынѣшнія времена.

На ту пору была памъ ярмонка. Весь Брюгге кишѣлъ народомъ; капалы наполнены были Нидерландскими судами, а улицы Нидерландскими купцами, такъ, что проходу не было отъ множества товаровъ, отъ крестьянъ въ широкомъ нижнемъ плащѣ и отъ крестьянокъ, которыя поставляють все щегольство въ употребленіи полудюжины или болѣе юбокъ.

Дѣдушка мой ѣхалъ преспокойно своей дорогою, помахивая бичемъ, ибо онъ былъ большой весельчакъ: зѣвалъ на толпящійся вокругъ его народъ, на старинные дома съ высокими кровлями и трубами, обѣпленными Аистовыми гнѣздами, кланялся Брюггскимъ дѣвушкамъ, сидѣвшимъ у оконъ, шутилъ съ проходящими женщинами, которыя глядя на него помирали со смѣху, ибо хотя онъ и все не понималъ ихъ языка, но имѣлъ особенное искусство разными пѣлдвиженіями объясняться съ женщинами.

Я сказалъ уже, что на ту пору была ярмонка; городъ былъ бипкомъ набитъ, всѣ гостиницы, всѣ шинки были заняты, дѣдушка мой нигдѣ не могъ найсти себѣ ночлега. Наконецъ онъ подъѣзжаетъ къ старому пракширу, который, по видимому, каждую минуту готовъ былъ обрушиться, такъ, что самыя крысы давно бы перебрались изъ него, если бы представилось имъ другое убѣжище. Это чудное зданіе живо напоминало о пѣхъ, какія случалось намъ видѣть на картинахъ Фламандской школы съ высокою до облаковъ кровлею и въ нѣсколько ярусовъ, возвышающихся одинъ надъ другимъ, подобно семи небесамъ Магометовымъ. — Что зданіе сіе еще не разрушилось, этимъ обязано оно Аистовому гнѣзду, торчащему подлѣ трубы; ибо эти птицы, по мнѣнію Голландцевъ, приносятъ дому счастье. Когда мой дѣдушка подъѣхалъ къ пракширу, то дѣйствительно сползи, какъ привидѣнія, на вершинѣ трубы два изъ сихъ благодатныхъ, долгоногихъ животноныхъ. Клянусь честью, что эти длинноносые молодцы донинѣ удержали сей домъ отъ паденія; ибо, если вамъ когда нибудь случится проѣзжать черезъ Брюгге, то увидите его на прежнемъ мѣстѣ, съ пою только разницею, что онъ теперь превратился въ пивоварню, гдѣ варятъ крѣпкое Фламандское пиво — по крайней мѣрѣ варили

въ то время, когда я памъ проѣзжалъ послѣ Ваперлосскаго сраженія.

Дѣдушка мой съ любопытствомъ подъѣхалъ къ этому дому. Онъ можетъ быть и вовсе не обратилъ бы на него вниманія, если-бы надъ входомъ не написано было крупными буквами:

Heer verkoopt man goeden Drank. (*)

Сполько дѣдушка мой зналъ сей пноземный языкъ, чтобы понять, что эта надпись означаетъ хорошій глотокъ. «Этотъ домикъ мнѣ по сердцу!» сказалъ онъ, и оспановилъ у дверей своего коня.

Внезапное появленіе грознаго драгуна было важнымъ событіемъ для старой гостиницы, посѣщаемой только мирными чадами торговли. Богатый гражданинъ Антверпенскій, дюжій; щегольски одѣтый мужчина въ Голландской шляпѣ съ широкими полями, главный покровитель и ревностный посѣпитель сего пптейнаго заведенія, сидѣлъ по одну сторону двери и курилъ изъ длинной, новой трубки; плотный, малорослый винокуръ Шидамскій, также изрыгая изъ рта густыя облака пабачнаго дыму, сидѣлъ по другую сторону, а въ самыхъ дверяхъ развалился хозяинъ съ багровымъ носомъ; подлѣ него сидѣла дородная хозяйка въ кружевномъ чепцѣ, а въ споронѣ, подъ окномъ, хозяйская дочь, здоровая, румяная дѣва съ длинными, золотыми серьгами.

«Гмъ!» сказалъ богатый гражданинъ Антверпенскій, бросивъ угрюмый взглядъ на незнакомца.

«Экой дьяволъ!» подхватилъ дюжій, малорослый винокуръ Шидамскій.

Прозорливый хозяинъ потчасъ замѣпилъ, что новый гость совѣмъ не по вкусу его старымъ гостямъ, и правду сказать, ему самому не понравился отважный взглядъ моего дѣда. И такъ, онъ потрясъ головою и сказалъ: «нѣтъ ни уголка во всемъ домѣ. Все занято!»

— Все занято! — повторила хозяйка.

— Все занято! — подтвердила дочь.

Антверпенскій гражданинъ и крошечный Шидамскій винокуръ преспокойно продолжали курить свои трубки, косясь на врага изъ подъ широкихъ шляпъ своихъ, и не говоря ни слова.

(*) Здѣсь продаются хорошіе напитки.

Но дѣдушка мой былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ первый отказъ его озадачиваетъ. Онъ опустилъ поводъ лошади, гордо приподнялъ голову, и подбоченясь одною рукою, вскричалъ громовымъ голосомъ: «чѣрпъ побори, я хочу ночевать въ этомъ домѣ!» Сказавъ сіе, чтобы придасть болѣе вѣсу словамъ своимъ, онъ крѣпко ударилъ себя по бедру, и сей ударъ опозвался въ сердцѣ хозяйки.

Онъ поставилъ на своемъ, соскочилъ съ лошади и вслѣдъ за изумленными Мингерями вошелъ въ гостиницу.

Можетъ спаться, вамъ случилось быть въ нижнемъ ярусѣ старинной Нидерландской гостиницы—если нѣтъ, то представьте себѣ довольно простую комнату съ кирпичнымъ помоспомъ и огромнымъ каминомъ; вообразите себѣ всю священную Исторію на блестящихъ изразцахъ печи, а надъ каминомъ цѣлую армию битыхъ чайниковъ и глиняныхъ кружекъ; не забудьте также дюжины Дельфтскихъ блюдъ, висящихъ, какъ картины, по стѣнамъ, и маленькаго прилавка въ одномъ углѣ комнаты, гдѣ сидѣла плотная, румяная буфетчица въ красномъ чепчикѣ и желтыхъ серьгахъ.

Дѣдушка мой, осмопрѣвъ кругомъ всю комнату, щелкнулъ пальцами. «Клянусь драгунскою честью, вопъ домикъ по моему вкусу!» сказалъ онъ.

Гарнизонъ, казалось, готовился къ дальнѣйшей оборонѣ, но дѣдъ мой былъ старый воинъ и къ тому еще Ирландецъ, слѣдственно не прусливаго десятка, особенно въ такомъ случаѣ, когда крѣпость была уже въ его рукахъ. Онъ ласково обошелся съ хозяиномъ, поцѣловалъ хозяйку, пощекоталъ дочку, попрепалъ буфетчицу по подбородку, и всѣ единодушно сознались, что стыдно и грѣшно было бы заставить ночевать на улицѣ такого храбраго драгуна. Съ минутой продолжался шопотъ, то естъ между моимъ дѣдушкою и хозяйкою; наконецъ, общимъ рѣшеніемъ положено, опвеспи ему верхнюю комнату, въ которой давно уже никто не жилъ.

— Слухъ носится, будто въ ней водятся нечистые духи, сказала хозяйская дочь: но вы храбрый драгунъ, и вѣрно не боитесь духовъ.—

«Проваль возьми! Мнѣ болясья духовъ?» сказала мой дѣдушка, и чокнулъ еѣ въ полную щечку: «нѣтъ, душа моя! не боюсь эпитхъ господъ духовъ; пускай только придуть, ужъ я ихъ выживу!»—

Тутъ онъ шепнулъ что-то дѣвушкѣ на ухо, отъ чего она принуждена была засмѣяться, и, шутя, ударила его по щекѣ. Однимъ словомъ, никто въ свѣтѣ не имѣлъ такого искуства поддѣлываться къ женщинамъ, какъ мой дѣдушка.

Не прошло получаса, какъ онъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ въ домѣ, преважно расхажывая по немъ взадъ и впередъ. Онъ заглядывалъ въ кухню, чтобы узнать, готовъ ли его ужинъ; ходилъ въ конюшню посмопрѣть за лошадыю; однимъ словомъ, онъ никого не забылъ, всякому молвилъ какое нибудь пріятное словцо. Съ Нидерландцемъ онъ курилъ, съ Голландцемъ пилъ, хозяйка препалъ по плечу, балогурилъ съ дочерью и буфетчицею—правду сказать, съ тѣхъ поръ, какъ стояла гостиница, не видали въ ней такого веселаго, любезнаго волна. Хозяинъ смопрѣлъ на него съ изумленіемъ, дочка опворачивала голову и хихикала, когда онъ подходилъ къ ней, а когда звонкіе шаги его раздавались въ передней и палашъ его грозно спучалъ по бедру, то всѣ служанки, посмапривая на него, перешептывались: «вопъ, что называется, молодець!»

Вечеромъ мой дѣдушка принялъ команду за общимъ споломъ, какъ будто у себя дома, снабжалъ всякаго пищею и питьею, но не забывалъ и себя; бесѣдовалъ со всѣми, не забоясь, понималъ ли по, что они говорили, или нѣтъ, и заключилъ искреннюю дружбу съ богатымъ Антверпенскимъ гражданномъ, который во всю жизнь свою ни съ кѣмъ такъ дружески не обходился. Однимъ словомъ, онъ весь домъ поставилъ вверхъ дномъ, и поднялъ въ немъ такой шумъ, что стѣны дрожали. Всѣ за споломъ развеселились, исключая крошечнаго, полстаго винокура Шидамскаго, который нѣсколько времени сидѣлъ, какъ упомленный до упада, но наконецъ расшевелился и сдѣлался наспоющимъ дьяволомъ. Онъ сильно приспраспился къ моему дѣдушкѣ и подсѣлъ къ нему. Тутъ-то оба они начали пить и

курить, рассказывать другъ другу исторіи и распѣвать Голландскія и Ирландскія пѣсни, ни сколько не понимая другъ друга, покуда маленькій Голланецъ совершенно опьянѣлъ отъ водки и джина своего собственнаго куренья, и шапаясь и лепеча Нидерландскую любовную пѣсенку, побрелъ въ свою спальню.

И дѣдушку моего повели въ назначенную для него комнату. Чтобы дойти до неѣ, ему надобно было подняться по широкой деревянной лѣстницѣ, во второй этажъ, и пройти нѣсколько длинныхъ, широкихъ коридоровъ, увѣшанныхъ почернѣвшими картинами, изображавшими рыбу, плоды, дичину, ярмонки, огромныя кухни, величавыхъ Бургомисстровъ, — какія обыкновенно видѣть можно въ старинныхъ Нидерландскихъ гостиницахъ.

Комната сія служила кладовою, будучи набиита всякаго рода скарбомъ. Сюда сносились: устарѣлая домашняя утварь, все негодное и разбитое. Еще приличнѣе сравнить эту комнату со всесвѣтнымъ собраніемъ старинныхъ мебели, въ которомъ каждая мода и каждая земля имѣла своего представителя. Ни одинъ стулъ не походилъ на другой. Тутъ можно было видѣть высокія и низенькія спинки, кожаныя, изъ шерстяной матеріи и соломенныя подушки и стулья вовсе безъ подушекъ, разбитыя мраморныя столы съ искривленными и прямыми ножками, которыя въ лапахъ держали шары, какъ будто только что собрались играть въ кегли.

Дѣдушка мой, вошедъ, поклонился неспрому собранію, раздѣлся, и, поставивъ свѣчку на каминъ, попросилъ за такую помѣху прощенія у каминныхъ щипцовъ, которые стоя въ углу камелька, какъ страстный любовникъ, казалось, подбивались къ лопаточкѣ и нашептывали ей на ухо сладостную бессмыслицу.

Прочіе постояльцы всѣ уже спали крѣпкимъ сномъ: ибо Мингеры страшные соня. Служанки, зѣвал, одна за другою разбрелись по спальнямъ, и во всей гостиницѣ не было ни одной женской головы, которой бы не грезился храбрый драгунъ.

И дѣдушка мой легъ на свою постелю; онъ покрылся однимъ изъ пѣхъ пуховиковъ, подъ которыми парялъ людей въ Нидерландахъ. У не-

го и безъ того была горячая кровь, слѣдственно, эмпотъ парникъ ужъ черезъ чуръ его разгорячилъ. Не прошло и четверти часа, какъ ему показалось, будто по всему тѣлу его бѣгають легіоны мурашекъ, и вся кровь его запылала лихорадочнымъ жаромъ.

Однакожь онъ лежалъ смирно, покуда все въ домѣ утихло, кромѣ храпѣнія Мингеровъ, которые въ разныхъ сосѣдственныхъ комнатахъ опивѣчали другъ другу всеми возможными понами и кадансами, подобно лягушкамъ въ болотѣ. Но чѣмъ спокойнѣе было въ домѣ, тѣмъ безпокойнѣе спановился мой дѣдушка. Ему было жарче и жарче, пока наконецъ постелю его до того раскалилась, что онъ не могъ болѣе терпѣть. — «Нѣтъ, нельзя шупъ лежать!» вскричалъ онъ, и вскочивъ съ постели, выбѣжалъ на дворъ.

— За чѣмъ это? — Сказалъ вопрошатель.

За чѣмъ? чтобы прохладиться, — или, можетъ спать, чтобы опыскавъ себя постелю покоить, — или, можетъ быть — да впрочемъ онъ никогда не входилъ со мною въ подробности о семъ предметѣ, и пакъ, къ чему по пустому терять время въ догадкахъ?

Однимъ словомъ, когда мой дѣдушка, совершенно освѣжившись, опять подошелъ къ двери, то услышалъ въ комнатѣ спранный шумъ. Онъ остановился и приспавилъ ухо. Ему показалось, будто кто-то спраждающій одышкою силится запрянуть пѣсню. Тутъ ему пришло на умъ, что вѣрно кто нибудь забрался въ комнату, и какъ онъ не вѣрилъ въ привидѣнія, то немедленно отворилъ дверь и вошелъ.

Тутъ-то, милостивые государи, открылось очамъ его зрѣлище, которое изумило бы самаго св. Антонія. У пылающаго камелька, въ длинномъ фланелевомъ камзолѣ и бѣломъ разорванномъ колпакѣ съ кистью, сидѣлъ блѣдный, чахоточный человекъ, державшій подъ мышкою мѣхъ, съ которымъ онъ обходился какъ съ волянкою, выжимая изъ него одышливую музыку, столько обратившую на себя вниманіе моего дѣда. Въ продолженіи игры, тѣло его сводилось и корчилось, какъ въ судорогахъ, и припомъ онъ непрерывно кивалъ головою и пошряхивалъ колпакомъ съ кистью.

Дѣдушка мой принялъ это не иначе, какъ за весьма неучтивую и дерзкую навязчивость, и только что хотѣлъ спросить этого человека, по какому праву онъ въ чужой комнатѣ расположился играть на своемъ одышливомъ инструмента, какъ представилась ему новая, еще гораздо удивительнѣйшая сцена. На противоположномъ концѣ комнаты вдругъ пронулся съ мѣста развалистый, кривоногій спуль, обитый кожей и, по примѣру щеголей, по краямъ унизанный мелкими мѣдными гвоздиками; онъ протянулъ когнитивную ножку, потомъ искривленную ручку и наконецъ однимъ граціознымъ прыжкомъ очутился подлѣ спульчика, обитого полинялою брокапелюю съ углубленіемъ въ подушкѣ, и преучтиво повелъ его въ средину комнаты, готовясь опкрыть минуэпъ.

Тутъ нашъ виртуозъ заигралъ еще сильнѣе, покачивая головою и колпакомъ, какъ безумный. Мало по малу, казалось, вся остальная мебель заразилась спрасптію къ пляскѣ. Древніе развалистые спуля стали попарно и устроили конпрдансъ; верхнее кресло о трехъ ножкахъ пустилось панцовать экосесъ, не смѣтрян на то, что недоспающая ножка сильно ему мѣшала, а влюбленные каменные щипцы обхватили спанъ лопаточки, и начали панцовать Нѣмецкой вальсъ. Однимъ словомъ, все, что было въ комнатѣ, пришло въ движеніе, спучало и шаркало по полу, все бѣсилось и прыгало, кромѣ одной тяжелой плапеной спойки, которая спояла въ углу, и какъ почтенная вдова, непрерывно присѣдала въ тактъ подлѣ музыку, вѣроятно потому, что дородность не позволяла ей панцовать, или не могла она найпти по себѣ кавалера.

Дѣдушка мой, полагая навѣрное, что послѣднее было сему виною, какъ истинный Ирландецъ, всегда преданный прекрасному полу и всегда готовый поплясать, бросился въ комнату, вскричалъ музыканту, чтобы онъ сыгралъ Ирландскую національную пляску, подбѣжалъ къ спойкѣ, схватилъ её за ручку, какъ—бръ, бръ — въ одно мгновеніе прекратилась вся суматоха.

Спуля, сполы, щипцы и лопаточка вдругъ очутились опять на своихъ прежнихъ мѣ-

сплахъ, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ, а музыкантъ вылепѣлъ въ трубу, оставя въ поропяхъ свой инструментъ, раздувательный мѣхъ. Дѣдушка мой очутился посреди комнаты, подлѣ опрокинутой спойки, держа въ каждой рукѣ по опломанной ручкѣ.

— Такъ спало быть ему все это только спилось! — сказалъ вопрошатель.

«Кой чортъ, только спилось! возразилъ Ирландецъ: это было на яву.—Признайся, желалъ бы я посмотретьъ на того, кто сказалъ бы моему дѣдушкѣ въ глаза, что ему это только спилось.»—

Впрочемъ, милостивые государи, какъ спойка претяжелая мебель, а мой дѣдушка также былъ не легокъ, то можете себѣ представить, какой произошелъ шумъ отъ сего взаимнаго паденія двухъ тяжестей. Все верхнее зданіе задрожало, какъ будто отъ землетрясенія; весь гарнизонъ вспревожился. Хозяинъ, спавшій влпзу, взбѣжалъ со свѣчею, желая узнать причину шума, но при всей его спспѣшности дочь предупредила его. За нимъ хозяйка, потомъ зѣвающая буфетчица, за которою бѣгомъ бѣжали спыдливыя служанки, набросивъ кое-какъ на себя плапье; всѣ они ужасно поропились узнать, что такое напроказилъ домовый въ комнатѣ храбраго драгуна.

Дѣдушка мой рассказалъ имъ дивную спену, которой онъ былъ очевидцемъ; опломанныя рукояпки свидѣтельствовали, что онъ говорилъ правду. Проплвъ такой очевидной истинны: нельзя было вооружаться, особенно противъ человека съ такимъ характеромъ, какой имѣлъ мой дѣдушка; ибо онъ въ состояніи былъ доказывать каждое слово саблею или палкою. Хозяйка почесала себѣ затылокъ—нѣтъ, она только наморщилась, и вовсе, казалось, недовольна была симъ прлключеніемъ; между тѣмъ хозяйская дочь спаралась подкрѣпить рассказъ моего дѣда обспойпельствомъ, что послѣдній жилецъ въ сей комнатѣ умеръ отъ болѣзни, называемой пляскою *Вейта*, и безъ сомнѣнія заразилъ ею всю мебель.

Это вдругъ объяснило сіе чудное происшествіе; а когда подтвердили служанки, что онъ не разъ уже слышалъ въ сей комнатѣ

спранный шумъ, то никто болѣе не сомнѣ-
вался въ дѣйствительности ночныхъ баловъ.

— А дѣдушка вашъ провелъ ли оспапокъ
ночи въ той же комнатѣ? — спросилъ извѣст-
ный намъ вопрошатель.

«Г-мъ, этого я не могу вамъ сказать. Гдѣ
провелъ онъ остальную часть ночи, это
оспалось тайною, которой онъ никому не
открывалъ. Впрочемъ, не смотря на долго-
временную службу свою, онъ не весьма былъ
свѣдущъ въ географіи, и такъ, легко могло
случиться, что онъ сбился съ дороги во вре-
мя ночнаго путешествія по гостиницѣ, че-
го вѣроятно не хотѣлъ разсказать на дру-
гой день.»

— Ужь не лунатикъ ли онъ былъ? — спро-
силъ высокоученый старикъ.

«Сколько знаю, нѣтъ!»

Съ Нѣмецк. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Поспалась бѣлая, холодная постель,

И, подъ стекломъ, чуть живы воды!

Сугробъ высокій легъ у вѣшхой изгороди...
Въ лѣсахъ одна безъ перемѣны—ель!

Въ господскій сельскій домъ шѣснися въюга въ
снѣги

И забѣлося высокое крыльцо:

И видны ногъ босыхъ по улицамъ ступени

И чаще прешъ лмщикъ полой себѣ лице,

И колоколь брэнчипъ безъ звона,

Протяжно каркаетъ обмоклая ворона

И спая вдругъ явилася сорокъ;

Вездѣ огонь, вездѣ дымятся трубы...
Ужь для госпожъ въ домахъ гоповяшь шубы,

И тройкою сосѣдъ кашипъ на вечерокъ.

Кують коней и ладятъ сани,

И говорятъ о будущемъ капаньи;

Пороша!... и слѣдятъ и зайцевъ и лисицъ,

И хвалятся борзыхъ удалымъ бѣгомъ...
И, по примѣшъ, первымъ снѣгомъ,

Умылись дѣвушки для освѣженья лицъ!

О. Глинка.

РАВНОДУШІЕ.

Не мнѣ назначено судьбою

Сердца красавицъ обольщать;

Не надѣлешъ я красоюю,

Ни даромъ ловкостью блистать.

Одной любовью вѣрной, спраспной

Любви взаимной не купишь.

Чѣмъ мучишься поскою напрасной,

Не лучше-ль камнемъ хладнымъ бышь!

Навѣки сердце зашворю

Мечпамъ обманчивой любви.

Тебя, холодность, призываю!

Ты вѣкъ въ душѣ моей живи!

Пусть съ дружбой, съ Музами, съ прекрасной

Природой жизнь моя печетъ!

Ихъ пламень чистый, кропкій, ясный

Сілетъ, грѣетъ и не жжетъ.

И. Пальминъ.

ПОДАВЛЕННАЯ ГОРЕСТЬ.

(Изъ стихотвореній Римлянки Фаустинъ.)

Дипя блаженное, которое вдали

Очами, полными привѣта,

Теперь глядишь на блескъ негаснущаго свѣта,

Избѣгнувъ лютыхъ золь и непогодъ земли,

Не знаешь радости, оправленной поскою;

Ахъ! мысль, что умеръ ты, сносишь гопова я;

Я чувствую, что мысль убійственна сія,

И не хотѣла бы, чпобъ кпо нибудъ побою

Изъ смертныхъ болѣе меня любимымъ былъ

Тамъ подлѣ Божества. Ахъ! я помлюсь, рыдаю

Не о швоей судьбѣ, я плачу и спенаю,

Чпю Богъ меня съ побой еще не съединилъ.

Пер. И. Покровскій.

ENIGME.

Maire au palais et Roi, je gouvernai les hommes;

Dans un tout autre sens cherchez-moi dans les pommes.

Въ No 73, помѣщенная шарада значить: А-ракъ.

M O D E S.

Un bonnet grec en cachemire marron, brodé en or et soie au crochet, avec un gland d'or.

Des pantoufles de velours brodé en petit point de tapisserie, en soie.

La corbeille, proprement dite, rejetée depuis longtemps comme n'offrant pas la moindre utilité, était ici remplacée par un riche et élégant meuble gothique. Ce coffre, noir, damasquiné en argent, était incrusté de perles fines. Tout ce qu'il y avait de serrurerie était en argent.

Au lieu de *la bourse*, c'était un petit coffret d'argent travaillé, fermant à secret.

Parmi les objets faisant partie des *cadeaux de corbeille*, ceux qui ont paru les plus remarquables étaient: une riche garniture de cheminée; la pendule, les flambeaux, les vases, en vert de Chine et or.

Un déjeuner complet semblable, sur un charmant plateau, et chaque pièce de la forme la plus élégante; un nécessaire de toilette et un déjeuner en vermeil.

Puis, comme il est d'usage, une quantité de bourses et d'éventails.

Les bijoux, montés par Fossin, étaient: une magnifique et complète parure de diamans; à ce qui la compose ordinairement, on avait ajouté des épis, une boucle de ceinture et de très-gros boutons pouvant servir d'agrafes à un corsage de bal.

Une parure en or massif.

Une autre en pierres de couleur, enchassées dans un riche entourage; entre chaque plaque pendait une poire. La coiffure et les épis pareils.

Puis une autre, négligée, en coquillages de mer, montés en or.

Les modes venaient des magasins d'Herbault et de Mlle. Coullier.

Les parures complètes de bal étaient variées à l'infini.

Une robe de mousseline de soie était de la plus élégante recherche, en sortant de toutes les broderies d'or lamé; le plain était semé de pierres de couleurs; les broderies en soie unie formaient toute la branche, et la grappe de lilas était d'améthyste. Les corsage et les manches bordés de petites guirlandes.

M O Д Ы.

Шапочка Греческая изъ кашпановаго кашемира, вышила въ памбуръ золопомъ съ шелкомъ, съ золотымъ желудкомъ.

Туфли бархатныя вышины маленькимъ швомъ по канвъ шелкомъ.

Корзинка, собственно называемая, давно уже вышедшая изъ употребленія, какъ ни къ чему не служащая, была замѣщена богатою и щеголеватою мебелью въ древнемъ вкусѣ. Сундукъ сей, черной, съ серебряными волнами, былъ украшенъ жемчугомъ. Все относящееся къ замкамъ было серебряное.

Вмѣсто кошелька, серебряной сундучекъ съ пошайнымъ замкомъ.

Между вещами, принадлежавшими къ *подаркамъ корзинки*, всѣхъ замѣчательнѣе были: богатый уборъ для каминна, часы, подсвѣчники, вазы, изъ Кшпайской зелени съ золопомъ.

Такой же полный сервизъ на прелестномъ подносѣ, и каждая вещь оплично-щеголеватой формы; *nécessaire* для шуалета и сервизъ изъ золоченаго серебра.

Еще, какъ это въ обычаѣ, множество кошельковъ и опухаль.

Вещи, дѣланныя Господиномъ *Fossin*, состояли: изъ пышнаго полнаго прибора изъ брилліанповъ; къ обыкновенному прибавлено было: колосья, пряжка на поясъ и весьма большія пуговицы, конюры можно употреблять вмѣсто засшежекъ, для балнаго лица.

Приборъ изъ цѣльнаго золота.

Еще приборъ изъ цвѣсныхъ каменьевъ, обдѣланныхъ весьма богато; между каждой бляхи висѣла груша. Уборъ и колосья шакіе же.

Еще простой приборъ изъ морскихъ раковинъ, обдѣланныхъ въ золото.

Моды были изъ магазиновъ d'Herbault и Г-жи Coullier.

Полные наряды для баловъ чрезвычайно разнообразны.

Платье изъ шелковой кисеи было весьма щеголевато; оно отличалось опъ всѣхъ вышиваной золотыми полосками; по всему были разбросаны цвѣсныя каменья; вѣпка была вышила несученымъ шелкомъ, а кисей сирени изъ амепшповъ. Лицъ и рукава вышины узенькими гирляндочками.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 75.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 17 ДНЯ, 1852 ГОДА.

И Музы возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдиль;
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СВѢТЪ, КАКОВЪ ОНЪ ЕСТЬ.

—Свѣтъ—прекрасная вещь! Какъ было ве-
село на балъ у Леди *Леноксъ*, и какъ пре-
лестна *Шарлота*! въ жизнь мою еще не
видывалъ такой милой дѣвушки! — Но пора
одѣваться; сей часъ явится *Бальфуръ* съ ло-
шадью, которую онъ продаетъ мнѣ. Какъ я
счастливъ, что имѣю такого друга, каковъ
Бальфуръ! Онъ прелюбезный, добрый малой,
и сверхъ того, у него превосходное сердце.
А! дождь идетъ, но это ничего; погода раз-
гуляется, а въ проливномъ случаѣ у насъ
есть биллиардъ, и мы вѣрно не соскучимся! —

Такъ говорилъ *Карль Нюгентъ*, молодой
человѣкъ двадцати двухъ лѣтъ, филантропъ
и оптимистъ. Онъ былъ богатый, хорошей
фамилии сирота, честный, великодушный и
довѣрчивый.

«А, здравствуй, *Нюгентъ*! здоровъ-ли ты?»
сказалъ, входя, Капитанъ *Бальфуръ*, мужчи-
на красивой наружности, очень хорошо одѣ-
тый и ловкій.

«Вопъ моя лошадь! подойди къ окну. Ну,
что ты о ней скажешь? Она спатна, не
правда-ли? Взгляни на ея ноги! Посмотри,
какъ она держитъ хвостъ! Право, я не знаю,
успунишь-ли её тебѣ. . . .»

— Очень вѣрю, мой милый, что тебѣ пя-
жело съ нею разспаться. Лошадь превосход-
ная. И ты не знаешь за нею никакого по-
рока? —

«Прикажи осмопрѣть её.»

— Помилуй, развѣ мнѣ не довольно одного
твоего слова? А цѣна? —

«Назначь самъ. Принцъ *Павель* давалъ мнѣ
за неё однажды 180 фунт. стерл., но для те-
бя. . . .»

— Я тебѣ заплачу ихъ. —

«Для тебя, я отдаю за 150 фунтовъ.»

— Нѣтъ, за чѣмъ же, вопъ билетъ во 180
фунтовъ. —

«Если ужъ ты непременно этого хочешь,
пожалуй. . . *Джонъ*, опведи лошадь въ конюш-
ню г. *Нюгента*. Гдѣ же мы будемъ обѣдать
сегодня. . . , не хочешь ли въ *Palmier*?»

— Очень радъ. —

Молодые люди вышли вмѣстѣ и опправи-
лись обѣдать въ *Palmier*. *Бальфуръ* заказалъ

объѣдъ для двоихъ, — а *Нюгентъ* заплапиль по счету. Потомъ они поѣхали въ Оперу.

«Видишь ли ты эту панцовщицу.... *Флорину*? спросилъ *Бальфуръ* у *Нюгента*. Неправда ли, что она очень мила?»

— Изрядна.... впрочемъ она не хороша собою, и довольно неловко панцуешь. —

«Какъ не хороша собою? Взгляни-ка на неѣ вблизи, такъ ты не по заговоришь. Она теперь любимица публики.»

Они пошли за кулисы, и *Бальфуръ* убѣдилъ своего друга въ томъ, что онъ долженъ былъ восхищаться *Флориною*. Черезъ нѣсколько дней у панцовщицы былъ экипажъ, а въ награду за то, *Нюгентъ* два раза въ недѣлю съ нею ужиналъ.

Нюгентъ занимался липературою и напечаталъ въ одномъ журналѣ повѣсть. Сей первый опытъ былъ не безъ достоинства и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Въ одно утро, когда онъ сидѣлъ за завтракомъ, вошелъ къ нему блѣдный, сухой, въ черномъ платьѣ челоуѣкъ, по имени *Жильпень*. Онъ почтительно, съ глубокимъ вздохомъ, поклонился *Нюгенту*, который тотчасъ почувствовалъ состраданіе къ незнакомцу.

«Милостивый государь, сказалъ сей послѣдній дрожащимъ голосомъ, съ прискорбіемъ обращаюсь къ вамъ, чтобы сказать.... чтобы сказать вамъ, что...»

Тутъ сильный кашель прервалъ *Жильпenea*, и это подало *Нюгенту* поводъ предложивъ ему чашку чаю. Предложеніе было отвергнуто, и онъ продолжалъ рѣчь свою.

Исторія г. *Жильпenea* объясняется въ короткихъ словахъ, если онъ не самъ еѣ рассказываетъ. Несчастный липераторъ, прежде жившій въ довольствѣ; ложные друзья, обманутая довѣренность, непредвидѣнные обстоятельства, прелестная жена и четверо милыхъ дѣтей; предстоящее изданіе книги, но совершенная крайность положенія на ту пору; одна только необходимость могла побудить его къ такому намѣренію; но г. *Жильпень* былъ пораженъ великодушными чувствованіями, изъявленными въ сочиненіи г. *Нюгента*. Лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ его, и это самое было причиною его прихода. Никогда неимуцій сочинитель не являлся въ видѣ

споль жалкомъ, въ какомъ предспалъ предъ *Нюгента* г. *Жильпень*. Онъ былъ блѣденъ, смущенъ, задумчивъ. *Нюгентъ* принялъ въ немъ живѣйшее участіе и положилъ ему въ руку банковый билетъ, обѣщая и на будущее время помощь и покровительство. *Жильпень* удалился, не въ состояніи будучи выразить всей своей благодарности.

— Какое счастье быть богатымъ! — сказала молодой филантропъ, оставшись одинъ.

Вечеромъ, онъ отправился къ Леди *Леноксъ*, одной любезной вдовѣ, полу-остроумной, полу-сенсипентальной и полу-кокеткѣ. У неѣ была дочь, невѣста безъ приданого, а потому она оказывала особенное вниманіе къ такому отличному молодому челоуѣку, каковъ былъ *Карль Нюгентъ*. Онъ съѣлъ подлѣ неѣ, и они долго разговаривали о предметахъ челоуѣколюбія и чувствительности.

— Превосходная женщина! думалъ *Нюгентъ*, оставляя еѣ. И какъ хороша ея дочь! —

Шарлота проѣла прогательный романсъ, а *Нюгентъ* слушалъ еѣ, облокопясь на фортепiano, и разговаривалъ съ нею тихонько о музыкѣ, поэзіи, прогулкахъ. Они предположили поѣздки за городъ, въ Ричмондъ, и *Карль* не могъ заснуть во всю слѣдующую ночь: ясно, что онъ былъ влюбленъ.

Когда онъ вспалъ на другой день, погода была прекрасная и солнце ярко сіяло. Черезъ часъ долженъ былъ явиться къ нему *Бальфуръ*, лучший изъ друзей; лошадь *Бальфура*, красивѣйшая изъ лошадей, должна была отвезти *Нюгента* въ Ричмондъ, а въ Ричмондѣ онъ долженъ былъ найти Леди *Леноксъ*, любезнѣйшую изъ матерей, и *Шарлоту*, прелестнѣйшую изъ дочерей.

— Прекрасное дѣло — жизнь! — пвердилъ *Нюгентъ*, повязывая свой галспукъ.

Немного времени спустя послѣ сего счастливаго дня, *Карль* былъ одинъ въ своей комнатѣ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ; сложивъ на груди руки и нахмуривъ брови.

— Какая низость, вскричалъ онъ. Какую подлую штуку сыгралъ онъ со мною! Лошадь хромала еще тогда, какъ онъ мнѣ еѣ продалъ, и не стоила десяти гиней. А я, который купилъ еѣ на честное слово — я былъ сущій глупецъ. Но еще можно бы просить

ему эпошь поступокъ, если-бъ онъ не навязалъ мнѣ на шею любовницу, которая ему наскучила, чтобы сдѣлать меня такимъ образомъ посмѣшищемъ друзей своихъ. Клянусь небомъ! я заспаваю его въ эпошь раскаялся! Онъ занимаетъ у меня деньги, забавляется надъ моею просптопою и возить въ клубъ парочно за пѣмъ, чтобы обыграть меня. Но, благодаря Бога, я могу за себя опмспить! А, Полковникъ! очень радъ, что васъ вижу.—

Полковникъ *Нельморъ*, человекъ пожилыхъ лѣтъ, уважаемый въ обществѣ, котораго опкрытое чело, проницательный и наблюдательный взглядъ потчасъ предупреждали всякаго въ его пользу, вошелъ въ комнату. *Нюгентъ*, отецъ котораго былъ искреннимъ другомъ Полковника, исчислилъ ему всѣ свои доводы противъ *Бальфура*, и заключилъ просьбою създать къ сему послѣднему съ вызовомъ опъ его имени.

«Но, любезный другъ, сказалъ Полковникъ; я соглашаюсь, что Капитанъ дурно поступилъ съ вами; однакожъ, за что именно могу я его вызывать на дуэль опъ вашего имени?»

— Вообще за его поведене.—

Полковникъ засмѣялся.

— За то, что онъ сказалъ вчера, что я сдѣлался несносенъ, и что мое общество начинается ему надоѣдать. Онъ сказалъ эпо *Сельвину* у *Леди М.*—

Полковникъ, понюхавъ табаку, сказалъ:

«Вижу, добрый другъ мой, что вы худо знакомы съ свѣтомъ. Приходите ко мнѣ обѣдать въ семь часовъ; мы поговоримъ объ эпошь. Между пѣмъ, съ вашей стороны не благоразумно будетъ вызывать кого нибудь на дуэль за то, что онъ находить васъ несноснымъ.»

— Не вызывать его на дуэль? Но что же мнѣ прикажете дѣлать?—

«Насмѣяться надъ нимъ въ свою очередь и сказать ему: впередъ ты не проведешь меня, другъ *Бальфуръ.*»

Полковникъ успѣлъ опврапить *Нюгента* опъ намѣренія драпъся на поединкѣ; но пѣмъ не менше *Карль* былъ очень раздраженъ поступками своего бывшего друга. Такъ какъ вечеромъ онъ располагалъ бытъ у *Леди Леноксъ*, то и опказался опъ приглашенія Пол-

ковника, а между пѣмъ пошелъ прогуляпъся въ одну изъ самыхъ уединенныхъ аллей *Кензингтона*, чтобы тамъ подумать на свободу.

Опдыхая подъ пѣнью, онъ услышалъ недалекъ опъ себя голоса и громкй смѣхъ гуляющихъ. *Нюгентъ* спалъ прислушивапъся.

— Да, говорилъ крикливый голосъ, по которому *Нюгентъ* потчасъ узналъ одного изъ извѣстнѣйшихъ остряковъ, — да, *Леди Леноксъ*, я слышалъ вашъ сентиментальный разговоръ съ *Нюгентомъ*; согласитесь, что эпо была совершенно пустая поперя времени.—

«Ахъ, бѣдный молодой человекъ! Конечно, онъ очень глупъ съ своими прекрасными фразами и своимъ чистосердечиемъ; но онъ, право, добрый малой и часпо бываетъ мнѣ очень полезенъ.»

— Полезенъ! какимъ образомъ?—

«Да, онъ въ случаѣ нужды, занимаетъ у меня за споломъ лишнее мѣсто; даетъ мнѣ свой экипажъ, когда у меня не случится лошадей; подписывается за меня на разные благопворенія и снабжаетъ цвѣтами мою госпиную. Если бы онъ былъ умнѣе, я бы менѣ имъ дорожила; просптопа составляетъ все его достоинство.»

Съ этими словами гуляющіе удалились, а *Нюгентъ* оспался, какъ пораженный громомъ. Долго бродилъ онъ въ бѣшенствѣ, ворча сквозь зубы: ѣхаль ли ему вечеромъ къ *Леди Леноксъ*? Нѣтъ, онъ напишетъ къ ней записку, въ которой изъявитъ свое негодование. Но *Шарлота* ни въ чемъ не походить на мать свою; эпо сама просптопа и искренность; она его любитъ, онъ увѣренъ въ эпошь, и изъ любви къ ней, онъ поѣдетъ обѣдать къ ея матери.

И такъ, онъ опправился къ *Леди Леноксъ*, гдѣ нашелъ многочисленное общество и между прочими, молодаго *Маркиза д'Остерлея*, недавно возвратившагося изъ путешествія. Сей послѣдній съ внимательнымъ видомъ разговаривалъ съ *Шарлотою*, и сидѣлъ подлѣ неѣ за споломъ.

Послѣ обѣда, *Нюгентъ* сдѣлалъ *Шарлотѣ* нѣскольکو нѣжныхъ упрековъ и попросилъ еѣ пропѣть романсъ, особенно имъ любимый, но *Шарлота* проспудилась, у неѣ болѣло гор-

до и она не могла пѣть. Тупѣ, не въ силахъ будучи скрыть свою досаду, *Нюгентъ* ушелъ; но, дошедши до конца улицы, замѣнилъ, что позабылъ памѣ свою протспѣ, и радуясь, что нашелъ предлогъ еще разъ взглянуть на свою измѣнницу, топчасъ же возвратился. Входя въ залу, онъ услышалъ пѣніе; *Шарлота* плѣняла слухъ Маркиза любимымъ романсомъ *Нюгента*. *Шарлота* была кокетка и хороша собою; Маркизь молодъ, щеславенъ и неопытенъ; черезъ мѣсяць онъ попросилъ ея руки и получилъ оную.

— Кто бы могъ это предвидѣть? говорилъ однажды самъ съ собою бѣдный *Нюгентъ*. Въ дружбѣ нашелъ я обманъ, въ любви измѣну, и теперь мнѣ оспаюся однѣ пріятности благопворипельности. Бѣдный *Жильпенъ*! Какъ онъ мнѣ благодаренъ! Надо поспаратьсь доставить ему по мѣспо, о которомъ онъ хлопочетъ. —

Для разсѣянія, *Нюгентъ* взялъ книжку одного липературнаго журнала, но по несчастію попалъ именно на по мѣспо, гдѣ заключалась сильная брань на напечатанную имъ повѣспѣ. Рецензентъ, не довольспвуясь пѣмъ, что расперзалъ сочиненіе, напалъ и на автора (*). По его словамъ, это былъ глупецъ, неучъ, споль же бездарный, сколько богатый. Само собою разумѣется, что чтеніе этой спатьи не развеселило *Нюгента*. Въ досадѣ, онъ бросилъ журналъ въ уголъ, но въ эту мину спшелъ въ комнапу одинъ законникъ, пришедшій поговорить съ нимъ о закладной, подъ которую слишкомъ великодушный *Нюгентъ* нашелся принужденнымъ отдать свои земли.

Законникъ сей былъ человекъ съ умомъ и чувспвомъ, и привыкъ имѣть дѣло съ людьми въ дурномъ расположеніи духа. Онъ скоро замѣнилъ, что и *Нюгентъ* былъ въ такомъ положеніи, и думая, что причиной этого была означенная закладная, завелъ рѣчь о предметѣ совершенно постороннемъ.

«Въ свѣпѣ много безчеспныхъ людей, сударь;» сказалъ онъ.

Нюгентъ вздохнулъ въ знакъ одобренія.

(*) Tout comme chez nous.—Г.

«Напримѣрь, сегодня упромъ я былъ призванъ по самому скверному дѣлу. Это одно злоспное банкротспво, издавна приготопляющееся съ удивительнымъ поспоянспвомъ и рѣшимостью. Теперь же мнѣ надобно подумать, какъ поступить съ однимъ липературнымъ плупомъ, который съ помощію чернаго плапья и нервическаго кашля, уже нѣсколько лѣтъ живетъ на счетъ состраданія добрыхъ людей. Онъ сдѣлалъ недавно самую мошеническую шпуку, составивъ фальшивый актъ на имя своего дяди, который два раза уже извлекалъ изъ нищеты своего негодяя-племянника, и которому теперь оспается на выборъ: или снова пожертвоватъ значительною суммою, или публично обезчеспить своего близкаго родственника.»

— Какъ его зовутъ? спросилъ *Нюгентъ* съ живоспію, не *Жильпенелиъ* ли? —

«Точно. А! я вижу, что и вы были имъ обмануты.»

Прежде, чѣмъ герой нашъ успѣлъ отвѣчатъ, ему подали письмо. Оно было опъ одного изъ издапелей того журнала, въ которомъ пакъ строго осудили *Нюгента*, и заключало въ себѣ слѣдующее:

«М. Г.! Въ прошломъ мѣсяцѣ я долженъ былъ оплучиться изъ Лондона по одному собспвенному дѣлу, и на время моего опсуспствія, редакція (такого-то журнала) была препоручена одному липератору, который не оправдалъ сдѣланной ему довѣренности. По возвращеніи, я имѣлъ неприятность узнать, что въ послѣднемъ нашемъ номерѣ напечапана самая неприличная на васъ крптика. Не могу выразить, какъ мнѣ было это прискорбно, пѣмъ еще болѣе, что, сколько мнѣ извѣспно, спатья сія написана по заказу. Чпобы увѣрить васъ, что я не намѣренъ допускать се-го и впередъ, препровождаю другую рецензію въ томъ же родѣ, которую насъ просили помѣспить въ слѣдующей книжкѣ.»

Нюгентъ, взглянувъ на бумагу, вложенную въ письмо, узналъ почеркъ г. *Жильпенеля*, самаго несчастнаго и самаго привлекапельнаго изъ липераторовъ.

«Вы что-то задумчивы сегодня, мой милый;» сказалъ *Нюгенту* Полковникъ *Нельморъ*,

вспрѣпившись съ нимъ въ попѣ же день въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ.

— Я всѣмъ недоволенъ, всѣмъ разочарованъ; — сказалъ *Нюгентъ* со вздохомъ.

«Я люблю вспрѣчать людей въ такомъ расположеніи духа, возразилъ Полковникъ. Приходите ко мнѣ сегодня; мы пообѣдаемъ наединѣ. Недавно вы не исполнили моей просьбы, но теперь вѣрно не откажете.»

— Я буду для васъ плохимъ собесѣдникомъ, отвѣчалъ *Нюгентъ*. Впрочемъ, благодарю васъ и принимаю ваше приглашеніе.—

Полковникъ *Нельморъ*, человекъ лѣтъ пятидесяти, былъ несчастливъ въ молодости, и потому свикся съ превратностями жизни. Но онъ жилъ и перпѣлъ не по пустому. Не объявляя припязаній на названіе философа, онъ былъ доволенъ посредственнымъ состояніемъ; съ склонностію къ уединенію не представлялъ изъ себя нелюдима; былъ свѣдущъ и вмѣстѣ скромнѣе, и шѣмъ болѣе дѣлалъ добра своимъ ближнимъ, что его филантропія не была подведена подъ систему.

— Да, сказалъ *Нюгентъ*,—повѣривъ Полковнику всю исторію своихъ несчастій, которыми онъ почиталъ безпримѣрными;—да, теперь вижу, до какой степени я заблуждался. Я позналъ недовѣрчивость; не вѣрю ни любви, ни дружбѣ, ни добродѣтели, и не имѣя средствъ убѣгать людей, спану презираю ихъ.—

Полковникъ улыбнулся.

«Попрудитесь надѣть вашу шляпу, юный другъ мой, и мы пойдемъ вмѣстѣ къ одной знакомой мнѣ спарушкѣ... Прошу васъ не опговариваться.»

Нюгентъ, не съ охотою, но согласился, и двое друзей отправились въ небольшой домикъ Регентсъ-Парка. Ихъ ввели въ чистую комнату, гдѣ они нашли пожилую, слѣдую женщину, на лицѣ которой написано было спокойствіе и добродушіе.

«Здоровъ ли сынъ вашъ?» спросилъ ея Полковникъ, когда они сѣли. «Давно ли вы его видѣли?»

— Давно ли я его видѣла? Не проходитъ дня, чтобы онъ у меня не былъ или не писалъ ко

мнѣ, если ему самому нельзя придти. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣла несчастіе лишиться зрѣнія, онъ удвоилъ свою ко мнѣ внимательность; и хотя ему совершенно нечего отъ меня надѣяться, однакожь онъ также обо мнѣ печется, какъ если бы и ожидалъ большаго наслѣдства. Онъ охотно отказывается отъ какого нибудь блистательнаго праздника, чтобы занимать меня чтеніемъ, если я печальнѣе обыкновеннаго, или хуже себя чувствую. Недавно онъ продалъ свою лошадь, единственно только для того, чтобы доставить мнѣ средства удержатъ при себѣ Миссъ *Б**, которая своимъ пріятнымъ, музыкальнымъ талантомъ услаждаетъ мое уединеніе. Вы знаете, что музыка есть единственная моя пріхоть, мое величайшее наслажденіе. О! онъ лучшій изъ сыновей! Свѣтъ почитаетъ его легкомысленнымъ и нечувствительнымъ; но если бы свѣту была извѣстна его нѣжность ко мнѣ!—воскликнула она, поднявъ къ небу руки, между шѣмъ, какъ изъ глазъ ея капилась слѣзы.

Добрая женщина, ободряемая Полковникомъ, не испощалась въ разсказахъ о семь предметѣ, и *Нюгентъ* съ большимъ удовольствіемъ ея слушалъ.

— Ахъ, Полковникъ! сказалъ онъ, когда они вышли, я бы очень желалъ, чтобы вы познакомили меня съ этимъ добрымъ сыномъ; онъ вѣрно былъ бы и хорошимъ другомъ.—

«Терпѣніе! сказалъ Полковникъ. Намъ надобно сдѣлать еще одинъ визитъ.»

Они повернули въ боковую улицу, и *Нельморъ* постучался у дверей домика скромной наружности. Имъ отворила женщина, съ ребенкомъ на рукахъ, и друзья вошли въ комнату, въ которой все показывало бѣдность довольною и прудолобивую.

«А, а! сказалъ *Нельморъ*, осматриваясь кругомъ, я вижу, что благодаренъ вамъ продолжаетъ по прежнему объ васъ заботиться.»

— Да, сударь, да благословитъ его Богъ! отвѣчала женщина; а если бы вы знали, въ какомъ самъ онъ несчастномъ положеніи! Онъ лишаетъ себя для насъ послѣдняго куска, и все отъ того, что мой мужъ былъ другомъ его дѣтства.—

— Кто эптогъ удивительный благодѣтель, который лишаетъ себя необходимаго для облегченія бѣдности друзей своихъ, тогда какъ часто богатый не умѣетъ пожертвовать излишнимъ?—спросилъ *Нюгентъ* у Полковника, вышедши изъ сего бѣднаго жилища, въ которомъ онъ оставилъ кошелькъ свой.

«Погодите на минуточку, сказалъ Полковникъ при входѣ въ Оксфордскую улицу. Вотъ именно та особа, которую мнѣ очень хотѣлось встрѣтить. Ну, Мисърисъ *Джонсонъ*, сказалъ онъ, обращаясь къ одной дородной, пожилой женщинѣ, которая, съ корзиною въ рукахъ, шла изъ лавки съѣстныхъ припасовъ; вы, по обыкновенію, дѣлаете закупки по хозяйству. Здорова ли молодая госпожа ваша?»

— Слава Богу здорова, сударь, — отвѣчала Мисърисъ *Джонсонъ*, низко присѣдая.

«Она, вѣроятно, ведетъ теперь весьма разсѣянную жизнь; мнѣ кажется, что она очень любитъ большой свѣтъ.»

— Можете быть, сударь, отвѣчала женщина;—но эпто не мѣшаетъ ей быть предоброю госпожею; мнѣ эпто очень извѣстно, попому что я узнала её еще малолѣтною. —

«Да, она и смотритъ такою добринькою;» возразилъ Полковникъ улыбаясь, съ нѣкоторою недоувѣрчивостію.

— Эптого не довольно, сударь. Я никогда не слыхала, чтобы она сказала кому нибудь грубое слово. У неё удивительно кропкій и мягкій характеръ. —

«Но она, кажется, немного въпрена.»

— Въпрена? Еслибъ вы видѣли, какъ она обо мнѣ заботилась во время послѣдней опасной моей болѣзни и безпрестанно прибѣгала спрашивать, не нужно ли мнѣ чего нибудь: то не стали бы обвинять её въ въпренности. —

«Говорятъ, что до замужства она не очень любила своего мужа.»

— Не знаю, любила ли она его, но знаю, что она очень внимательна къ барину, и что баринъ каждый день говоритъ, что онъ нашелъ въ ней сокровище. —

«Вы очень хорошо дѣлаете, что хвалите госпожу свою, возразилъ Полковникъ. Я говорилъ такъ только для того, чтобы видѣть, умѣете ли вы защищать её, и готовъ съ вами согласиться, что она прелюбезная дама.»

— Я гдѣ-то видалъ эпу женщину, сказалъ *Нюгентъ*, когда онъ её оставил, но не помню, гдѣ именно. Мнѣ кажется, что она занята должностію экономки у однихъ моихъ знакомыхъ. —

«Точно, вы не ошиблись.»

— Какъ радостно встрѣчать скромнаго добродѣтели въ женщинѣхъ большаго свѣта, продолжалъ *Нюгентъ* со вздохомъ. Счастливъ мужъ, который находитъ подобную жену! —

Они возвратились на квартиру Полковника.

«Позвольте прочесть вамъ слѣдующія слова одного изъ моихъ любимыхъ писателей;» сказалъ *Нельморъ* раскрывая книгу. «Чтобы любить людей, не надобно многого ожидать отъ нихъ; чтобы видѣть безъ огорченія ихъ просупки, должно убѣдить себя въ томъ, что благоразуміе обязано снисхожденіемъ слаботу человѣчеству. Ничто столько не располагаетъ насъ къ снисходительности, какъ глубокое познаніе человеческого сердца; вотъ почему самые благоразумные люди «бываютъ вмѣстѣ и самыми снисходительными, и пр.» Теперь скажу вамъ то, чему вы не мало удивитесь. Тотъ сынъ, котораго дѣпскал нѣжность васъ пронула и котораго вы желали имѣть другомъ, есть *Бальфуръ*; тотъ великодушный человекъ, котораго благово- рипельности вы удивлялись,—г. *Жильпень*; та молодая дама, которая въ вихрѣ разсѣянной жизни ежедневно находитъ время и на заботы о бѣдной служанкѣ, и которая такъ счастливи- вишь своего мужа—*Шарлота Ленноксъ!*»

— Праведный Боже! вскричалъ *Нюгентъ*, возможно ли, чтобы я до такой степени заблуждался, чтобы самымъ спрогимъ образомъ осудилъ прехъ человекъ, заслуживающихъ все мое удивленіе! —

«Не впадайте въ другую крайность, мой милый *Нюгентъ!* *Бальфуръ*, *Жильпень* и Мисъ *Ленноксъ* весьма далеки отъ совершенства. Первый—повѣса безъ всякихъ правилъ, который употребилъ въ свою пользу ваше про- спосердечіе. Онъ позабавился на вашъ счетъ не отъ того, чтобы желалъ вамъ зла; напро- шивъ, я думаю, что онъ даже любитъ васъ по своему; но отъ того, что онъ почитаетъ по- добные поступки приличнѣйшимъ время-про- вожденіемъ людей хорошаго тона. *Шарлота*

Ленокс видѣла въ васъ сначала выгодную для себя партію; я думаю даже, что она чувствовала къ вамъ нѣкоторую склонность; но её воспитали для свѣта, и она еще съ дѣтства привыкла почитать знаиность и богатство благами болѣе привлекательными и болѣе прочными, нежели любовь; по этому, когда ей представилась возможность быть Маркизою *д'Остерлей*, то она сочла благо-разумнымъ отказаться отъ васъ. Не менѣе того, у неё счастливый нравъ, и она умѣетъ заставить любить себя людей, её окружаю-щихъ. *Жильпеня* всѣхъ менѣе можно извинить изъ нихъ; это настоящій плутъ; но онъ въ крайней бѣдности, а бѣдность дѣлаетъ много низостей. На сочиненія ваши нападаютъ онъ не отъ зависти, не отъ злобы, а для того, чтобы получить десять гиней, ко-торыя ему обѣщаны за эту статью. Со всѣмъ тѣмъ, *Жильпеня* такой человекъ, который въ состояніи, выманить денегъ у роднаго отца, раздѣливъ ихъ съ бѣдными своими друзьями. Ваше заблужденіе, мой милый, состоитъ не въ томъ, что вы злыхъ почли добрыми и на оборотъ; но въ томъ, что лю-дей обыкновенныхъ вы принимали за людей, исполненныхъ превосходства или подлости; въ томъ, что изъ человека, къ которому вы не должны были имѣть ни какихъ особенныхъ отношеній, вы хотѣли сдѣлать своего иск-ренняго друга; въ томъ, что думали, будто-бы несчастный человекъ необходимо долженъ быть весьма привлекателенъ, и что хоро-шенькая, добрая дѣвушка есть уже героиня. Вышедъ изъ сего заблужденія, вы впали въ другую крайность и сдѣлались столь же по-дозрительны, сколько прежде были доврчи-вы. Мнѣ бы особенно хотѣлось излечить васъ отъ сего послѣдняго заблужденія, худшаго изъ двухъ.»

— Вы уже успѣли въ этомъ, любезный *Нельморъ*; теперь, теперь научите же меня вашей философіи. —

«Съ охотою, другъ мой; но одно правило заключаешь въ себѣ всё, чему можете наспа-вить васъ философія по сему предмету: *по-читайте свѣтъ такимъ, каковъ онъ есть.*»

Пер. *Ипполитъ Гльбовъ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА СМЕРТЬ Б.

Б***! гдѣ ты?—Образъ твой
Еще столь живъ передъ очами.
Куда ты путьъ направилъ свой?
На долго-ль ты распался съ нами?
Знакомый голосъ твой межъ насъ
Еще какъ будто раздается;
Ждемъ: онъ съ друзьями былъ сей часъ,
И вѣрно скоро къ нимъ вернется.—
Но чей же путьъ, холодный, влажно-блѣдный,
Лежитъ въ пустыхъ покояхъ на столѣ?
Кто этоиъ даиикъ смерти бѣдный,
Съ ея печалью на челѣ?—
Уже ли ты?—О мигъ сомнѣнья!
За чѣмъ то не былъ спрашннй сонъ!—
Такъ! это ты, протерпѣтый безъ движенья,
Въ сонѣ смертннй, вѣчный погруженъ.—
Ахъ, вопъ онъ, вопъ, недавно полный силы,
Столь живъ и веселъ межъ друзей!—
Кто жертву, близкую могилы,
Предвидѣлъ въ немъ, средѣ бѣга шумныхъ дней?—
Увы! и я надгробными стихами
Оспанки чествую бездушные его!—
Меня не слышали онъ; погасшими очами
Не видили скорбныхъ насъ у гроба своего.
Но спомошь сердца, но ропшаньемъ
Ошпедшаго не ворошнпшь!
Не нашъ, онъ спалъ земли спяжаньемъ;
Лишь память жившаго оспалась съ нами живъ.—
Прощай же другъ!—Свершая завѣщанье,
Я съ грустной данью сей предъ одрѣ твоей прихожу,
Даю твоимъ устаиъ послѣднее лобзанье
И на шею сквозь слезы въ послѣдннй разъ гляжу.

А. Гльбовъ.

ЛОШАДЬ И СОБАКА.

(*Басня.*)

Что толку въ лошади? ей, ей, не понимаю;
А какъ её и холяжь и чеспляжь!...
—«Карету и соху везу, куда велаяжь;
А ты, что дѣлаешь?»—Какъ что?—Я лаю...

Л. Якубовичъ.

О М О Н И М Ъ.

Изъ рыбы я въ буракъ переселяюсь,
И лакомствомъ счищаюсь;
Обуша спройно въ сапоги,
Я украшеніе ноги.

Въ No 74, помѣщенная загадка значить: *Périp.*

М О Д Е С.

Un chapeau de crêpe rose avec un bouquet de pensées d'un jaune peu foncé est une des plus élégantes coiffures pour demi-toilette.

La fleur de pommier double, d'un blanc-rosé si doux, se pose avec le plus grand succès sur de la moire d'une teinte nouvelle, appelée *clair de lune*; elle tient un peu du jaune paille, avec quelque chose de plus blafard. Nous avons vu un chapeau ainsi disposé, d'une petite forme, légèrement de côté, la calotte renversant un peu sur les bords, qui nous a paru tout-à-fait digne de remarque.

Les pailles à jours sont devenues si communes que nous en parlons aujourd'hui pour la dernière fois. Il suffit de dire qu'elles ne sont permises qu'en négligé de la campagne le plus ordinaire.

Les femmes portent chez elles, le matin, des petits bonnets qui les coiffent comme les enfans, avec les cheveux plats en bandeaux; ils accompagnent le visage et garnissent le front; ils sont en tulle, froncés au haut de la tête, et garnis de trois ou quatre rangs de tulle à maille de blonde, relevés en très-petits tuyaux, et figurant une ruche.

D'autres bonnets du matin sont en batiste brodée, avec deux bandes de mousseline excessivement claire. Le bord est une légère broderie, garnie d'une petite dentelle.

Pour la nuit, des fonds de batiste d'Écosse se garnissent de trois rangs de mousseline claire, le premier et le troisième rangs sont ourlés, unis, plissés à petits plis, celui du milieu est ourlé, bordé d'une petite dentelle, et relevé à petits tuyaux.

Les bretelles de gomme élastique ont donné l'idée de remplacer les bretelles de corsets de femmes, et les jarrettières connues, par ce tissu, si souple et si flexible. L'un et l'autre ont un avantage qu'il suffit d'indiquer pour le faire sentir. La gomme remplace l'éla-

stique de métal, et un fil peu serré ne souffrant point d'altération, tient lieu d'une peau qui se durcit après un court usage.

М О Д Ы.

Шляпка изъ розоваго крепа съ букетомъ Аппошпныхъ глазокъ, не весьма темно-желтаго цвѣта, принадлежишь къ самымъ щеголеватымъ уборамъ въ полу-нарядѣ.

Махровый яблоновой цвѣпокъ, весьма нѣжнаго розоваго цвѣта, прикалывается съ большимъ успехомъ на обьяринныя шляпки новаго цвѣта, называемаго *лулунгій свѣтъ*; онъ походитъ немного на соломенный цвѣтъ, но блѣднѣе. Мы видѣли такую шляпку, достойную замѣчанія: поля маленькія, немного на споруону, шуля наклонена напередъ.

Прозрачныя соломки сдѣлались такъ обыкновенны, что мы говоримъ о нихъ въ послѣдній разъ. Довольно сказать, что ихъ употребляютъ только въ деревнѣ, весьма за-просто.

Дамы носятъ дома, упромъ, небольшіе чепчики, на манеръ дѣтскихъ, съ гладкими волосами; они прикрываютъ лобъ и лице; дѣлаются изъ шюля; собраны на верху головы, и обшиты въ при или четыре ряда блондовымъ шюлемъ, сложеннымъ въ мелкія прубочки, въ видѣ рюша.

Другіе упреніе чепчики вышитыя башисто-вые, съ двумя лопостями изъ чрезвычайно прозрачной кисеи. Оборка слегка вышита и обшита узенькимъ кружевомъ.

Ночныя чепчики изъ Шопландскаго башиста обшиваются въ при ряда прозрачною кисеєю; первый и преній рядъ подрублены, гладкіе, сложены мелкими складочками; средній подрубленъ, обшитъ узенькимъ кружевомъ и сложенъ мелкими прубочками.

Помочи изъ гумми-эластике подали мысль замѣнить проймы дамскихъ корсетовъ и подвязки симъ мягкимъ и гибкимъ веществомъ. И то и другое имѣетъ выгоду, спобитъ только намекнувъ; чшобъ дашь почувствовать её. Гумми замѣняетъ мепаллическую эластикку, и не весьма плохая иппяная матерія, никогда не измѣняющаяся, употребляется вмѣсто кожи, кошорая дѣлается жесткою въ короткое время.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 76.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 21 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Скрышца дюжинна упала и разбилась.

Скрышачь её склеилъ,

И скрипка изъ дурной... прекрасной очутилась:

Тотъ вѣрно сталь умнѣй, кто въ школѣ бѣдсшій былъ!

И. Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЗЕЛѢНЫЙ ДВОРЯНИНЪ.

I.

Быль прекрасный лѣпнѣй вечеръ, какіе опи-сываютъ намъ спихопворцы. Я, послѣдняя спица въ колесницѣ, малѣйшая часпица той огромной толпы людей, коихъ дѣло только зѣвать и удивляться, подобно важнымъ лицамъ на балѣ, образующимъ собою шпалеры вокругъ танцующихъ;—я, говорю, Генрихъ *Вейсморъ*, двадцатипятилѣтнѣй дѣтина, не дурной собою, занятый гораздо болѣе своею цѣлю, къ которой я спремился нѣсколько лѣтъ, нежели поднебесными ласпочками и мопыльками,—прогуливался въ этою вечеръ около Королевскаго парка, впивая свѣжій воздухъ и стараясь развлечься послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ умственнѣхъ занятій, какъ вдругъ услышалъ за собою шумъ шаговъ. Обернувшись, я увидѣлъ почтеннаго спарца, который, казалось, внимательно меня разсматривалъ. Онъ былъ одѣтъ преспранно: кафтанъ его, коего полы висѣли ниже колѣнъ, нижнее платье съ серебряными пряжками, бархатный жилетъ, словомъ всё, не исключая шейнаго плапка, было зелѣнаго цвѣта; на

головѣ его была шляпа съ низкою тульею и широкими полями, изъ подъ которой небрежно рассыпались по плечамъ сѣдые, какъ лунь, волосы; онъ повертывалъ въ рукахъ маленькую просточку съ золотымъ набалдашникомъ. Посмотрѣвъ на него пристально, я пошелъ тише; онъ также уменьшилъ шаги, чтобъ не перегнать меня.

Нѣтъ ничего несноснѣе для человѣка, особливо въ такомъ расположеніи, въ какомъ я находился, какъ слышать за собою шаги, безпрестанно за вами слѣдующіе. Видя, что мой спарикъ не отспаетъ отъ меня, я пошелъ тише, надѣясь, что онъ пойдетъ впередъ; не путь-то было; онъ началъ выступать точно такимъ же шагомъ. Это меня взорвало; я пустился бѣжать, и скоро очутился у воротъ парка, ведущихъ на площадь Порпландскую; ничто не помогло: проклятый спарикъ не отспавалъ отъ меня ни на шагъ. Видя, что просто отъ него не отдѣлаешься, я рѣшился употребить хитрость; поворопя вдругъ къ Порпландской площади въ улицу Герцогини, я вошелъ въ часовню и вышелъ другими дверьми въ улицу Порпландъ; путь преслѣдователь мой исчезъ; но едва дошелъ я до поворота Маргарипинской улицы, какъ онъ опять явился.

Я квартировалъ тогда въ Марльбургской улицѣ, въ домѣ, принадлежащемъ двумъ старымъ дѣвамъ; какъ я былъ недалеко отъ своей квартиры, то спѣшилъ найти въ ней убѣжище и спасеніе отъ новаго знакомства. Я прошелъ Оксфордскую улицу, и чтобы вѣрнѣе ускользнуть, проворно сбѣжалъ съ Бленгеймской лѣстницы, ведущей въ улицу того же имени: безопвязный старикъ въ слѣдъ за мною; я прохожу Музей и Анапомическій театръ знаменитаго Бруга, и воображеніе мое удивленіе, когда увидѣлъ его пляшущаго, какъ бы въ изступленіи; среди столь многихъ любопытныхъ предметовъ.

Рѣшась на послѣднее средство, я вдругъ обратился къ нему и сказалъ: «М. Г.! мнѣ нельзя было не замѣтить, что вы преслѣдуете меня такъ долго и, разумѣется, не безъ причины. Я нахожусь близъ своего жилища; если вамъ угодно что нибудь сообщить мнѣ, или узнать отъ меня, то прошу васъ скорѣе объясниться.»

— Вы, сударь, совершенно правы,—отвѣчалъ мнѣ сей страннѣйшій человѣкъ, который, переспавъ плясать при первомъ звукѣ моего голоса, окинулъ меня лукавымъ и пронзительнымъ взоромъ.—Да, я желалъ бы поговорить съ вами; но хотя вы еще теперь не постигаете, къ чему все это ведетъ, однакожъ сами захотите со мною побесѣдовать. Вы возвратитесь теперь въ свою квартиру въ Марльбургской улицѣ; надѣвъ на себя свой синій шелковый халатъ, въ которомъ вы обыкновенно ходите дома, и перекинувъ сапоги на сафьянныя туфли, въ Марльбургской мѣсяцъ вышшняго года купленные вами въ магазинѣ Мейера и Миллера, прикажете подать себѣ стаканъ краснаго вина, купленнаго вами къ празднику Рождества Христова у Гендерсона, въ улицѣ Дорье, подольте въ него немного воды, и потчасъ займетесь своею бесполезною наукою, надъ которою вы корпите около пяти лѣтъ.—

«Какъ могли вы, сударь, узнать всѣ сіи подробности?» сказалъ я ему, будучи чрезвычайно удивленъ всѣмъ слышаннымъ мною.

— Это для васъ все равно, отвѣчалъ онъ; впрочемъ, если вамъ угодно заняться со мною полчаса, и поподчивать меня своимъ виномъ,

то, можетъ быть, я все объясню вамъ. Поидемъ-те, сударь, вамъ нечего мѣшкаить: знаю напередъ, что вы хотите оказать мнѣ гостепріимство, и какъ мнѣ не безызвѣстно, что ваши хозяйки любятъ порядочныхъ и скромныхъ посѣпителей, то я постараюсь удовлетворить ихъ требованіямъ и вкусу.—

Въ самомъ дѣлѣ, чего бы-то ни стоило, я рѣшился пригласить на бутылку вина этого страннаго старика, отъ котораго за минуту передъ тѣмъ не зналъ какъ отвязаться. Онъ еще не кончилъ своихъ замѣчаній, какъ мы очутились у воротъ дома, гдѣ я квартировалъ, и чрезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли за столомъ передъ бутылкою вина, которую я самъ принесъ: ибо человѣкъ мой оплучился безъ позволенія. Мой новый пріятель успѣлъ высказать мнѣ всю мою подноготную и перечеслъ по пальцамъ всѣхъ моихъ друзей: вино сдѣлало его очень словоохотливымъ. Въ продолженіе нашей бесѣды, самой пріятной, въ какой только мнѣ удалось участвовать, онъ сообщилъ мнѣ множество анекдотовъ на счетъ важнѣйшихъ особъ въ городѣ, съ которыми, по видимому, онъ былъ въ тѣсной связи; по словамъ его, онъ предпочтительно посѣщалъ такія мѣста, гдѣ можно найти лучшее общество: зимою бываешь онъ въ театрахъ и при публичныхъ судопроизводствахъ, а лѣтомъ любитъ бродить по самымъ живописнымъ мѣстамъ въ окрестностяхъ столицы, и всего чаще можно было найти его въ Кензингтонскихъ садахъ. Разсказъ его казался столь истиннымъ и былъ такъ привлекателенъ, что я почелъ своего новаго знакома самымъ любезнѣйшимъ старикомъ въ свѣтѣ.

На дворѣ спановилось темно: спавни моей комнаты не были закрыты, и только сторожъ, прокричавшій 10 часовъ, напомнилъ мнѣ, какъ скоро пролетѣло время въ сей пріятной бесѣдѣ.

— Пора мнѣ идти, сказалъ онъ, мнѣ нужно еще вернуться на минуту къ Бругу.

«Какъ?» вскричалъ я, вспомнивъ его неистовые прыжки въ Анапомическомъ театрѣ.

— Да, онъ одинъ изъ друзей моихъ, отвѣчалъ онъ... Разопьемъ же на разсваиваніе еще бутылку; чѣрпъ возьми...—

Сказавъ сіе, мой любезный спарикъ, по вѣдному, былъ въ досадѣ; онъ даже называлъ кого-то Каннибаломъ. Было около часа ночи; взглянувъ на лице его, коего черны слывались съ темною, я замѣнилъ только два блестящихъ кружка, похожіе на звѣзды. Это были глаза, коихъ отблескъ падалъ на высушившіяся кости лица его и вдоль носа. За спулкомъ его я услышалъ стукъ, происшедшій какъ бы отъ удара камышевой прости.

Я желалъ, чтобы онъ скорѣе ушелъ.

— Послушайте, сказалъ онъ, здѣсь притворство бесполезно: мнѣ надобно съ вами разстаться; не думайте однакожь, чтобы посѣщеніе мое сдѣлано было безъ цѣли и чтобы я встрѣтился съ вами случайно. Вчера вечеромъ, сами не зная, вы призывали меня на помощь, занимался предметомъ, къ которому вы столь давно стремились: мнѣ извѣстны ваши желанія.—

«Я не пишу, не желаю ничего;» сказалъ я въ замѣшательствѣ.

Но страшные глаза его потчасъ вспыхнули.

— Молодой человекъ, сказалъ онъ мнѣ, вы хотите знать мысли другихъ и имѣть даръ проникать въ будущее, не правда ли?—

«Признаюсь вамъ, сударь, отвѣчалъ я, будучи увѣренъ, что онъ самъ владѣетъ симъ даромъ; признаюсь, что для сего я посвящала дни и ночи наукъ, и что...»

— И ничего не получили, подхватилъ мой чудный пріятель... Но этотъ даръ зависить отъ меня. Для васъ все равно, кто бы я ни былъ; вы меня пригласили, и не напрасно; но вы получите желаемое не иначе, какъ на двухъ условіяхъ.—

«Скажете, сударь, какихъ?»

— Первое: вы будете знать только то, что случится съ другими, оспаваясь въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ, что будетъ относиться до васъ, развѣ обстоятельство сіе въ одно время будущъ касаться и до нихъ.—

«Охотно соглашаюсь на сіе условіе.»

— Второе: какъ-бы вы ни располагали поступки свои, пользуясь даромъ предвѣднія, вы потчасъ его лишитесь; какъ скоро опкроете сію пайну другому.—

«Соглашаюсь и на это; но болѣе сихъ условій вы отъ меня не потребуете?»

— Больше никакихъ. Завтра, проснувшись, вы можете употребить сей даръ, какъ вамъ угодно. За тѣмъ прощайте!—

«Но, М. Г! сказалъ я, догнавъ его, могу ли имѣть честь узнать ваше имя и жилище?»

— Ха! ха! ха! Мое имя и жилище. Мое имя вамъ очень знакомо, молодой человекъ; что касается до моего жилища, я увѣренъ, вы всегда найдете ко мнѣ дорогу; и такъ, еще разъ прощайте!—

Сказавъ сіе, онъ спустился съ лѣстницы и вышелъ изъ дома, оспавя меня терпясь въ безчисленныхъ догадкахъ на счетъ его.

Кто этотъ странный человекъ?... Я никогда не былъ съ нимъ знакомъ; но помню, что по уходѣ его, одна изъ хозяекъ моихъ бранила служанку, что она такъ неосторожно обходится съ сѣрными спицами при зажиганіи свѣчь: ибо по всему дому распространился сильный сѣрный запахъ.

II.

Я желалъ поскорѣе лечь въ постелью, не потому, чтобы мнѣ хотѣлось спать, но чтобы сократить часы до будущаго утра, когда я получу чудесный даръ.—Я позвонилъ: слуга мой еще не возвращался; въ такую пору нельзя было ему оплучаться изъ дому.

Я выждалъ, пока пробило полночь. Но онъ не приходилъ, и я легъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, опоживъ до завтра выговоръ, который я намѣренъ былъ ему сдѣлать.

Противъ ожиданія моего, я успокоился потчасъ, какъ скоро положилъ голову на подушку; заснулъ глубокимъ сномъ, и проснулся отъ шума, причиненнаго входомъ слуги въ мою комнату. Кинувшись въ свои кресла, я началъ собирать разсѣянные и запутанные мысли свои; разсуждая о прошедшемъ вечерѣ, я спрашивалъ самъ себя: не сонъ ли это былъ!... Какъ бы то ни было, но наступила пора испытать даръ свой, въ которомъ я каждую минуту болѣе и болѣе удоставлялся.

«*Бартонъ*, сказалъ я своему слугѣ, для чего тебя не было дома вчера вечеромъ?»

— Я принужденъ былъ, сударь, около прехъ часовъ ждавъ отвѣта на письмо, которое вы мнѣ велѣли отдать Маіору *Шерингалу*.

«Не правда!» вскричалъ я (и къ великому удивленію моему, мнѣ пришло на мысль многоспство вещей, о которыхъ я прежде ничего не зналъ): «ты ходилъ къ своей любовницѣ *Беппи Кольгеръ*; ты водилъ её въ загородный пракширъ, гдѣ вы пили чай и яблонку, ѣли слоёный пирогъ, потомъ ты проводилъ её домой; въ Воскресенье ты намѣренъ повторить эту прогулку; завтра ты хочешь просить своего жалованья, хотя срокъ платежа будетъ еще въ Понедѣльникъ, и все это для того, чтобы купить ей шаль.»

Онъ осполбенѣлъ. Все это было справедливо; я и самъ находился въ неменьшемъ удивленіи.

— Милоспивый государь, сказала мнѣ *Бартонъ*, который служалъ мнѣ семь лѣтъ, всегда былъ исправенъ: вижу, что вы спипаепте меня недоспойнымъ вашей довѣренности, ибо вы не узнали бы всего этого, если бы за мною не подспампривали и не слѣдовали по пятамъ. Чпобъ хорошо весппи себя, я не имѣю нужды въ присмопрѣ, и не хочу болѣе служипъ вамъ.—

«Но послушай, *Бартонъ*, я вовсе не приспампривалъ и не ходилъ за тобою.»

— Извините, сударь; мнѣ конечно не преспало съ вами спорипъ; но я уже рѣшилъ опойппи опъ васъ.—

Я готовъ былъ, для успокоенія себя и удержанія при себѣ вѣрнаго слуги, опкрыпъ ему испипну. Но легко ли такъ скоро лишипъся еполь пріятнаго дара?

Я прптворилъ сердптымъ, хотя въ самомъ дѣлѣ былъ спокоенъ, и сказалъ ему, что онъ можетъ иппи, куда ему угодно. Я увѣрилъ между тѣмъ, что спарикъ не обманулъ меня, и заняппый своею чудною способностью; началъ одѣваться съ большою опспшностью.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

При отъздѣ въ армию 1831 года.

Такъ, поэзіей живою
Тѣсный нашъ кружокъ убравъ,
Я умчу его мечпою
Въ край пласпическихъ забавъ.
Чародѣйспвенною силой
Я себя обспавлю памъ
Шалуновъ семьею милою,
Вѣрныхъ родпны красамъ.
И клянусъ, опъ благосклонныхъ
Взглядовъ спраспныхъ дѣвъ и жепъ,
Духъ мой гордый, непреклонный,
Тамъ не будетъ побѣжденъ;
Что въ пылу на бранномъ полѣ,
Взоръ вперивъ въ лице врагу,
О своей мпнувшей долѣ
Въ сердцѣ память спберегу;
Что при вспрѣчѣ надъ Невою,
Братьевъ съ милою—поллою,
Прежній, я въ вашъ кругъ вспущлю;
И скажу вамъ: братъ вашъ воинъ,
Я, какъ прежде, васъ люблю,
Васъ по прежнему доспощу.

Post. Scriptum.

Я сдержалъ души обѣтъ!
Годъ войны промчался бурный,
Снова блещепъ сводъ лазурный
Надъ спраной, гдѣ брани нѣтъ.
За раздольемъ шумныхъ схвапокъ,
На досугъ послѣ бипвъ,
Я не складывалъ молпшвъ
Въ чеспъ вещеспвенныхъ Сармаповъ...
Молча, чуждыхъ дѣвъ прощель,
И надъ льдпспою Невою,
Жизнью быспрой, огневою,
Вновь поргпвлю я повель
Съ покупапелемъ судьбою!
Неизмѣнный потъ же я,
Только скука быппя
Даль, глубже въ грудь прпикла;
Гдѣ же кругъ моихъ друзей,

Гдѣ душа среди скорбей
 Опдыхашь порой привыкла?
 Гдѣ ввѣрляя я брашьямъ сны
 Поэтическихъ созданий,
 Въ часъ опрадной шишины,
 Въ часъ сердечныхъ упованій?
 Тихо, мрачно—гдѣ-жъ они,
 Жизни баловни слѣпые?
 Вошъ, супругами одни,
 Тѣ скончали дни младые,
 Тѣ въ далекой споронѣ,
 Говоряшъ, чужіе, мнѣ....

Карлгофъ.

О Н А М И Л А.

Она мила, когда меня лобзаешь,
 Она во мнѣ небесный огонь зажгла,
 Она мнѣ все земное отдала—
 И я люблю, и сердце увѣряешь:
 Она мила!

Она мила, разсудокъ повтораешь,
 И эпошъ блескъ лилейнаго чела,
 И эша грудь, гдѣ счастье пылаешь,
 Гдѣ для меня любовь ея цвѣла,
 Гдѣ все мое блаженство обшпаешь:
 Она мила!

Я. Драгомановъ.

LOGOGRIPE.

Quand je parais après la soupe,
 Je change de nom et de goût:
 Avec ma tête on me découpe;
 Sans ma tête, dans l'eau qui bout
 Je plonge un moment; et partout,
 Que l'on déjeune, dîne ou soupe,
 On me casse par le gros bout.

Въ No 75, помѣщенный омонимъ значить: *Икра*.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

Пѣснь о Колоколѣ; сох. Шиллера, переводъ Авдотьи Павловны Глинкиной. М. 1832 года.

Сія пѣснь есть чудо красоты пишпическихъ въ подлинникѣ, образцовое произведение

знаменипаго *Шиллера*. По сихъ поръ ни одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ не осмѣливался перевести оную: предприняла дѣма—совершила сей трудный подвигъ съ блестящимъ успѣхомъ. Развѣрнута была Нѣмецкая: *das Lied von der Glocke*, Лифляндецъ прочипывалъ спрофу изъ неѣ, одинъ литераторъ—знапокъ и Германскаго и Русскаго языка, Русскую, а Рецензентъ, съ карандашемъ въ рукѣ, записывалъ ихъ сужденія—и, перевѣря послѣ своимъ умомъ и вкусомъ, предлагаеть здѣсь опытъ разбора перевода пѣсни о Колоколѣ Г-жи *Глинкиной*.

Переводчица посвятила свой трудъ памяти родителя—Павла Ивановича *Голенищева-Кутузова*.—«Подъ Твоимъ руководствомъ, незабвенный Родитель мой! узнала я достоинство «труда, научилась жить душою и, независимо «отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, улаждаешь «благородною бесѣдою Музъ. Ты познакомилъ «меня съ пѣвцами Германіи, Ты указалъ мнѣ «Поэта-великана—*Шиллера!*» говоритъ она: «его чудную пѣснь о Колоколѣ—подную пачи- «спвенности и поэзіи—осмѣливалась я перево- «диль подъ Твоимъ руководствомъ. Ты же- «лалъ и требовалъ, чтобъ переводъ былъ самый «близкій къ подлиннику. Я сохранила размѣры «подлинника, старалась слѣдовать за печені- «емъ мыслей; близко, даже буквально передала «нѣкоторыя мѣста; но могла ли передать «пу неподражаемую прелесть цѣлаго, по раз- «нообразію и великолѣпію картинъ, изумляю- «щихъ яркостью красокъ и непонятною оп- «чепливостію художественной опдѣлки; пѣ «неувядаемыя красоты, которыми удивляетъ «ся Германія въ твореніяхъ любимаго своего «Поэта?..... Переводъ конченъ; но гдѣ мой «наставникъ, другъ и покровитель моей юно- «сти? Уже нѣтъ Тебя, Родитель мой! Цѣлое «семейство, все въ Тебѣ утраченное, въ оцѣ- «ценіи отъ горести, внимало священнѣй «звонъ колокола, возвѣщавшій безвременную «разлуку съ Тобою.

«Ударъ судьбы былъ слишкомъ неожиданъ «и жестокъ: міръ внѣшній не могъ ничего «предложить мнѣ въ замѣну потери. Только «святая Вѣра и утѣшительница Поэзія нахо- «дили доступъ къ душѣ осиротѣлой. Я про- «должала занятіе, при Тебѣ начатое!

«Въ *другой* важной эпохѣ моей жизни по-
«слышался мнѣ таинственный *звонъ колокола*,
«когда я шла къ алтарю, гдѣ, предъ лицомъ
«Всемогущаго, положила жребій свой въ
«одну чашу съ жребіемъ избраннаго сердцемъ;
«гдѣ всѣ *частныя* отношенія двухъ существъ
«слились въ одно *общее* — въ одну нераздѣль-
«ную жизнь (*).

«Вмѣсто вѣнка кипариснаго, кладу я на
«безвременную могилу Твою, мой достойный
«Родитель! сей слабый, дѣтскій прудъ.—Мы
«не знаемъ тайны загробной жизни; но Въ-
«ра заповѣдала упованіе и дозволяетъ намъ
«упѣшаться сердечнымъ убѣжденіемъ, что
«разлука съ млыми есть разлука мнимая; что
«они, невидимые *по земному*, окружаютъ насъ
«своею любовію и, среди нестерпимыхъ скор-
«бей земныхъ, навѣваютъ благія мысли о ра-
«доспяхъ Неба. Я вѣрю — и, обнимая Тебя
«объятіями души, посвящаю слѣзы дочери и
«прудъ мой Твоей памяти, для меня незаб-
«венной!.....»

Близость перевода изумляетъ.

Fest gemauert in der erden
Steht die Form, aus Lehm gebrannt.
Heute musz die Glocke werden!
Frisch, Gesellen! seyd zur Hand!

Въ землю вройте, други! пверже
Форму глиняную, — въ ней
Выльемъ колоколь теперь же,
Ну, товарищи, друживъ!

Von der Stirne heiss
Rinnen musz der Schweiss,
Soll das Werk den Meister loben;
Doch der Segen kommt von oben.

Пусть же *отъ работъ*
Градомъ льѣтся потъ!
Дѣло — мастеру хваленье;
Но съ Небесъ — благословенье.

Два послѣдніе стиха удивительною са-
мага взыскапельнаго судью.

*Размысливъ же и мы, прилежно,
Что и отъ скудныхъ нашихъ силъ
Быть можетъ?*

Нѣсколько растянуто, оборотъ прозаиче-
скій.

Презрѣнь *неизбѣжно*,
Кто необдуманно шворилъ.

Неизбѣжно лишнее; его нѣтъ у *Шиллера*.
Они съ избыткомъ выкупаются слѣдующими
за ними сильными стихами:

Das ist's ja, was den Menschen zieret,
Und dazu ward ihm der Verstand,
Dasz er im innern Herzen spüret,
Was er erschafft mit seiner Hand.

Въ помъ человека украшенье,
Ему и разумъ для того,
Чтобъ прежде рукъ его шворенье
Въ душѣ созрѣло у него!

Далѣ:

Дровъ изъ пихты! — въ нихъ и сила!
Чтобъ лишь сугъ запасъ ихъ былъ.

Опять стихъ вялой, прозаическій. Послѣ-
дующіе за нимъ сильны, сжатые, живы:

Kocht des Kupfers Brey,
Schnell das Zinn herbey,
Dass die zähe Glockenspeise
Fliesse nach der rechten Weise.

Мѣдъ скорый расплавъ,
Оловомъ добавь,
Чтобъ кипящаго металла
Влага плавно протекала.

Стихи, ослабляющіе яркостью и блескомъ
красокъ, перерисованы на Русское полотно
кисью свѣжею, живописною.

Младенца съ жизнью поздравляетъ
Торжественный, веселый звонъ,
Когда привѣтливо порхаетъ
Надъ гостемъ жизни — жизни сощъ.

Еще во тѣмъ паятся дальней
Веселый жребій и печальный,
А лоно матери младое

Лелѣетъ дѣтство золотое:

Но дни летятъ, летятъ стрѣлой;
Съ подругой-сверстницей разстался
Довольный отрокъ самъ собой
И пылко, бурно въ жизнь помчался

И долго по свѣту скипался..

Къ опцу пришелъ онъ какъ чужой:—

(*) Сія эпоха жизни человеческой превосходно воспѣта
Германскимъ пѣвцомъ Колокола. — *Прим. Переводчицы.*

Цвѣтущей юностью сія,
 Съ величьемъ чудной красоты,
 Какъ мимолѣтннй Ангелъ рая,
 Какъ образъ съ горней высоты,
 Предъ нимъ и скромно и спыдливо,
 Стояла дѣва молчаливо...
 Для юности исчезнулъ свѣтъ:
 Онъ самъ не свой!... Онъ цѣпентъ,
 И въ безмилннхъ чувстввахъ мѣтеть,
 И чувствамъ пѣтъ опчета нѣтъ!
 Тѣсняся слѣзы—опъ къ прекрасной
 Опъ буйныхъ юношей спѣшишь;
 Заря любви—румянецъ спрастной
 Въ лицѣ шо гаснетъ, шо горитъ;
 Ея привѣтъ его живишь.
 Идетъ, волнуемый мечтамъ,
 Въ луга, гдѣ зеркальннй попокъ,
 Чшобъ для нея между цвѣтами
 Сорвать прелестннѣйшій цвѣтокъ.
 О сладость первыхъ упоеній,
 Любви первой мигъ златой!
 Среди надеждъ и вдохновеній
 Тогда, лелѣяся мечшой,
 Душа въ отверзннй рай лелѣла:
 Двойная жизнь лилась въ крови...
 Ахъ, если-бъ вѣчно зеленѣла
 Для насъ весна молодой любви!...

Die Leidenschaft flieht,
 Die Liebe musz bleiben;
 Die Blume verblüht,
 Die Frucht musz treiben.

Пылъ спрасти пройдетъ,
 Любовь оспаеся,
 Цвѣтокъ опцвѣтеть
 И плодъ развернешя.

Достоинство Русскихъ стиховъ не уступаеъ Нѣмецкимъ. Мы бы совѣтовали госпожѣ Переводчицѣ, при впоромъ изданіи, замѣнишь вялое слово: *упражняеться*, другимъ, болѣ живописующимъ; а стиху *чрезъ свой оборотъ* даъ другой оборотъ, живѣе, стихопворнѣе.

Зарва, какъ солнцн блещутъ;

Эпаго не бываетъ. Шиллеръ говоритъ:

Taghell ist die Nacht gelichtet.

Не хороши, хопя и кажется, будто переведсны слово въ слово:

*Съ силой цвѣтъ грелннхъ мещутъ,
 Цѣпъ звяцаеть*

Въ послѣдней половинѣ сего дивнаго пѣснопѣння замѣтили мы только, что слово *клевѣтъ* написано неправильно; оно пишется *хлѣвы*, и удареніе на послѣднемъ слогѣ.

Свершенъ, свершенъ!
 Сомкнемся въ дружномъ соединеннѣ;
 Да Колоколъ въ своемъ крещеннѣ
Согласннми будетъ нареченъ.
 Пусть онъ сердца соединяетъ,
 Пусть весь приходъ къ любви сзываетъ;

Упопребленъ да будетъ онъ
 На шо, къ чему опредѣленъ!
 Надъ ннзкою земною жизнью,
 Въ шапрѣ небесномъ, голубомъ,
 Пусть плаваеъ громовъ въ опчизнѣ
 Гранича съ міромъ звѣздъ—челомъ;
 Пусть возвѣцаеъ онъ пропнжно,
 Какъ звѣздъ блестящій хоровадъ
 Гласитъ поржеспвенно и важно
 Свой гимнъ Творцу—и спарый годъ
 На моно вѣчности ведетъ.
 Лишь шо, что вѣчно, что прекрасно,
 О Колоколъ нашъ, прославляй!
 И, неусыпннй, ежечасно
 Намъ вѣсть о времени давай!
 И, спавъ орудиемъ судьбины,
 Безчувспенннй подобно ей—
 Ты возвѣчай съ своей вершины
 Игру премннной жизни сей!
 Когда же звукъ сей скоросечно
 Вспревожа, слухъ нашъ поразишь,
 Учи, что въ мнръ все не вѣчно
 И всѣ земное *отзвештъ!*

Выражу свое мнѣніе о прудѣ госпожи Переводчицы ея же стихами:

Свершенъ, свершенъ!
 Дѣло—мастеру хваленье
 И съ небесъ благословенье!

Фонъ-деръ-Бокъ.

M O D E S.

Les cabas ont conservé une certaine faveur près des jeunes personnes, ou des personnes qui habitent la campagne. On les remplit de fleurs, on y place de l'ouvrage; ils sont flexibles et peu embarrassans: nous indiquerons donc pour la fin de l'été ceux que l'on fait en paille suisse, doublés de taffetas à l'intérieur; ils sont entièrement simples en-dehors, et se suspendent au bras par deux torsades de paille.

De nouvelles pantoufles sont en satin turc, peint ou imprimé. Les peintures faites au calque, avec ou sans or, réussissent parfaitement sur cette étoffe; une femme peut faire elle-même ce petit travail.

Jusqu'à présent, on n'avait pas perfectionné ce que les femmes emploient pour soutenir les plis de la robe au-dessous de la taille. Les *tournures* sont susceptibles de se déplacer ou de s'abattre.

Lacroix, le fameux inventeur de corsets, en a composé de nouvelles, qui paraissent surmonter ces difficultés. Leur longueur tient d'une henche à l'autre; elles sont garnies de coton et doublées d'une fine marceline; plusieurs cordons les assujétissent au corset, et serrent autour du corps avec solidité.

Si ce n'est pas un retour vers les anciens paniers du siècle passé, c'est au moins un souvenir d'eux.

Une élégante utilité est un peignoir de percale ou de jaconas très-ample, froncé au cou par un petit col, et noué avec des pates de même étoffe. Point de manches, point d'ouverture pour sortir les bras. Ce vêtement, parfaitement nommé de son vrai nom, *peignoir*, est seulement destiné à se jeter sur la toilette, sans crainte de l'altérer, lorsqu'il est besoin de se faire coiffer sans s'habiller de nouveau.

Les bas du matin, en fil d'Ecosse, sont d'une extrême distinction, unis, sans jours; les coins seulement ont un montant de deux petites guirlandes qui font la flèche, en se joignant dans leurs extrémités. Le tissu uni doit être excessivement clair.

A ceux plus habillés, à jours, les dessins sont très-déliés et légers.

Une grande recherche est de faire disposer le bas sur la grandeur exacte du pied, et de faire placer ses lettres de chiffre dans le haut de la jambe, dans le tissu; à la place et comme le nom du fabricant.

Pl. No 27. Les modes expédiés de Paris le 1re Septembre v. s.

M O Д Ы.

Cabas все еще употребляются молодыми дѣвцами или особами, живущими въ деревнѣ; ихъ наполняютъ цвѣтами, кладутъ туда работу; они гибки и очень ловки: къ концу лѣта приличнѣе ихъ дѣлать изъ Швейцарской соломки, внутри подложенные пачтою; они совершенно просты снаружи, и вѣшаются на руку двумя соломенными шнурками.

Новыя туфли дѣлаютъ изъ Турецкаго атласа, печатныя или рисованныя. Рисовка *au calque*, съ золопомъ и безъ золопа, дѣлается съ совершеннымъ успѣхомъ на сей матеріи; дамы могутъ заниматься сами этою работою.

До сихъ поръ еще не было усовершенствовано, что дамы употребляютъ для поддержанія складокъ ниже шали. Турнюры могутъ сдвинуться или измяться.

Лакруа, извѣстный изобрѣтатель корсетовъ, выдумалъ новыя, въ которыхъ, кажется, сн затрудненія не существуютъ. Длина ихъ простирается отъ одного бока до другаго; они сдѣланы на вапѣ и подложены тонкимъ марселиномъ; они прикрѣплены нѣсколькими шнурками къ корсету, и привязаны крѣпко вокругъ шали.

Если это не возвратъ къ фижмамъ прошедшаго столѣтія, то по крайней мѣрѣ напоминаетъ о нихъ.

Щеголеваты и полезны пенуары изъ перкаля или жаконета, собранные около шеи къ небольшому воротничку, и завязанные завязками изъ такой же матеріи. Они безъ рукавовъ и опверстіи для рукъ. Одежда сія, совершенно хорошо названная настоящимъ своимъ именемъ: пенуаръ, употребляется только, чтобъ накинуть сверхъ наряда, не боясь испортить его, если нужно передѣлать волосы, не переодѣваясь снова.

Утренніе чулки, изъ Шотландскихъ нипокъ, считаются чрезвычайно отличными: гладкіе, безъ рѣшешокъ; спирѣлки, начинаясь двумя маленькими гирландами, составляютъ, соединяясь, спирѣлу. Гладкая ткань должна быть чрезвычайно прозрачна.

У чулокъ, которые наряднѣе, съ рѣшешками, узоры чрезвычайно нѣжны и легки.

Считается большимъ щегольствомъ, чтобъ чулокъ былъ сдѣланъ почно по ногѣ, и чтобъ шнуръ былъ выпшканъ вверху чулка, на помѣ мѣстѣ и почно такъ, какъ имя фабриканта.

Карп. No 27. Моды, высланныя изъ Парижа 1-го Сентября нашего стараго стиля.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ

№ 77.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 24 ДНЯ, 1852 ГОДА.

О люди! въ тѣсной сей юдоли
Проспирите къ вѣчности вашъ взглядъ,
Еще доколѣ въ вашей волѣ
Стяжашь въ ней рай, избѣгнуть адъ.

Кн. И. Долгорукий.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЗЕЛѢНЫЙ ДВОРЯНИНЪ.

(Продолженіе.)

III.

Я не кончилъ еще своего туалета, какъ мнѣ доложили о приходѣ искренняго моего друга *Шерингамъ*; онъ ожидалъ меня въ столовой; въ ту же минуту мнѣ подали письмо отъ прелестной *Фанни Гейвортъ*, единственнoй женщины, которая посреди ученыхъ отвлеченностей, могла еще занимать меня своею любезностью.

«Любезный *Шерингамъ*, сказалъ я, выбѣгая къ нему, что привело тебя ко мнѣ такъ рано?»

— Неудача, отвѣчалъ онъ; я пришелъ сказать тебѣ, что дядя мой, не смотря на готовность его по настоянію моему, удовольствовалъ своею просьбу, принужденъ былъ рекомендовать на твое мѣсто родственника *Маркизова*; я жалѣю о томъ искренно и счелъ нужнымъ лучше предупредить тебя о семъ, нежели осваивать въ неизвѣстности.—

«Маіоръ, сказалъ я ему хладнокровно; если это такъ сильно васъ прогаеетъ, какъ вы

говорите, по смѣю ли спросить васъ, для чего вы такъ скоро согласились на предложеніе вашего дяди, если только не сами вы его сдѣлали, въ надеждѣ получить чинъ, котораго вы давно добиваетесь?»

— Любезный другъ, отвѣчалъ онъ въ явномъ смущеніи, я . . . я не вступалъ ни въ какое обязательство на счетъ сего съ моимъ дядею; это правда, что онъ считалъ дѣло сіе сбыточнымъ, если родственнику *Маркизову* удастся получить желаемое.—

«Г. *Шерингамъ*, сказалъ я ему, дядя вашъ выпросилъ уже это мѣсто молодому *Вилліамсу*, и во вторникъ будетъ напечатано въ газетахъ о производствѣ васъ въ Подполковники, съ оставленіемъ при вашемъ полку. Мнѣ извѣстно, что вчера, возвращаясь къ дядѣ, вы заѣжали въ Конногвардейскія казармы къ другу своему *Вилліамсу Макъ-Грегору*. Очарованные открывающеюся передъ вами перспективою, вы первые предложили своему дядѣ его на мое мѣсто, и все успроивъ вмѣстѣ съ нимъ, вы же являетесь ко мнѣ съ печальною новостью. . .»

— Государь мой, вскричалъ *Шерингамъ*, не знаю, откуда почерпнули вы все сіи свѣдѣнія; но скажу вамъ, что подобныя сомнѣ-

нiя въ сподѣе долговременной дружбѣ, вовсе не согласуются съ мнѣнiемъ, какое имѣлъ я о вашемъ характерѣ. Когда человекъ, котораго мы почитали другомъ, не стыдился прибѣгать къ поспыднымъ средствамъ вывѣдыванiя всѣхъ нашихъ поступковъ, тогда разрушается довѣренность и послѣдуетъ разрывъ. Если вы не употребили подобныхъ средствъ, то какъ могли бы узнать все сіи подробности?—

Я опять попалъ въ писки, и готовъ былъ сказать всю правду, но не имѣлъ на то оцѣнки.

«Довольно того, г. Маюръ, что мнѣ все извѣстно; я знаю даже то, что вы отсюда поѣдете къ вашему дядѣ раздѣливъ съ нимъ вашъ гнѣвъ и досаду, и постараетесь совершенно испредить въ немъ желанiе быть мнѣ полезнымъ.»

— Этого уже слишкомъ много, вскричалъ онъ; мы видимся въ послѣднiй разъ; ваши недобуданные поступки и страннiя рѣчи, дѣлаютъ всякое объясненiе излишнимъ. Наша связь, сударь, кончилась. —

Сказавъ сіе, *Шерингамъ*, который искренно былъ расположенъ ко мнѣ, сколько можно быть расположеннымъ въ здѣшнемъ свѣтѣ, вышелъ изъ моей комнаты, убѣжденный въ моей низости и безхарактерности. Мнѣ стало грустно, когда я услышалъ стукъ двери, въ послѣднiй разъ за нимъ затворившейся. Чего стоило мнѣ огладѣть даромъ предвѣдѣнiя! И—не прошло часа, какъ я, по милости его, лишился любезнаго друга и вѣрнаго слуги.

IV.

Я развернулъ письмо *Фанни Гейвортъ*; оно заключало въ себѣ приглашенiе обѣдать у ея матери, и просьбу о сопровожденiи ихъ въ Оперу. Я удивлялся *Фанни*; съ восторгомъ смотрѣлъ на помные голубые глаза ея, и не былъ увѣренъ во взаимной любви ея, чувствовалъ, что мнѣ прiятно быть съ нею. Я предавался безчисленнымъ мечтамъ, и создалъ для себя гдизи ея идеальный мiръ. Образъ ея часно сливался съ моими воспоминанiями; я вполорину любилъ еѣ, ибо ея занято было мое воображенiе; кому неизвѣстно, что любовь, особенно мущины, гораздо чаще бываетъ въ воображенiи, нежели въ сердцахъ?...

При всемъ томъ, подспрекаемый пагубнымъ даромъ, я написалъ ей слѣдующее:

«Я принялъ бы съ живѣйшимъ удовольствiемъ ваше прелестное приглашенiе, сударыня, еслибъ оно сдѣлано было съ пою некренностью, какую до сихъ поръ я замѣчалъ въ васъ; но знаю, что намѣренiе тхать сегодня въ Оперу, внушено вамъ не тѣмъ, что вамъ оснается пусная ложа, но вы надѣетесь воспрѣпить вамъ Сира *Генриха Витрингтона*, который въ прошедшiй четвергъ спотыко поправился вамъ у *Леди Грей*, что вы отдали ему свой вѣтеръ, съ условiемъ, возвративъ его сегодня въ Оперѣ. Я весьма былъ бы пронупъ и добродушiемъ вашей маменьки, съ какимъ она по видимому, подтвердила ваше приглашенiе, если бы не зналъ, что она дiя того поручила вамъ пригласить меня, чпобы кто нибудь занималъ еѣ тогда, какъ *Генрихъ* будетъ оппускать вамъ пошлыя нѣжности, до которыхъ молодiя дѣвушки такъ лакомы, ибо они редутъ часно къ знатной сѣязи, экипажамъ, бригантамъ и; за недоспакомъ счастья, къ богатству... И такъ, прошу васъ сказать г-жѣ *Гейвортъ*, что хотя она надѣялась найтти во мнѣ проводника изъ карены и до карены, но я не могу на сей разъ служить ей, предоставляя эту честь Сиру *Генриху*, и пр.»

Я опослалъ топчасъ это письмо, восхищаясь своимъ даромъ, помогшимъ мнѣ сорвать личну, подъ которою г-жа *Гейвортъ* хотѣла скрыть истинные свои виды и намѣренiя. Еда кончилъ я свой завтракъ, какъ пришелъ мой портной: онъ принесъ мнѣ фракъ самага моднаго цвѣта и фасона. Въ пять минутъ я уже былъ одѣтъ въ новое платье. Портной безъ памяти хвалилъ воротникъ, опдѣлку и проч. и проч. Выслушавъ дшнную похвалу сукну его, я отвѣчалъ, что оно согстмъ не лучшее, назвавъ ему лавку и купца, у котораго оно куплено. Портной мой, сначала очень удивленный, вдругъ принялъ на себя такой наглый тонъ, что я сбросилъ его съ лѣстницы; и черезъ минуту увидѣлъ, что онъ побѣжалъ къ Полицейскому Комисару, жившему въ одной со мною улицѣ. Черезъ часъ получилъ я повѣстку, на другой день явиться въ судъ. Хотя я зналъ напередъ,

чѣмъ кончился это непріятное дѣло; однако рѣшился посоветоваться съ своимъ адвокатомъ, въ надеждѣ, что законвѣдецъ можетъ лучше дать правильный ходъ дѣлу. Пришедъ къ своему другу, я нашелъ его по прежнему добрымъ, обязательнымъ и усерднымъ. Я рассказалъ, что пригласилъ меня къ нему; онъ выслушалъ меня со вниманіемъ и обѣщалъ мнѣ помочь.

Не смотря на то, я узналъ, что другъ мой прошіюю весною говорилъ обо мнѣ дурно женѣ своей, считая меня глупцемъ. Я готовъ былъ осыпать его упреками, но удержался, разсудивъ, что и безъ того уже навлекъ на себя довольно непріятностей своимъ даромъ; почему рѣшился впредь поступать осторожно.

Я отправился въ судъ съ своимъ адвокатомъ. Какъ каждый изъ судей болѣе или менѣе былъ недоколенъ своимъ порпнымъ, одинъ за поставленное на плащѣ дурное сукно, другой за поданный ему большой счетъ, то всѣ они оправдывали меня: ибо судьи такіе же люди, какъ подсудимые, и въ сужденія ихъ всегда мѣшается личность; онъ сего-то я замѣнилъ, что порпной, терпя за своихъ клеветовъ, всегда бываетъ обвиненъ, правъ ли онъ, или не правъ.

Изъ суда я пошелъ на выставку цѣпныхъ спеколь въ Шарингъ-Кроссъ. Тамъ встрѣтилъ я двухъ художниковъ, которые до небесъ прославляли другъ друга, чуть не лопаясь отъ зависти. Я увидѣлъ женщину, почтенную и скромную, коей искренній другъ мужа ея нашептывалъ разныя нѣжности, и хотя она распалась съ нимъ, показывая справедливое негодование, однакожь мнѣ извѣстно, что она намѣрена съ нимъ убожаться въ слѣдующую ночь. Далѣе, молодой Виконтъ высаживалъ изъ кареты отца своего со всѣми знаками уваженія и сыновней любви, а между тѣмъ неперпѣливо ожидалъ, когда смерть старика сдѣлаетъ его полнымъ влательномъ опцовскаго имѣнія. Наконецъ, я посѣтилъ національную галерею, гдѣ множесиво мушчинъ и женщинъ, по видимому, занимались карпинами, а въ самомъ дѣлѣ думали только о себѣ. Но я никогда не кончилъ бы, если бы захотѣлъ описывать все, что видѣлъ.

Я рѣшился заключить этотъ день своего всемогущества, войдя въ Оперу, чтобы удостовѣриться въ справедливости моихъ обвиненій на счетъ *Фанни*.

Я взглянулъ на ея ложу, и увидѣлъ Сира Генриха *Витригтона*, сидящаго за ея креслами и играющаго опаколомъ, о которомъ упоминалъ я *Фанни* въ своемъ письмѣ. Этотъ глупецъ былъ въ полномъ удовольствіи; онъ такъ любезничалъ и такъ часто она обращалась къ нему, что это меня задѣло за живое. Я вошелъ въ ея ложу, рѣшась опмстить ей насмѣшками. Сиръ *Генрихъ* вовсе былъ незнакомъ со мною и даже не зналъ моего имени. При всемъ томъ я замѣнилъ, что онъ смотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, близкимъ къ зависти... Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, свойственныхъ всякой, нѣсколько образованной націи, гдѣ въ глаза желаютъ вамъ здравія, а мысленно желали бы расперзать васъ, я замѣнилъ на лицѣ г-жи *Гейвортъ* удерживаемое бѣшенство. Ея сѣрые, пронзительные глаза безпрестанно обращались то на дочь, то на меня. *Фанни* казалась въ замѣшательствѣ отъ моего присутствія; но видъ сквозь сіе облако досады, что я сохранилъ еще надъ нею вліяніе, рѣшился остаться въ ложѣ. Послѣ продолжительнаго молчанія, въ продолженіе коего замѣтна была во всѣхъ какал-то принужденность, Баронъ посмотрѣвъ на меня приспально и колко, наклонился къ г-жѣ *Гейвортъ* и спросилъ еѣ: изъ числа ли я друзей ея?

«Нѣтъ, конечно нѣтъ, вскричала старуха, кинувъ на меня пронзительный и яростный взглядъ; я съ нимъ знакома; но поступки его таковы, что наша связь долѣе существовать не можетъ.»

Сердце *Фанни* начало смягчаться; она гопова была взять меня за руку и удержать при себѣ; послѣ сего, сѣвъ на стулъ, я не прогался съ мѣста и преравнодушно посмотрѣвалъ на Сира *Генриха*; но сей, вздернувшись, спросилъ довольно громко г-жу *Гейвортъ*:

— Прошу васъ, сударыня, скажите мнѣ, дѣйствительно ли вамъ непріятно присутствие эпаго человека?—

«Весьма неприятно;» подхватила спаруха, со всею ѣдкостью оскорбленного самолюбія.

— Послѣ сего, сказала Сирь *Генрихъ*, тихонько допронувшись до плеча моего концемъ вѣера: вы, сударь, должны выпши изъ этой ложи.—

«Скорѣе вы выдете опсюда;» отвѣчалъ я, не помня самъ себя.

— Прошу васъ оставить это!—вскричала въ испугъ *Фанни*.

«Молчи, дочь, и будь покойна;» сказала неумолимая мать.

— Слушайте, Милостивый Государь, подхватилъ Сирь *Генрихъ*: если вы поспѣете не уважите сего напоминанія, то приняты будутъ другія мѣры и васъ заставлятъ выпши.—

«Сирь *Генрихъ Витрингтонъ!*» вскричалъ я: «общество, въ которомъ мы находимся, не позволяеть мнѣ ни говорить, ни дѣйствовать. Я оставляю ложу, но иначе, какъ вмѣстѣ съ вами.»

— Я эшаго только и ожидалъ.— Мы поспѣе вышли въ коридоръ. Я вынулъ изъ кармана свой адресъ и сказалъ холодно:

«Вы можете понять, сударь, что заносчивость, съ какою вы вмѣшались въ чужое дѣло, пребуеть объясненія; воптъ вамъ адресъ человека, который не чувствуетъ къ вамъ ничего, кромѣ глубокаго презрѣнія. До завтра.»

Я вышелъ изъ залы, а онъ возвратился къ дамамъ, которыя находились въ большой тревогѣ: *Фанни* беспокоясь обо мнѣ, а мать ея объ ней.

Я легъ въ постель, и вмѣсто того, чтообы размышлять о случившемся, погрузился въ глубокій сонъ. Поутру разбудилъ меня слуга, доложивъ, что Полковникъ *Макминтонъ* дожидается меня въ залѣ, имѣя нужду сказать мнѣ нѣсколько словъ. Я зналъ напередъ причину сего посѣщенія. Надѣвая наскоро халатъ свой, я сказалъ: «онъ хочеть пригласить меня въ *Шалькъ-Фаритъ*, гдѣ вѣрно приготовлены пистолепы для двухъ и

завтракъ для четверыхъ.» Зъвая и поправляя свои волосы, вышелъ я въ залу, гдѣ ожидалъ меня Полковникъ.

— Я думаю, сказалъ онъ, что послѣ случившагося вчера ввечеру между вами и Сиромъ *Генрихомъ Витрингтономъ*, мнѣ не нужно объяснять вамъ причину моего посѣщенія. Я пріѣхалъ просить васъ, чтобы вы поручили кому нибудь изъ вашихъ пріятелей взять на себя прудъ вмѣстѣ со мною сдѣлать нужныя приговоренія.

«Милостивый Государь, отвѣчалъ я, мнѣ должно опказаться опъ пребыванія Сира *Генриха.*»

— Извините, подхватилъ Полковникъ; но можете быть вы меня худо поняли.—

«Говорю вамъ, сударь, что никакая сила въ свѣтѣ не принудитъ меня драпсъ съ Сиромъ *Генрихомъ.*»

— Воптъ рѣшимость, болѣе, нежели странная, вскричалъ Полковникъ, мѣряя меня глазами съ головы до ногъ; я васъ могу однакожь увѣрять, что Сиръ *Генрихъ* не приметъ опъ васъ никакой опговорки, а если бы онъ и захопѣлъ эшаго, то я не позволю ему.—

«Вы знаете уже мой отвѣтъ; я не принимаю вызова.»

— По крайней мѣрѣ, возразилъ Полковникъ съ колкостью, вы не откажетесь объяснить причину?—

«Воптъ она, сударь: поводомъ ко вчерашней ссорѣ нашей были злостъ одной старой и неоспорожностъ молоденькой дамы; обѣ онѣ жалѣють о случившемся также какъ и я, да и самъ Баронъ вызвалъ меня на поединокъ только изъ ложнаго спыда, а не по собственной волѣ.»

— Это, отвѣчалъ Полковникъ, совершенно дѣло Бароново; прошу васъ сказать мнѣ другую причину.—

«Воптъ она, вскричалъ я: если Сиръ *Генрихъ* будетъ со мною драпсъ, то онъ оппанется на мѣстѣ, я эшо знаю и не хочу проливать кровь себѣ подобнаго, будучи напередъ увѣренъ въ его смерпи.»

— Такъ это ваша единственная причина? — сказалъ мнѣ Полковникъ насмѣшливымъ тономъ.

« Да, сударь.»

— Послѣ сего, скажу вамъ прямо, что Сиръ Генрихъ *Витрингтонъ* въ правѣ почитать васъ недостойнымъ общества благородныхъ людей, и что при первомъ случаѣ онъ не упуститъ опмстить за честь свою, достойно наказавъ васъ.

Сказавъ сіи слова и съ презрѣніемъ надвинувъ шляпу на голову, Полковникъ удалился, почитая меня величайшимъ прусомъ.

Сколько происшествіе сіе ни было непріятно, особливо въ отношеніи къ свѣту, однакожь я почиталъ себя очень счастливымъ, предузнавъ послѣдствія нашей ссоры: ибо я не столько былъ влюбленъ, чтобы желать смерти сопернику.

Молва о вызовѣ Сира *Генриха* потчасъ разнеслась по городу; она переходила изъ гостиной въ гостиную съ такими прибавленіями и выдумками, что лучшіе друзья мои не расположены были слышать моихъ объясненій, будучи увѣрены, что я кругомъ вноуаю. Они не только не хотѣли меня видѣть, но встрѣчаясь со мною на улицѣ, переходили на другую сторону. Слыша повсюду обидныя замѣчанія и не смѣя показаться въ хорошемъ обществѣ, я рѣшился уѣхать въ деревню. «Проклятый спарикъ! вскричалъ я, думая о моемъ новомъ знакомцѣ; проклятый даръ, котораго я столько домогался, и не могъ доселѣ опказаться отъ него, хотя чувствую себя довольно несчастнымъ. Чѣртъ бы меня взялъ. . .»

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

СЛОВЕСНОСТЬ.

НѢЧТО ОБЪ ИТАЛІИ. (*)

Superba e bella.

Mélastase.

«Италія, съ своимъ прекраснымъ небомъ! волшебная страна искусствъ, забавъ и роско-

(*) Отрывокъ изъ сочиненій Г. Мало, подъ названіемъ: *Les Femmes et les Fleurs.*

ши! кто опишетъ чудеса твои? кто изобразитъ сладостныя чувства, которыми пылкая душа можетъ предаваться въ твоихъ нѣдрахъ?

«Чтобы видѣть Италію, довольно ли поѣхать Римъ, или Венецію, или Неаполь, или Флоренцію? Въ сихъ мѣстахъ, усѣянныхъ повсюду рѣдкостями, можно ли на чемъ остановиться? Надобно все видѣть, надобно оживить въ воображеніи всѣ событія, коихъ были свидѣтелями вѣковыя памятники Италіи. Что я говорю! Должно провести здѣсь цѣлую жизнь, и тогда только можно сказать: я видѣлъ Италію.

«Что могло сравниться съ Венеціею, этой нѣкогда знаменитой и независимой невѣстою, избравшей супругомъ вѣчный Океанъ, и въ послѣдствіи пережившей свой блескъ и славу? Правда, тамъ раздаются еще пѣсни гондольщиковъ; вы всегда услышите звуки гитары и мандолины; увидите женщинъ съavorожительными взглядами, съ плѣнительнымъ голосомъ; но тщетно будете искать прежней Венеціи съ ея Дожами, Венеціи, озаренной славою.

«Римъ! градъ, расположенный на семи холмахъ, нѣкогда увѣнчанныхъ черпogaми, храмами, пеплицами, откуда открывался видъ на Тускулумъ и Тибуръ, Сабину и море. Сей Римъ, котораго считали совершенно погребеннымъ подъ развалинами величія, двѣ тысячи лѣтъ продолжавшагося, еще устоялъ. Такъ, онъ устоялъ, сей колоссъ славы, воспоминаній, могущества, съ своими храмами, базиликами, черпogaми, дорогими памятниками, съ своимъ Капитоліемъ и Коллизеумъ, великаномъ, который 17 вѣковъ уже пропавшійся всеразрушающему времени.

«Вопь Римъ въ наспоящемъ своемъ состояніи! Непонятная смѣсь пышности и бѣдности, славы и униженія, богатства и скудости, просвѣщенія и изуверства. Не смотря на измѣнившійся народъ (*), вы удивляетесь еще Риму, ибо онъ нѣкогда повелѣвалъ вселенною.

(*) Путешественникъ Моричъ весьма остроумно сравниваетъ Италіанцевъ съ червями, пресмыкающимися на гробахъ древнихъ Римлянъ.

«Вы ищите величественных Римлянок съ бѣлыми раменами, съ кропкимъ взглядомъ, которыи внушаютъ любовь, Римлянокъ, коихъ вся жизнь дышала нѣгою и удовольствіемъ?—Напрасно: здѣсь нѣтъ болѣе любви, раздражаемой препятствіями; нѣтъ прихотей, которыя волнуютъ любовника страхомъ и надеждою; тонкихъ уловокъ, которыя возбуждаютъ припадки ревности. Здѣсь женщины такъ же легко мѣняютъ любовь, какъ во Франціи подаютъ цвѣтокъ. Можно ли имъ жаловаться на невѣрность, когда мщеніе стоить такъ дешево?

«Увидѣть Неаполь и умереть (*Vede Napoli, et poi mori*)» говоритъ пословица. И такъ, выѣхавъ изъ Рима, нельзя не видѣть Неаполя. Что можетъ быть очаровательнѣе вида его, открывающагося съ *strada nuova*? Передъ вами вдали простирается лазурная поверхность залива, а въ срединѣ островъ Капри.

«Сія восхищительная картина со всѣхъ сторонъ обставлена красивыми виллами, которыя будто соединяютъ Неаполь съ Сорренто, бѣлѣющійся посреди синихъ горъ.

«Подлѣ васъ мрачный и огромный исполинъ Везувій, готовый извергнуть разрушительную лаву. У подошвы его зеленѣютъ цвѣты: подобными видами надобно наслаждаться частъ и болѣе; они питаютъ задумчивость.

«Но хотите ли вы тихихъ ощущеній? Оставьте Неаполь съ его пламеннымъ небомъ.—Флоренція и благовонные берега Фіезоле готовы вамъ гораздо пріятнѣйшія очарованія; ибо Фіезоле изъ цѣлой Италіи есть страна, гдѣ и прекраснѣе небо, и благораствореннѣе воздухъ, и свѣтъ нѣжнѣе и благопріятнѣе мечтамъ.

«Что можетъ быть обворожительнѣе юной дѣвы Фіезоле? Вы сказали бы, что это оригиналь картины *Корреджіо*... Дикая роза украшаетъ ея волосы; зерна коралловъ блистаютъ на прекрасной шеѣ; желаніе невольно теряется въ волнообразныхъ складкахъ небрежно сплунутаго платья ея. Она задумчива и невинна; она любитъ только Фіезоле, его цвѣты, прекрасное небо и роскошныя ночи.

«Надобно побродить по цвѣтущимъ окрестностямъ Мюнъоне, по кремнистымъ берегамъ, между перерѣзывающими ихъ скалами.

«Пріятно, сядя подлѣ пѣвца плодовитыхъ деревень, сосенъ и смоковницъ, любоваться издали равниною Флоренціи, съ черпугами, башнями, куполами, позлащенными лучами солнца.

«Въ другомъ мѣстѣ, вы восхищаетесь пышными сельскими видами. Вамъ представляются искусно расположенные сады, освѣжаемые водометами.

«Насытившись зрѣлищемъ Флоренціи, похожей на освѣщенный павильонъ, висящій въ воздухѣ Флоренціи, богатой величественными женщинами и мужчинами съ гордою осанкою, вы можете проѣхать плодоносную долину Арно, окруженную пополями; можете посѣтить обширное гульбище: *Cascines*, любимое Флорентинцами.

«Въ праздничные дни, если вамъ угодно прогуляться вдоль излучистыхъ береговъ рѣки, вы вообразите себя вдругъ перенесеннымъ на берега Линьоно, смотря на рои молодыхъ дѣвушекъ, которыя покажутся вамъ Урфинскими пастушками.—Изъ подлѣ розоваго или голубаго платья, вы видите прекрасную ножку, съ бантомъ изъ ленты; рукава корсетовъ ихъ застегнуты красивыми застѣжками; волосы ихъ, раздѣленные локонами, искусно подобраны вверху; соломенная шляпка съ цвѣтами довершаетъ нарядъ.

«Надобно замѣтить, что Флорентинки спрассно любятъ цвѣты: ибо городъ ихъ получилъ отъ оныхъ названіе.

«Но Арно такъ пріятно капришетъ волны свои въ Пизѣ! Какое удовольствіе видѣть на обоихъ берегахъ сей рѣки тысячу мраморныхъ черпуговъ, гордо возносящихъ верхи свои!—Кого не сведутъ съ ума прелестныя и рѣзвыя Пизантинки, съ роскошными устами, съ очаровательнымъ взглядомъ!

«И когда вы насмотритесь на Италію, насладившись счастливѣйшимъ климатомъ, гдѣ все дышетъ роскошью, тогда вамъ прояснится, отчего вся жизнь Италіанокъ состоитъ изъ чувствованій, отчего любовь и удовольствія содѣлались потребностью пылкой души ихъ.

«Вамъ понятны будутъ ихъ праздная, изнѣженная жизнь, волокитство, очарованіе, которыми они окружены.

«Вы узнаете, почему сей услужливый, снисходительный народ Чичисбеевъ, *Civilieri sermenti*, совершенно покоренъ вельніямъ прекраснаго пола; — ибо вся нація изображаетъ собою любовника, безъ котораго, (что принято за неосторимую истину) Ипаліанка не можетъ обойтись.

«Вы увидите въ тоже время степень уваженія, ккою пользуются Ипаліанки; ничтожность роли, занимаемой ими въ обществѣ; онѣ служатъ ему простою прикрасою; при своемъ образѣ жизни, онѣ не способны возбуждать въ муштинахъ постояннѣй привязанности.

«Впрочемъ, должно отдать справедливость дамамъ Флоренціи, Пармы, Сіенны и даже пылнѣйшимъ Римлянкамъ.

«Онѣ покажутся вамъ образованными; съ восторгомъ будутъ говорить вамъ о художникахъ и поэтахъ; онѣ оплещаются простою вкуса, благородными склонностями, дѣлательностью.

«Онѣ страстны къ славѣ и искренно любятъ отечество.

«Наконецъ, подъ столъ чистымъ, благословеннымъ и поэтическимъ небомъ; каково Ипаліанское, вы найдете, что посреди праздности, нѣги, суеты, безпечнаго *far niente*, встрѣчаются еще пламенные сердца, пылкіе умы, сильныя души, мечтающія издавна про себя не о пышныхъ праздникахъ, не объ утѣхахъ изнѣженной жизни, но о безсмертныхъ воспоминаніяхъ утраченной славы, но о безразсудныхъ надеждахъ поднять её изъ гроба.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛАНІЕ КЪ А. И. Т—ВУ.

Есть дача за Невой,
Верстъ двадцать отъ столицы,
У Выборгской границы,
Близъ Парголы крутой;
Есть дача или мыза,
Пріюпитъ для добрыхъ душъ,

Гдѣ добрая Элиза
И съ ней почтенный мужъ:
Съ открышою душою
И лаской на устахъ,
За трапезой простою,
На бархатныхъ лугахъ,
Безъ дальняго наряда,
Въ свой маленькой пріюпитъ
Друзей изъ Петрограда
На праздникъ сельскій ждущъ.
Тамъ мужъ съ супругой нѣжной
Для отдыха отъ дѣль,
Подъ кровъ свой безмятежной
Музъ къ Граціямъ привелъ.
Поэтъ, лѣтний, счастливецъ
И тонкій философъ,
Мечтаетъ тамъ *Крыловъ*
Подъ стѣною берёзы
О басенныхъ звѣряхъ,
И рветъ Парнасса розы
Въ Пріюпитскихъ лѣсахъ;
И *Гюльи* тамъ мечтаетъ
О Греческихъ богахъ,
Межъ стѣмъ, какъ замѣчаетъ
Кипренскій лица ихъ,
И, кистію чудесной,
Съ безпечною прелестной,
Вандиковъ ученикъ,
Въ одинъ крылатый мигъ
Онъ пишетъ ихъ поршрешы,
Которые отъ Лепы
Спасли бы образцовъ,
Когда бы самъ *Крыловъ*
И *Гюльи* сочиняли,
Какъ пишетъ *Глишковъ*,
Иль *Бадуски* писали,
Забывъ и вкусъ и умъ!
Но мы забудемъ шумъ
И суеты столицы,
Издадимъ колесницы,
Ударимъ по косямъ,
И пустимся спрѣлою
Въ Пріюпитно съ тобою.
Согласенъ?— По рукамъ!

Ш А Р А Д А.

Начальное не слогъ-бобыль и холостой,
 А ихъ чета, какъ бы супругъ съ супругой,
 Какъ братъ съ сестрой:
 Не разлучить ихъ другъ отъ друга!
 Мой слогъ *последній*, иль впророй,
 Квасцы и нашатырь, и винный камень.
Подъ цѣлымъ не палишь полдневный солнца пла-
 мень.

III.

Въ No 76, помѣщенный логогрифъ значитъ: *Boeuf*, въ
 комъ заключася *oeuf*.

М О Д Е С.

La mousseline blanche très-claire est une des étoffes qui s'emploient le plus pour les robes de toilette: une jolie façon est à corsage foncé, à la *Vierge*, garni au cou d'une dentelle haute de deux doigts qui badine et ne doit pas retomber. Le cou reste dégagé et l'on peut mettre une chaîne dont le premier tour se serre, et l'autre retombe jusqu'à la ceinture. Une écharpe de gaz ou crêpe, très-légère, convient mieux à ces robes qu'un châle ou un sautoir.

Dernièrement, à un grand concert, une jeune femme portait une robe d'organdi, extrêmement clair; au-dessus de l'ourlet une racine très-légère était brodée avec un fil d'or fin comme la soie. La ceinture était un ruban broché d'or, et dans ses cheveux très-noirs était tournée une chaîne du Mexique qui garnissait le front; son collier et les boucles d'oreilles en perles de Venise, et ses bracelets également tout en or.

Quelques marchands de modes employent des étoffes brochées pour des chapeaux doublés de moire. Ce sont des modes de fantaisie, que nous ne retrouvons dans aucun des premiers magasins.

La paille de riz a encore la durée de ce mois; après vient l'automne, et elle est déplacée; on continue à l'orner de rubans blancs de préférence à tous les autres. La seule couleur qui ne serait pas de mauvais goût sur cette paille, c'est le vert pâle.

On parle beaucoup des gants de tricot, et beaucoup de journaux les vantent; et parce qu'ils sont encore une nouveauté, on s'efforce de répéter qu'ils sont à la mode. *A la mode* veut dire ce qui est adopté par le monde qui la donne, et nous pouvons assurer que les gants

de Suède ou nos gants français en peau de chevreau sont les seuls qui soient toujours bien portés. Du moins ceux-ci laissent à une petite main délicate toute son élégance et ne la défigurent pas comme les gants de tricot, qui n'ont de réel avantage que de conserver plus de frais pendant l'extrême chaleur.

М О Д Ы.

Бѣлая кисея одна изъ самыхъ употребительнѣйшихъ матерій для нарядныхъ платьевъ; красивый фасонъ, собранный лиць *à la Vierge*, обширъ около шеи кружевомъ, шириною въ два пальца, которое извивается, но не оппаетъ. Шея остается открыта и можно надѣть цѣпь: одинъ рядъ около шеи, а другой виситъ до пояса. Креповый или газовый шарфъ приличнѣе къ симъ платьямъ, нежели шаль или галстукъ.

Недавно, въ большомъ концертѣ, одна молодая дама была въ платьѣ изъ органди, чрезвычайно прозрачномъ; выше рубца весьма легкой корень вышитъ былъ золотомъ, шонкимъ какъ шелкъ. Поясъ затканъ золотомъ, а въ черныхъ волосахъ обернута Мексиканская цѣпочка, положенная по лбу; ожерелье и серги изъ Венеціанскихъ бусъ; браслеты также все золотые.

Нѣкоторыя модистки дѣлаютъ шляпки изъ матерій съ цѣточками, подложенныя обьярью. Это моды прихоти, которыхъ мы не видимъ въ первыхъ нашихъ магазинахъ.

Басовыя шляпки еще носятъ въ продолженіи сего мѣсяца; послѣ наступившъ осень, и они будутъ не у мѣста. Ихъ все опдѣлываютъ бѣлыми лентами предпочтительно передъ другими. Одинъ блѣдно-зеленой былъ бы довольно приличенъ къ симъ шляпкамъ.

Много говорятъ о вязаныхъ перчаткахъ, и многіе журналы ихъ выхваляютъ; и потому, что онѣ недавно еще въ употребленіи, стараются увѣрить, что онѣ въ модѣ. Въ модѣ значитъ, что употребляется тѣми, кто выдаетъ еѣ; а мы можемъ увѣрить, что Шведскія перчатки и наши Французскія, изъ козловой кожи, однѣ всегда въ большемъ употребленіи. По крайней мѣрѣ эти сохраняютъ маленькую, нежную ручку во всей ея красотѣ, не обезображивая, какъ вязаныя перчатки, которыя имѣютъ одну существенную выгоду, что въ нихъ прохлада въ большіе жары.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 78.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 NO.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 28 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Пусть смерть пугаетъ робкій свѣтъ,
Меня бояться не принудитъ:
Пока мы живы — смерти изъять,
А лжився — такъ насъ не будетъ!

Иллѣевскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. ЗЕЛѢНЫЙ ДВОРЯНИНЪ.

(*Омоніе.*)

Не успѣлъ я выговорить сіи слова, какъ вдругъ очутился далеко отъ города, въ одной плодоносной долинь, которой никогда не видывалъ. Я лежалъ на берегу рѣчки, поросшемъ ивнякомъ, и чувствуя себя уполеннымъ, какъ бы послѣ дальняго путешествія, я заснулъ.

V.

Шумъ шелковаго платья и пахнущій мнѣ въ лице въперокъ, пробудили меня. Я топчась вскочилъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на молодую, прекрасную дѣвушку, которая разронявъ вокругъ меня изъ своего кисейнаго передника цѣпты, спѣшила подобрать ихъ. Когда я всмотрѣлся въ неѣ, черпты ея показались мнѣ знакомы, и я скоро увѣрился, что это дочь лучшаго изъ друзей опца моего, юная *Марія*, которую не видалъ я съ дѣтства.

«Милая *Марія*!» вскричалъ я, взявъ еѣ за руку, когда она хотѣла только что убѣжать отъ меня.

Я увидѣлъ, что она въ самомъ дѣлѣ очень испугалась; открылъ ей свое имя, припомнилъ ей наши первые лѣта, проведенные вмѣстѣ, и радость заступила въ ней мѣсто страха. Она мнѣ сказала, что я нахожусь въ 60 миляхъ отъ Лондона, и что родители ея живутъ въ небольшомъ, красномъ селеніи, которое я увидѣлъ вправѣ отъ лежащихъ на югъ песчаныхъ холмовъ. Я подаль ей руку и мы пришли къ бѣлому домику съ зелеными ставнями. «Вотъ здѣсь мы живемъ,» сказала *Марія*, и на лицѣ ея блеснула радость, когда она пригласила меня войти въ него. Родители ея приняли меня съ распростертыми объятіями; они отвели мнѣ комнату и оказывали всѣ признаки искренней дружбы. Сердце мое, окаменѣвшее въ холодномъ свѣтѣ, снова начало оживать; я предался счастью, заключающемуся въ любви и уваженіи, бывъ прежде лишень того и другаго. Спокойствіе, коимъ я наслаждался, разсѣяло мечты моего воображенія и постепенно раскрыло душу мою для ощущеній, болѣе пріятныхъ. Воспоминаніе о *Фанни* исчезло, и кропкій образъ *Маріи* поселился въ душѣ моей. Сначала мелькалъ въ ней одинъ только очеркъ, потомъ черпты спланились

яснѣе, яснѣе, пока наконецъ занятый одною *Марією*, я воспылаю къ ней пою любовію, которая, соединяя въ себѣ всѣ чистыя и нѣжныя побужденія, влагаемая Небомъ въ сердце человѣческое, дѣлаетъ насъ счастливыми, независимо отъ свѣта и людей.

Марія съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе ко мнѣ привыкала; чувствую, привязывавшее её ко мнѣ, нельзя было назвать любовію, но оно было сплнѣе дружбы. Я ловилъ каждое впечатлѣніе сей непорочной души, соединявшейся съ моею непримѣнными узами, которыя должна бы разрушить одна смерть, и которыя время, будучи гораздо безжалостнѣе смерти, всегда почти разрушаетъ.

Марія меня любила; тогда я не думалъ болѣе ни о чемъ, и хотя бы міръ вокругъ меня разрушился, я не замѣтилъ бы сего, видя передъ собою бѣлый домикъ съ зелеными ставнями, и воображая *Марію*, покоящуюся на груди моей. Самое имя ея казалось мнѣ гармоническимъ. Когда я сидѣлъ одинъ у окна, и имя сіе невольно срывалось у меня съ языка, я повторялъ его цѣлый часъ и болѣе; голосъ мой для ушей моихъ казался тогда пріятнѣе; жизнь улыбалась мнѣ; забывая настоящее и будущее, я думалъ только о своемъ безпредѣльномъ счастьи.

Однажды послѣ обѣда, когда мы всѣ чепверо хотѣли итти гулять, доложили о пріѣздѣ г. *Максвелля*. При семъ имени сердце мое стѣснилось. Родители *Маріи* часто упоминали о г. *Максвеллѣ*, уѣхавшемъ два мѣсяца тому назадъ. Мнѣ извѣстно было, что онъ мой соперникъ, и что родители *Маріи* обѣщали выдать за него дочь свою, какъ за челоѣка богатаго. Я остановился мыслию на *Маріи* и увидѣлъ, что сердце ея совершенно мнѣ принадлежитъ; но что любя въ первый разъ, она смѣшивала любовь съ простою свычкою дѣтей, и не находила ничего труднаго выйти за г. *Максвелля* въ угожденіе своимъ родителямъ. Я наблюдалъ внимательно этаго челоѣка, и не смотря на сладкія слова его, открылъ, съ помощію предвѣднія, коварство и низость души его; онъ изъ подлобыя замѣчалъ всѣ наши движенія.

Глаза безпокойнаго и ревниваго соперника потчасъ получаютъ свойство увеличитель-

наго стекла; ни одинъ взглядъ или вздохъ, словомъ, ни малѣйшее движеніе не ускользнетъ отъ нихъ. *Марія* любила меня; это можно было замѣтить во всякомъ движеніи ея, когда она обращалась ко мнѣ.

Максвелль пришелъ къ намъ на другой день; не смотря на его чрезвычайную вѣжливостъ со мною, и нѣжное обхожденіе съ своею невѣстою, я узналъ, что онъ питаетъ ко мнѣ непримиримую злобу, и что ревностъ его противъ *Маріи* доходитъ до бѣшенства. Онъ приходилъ каждый вечеръ, и я, коему открыта была вся глубина души его, со страхомъ усматривалъ, какъ жестоко свирѣпствовали въ его сердцѣ страсть, бѣшенство и сомнѣніе. *Марія* ничего не замѣчала, и почтала неизбѣжнымъ сіе замужство, обходилась съ нимъ со всею довѣренностію, какой можно требовать отъ невѣсты; но часто, во время прогулки, она ославляла его и подавала мнѣ руку. Когда она смотрѣла на меня, или начинала говорить со мною, взоры и голось ея оживлялись. Видя её между нами, всякой сказалъ бы: она выдетъ за г. *Максвелля*; но сердце ея принадлежитъ другому. Онъ и самъ сполько убѣжденъ былъ въ сей печальной истинѣ, что любовь его мало по малу превратилась въ жестокою ненавистъ: единственное желаніе его состояло только въ томъ, чтобы опмстить мнѣ и невинному созданію, которое онъ сполько любилъ.

Между тѣмъ, какъ онъ по наружности ни мало не переѣнился въ отношеніи къ *Маріи* и ея родителямъ, по назначенъ былъ день для свадьбы; тогда внушительному взору моему открылось ужасное зрѣлище двухъ разтерзанныхъ существъ. *Максвелль* готовилъ способы къ опмщенію; *Марія*, понимая непонятнымъ ужасомъ, котораго не могла изъяснить, призналась мнѣ, что она спрашивается быть женою челоѣка, назначеннаго ея родителями; но страхъ сей не былъ продолжителемъ. Читая въ душѣ ея, я въ первый разъ замѣтилъ, что она привязана ко мнѣ истинною любовію. Забывъ все, я прижалъ её къ сердцу, и вмѣсто того, чтобы сказать: я люблю тебя, вскричалъ я въ изступленіи: «Ты меня любишь!» *Марія*, не краснѣя и не популяя глазъ, произнесла торжественно: такъ,

я люблю тебя. Съ сей минуты мы рѣшились бѣжать, чтобъ избавить родителей отъ обязанности въ разсужденіи ея. Въ слѣдующую ночь, по естъ наканунѣ свадьбы, положено между нами произвестъ въ дѣйство сіе предпріятіе; мы назначили часъ и распались въ сладкой увѣренности, что счастье будетъ нашимъ удѣломъ.

Невѣдѣніе о томъ, что касается до моей участи и моихъ дѣлъ, воспрепятствовало мнѣ узнать, что *Максвелъ*, скрываясь за-деревомъ, слышалъ нашъ разговоръ. О семъ гибельномъ случаѣ и о покушеніи на жизнь *Маріи*, жениха ея, узналъ я тогда уже, когда мои частные поступки перестали имѣть связь съ поступками другаго.

Наступалъ вечеръ; въ то время онъ обыкновенно съ нею прогуливался. Я увидѣлъ его издали, и даръ предвѣдѣнія потчасъ открылъ мнѣ умышляемое злодѣйство. Въ обонхъ карманахъ его были пистолеты: одинъ для неѣ, а другой для него. Я видѣлъ ходъ мыслей его и то мѣсто, гдѣ назначено совершить убійство. Когда она вышла изъ сада и хотѣла идти къ нему на встрѣчу, я побѣжалъ за нею и просилъ еѣ остаться дома. Я спарался устрашить еѣ грозой, представлялъ ей тысячу бѣдъ, которыя должны постигнуть еѣ, если она отвергнетъ мой совѣтъ.

— Я не могу эпаго сдѣлать безъ жестокости, отвѣчала мнѣ *Марія*; часа за два передъ симъ онъ убѣдительно просилъ меня встрѣтить его въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно я подаю ему руку; онъ былъ такъ блѣденъ и распроевъ; глаза его выражали столько горести и любви, что я не имѣла твердости отказать ему въ просьбѣ, тѣмъ болѣе, что эпо въ послѣдній разъ. —

Потомъ взглянувъ на меня нѣжно и лукаво, примолвила она: — ужь не ревнуешь ли ты? —

«Нѣтъ, *Марія*, клянусь тебѣ; но пвоя жизнь зависить отъ исполненія моего желанія.»

— Моя жизнь! — вскричала *Марія*.

«Да, мой милый другъ; онъ хочетъ умертвить тебѣ.»

— *Максвелъ* хочетъ убить меня! повтори-ла она въ испугъ, но все еще не вѣря; ты съ ума сходишь! —

«Нѣтъ, *Марія*; я не сумасшедшій; я знаю эпо навѣрное.»

И я все еще не выпускалъ ея изъ рукъ.

— Эпо верхъ безумія, спокойно сказала мнѣ *Марія*. Заклинаю тебя, пусси меня; я обѣщала: не ходить, значило бы возбудить подозрѣніе... Развѣ я не пвоя?... Развѣ я не рѣшилась завпра все для тебя оставить? —

«Такъ, такъ; но ты не пойдешь съ нимъ гулять.»

— Ну, если ты хочешь, чтобъ я исполнила пвою волю, то открой мнѣ сей часъ, какимъ образомъ узналъ ты о семъ ужасномъ умыслѣ? —

«Я эпаго не могу отккрыть тебѣ, *Марія*; не пребуи отъ меня; но если ты пойдешь, то погибнешь; если ты промедлишь еще полчаса, то бѣшенство сего злодѣя обратится на самаго себя.»

— Какая безумная мысль! вскричала *Марія*, вырвавъ изъ рукъ моихъ платье; я сей часъ же иду. —

И она ускользнула отъ меня. Я схватилъ еѣ за руку въ невыразимой досадѣ.

«Нѣтъ, моя милая, повпорялъ я въ бѣшенствѣ, не пущу тебя. Ахъ! чѣмъ могу отклонить тебя отъ сей прогулки?»

— Ты долженъ сказать мнѣ, какимъ образомъ узналъ ты объ эпомъ, и тогда, повпоряю тебѣ, я останусь дома. —

Я могъ спасти еѣ, отккрывъ испину; но сказавъ еѣ, я лишался дара предвѣдѣнія, предмета изысканій цѣлой моей жизни, и самыхъ пламенныхъ желаній. Я былъ внѣ себя, въ разспройствѣ, у ногъ ея, судорожно сжималъ платье ея въ рукахъ своихъ, какъ вдругъ я узналъ, что *Максвелъ* приближается къ намъ... Я не медлил болѣе.

«*Марія*! вскричалъ я, у меня естъ сверхъестественная способность, даръ узнавать будущее. Я пожертвовалъ имъ тебѣ. *Марія*, другъ мой, поспѣшимъ войти въ домъ.»

Мы вмѣстѣ вошли на крыльцо; какъ вдругъ раздался пистолетный выстрѣлъ. *Марія* упала въ обморокъ, а я, побѣжавъ на то мѣсто,

откуда произошел звукъ, нашелъ *Максвелл* убитымъ и плавающимъ въ своей крови; писмо, назначенный для *Марш*, еще спать былъ въ рукъ его.

Съ сей минутой даръ мой исчезъ, и я началъ снова смотрѣть на вещи по прежнему. *Марш*, съ согласія ея родителей, сдѣлалась моею супругою. Выходя изъ церкви, я увидѣлъ въ толпѣ, передъ сельской гостинницей, своего *Зелѣнаго* пріятеля; онъ подошелъ ко мнѣ и поздравилъ меня съ моимъ счастьемъ, находя состояніе мое завиднымъ.

«Благодарю васъ, отвѣчалъ я, нѣсколько смущенный сею встрѣчею; вы неизвѣстными мнѣ средствами исполнили живѣйшее мое желаніе: не зная природы человѣка, я хотѣлъ владѣть несвойственнымъ ей даромъ. . . . Теперь узналъ я, къ моему несчастію, что Богъ положилъ предѣлы уму для нашего счастья.»

— Разсужденіе очень философическое, но не весьма справедливое на языкѣ нашемъ, любезный другъ, отвѣчалъ насмѣшливо спарикъ. Не мнѣ ли вы обязаны своимъ счастьемъ; безъ предвѣднія, котораго вы сами себя теперь лишили, могли ли вы узнать, что соперникъ вашъ намѣревался убить ту, которая, вмѣсто того, чтобы быть вашею женою, лежала бы теперь въ саванѣ и не казалась бы столь пригожею, какъ въ брачной одеждѣ. Ай, ай! молодой человѣкъ, вы очень неблагодарны! —

И онъ захохоталъ такъ спранны, что меня прошила дрожь. «Онъ правъ, подумалъ я; и если даръ его былъ иногда для меня гибеленъ, то надобно признаться, что онъ избавилъ меня отъ самаго жестокаго удара.»

— Вы теперь въ раздумьи, подхватилъ спарикъ мой пріятель, а со временемъ, какъ и я, увѣрились бы, что всѣ средства хороши и позволены человѣку, чтобы пріобрѣсти способность проникать въ будущее. —

«Никогда, никогда! вскричалъ я; мнѣ не нужно болѣе никакихъ благъ, кромѣ исполненныхъ Провидѣніемъ, и я никогда не желаю болѣе возноситься предъ Нимъ.»

— Право, ваша рѣшимость удивительна и благоразумна, отвѣчалъ спарикъ насмѣшли-

вымъ пономъ. . . . Когда невѣжество слѣпо, то нуженъ ли ему свѣтъ. —

Сказавъ сіе, онъ обернулся съ досадою и скрылся въ толпѣ.

Въ послѣдствіи я не рѣдко съ нимъ встрѣчался во время прогулокъ по окрестностямъ Лондона; онъ нисколько не перемѣнился и всякой разъ слѣдилъ кого нибудь. Я тщатель-но избѣгалъ его, и хотя былъ увѣренъ, что онъ узнавалъ меня, но по какому-то закону взаимнаго отпалкиванія, мы никогда не встрѣчаемся и не узнаемъ другъ друга.

К О Е - Ч Т О .

Паша Египетскій прислалъ въ подарокъ Англійской путешественницѣ *Леди Стангопъ* огромную льдину. Это былъ для неѣ драгоценнѣйшій подарокъ, какой онъ могъ ей сдѣлать. Она не больше бы обрадовалась, еслибы въ Сибири подарили еѣ соболинымъ мѣхомъ.

Всѣ хорошо во время, въ пору, кспати.

*

Ф. В. Булгаринъ, описывая Дерптскій Университетъ, рассказываетъ весьма забавный анекдотъ объ одномъ путешественникѣ, который, осматривая Обсерваторію, сказалъ въ простотѣ сердца ученому проводнику своему, что онъ не вѣритъ математическимъ исчисленіямъ и тому, будто земля вертится, а солнце неподвижно: ибо глаза его удосто-вѣряютъ ежедневно въ противномъ.

Дерптская Обсерваторія устроена такъ, что при верченіи одною рукою механическаго колеса, вся верхняя часть сего зданія по-вѣртывается. Астрономъ, вмѣсто описанаго, началъ вертѣть колесо, и спросилъ, что движется: верхняя, или нижняя часть Обсерваторіи? — «Разумѣется, нижняя!» безъ запинки отвѣчалъ путешественникъ. Тогда Астрономъ свѣлъ его внизъ, и показавъ ему, что нижній ярусъ построенъ изъ камня на гранитномъ фундаментѣ, удостовѣрилъ его, что движется верхній ярусъ; но что оптический обманъ показываетъ проповное.

«Жаль, что *Галилей* не могъ такимъ образомъ убѣдить *Инквизиторовъ*, когда они принуждали его отречься отъ истинной системы міра, имъ открытой;» прибавляетъ г. *Булгаринъ*.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КИНЖАЛЬ КАПУЦИНА.

«Вы все хотите вѣхать! Въ такомъ случаѣ мнѣ остается пожелать вамъ, господа, добраго пути!... Совѣтую вамъ однакожь не жалѣть муловъ своихъ, чтобы избѣгнуть опасной встрѣчи. Если у васъ оружіе?»—Никакого. — «Безоружнымъ пускайтесь въ горы *Абруццо* и припомъ поздней порою! Клянусь Богомъ, вы Гг. Французы ни о чемъ не заботитесь! Послушайте, *Капуцинъ* не имѣетъ никакихъ сокровищъ, кромѣ молитвы: я готовъ за васъ молиться, гдѣ бы вы ни были; однакожь возьмите это на всякой случай.» При сихъ словахъ, *Капуцинъ* вынулъ изъ широкаго чернаго пояса ларчикъ оружейнаго дѣрева, и отдавъ еѣ младшему изъ путешественниковъ, просидѣлъ съ ними. Они дали шпоры лошадямъ. Монахъ издали кричалъ имъ: «не забудьте завтра возвратить мнѣ это.» Потомъ монастырскія ворота затворились.

«По чести, началъ *Эрнестъ*, благословеніе и запасъ на дорогу! *Капуцинъ* насъ балуетъ. Посмотримъ, что заключается въ этомъ таинственномъ ларчикѣ. Прекрасныя чѣпки, а вѣдзу палисманъ; спранный палисманъ!... превосходный кинжалъ!... назидательное сближеніе! духовная жизнь и смерть, убійство и молитва!... *Испалія! Испалія!* земля пропитворѣчій и крайностей!»

Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о рѣзкой противоположности между чѣпками и оружіемъ, кинжалъ сподилъ того, чтобы тщательно осмотрѣть его. Ручка его была изъ слоновой кости, на коей весьма искусно вырѣзаны были изображенія *Вѣры, Надежды и Любви*; на клинкѣ, который былъ слишкомъ великъ для ручки, вырѣзаны были имена *Иис. Христа и Пресв. Дѣвы*, съ двумя пылающими сердцами. При подробномъ разсмотрѣніи сей вещи, открылись новыя рѣдкости: то, что друзья принесли за лезвеемъ, было ничто иное, какъ фуляръ, для сохра-

ненія самага клинка, который былъ чудомъ искусства. Онъ блисталъ какъ серебро, былъ гибокъ, какъ рапира, толщиною не болѣе четверти линіи и чрезвычайно остръ. На лезвее рѣзцемъ художника тщательно изображены спраданія *Искупителя* въ *Масличномъ Верпоградѣ*. Между каждымъ деревцомъ и развѣтвляемъ *Голгоѣ* рѣзецъ проникалъ булаву насквозь. Сія отличная отдѣлка конечно не имѣла другой цѣли, кромѣ той, чтобы нравиться для глазъ; но художникъ другое имѣлъ въ виду: при сей отдѣлкѣ кинжала, когда оный углубляется въ тѣло, части онаго потчасъ наполняютъ пустыя мѣста лезвеемъ, отчего оно исторгается съ жесточайшею болью, и отъ проходящаго воздуха рана становится смертельною, если вѣрится извѣстному мнѣнію, справедливому или ложному. Такая упорченность заставила содрогнуться обоихъ друзей. Изъ всего этого они заключили, что въ странѣ, гдѣ подобныя оружія у монаховъ обыкновенно находятся въ употребленіи, безразсудно проѣзжать тѣснинами въ позднее время и безъ проводника; что весьма легко сбиться съ дороги, и что лучше провести лишній день въ какой нибудь лачугѣ, чѣмъ подвергаться опасности быть ограблену ночью и вдали отъ всякой помощи. Рѣзко раздавшійся свистокъ прекратилъ сіи разсужденія и встревоженные путешественники остановились. Они увидѣли паспуха козъ, съ большою черною, косматою собакою, который идя путемъ-дорогою, старался, какъ умѣлъ, разсѣять скуку. Когда онъ подошелъ ближе, путешественники спросили его: эй, любезный! скажи пожалуй, не знаешь ли, гдѣ бы намъ переночевать? — «Переночевать? подхватилъ паспухъ, удерживая за ошейникъ свою собаку, готовую броситься на чужихъ лошадей; поверните вправо, и поѣзжайте по пропикѣ между скалами: она приведетъ васъ прямо къ хижины, гдѣ я съ спадомъ своимъ въ жаркое время отдыхаю. Дверь и стѣны ея крѣпки; запершись хорошенько, вы можете провести эту ночь безопасно и покойно. Тамъ вы найдете, чѣмъ укрыться отъ влажной ночи; но прошу васъ, не разводите большаго огня въ каминѣ, коего свѣтъ можетъ быть видѣнъ

издали; ибо я не отвѣчаю за ночныя пощёнія, копорыя не такъ-то выгодны будутъ для васъ, вашихъ чемодановъ и муловъ.»

Сказавъ сіи слова, паспухъ удалился, давъ волю безпрестанно ворчавшей собакѣ, и свистнувъ еще громче прежняго. Друзья наши, будучи оба смѣлы, молоды, съ романтическимъ воображеніемъ, восхищаясь сею необыкновенною встрѣчею и началомъ приключенія, непременно рѣшились послѣдовать совѣту незнакомца, чѣмъ не показаться прусами. Они поѣхали по пропикъ; по примѣпамъ, рассказаннымъ паспухомъ, они скоро очутились близъ хижины; муловъ своихъ поставили въ хлѣвъ, а сами расположились какъ дома внутри хижины. «Нашъ проказникъ правъ, сказалъ *Эрнестъ*; эти брусья и заборъ такъ крѣпки, что выдержатъ, по нуждѣ, правильную осаду. Для большей безопасности и для предохраненія себя отъ ночныхъ набѣдниковъ, мы приставимъ къ двери этакъ спарый столъ. Одному изъ насъ онъ будетъ служить кроватью, а другому спуломъ; послѣдній будетъ на сторожѣ, пока не вздумается ему переѣхать роль.»—Добрая ночь, *Эрнестъ*, меня давить сонъ.—«Подложимъ еще хворосту въ каминъ; приходи, кому угодно! Развѣ насъ не двое; пускай кто нибудь попышается напасть въ распахъ; развѣ нѣтъ у насъ кинжала и чѣпокъ Капуцина къ услугамъ госпей!... Добрая ночь... черезъ часъ разбуди меня.»

Сидя на углу стола, *Эрнестъ* зѣвалъ, попиравъ глаза, поспиривалъ на своего друга, на голой доскѣ столъ же покойно спящаго, какъ на лебяжемъ пуху. Онъ откидывалъ ногою уголья, по временамъ выбрасываемыя изъ камина; попомъ вспомнивъ о ларчикѣ Капуцина, онъ началъ перебирать чѣпки, читая молитву; вынулъ изъ фуляра кинжалъ, попыталъ оспріе и шупя наставилъ его на грудь спящаго. Послѣ сего, снова спалъ разсматривая булаву, предположивъ непременно описать его подробно въ своихъ пупевыхъ запискахъ; любовался пѣнью его, копорую игривое пламя рисовало позади его на стѣнѣ, до самаго лица его друга. Мысли поперемѣнно пѣснились въ душѣ его, смѣняя одна другую, подобно фигурамъ волшебнаго

фонаря. Вдругъ услышалъ онъ вдали громкій свистъ паспуха и глухое рычаніе его черной собаки. Попомъ странное зрѣлище првлекло его вниманіе. Огонь въ каминѣ вспыхнулъ ярче, переѣхнулъ отъ 5 до 6 цѣпковъ, и раздѣляясь по сторонамъ, открылъ въ глубинѣ каминна широкое отверстіе, изъ коего выходилъ ослѣпительный блескъ.

Эпо отверстіе, вмѣсто обыкновенныхъ угловъ и правильныхъ линий, представляло чудный провалъ. *Эрнестъ* наклонясь, увидѣлъ безпорядочную толпу отвратительныхъ разбойниковъ въ лахмотьяхъ, довольно живописныхъ, вооруженныхъ шпагами, псполоетамп, карабинами, палками, кои обвѣшаны были мелкими медалями изъ желтой мѣди и крупными чѣпками; далѣе, очень ясно и, такъ сказавъ на переднемъ планѣ карпины, увидѣлъ онъ фигуру паспуха, совершенно во вкусѣ *Вальтеръ-Скотта*, съ неразлучнымъ спутникомъ, черною собакою. *Эрнестъ*, едва переводя дыханіе, наклонился еще болѣе и не сводилъ глазъ съ каминна, какъ вдругъ сильная и косматая рука паспуха схватила его, и прежде, нежели онъ могъ позвать кого либо на помощь и воспротпвнпться, вдругъ очутился онъ, не зная самъ какимъ образомъ, въ отверстіи каминна. Передъ нимъ простиралась длинная галлерей... Паспухъ приложивъ палецъ къ губамъ, съ повѣлипельнымъ видомъ далъ *Эрнесту* знакъ за собою слѣдовать. Они долго шли, поднимаясь и опускаясь по подъ высокими сводами, по по спремнпспымъ пропиккамъ, спускаясь почти ползкомъ. *Эрнестъ* слѣдовалъ за своимъ вожапымъ, сжимая одною рукою эфесъ кинжала, спрятаннаго въ камзолѣ; онъ самъ не могъ понять этой странной прогулки, и своей безпрекословной покорности сему негодю. Они пришли къ рѣшеткѣ: паспухъ спукнулъ въ неѣ при разѣ, рѣшетка отворилась, и они съ чрезвычайнымъ трудомъ взошли по круглой лѣстницѣ, коей каждая ступень была въ 18 дюймовъ вышиною. Они вступили въ залъ, слабо освѣщенный; по сторонамъ на скамьяхъ, расположенныхъ амѣптеатромъ, занимали мѣста разбойники; за столомъ сидѣлъ скованный спарикъ, копорый молча плакалъ... При видѣ незнакомца всѣ вспали. «Господа, сказалъ паспухъ громкимъ

голосомъ, вопль хорошая добыча. У него въ карманахъ найдете довольно золота.» — Ты забылъ сказать о булатѣ, прервалъ его *Эрнестъ*, выхвативъ изъ подъ плаща кинжалъ. Онъ бросился на паспуха и поразилъ его... Подлѣ него раздался ужасный крикъ: «*Эрнестъ!* несчастный *Эрнестъ!* это былъ сонъ! Что ты сдѣлалъ? ты умертвилъ своего друга!»

На другой день, во время сіесты, паспухъ напрасно спучался въ дверь хижины; онъ принужденъ былъ выломить её, и съ ужасомъ нашель два трупа: одинъ на сполѣ, а другой въ камнѣ; нѣсколько словъ, написанныхъ карандашемъ, головни, залипыя кровью, кинжалъ, чѣпки, орѣховый ларчикъ съ начальными буквами названія ближняго монастыря, и двухъ муловъ, кои давно уже били копытами оупъ неперпѣнія, что ихъ не выпускають на паспбище.

Пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПИЩА ДУШИ.

Лишь, съ упромъ, звѣздъ сокрылись рапи,
Я, подъ шапромъ изъ вспльхъ ивъ,
Молитву крошкую свершивъ,
Начерпалъ въ душу благодаши.
О шумный градъ! не опнимай,
Что мнѣ дало уединенье!
А ты, въ душѣ, благоговѣнье!
Святымъ огнемъ пылай, пылай!

Ө. Глинка.

УТРО НА ЮГѢ.

(1829.)

Прекрасно упро молодое,
Когда съ разсвѣтомъ первымъ дня
Встаетъ свѣшило золошое
Огнемъ и пурпуромъ горя.
Какая роскошь и опрада
Въ пѣни дубравъ, въ пиши садовъ,
Для обонянія и взгляда
Оупъ благовоія цвѣшовъ!
Туманы, спавшіе въ долинахъ,
Свиллись, разсѣялись вдутъ,

И на поляхъ и на равнинахъ
Прохладной нѣгой вѣетъ югъ.

Такъ дѣва-прелестъ, молодая,
Прекрасная, какъ упро дня,
Роскошный одръ свой покидая
Улыбкой радуешь меня.

Л. Якубовичъ.

УМИРАЮЩАЯ.

(Подражаніе Маттисону.)

Хвала! послѣдняя слеза
Съ ланипы спрадалицы скапилась!
Закрылись длинными рѣсницами глаза,
Душа святая окрылилась —
Въ сребристомъ облакѣ паринъ въ подзвѣздный
храмъ,

Какъ оупъ земли чиспѣйшій еиміамъ.

*

Подлунный мѣръ шемнѣетъ въ облакахъ,
Вдали Эдема дверь сіяетъ...
И Ангель, съ радостной улыбкой на усахъ,
Къ парящей длани просшираетъ.
Преображенья часъ настпалъ,
И облачный покровъ съ спрадалицы низпалъ.

*

Чей раздаётся пихій кликъ?
Пѣвцы Небесные незрими!
«Сестра, гряди!» — И въ свѣшлый ликъ
Пріемлюпъ душу Херувимы.
Блаженная! Она паринъ въ надзвѣздный храмъ,
Какъ оупъ земли чиспѣйшій еиміамъ.

П. Ободовскій.

С H A R A D E.

Mon premier t'offre une conjonction,
Qui promet tout, mais sauf condition.
Mon second, élevant sa tête menaçante
Sur le noir abîme des flots,
Répand l'alarme et l'épouvante
Parmi les hardis matelots.
Mon tout, naissant au désert d'Arabie,
Sous son souffle empesté fait gémir l'Italie.

Въ No 77, помѣщенная шарада значить: *Пара-солъ.*

M O D E S.

Une des plus importantes parties de la toilette d'une femme, est certainement tout ce qui a rapport à sa toilette proprement dit.

Il dépend du goût de choisir un chapeau de telle ou telle couleur, de porter une ou plusieurs plumes; mais il est des secrets d'élégance, des recherches de soin qui n'appartiennent qu'à la femme vraiment élégante.

Nous allons jeter un coup d'œil d'ensemble sur tout ce qui entoure une femme du monde dans son intérieur particulier; détailler les pâtes, les essences dont elle fait choix pour son usage habituel; révéler quelques secrets dont elle fait mystère, bien que toutes les approuvent en général.

Les savons en pâte, ou plutôt en *exème*, sont onctueux et adoucissans, à la rose ou aux amandes. Le savon d'huile de palmier, avec les mêmes qualités, est aromatique et d'une odeur agréable; à la vanille, à l'ambre, ils laissent long-temps le parfum à la peau, mais ceux à l'amande sont préférés à tous.

La pâte d'amande en poudre est remplacée par la farine d'aveline. On a reconnu qu'elle séchait moins la peau que la première.

La pâte liquide préparée au miel est indispensable pour conserver à la peau sa souplesse et son tissu uni; on s'en sert après avoir fait usage du savon.

L'huile d'amandes douce et l'huile de noisettes, dilatent les fibres extérieures et préviennent leur extension trop brusque; on l'emploie en se frottant de quelques gouttes versées dans le creux de la main.

Le son d'amandes amères sert à blanchir l'eau d'un bain; on le répand dans la baignoire comme on fait du son ordinaire.

L'eau de lavande ambrée, et le vinaigre à toutes sortes d'odeurs, ne doivent être versés qu'à la dose de quelques gouttes dans une grande quantité d'eau, pour les toilettes.

Il n'y a rien qui laisse un parfum plus suave et plus frais que l'eau de roses blanches distillées à la vapeur. Cette eau peut être mêlée assez abondamment à l'eau qui sert à laver le visage, et conserve une légère odeur d'essence qui n'a rien de trop sensible.

M O Д Ы.

Одна изъ важнѣйшихъ опраслей дамскаго туалета есть, конечно все, что относится къ собственно называемому *туалету*.

Опъ вкуса зависить выбрать шляпку такого или такого цвѣта, носить одно или много перьевъ; но есть тайны щегольства, изысканная тщательность, которыя принадлежатъ только истинно щеголеватой дамѣ.

Мы бросимъ общій взглядъ на все, что окружаетъ свѣтскую даму въ еѣ особенной домашней жизни; опишемъ помады, эссенціи, служащія ей для всегдашняго употребленія; откроемъ нѣкоторыя скрываемыя ею тайны, хотя всѣ вообще ихъ одобряютъ.

Мыло, сдѣланное пѣспомъ, или наподобіе сливокъ, розовое или миндальное, весьма смягчитъ кожу. Мыло съ пальмовымъ масломъ, съ тѣми же свойствами, душисто и имѣетъ пріятный запахъ; съ ванилью или амврою, запахъ долго оспаются въ кожѣ; но миндальное всѣмъ предпочитается.

Миндальное пѣспо въ порошокъ замѣнено ореховою мукою. Теперь доказано, что она менѣе перваго сушитъ кожу.

Жидкое пѣспо, приготовленное съ медомъ, чтобы сохранить кожу мягкою и гладкою; его употребляютъ послѣ умыванья мыломъ.

Масло изъ сладкаго миндаля и ореховое распускаетъ наружныя фибры и предостерегаетъ отъ внезапнаго ихъ разширенія; его втираютъ, наливъ нѣсколько капель на ладонь.

Отруби горькаго миндаля употребляютъ для бѣленія воды въ ваннѣ; ихъ кладутъ какъ обыкновенныя отруби.

L'eau de lavande ambrée и уксусъ съ разными благовоніями, кладется по нѣскольку капель въ большое количество воды, для туалета.

Ничто не оставляетъ никакого пріятнаго и свѣжаго запаха, какъ вода изъ бѣлыхъ розъ, выгнанная парами. Этой воды можно подмѣшивать довольно много въ воду для умыванія лица; она сохраняетъ легкой запахъ эссенцій, не слишкомъ чувствительный.

При семъ номерѣ прилагается *Оглавленіе седьмой или третьей части 1832 года Литер. Прибавленій къ Русск. Инвалиду*.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СЕДЬМОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ТРЕТЬЕЙ

И А

1852 годъ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Поилтія Турокъ о Европейскихъ Государствахъ. стрн. 417.	
О предисловіи къ стихотвореніямъ Виктора Гесп- лкова	425.
Законъ о взлѣтѣ подѣ спражу, въ Англіи	433.
Улика; соч. <i>Шеввердинскаго</i>	441.
Пуля въ лобъ, всему конецъ	441 и 450.
Поправка ничего незначащей опечатки; соч. <i>Шеввердинскаго</i>	449.
Предостерегательное извѣстіе; соч. <i>Шеввердинскаго</i> .	457.
Персидскія пословицы, поговорки, правила, мысли, сужденія.	457, 466, 474 и 481.
Веселое слово; соч. <i>Н. Карлгофа</i>	474.
Племничекъ и дядюшка; соч. <i>Н. Карлгофа</i>	481.
Панегирикъ посу; соч. <i>Н. Карлгофа</i>	489.
Уши жены моей	490.
Исторія моей женитьбы; соч. <i>Н. Карлгофа</i>	497.
Старинныя извѣстия любовниковъ	498.
Образчики новаго издѣлія съ не вещественной фаб- рики Г. <i>Полеваго</i>	505.
Кабинетъ рѣдкостей, или сокровища Россійской словесности; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	513.
Объ альманахъ: Улыбка весны, изданномъ <i>Ив.</i> <i>Глухаревымъ</i> ; соч. <i>Шеввердинскаго</i>	517.
Переписка, по Русски: корреспонденція; соч. <i>Влад. Луганскаго</i>	521.
Вопросъ на вопросъ; соч. <i>Шеввердинскаго</i>	529.
Неудачный выборъ; соч. <i>Н. Карлгофа</i>	—
Г. Полевой—шворецъ эпопей; соч. <i>Шеввердинскаго</i> .	557.
Аллегорія; соч. <i>Н. Карлгофа</i>	—
Дѣвица, барышня, красная-дѣвица; соч. <i>Ник.</i> <i>Карлгофа</i>	538.
Объ историческомъ романѣ Г. <i>Свинина</i> , подѣ заглавіемъ: <i>Шемкинъ судъ</i> ; соч. <i>Э.</i>	545.

О новомъ историческомъ романѣ <i>А. А. Орлова</i> : Бѣгство Петра Ивановича Выжигина въ Польшу; соч. <i>Шеввердинскаго</i>	стрн. 546.
О свойствахъ Русскихъ журналовъ сжимаются и расплываются; соч. <i>Шеввердинскаго</i>	553.
О великолѣпномъ предначертаніи издавателя альма- наха <i>Цесей</i> ; соч. <i>Шеввердинскаго</i>	—
Кое-что	554, 571, 580, 586 и 620.
Оригиналъ	561.
Который вамъ годъ?—соч. <i>Н. Карлгофа</i>	562.
Объ испорико-описательной повѣсти XIX сто- лѣтія: <i>Графиня Рославлева, или супруга-ге- роиня</i> , отличившаяся въ знаменитую войну 1812 года, и о повѣсти въ стихахъ: <i>Ново- брагнъе</i> ;— <i>Шеввердинскаго</i>	569.
Проклятіе; опрывокъ изъ повѣсти; соч. <i>Влад.</i> <i>Луганскаго</i>	577.
Особеннаго рода почтеніе; соч. <i>Н. Карлгофа</i>	580.
Два бѣлыя розы	585.
Свѣтъ, каковъ онъ есть; пер. <i>Ил. Глыбова</i>	593.
Зеленый дворянинъ	601, 609 и 617.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Счастливая встрѣча	418, 426 и 435.
Гейгартъ и Сіена	445.
Зеркало; пер. <i>М. Михайлова</i>	453.
Посидинокъ на льду	459.
Два города Лоди; пер. <i>В. Тило</i>	466, 475, 483 и 491.
На право уама карша, или на лѣво? пер. <i>В.</i> <i>Соколова</i>	499.
Сынъ Драйдена; пер. <i>Ипп. Глыбова</i>	510.
Завѣщаніе Мавра; пер. <i>В. Соколова</i>	532, 538 и 547.
Розморъ, или ревность къ другу; пер. <i>П. Миллера</i> . 555 и 562.	
Герцогъ Альба въ замкѣ Рудольфштадтѣ	557.
Бѣглець; пер. <i>В. Соколова</i>	565.
Побѣтъ; пер. <i>Ф. Дьякова</i>	571.

Встрѣча; пер. <i>Иль Гальбова</i>	стрн. 581.
Похожденіе моего дѣда, или храбрый драгунъ; пер. <i>В. Тило</i>	586.
Нѣчто объ Италіи;	613.
Кинжалъ Капуцины; пер. <i>В. Соколова</i>	621.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Благодатный мигъ; соч. <i>Θ. Глинки</i>	422.
Просвѣтъ; соч. <i>Н. Баталіна</i>	423.
Развлеченія замка въ Балаклавѣ (17-й Крымскій сонетъ Мицкевича); пер. <i>Юрія Познанскаго</i>	—
Лисца, (<i>басня</i>); соч. <i>М. Демидова</i>	—
Равнодушіе; соч. <i>Θ. Глинки</i>	430.
Пѣсни; соч. <i>Тригуннаго</i>	—
Море; соч. <i>Л. Якубовича</i>	431.
Ю. Н. П--ому, соч. <i>А. Гвоздева</i>	—
Баринъ въ помѣстьѣ; соч. <i>Θ. Слѣпужкина</i>	438.
Плаваніе на кораблѣ: Императрица Марія; соч. <i>В. Долмونتвича</i>	446.
Князю Голыцину; соч. <i>В. Долмونتвича</i>	455.
Мука; пер. <i>И. Покровскаго</i>	—
Дамъ, подарившей мнѣ шворенія Жанъ-Жака Руссо; соч. <i>В. Долмونتвича</i>	462.
Отрывокъ изъ поэмы: Деревня; соч. <i>Тригуннаго</i>	463.
Тоска по миломъ; соч. <i>В. Долмونتвича</i>	471.
Сокрушенный корабль; пер. <i>И. Покровскаго</i>	472.
Эпиграмма; соч. <i>П. Сілюва</i>	—
Воспоргъ души моей; соч. <i>В. Д.</i>	479.
Мщеніе; пер. <i>И. Покровскаго</i>	—
Двѣ пѣсни; соч. <i>А. Хомякова</i>	—
На концертъ А. П. Лебедевой; соч. <i>В. Долмونتвича</i>	487.
Трудное изображеніе; соч. <i>И. Петрова</i>	488.
Воспоминаніе (Борису Михайловичу Фѣдорову); соч. <i>В. Долмونتвича</i>	494.
Попугай и соловей <i>басня</i> ; соч. <i>М. Демидова</i>	495.
Гаданіе Тунгусовъ, (сѣверная сцена; соч. <i>И. Петрова</i> <i>М. А. Бр..пову</i> ; соч. <i>П. Сілюва</i>	503.
Любезные покойники; пер. <i>И. Покровскаго</i>	511.
Возрожденіе; соч. <i>П. Чижова</i>	—
Къ картинѣ: La Réflexion; соч. <i>В. Каргофа</i>	519.
Упованіе; соч. <i>М. Демидова</i>	520.
Экспромптъ; соч. <i>В. Д.</i>	—
Къ гранитному столпу, воздвигаемому во славу Александра I; соч. <i>Θ. Глинки</i>	527.
Лисца - Смотритель (<i>басня</i>); соч. крестьянина <i>Суханова</i>	528.
Предчувствіе; соч. <i>Подолинскаго</i>	535.
Мигъ блаженства; соч. <i>М. Демидова</i>	—

Въ альбомъ Н. П. Ч--ой; соч. <i>А. Г.</i>	стрн. 536.
Однина; соч. <i>Платона Волкова</i>	542.
Гадальщикъ; соч. <i>Θ. Глинки</i>	551.
Романсъ; соч. <i>В. Тр--ова</i>	—
Тѣни друга; соч. Барона <i>Розена</i>	559.
Она; соч. <i>Платона Волкова</i>	—
Къ портрету И. И. Дмиррисва; соч. <i>Карамзина</i>	567.
Къ Н. Н.	575.
Могущество красоты; соч. <i>И. Петрова</i>	—
Къ Н. Н.; соч. <i>Каргофа</i>	583.
Къ Софіи N.; соч. <i>В.</i>	—
Первый свѣтъ; соч. <i>Θ. Глинки</i>	591.
Равнодушіе; соч. <i>И. Пальмина</i>	—
Подавленная горестъ; пер. <i>И. Покровскаго</i>	—
На смерть Б; соч. <i>А. Гальбова</i>	599.
Лошадь и собака <i>басня</i> ; соч. <i>Л. Якубовича</i>	—
Къ друзьямъ; соч. <i>Каргофа</i>	604.
Она мила; соч. <i>Я. Драгоманова</i>	605.
Посланіе къ А. И. Т--ву; соч. <i>Батюшкова</i>	615.
Лица души; соч. <i>Θ. Глинки</i>	623.
Утро на Югѣ (1829); соч. <i>Л. Якубовича</i>	—
Умирающая (подражаніе Машинсону); соч. <i>П.</i> <i>Ободовскаго</i>	—

IV.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Пѣснь о колоколѣ; соч. Шиллера; пер. А. П. Глинкиной; соч. <i>Фонъ-деръ-Божа</i>	605.
---	------

V.

СМѢСЬ.

Печаталась въ нѣкоторыхъ нумерахъ.

VI.

ШАРАДЫ, ОМОНИМЫ, АНАГРАММЫ, ЛОГОГРИФЫ, ЗАГАДКИ.

Русскія. — *Шарады*: 1) Вы-л; 2) Из-май-лювъ; 3) Хер-сопъ; 4) О-ни-симъ; 5) Пере-тень; 6) Суд-по; 7) Л-ракъ; 8) Па-ра-соль. *Омонимы*: 9) Труба; 10) Бабка; 11) Икра. *Анаграммы*: 12) Сопъ и носъ; 13) Гора и рога.

Французскія. — *Шарады*: 1) Théâtre; 2) Ver-glas; 3) Cor-sage; 4) Porte-feuille; 5) Chou-croûte; 6) Si-roc. *Логогрифы*: 7) Rennes; 8) Coeur; 9) Bombarde; 10) Foie; 11) Voeuf. *Загадки*: 12) Mousse; 13) Pépin.

VII.

МОДЫ.

Спашьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Пестербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ и выдано 9 искусно-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ.